

СМЕНА

2002

Иосиф Гольман **Снайпер**
Иван Майгун **Семейные драмы**

Признание и доверие сделали масло ЛУКОЙЛ
народной маркой

Теперь в новой упаковке

ЛУКОЙЛ Стандарт

ЛУКОЙЛ Супер

ЛУКОЙЛ Люкс

ЛУКОЙЛ Синтетик

ЛУКОЙЛ Авангард

По вопросам приобретения фасованных масел "ЛУКОЙЛ" обращаться
по многоканальному телефону: (095) 973-7063 www.lukoil-masla.ru

ЛУКОЙЛ
ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилев

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Даниюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

**редактор отдела
литературы и искусства**

Шамара Чинина

6 2002
июнь (1652)

Сдано в набор 22.04.2002.
Подписано к печати 17.05.2002.
Печать офсетная.
Заказ № 1421
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается

студией веб-дизайна "Крон"

www.cron.ru [http://studio.cron.ru]

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ООО ОИД "Медиа-Пресса"

по адресу: ул. Правды, 24.

Москва, А-40, ГСП-3, 129993.

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2002.

ПРОЗА

32 *Владимир Богоárov*
СКЛЕП
Рассказ

130 *Иосиф Гольман*
СНАЙПЕР
Криминальный роман

ВРЕМЯ И МЫ

4 *Дильбар Кладо*
ЗАЧЕМ ГУСЮ БАНЯ?

18 *Борис Сопельняк*
**РАССТРЕЛ ГРИГОРИЯ
МЕЛЕХОВА**

46 *Анатолій Королев*
ЦЕПЬ

84 *Иван Майгун*
СЕМЕЙНЫЕ ДРАМЫ

94 *Валерий Шаров*
ДРУГОЕ НЕБО

252 *Галина Калинина*
**"ЧТО ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ
О ЖИЗНИ?"**

260 *Светлана
Бестужева-Лада*
**ЧУХОНКА
И ПЛЕЙБОЙ**

ноябрь 2002

В НОМЕРЕ:

стр. 116 ▲

стр. 102 ▼

60 *Юрий Анюхин*
**ЖИВЕТ ОН
В СОЗВЕЗДИИ ЦЕФЕЙ**

68 *Любовь Русева*
**ТАИНА
РОПШИНСКОЙ
ТРАГЕДИИ**

102 *Владимир
Соколовский*
ОЛЬГА РОЗАНОВА

116 *Вилли Шокарев:*
**"Я ПОМОГАЮ ВСЕМ
СВОИМ ЖЕНАМ
И ДЕТЯМ"**

124 *Олег Осетинский*
**ЕЖЕДНЕВНЫЕ
ЧУДЕСА АЛЕНА**

266 *Ксения Чебышева*
**ТАНЦЫ МИНУС —
ПЕСНИ ПЛЮС**

29 *Анна Федимин*

Гьер Маньян
ДОМ УБИЙСТВ

... Осенью 1896 года на постоялом дворе в Верхнем Провансе разыгралась страшная трагедия — убита семья владельцев усадьбы. В живых остался лишь трехнедельный их сын Серафен. Проходит двадцать с лишним лет, и Серафен, выросший в сиротском приюте, чудом уцелевший в пекле мировой войны, возвращается в родной городок. Узнав о том, как погибла его семья, он полон жажды мести. Не зная ему покоя, пока не будут наказаны виновники трагических событий прошлого...

Галина Калинина
**О ЧЕМ МОЛЧАТ
НАШИ РУКИ?**

Можно ли по отпечаткам пальцев определить уровень интеллекта или наследственные заболевания? Чем отличаются узоры на пальцах у представителей разных народов и почему у обезьяны они сложнее, чем у человека? На эти и другие вопросы в беседе с нашим корреспондентом отвечает нейрофизиолог, кандидат медицинских наук Николай Богданов.

На 1-ой обложке:
фотохуд ФОТОВАНН.

Дильбар КЛАДО

зачем гусю баня?

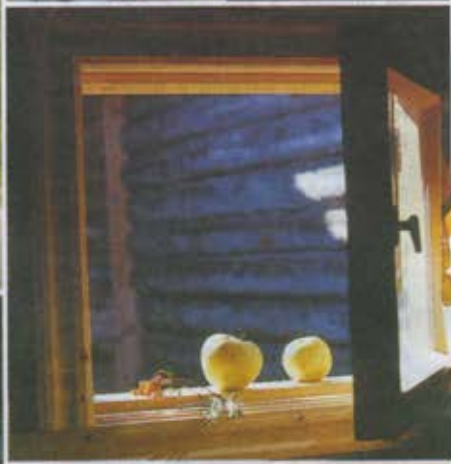
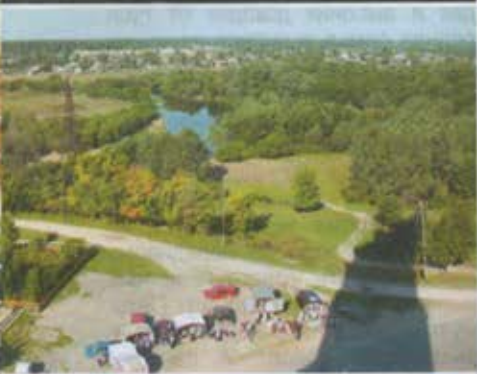

фото Владимира Чейкина

то вовсе не праздный вопрос, как сможет убедиться всякий, кто дочитает этот очерк до конца.

Я задавала себе его всякий раз, как только переезжала через мост на высокий берег ласковой речушки, которой до вожделенной Оки пробежать — всего ничего. А вот остановиться и пройтись по берегу до самой этой бани доставало времени, потому что ездила я здесь в основном в базарные дни, а базары...

Здесь надо пояснить, что дорога, пересекающая речушку, ведет прямо в город Насимов, который славится своими базарами не только в Рязанской области. Сюда по четвергам (по мусульманской традиции) и воскресеньям (по православной) едут вереницы машин из Владимирской, Нижегородской, Московской областей. Базары здесь замечательные, с размахом, занимают чуть ли не полгорода, но вот начинаются... в 5 утра, а к 12-ти там уже убирают мусор. Так что понятно, почему по пути туда не останавливаемся мы у бани. А обратно, уже с покупками, спешим домой. И в который раз вздохнешь: вот если бы там была не баня, а какой-нибудь недорогой ресторанчик, можно было бы после базарной сутолоки отдохнуть и пообедать, и полюбоваться на рядки белоснежных гусей, гордо выхаживающих по обоим берегам, а то и вовсе караваном плывущих по темной воде. По осанке видно, они чувствуют себя хозяевами этих мест.

Дело в том, что гусь, хоть и домашняя птица, но полгода от своих хозяев никак не завися-

щая. Ранней весной с веселым гоголом вылетают они из темных дощатых сараев, спускаются к рене и живут там вольницей до самых холодов. Удивительно, что при столь малых расходах и уходах и высоких доходах от гуся редная семья в окрест лежащих деревнях заводит в своем хозяйстве эту замечательную птицу. Лишь изредка хозяева наведываются к своему стаду, посмотреть, как гуси жир нагуливают, да пересчитать. Пересчет гусей в нынешнее время зачастую огорчителен. Ленивому да нерадивому легче поймать чужого гуся, чем вырастить свою картошку. Потому-то гусиное племя здесь с каждым годом редет. А раньше, вспоминают старожилы, ни берега, ни воды за ними видно не было.

Впрочем, гусь, хоть птица для этих мест и знаковая, уделенного ей внимания, пожалуй, пока достаточно. К вопросу же о бане мы еще вернемся.

Дворянство на крови

Этот рабочий поселок возник на месте старинного села Вернуц. Здесь, на северной границе Владимирской и Рязанской губерний, в 20 километрах от города Насимова в 1758 году известные российские заводчики Баташевы, главные конкуренты Демидовых на российском рынке, начали строить доменный и передельный заводы. Место было удобным — рядом залежи руды с большим содержанием чугуна, кругом лес, необходимый для железодельного производства, поблизости полноводная Ока. Оноло самого завода возвели плотину из

белого тесаного камня в полкилометра длиной. Наполнился водой низкий берег местной неглубокой речушки, и разлилось озеро на 40 километров в округности.

Слышала я от местных краеведов, что под баташевскими заводами находятся подземелья, где по приказу злобного хозяина пытали и убивали непокорных. А непокорство это могло состоять лишь в отказе отдать свою жену во временное пользование. Однажды (а оказалось навсегда) спустил он в потаенные ходы 250 человек то ли фальшивые монеты чеканить, то ли наказание отбывать. А чтобы никто не узнал правды, велел засыпать ходы.

При Екатерине II удалось Баташевым после двадцатилетних интриг "восстановить" дворянство. Наверное, двигало ими честолюбие, но главное — дворянство сулило льготы и привилегии: право эксплуатировать крепостной труд и владеть землей, право на освобождение от уплаты подушного налога. "Новые дворяне" Баташевы (впрочем, не одни они) выстроили себе трехэтажный дом-дворец с трехрядной оранжереей, субтропические плоды из которой так кстати оказывались на московских столах. Многими заводами в России владели Баташевы, только в Касимовском районе их было несколько, но родовое гнездо свили здесь.

После Октябрьской революции железодельательное предприятие стало терять свое значение. В одном его здании теперь детский санаторий, в другом — Дом культуры. Дожил до наших дней лишь завод сельскохозяйственного оборудования. Остальные

постройки обвалились. Но после августовской революции 91-го года и этот завод впал в кому. Его будущее туманно, как и прошлое семьи Баташевых.

Отец-лес

На самом деле основой жизни в здешних краях, всегдашним кормильцем был и остается Лес. Именно так, с большой буквы присутствует здешний Лес в романе Анатолия Кима. Много раз приезжал известный писатель к местному егерю Ивану Кондрашову. Дружба "переросла" в роман "Отец-Лес", где реальная история семьи Кондрашовых переплелась с причудливыми фантазиями автора. Роман этот философский, мистический, только так, наверное, и можно по-настоящему чувствовать и понимать ЛЕС.

Когда-то именно Ким привез меня в эти места. На старой "Ниве" егеря мы объехали все местные достопримечательности, познакомились со множеством интересных людей. Некоторые из них стали героями моих очерков в телепрограмме "Сельский час".

Замечательный Лес и стал главным аргументом при покупке мной затем деревенского дома аж за 300 километров от Москвы. Мой знакомый ботаник профессор Николай Тихомиров прокомментировал это так: "Вы купили дом на пороге рая". Мещера называется этот лесной рай, который является "легкими" самой Москвы.

Этой зимой Кондрашов возил меня в свой охотничий домин. Ярким морозным днем ехали мы по непроезжей для обычной легковушки лесной дороге. Проехали

дубраву, затем бор, осинник, затем смешанный лес, и вдруг полыхнул белым светом березняк, да так, что я зажмурилась. Иван Иванович строго проронил: "Леса такого богатого нигде больше нет, грибов столько нигде больше нет, ягод и орехов таких нигде больше нет. И красоты такой нигде больше нет".

Словно в подтверждение его слов приземлился прямо перед нами огромный глухарь, дал себя как следует рассмотреть и сфотографировать, а затем не спеша удалился в чащу. Раньше мне приходилось видеть здесь огромных зайцев, лису, а в виде трофеев кабана, волка и рысь.

Но кормит лес здешнее население не только охотой и грибами-ягодами. Главный хлеб — древесина.

В позапрошлом году по другую сторону райцентра Касимова прошел ураган. Страшная беда: повалил столбы элентропередачи, посносил крыши домов, но самый большой ущерб нанес лесу. Сорос пять тысяч гектаров сосняка за минуты превратились в бурелом. И два года спустя смотреть на это кладбище деревьев тяжело. Огромные поверженные исполины замечательного строевого леса уже охвачены тленом. Убытки — в районном масштабе — колоссальные. Повезло, что прошлым летом не было пожаров, это редкость для нашего района. Если полыхнет, все деревни окрест слизнет, как не бывало.

Здесь вся жизнь, все производства, так или иначе, связаны с лесом. Вот Бельковский пищекомбинат. На входе — грибы да ягоды. На выходе — нарядные баночки с цветными бумажными па-

намками — лисички маринованные, грузди соленые, клюква с сахаром. Конечно, с одной лесной продукцией не выживешь. Когда я заглянула в консервный цех, на конвейере "шли" банки с борщом. Я не пробовала, но говорят — нарасхват. Для меня же по моей просьбе открыли баночки с "Перцем сладким" и "Салатом Белоцерковским". Выбор определил случай. Зашел при мне в бухгалтерию мужчина из местных и попросил отпустить по упаковке того и другого. Я, естественно, заинтересовалась, почему покупает так много. "Все у нас на огороде растет. Но у моей жены эти заготовки хуже получаются".

В существовании здесь пищекомбината я вижу, как иногда говорят, "два хороша". Во-первых, около него кормятся люди. Существует целая сеть агентов по закупке грибов, ягод, овощей и фруктов у населения. Я знакома, например, с водителем пожарной машины, который без сдачи грибов не дотянул бы до пенсии. Другой мой знакомый специально расширил парники для огурцов. Оказалось, выгодно выращивать для комбината. Во-вторых, готовая продукция, купленная на самом комбинате, на треть дешевле. Так что потребитель тоже выгадывает.

Работа для безработных

На учете в районной службе занятости из поселка состоят 13 безработных. Но основная тема всех жалобных разговоров — нет работы. "Нет работы" — здесь означает, что нет достаточного количества рабочих мест, где бы 1) хорошо платили, 2) шел бы офи-

циальный станк, 3) можно было бы не слишком напрягаться. В государственных структурах не хватает первого. В частных — третьего. А второго нет "на шабашке". Каждый выбирает по собственному усмотрению. Иные не в силах выбрать из трех вариантов и привычно уснаиваются в позиции "на троих".

Зачастую те, кто помоложе и посмелее, уезжают в Рязань и Москву поискать счастья на торговых рынках. А тем, кто обзавелся семьей, приходится "крутиться" здесь, то есть возле леса. Получают по льготной цене как местные жители делянки леса, вывозят и продают "дачникам". Либо перерабатывают и продают пиломатериалы. Либо из этих пиломатериалов делают плитуса, наличники, штапики на продажу. Но самый распространенный "бизнес" — сбиваются в бригады по 3-5 человек и нанимаются строить дома. Стройка вокруг идет большая, и, что удивительно, строятся и местные. И не только начальство и торговые работники.

Поселок этот только с виду деревня, а войдешь в дом — там и ванная, и печка обложена кафелем, обои на стенах и линолеум на полу. Именно так представляют здесь себе городской комфорт, на который традиционно равняются. Женщины одеты современно, бегают на высоких каблуках по немощеным улицам, как журавлики. Одеваться хорошо — тоже местная традиция. Только для этого порой и выращивают бычнов и поросят.

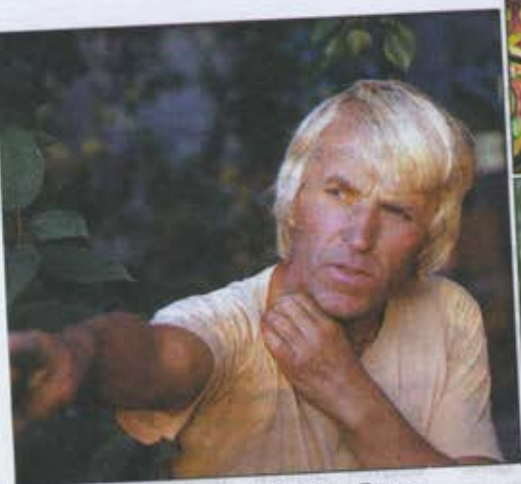
Но в личных хозяйствах ныне не только скотина и огороды. Здесь можно нанять теперь част-

ника с самосвалом, трактором, бульдозером и даже — подъемным краном. Владелец транспортного средства привезет вам что закажете, одновременно выступив в роли снабженца. Ему и в голову не приходит, что он тем самым способствует развитию "теневого" бизнеса. Он выживает сам и помогает выживать другим. И он — уважаемый человек. И при чем тут налоги?

В поселке зреет конфликт интересов. С одной стороны — работники предприятий. Они уже понимают, что их трудом оплачиваются дороги, больница, детские сады, школа, библиотека. Опосредованно, конечно. С другой — частники, они зарабатывают значительно больше. Их семьи и живут побогаче, и пользуются всеми услугами бюджетной сферы вроде бы за чужой счет. Одни косятся, другие ухмыляются. А те, кто должен бы приводить все винтики механизма нашей жизни в соответствие, безмолвствуют. Ситуация смягчается тем, что "бюджетники" и другие малооплачиваемые работники тоже стараются подработать, где удастся. Я знаю учительницу, которая работает на трех работах, заместителя директора школы, который "шабашит" в плотничьей бригаде, работницу культуры, по совместительству хлопочущую прорабом на стройке частного дома, тракториста, который тайком на тракторе предприятия развозит по домам дрова. Не говоря уже о грибах и ягодах, собираемых на продажу.

Лесоград

Основные налоги в бюджет идут с Бельковского лесокомби-

ната, самого большого в Рязанской области. Для поселка с населением около трех тысяч человек это предприятие является как бы "градобразующим". Здесь рубят срубы (любой сложности и по ласковой цене), превращают круглый лес в пиломатериал от необрезного до еврагонки, изготавливают двери и окна, дубовые бочки.

В начале производственной цепочки комбината — живой лес, делянки. Хозяина здешнего леса, директор лесхоза — Лидия Винторовна Бирюнова. Директор лесхоза — это как последний бастион лесного хозяйства, дрогнет он, и все посыплется. Не один ураган пронесся за годы перестройки над лесной слубой, но самый разрушительный — последний, когда ликвидировали Федеральную слубу леса, и в области, по закону расходящихся кругов, стало тоже некому им заниматься. Никого не интересует, как он вырастивается, как восстанавливается и охраняется. Все озабочены только добычей. В Рязанском комитете по природным ресурсам

нет даже управления лесами. Остался один отдел. Хотя формально лес — основной природный ресурс области.

Бельновский лесхоз — единственное лесосеменное хозяйство в регионе с большой уникальной плантацией лучших деревьев, своеобразным детским садином

леса. Здесь культивируют, сохраняют, улучшают, одним словом, занимаются селекцией. Гордятся

тем, что вырастили элитную сосну. Это значит, что теперь ее семена и семена ее деток тоже обладают всеми признаками ее самой, независимо ни от погодных условий, ни от опыления.

— Для детей и внуков нам предстоит сделать еще одно серьезное дело. Но это уже всем миром, — делится со мной Лидия Викторовна. — Есть у нас в поселке неплохой парк, когда-то знаменитый. Вот мы и хотим расширить его, реконструировать, создать на его основе дендрарий. Орловские ученые уже сделали проект. Там будет 110 разновидностей деревьев и кустарников. Среди них такие, какие в наших краях никто не видывал. Начать нужно с ограды, иначе будут вынапывать, попросту воровать.

В мире растений

— Я больше другого боюсь, — сказал мне Борис Васильевич

Морозов, озеленитель предприятия коммунального хозяйства. — Норовы, овцы, козы бродят по улицам и съедают насаждения.

Борис Васильевич чувствует себя оскорбленным, ведь всю свою жизнь он сажает, поливает, подкармливает, выводит новые сорта. Он живет в мире растений.

Я познакомилась с ним пятнадцать лет назад. Он почти не изменился с тех пор — персонаж из сказки, пшеничнокудрый, с темной лентой на лбу, дни напролет проводящий в своем дивном саду. Здесь на каждой яблоне — несколько сортов изумительных яблок. Желтая рябина величавой с вишню не вянет рот. Груши и виноград, ароматные и крупные — как будто с юга. Крыжовник и облепиха не царапаются. Но особенно я люблю бывать у Морозова ранней весной: по всей площади его сада под плодами и другими деревьями полыхают первоцветы. Сначала совсем ранние — лесные, затем садовые. Позже до глубокой осени на каждом сантиметре свободной земли цветут цветы. Этот удивительный садовник щедро одаряет знакомых и незнакомых семенами, подвоями, саженцами. При этом даст вам подробные наставления, как сажать, как ухаживать.

На самом деле сад Морозова — это не совсем сад. С таким же успехом его можно назвать и парком — мы брали у него саженцы ели, туи, каштанов, орешника. И это лишь капля из его коллени — всего в ней 18 тысяч разновидностей (!) растений. Земля на высоком скалистом берегу реки трудная, но,

врачуя ее и умащивая, Морозов уже два десятка лет холит и леплет парк-цветник невиданной красоты.

Но главная его страсть — плодовые деревья.

— Я настоящей гибридизацией занимаюсь. Есть у меня груша, которая конкурирует даже с нафедральной. У нее мякоть замечательная, это мой сорт. А наши местные моими сортами не интересуются. Им достаточно того, что у них есть.

Для Морозова будущее более понятный и близкий потребитель его творческих усилий, чем реальные соседи, друзья, знакомые. В настоящем он проживает две параллельные жизни. Одна, главная, посвящена Растениям. Вторая — семья, дети, работа.

В свой отпуск Морозов ездит в Тимирязевскую академию — новые сорта взять на испытания, свои показать-подарить...

Белый камень

Никогда здешняя земля не могла прокормить своих поселенцев.

Не только в этом рабочем поселке, но и в окрестных селах да деревнях урожаев со своих усадеб едва-едва хватало для себя, а о продаже садово-огородной продукции никто и не мечтал. Мужики рубили и сплавляли лес, плотничали здесь же или уходили плотничать в города. На заработанные деньги и покупались мануфактура, сладости и водка.

Но был у этой трудной земли и большой резон. То, что так мешает Морозову, — огромные залежи отличного белого бутового камня. Когда-то из него аккуратно вырубали глыбы и увозили от-

сюда на строительство Москвы белокаменной. Позже варварски кромсали его в погоне за легкой добычей, так что прекрасный строительный материал мог существовать только в виде щебенки. И сейчас под асфальтом многих дорог в районе и за его пределами — щебенка из Насимовского карьера, что за Окой. А камень для строительства гаражей и фундаментов берут прямо здесь все, кому не лень, полагая его таким же бесплатным природным богатством, как грибы и ягоды. Вот только обрабатывать его здесь уже никто не умеет. Если, не дай бог, какой из местных белокаменных храмов придется этим камнем реставрировать, вряд ли в округе найдется такой умелец.

Здесь в моде серый силикатный кирпич, им только что обложили деревянное здание управления коммунального хозяйства, отстроили баню, и даже кое-кто из новых русских возвел себе серенький полудворец. И это при таком богатстве под ногами!

Тесаными плитами местного белого камня облицована Троицкая церковь, что стоит на главной площади. Из моего деревенского дома до поселка по асфальту 17, а по прямой 8 километров. За десять лет никак не могу налюбоваться этим храмом, что виден из моих окошек, как на ладошке. Такая огромная церковь, а скорее собор, могла бы стать украшением любого большого города.

Народ любит петь!

— Мощное, мощное у нас было прошлое, куда все подевалось? — сокрушается директор

Дома культуры Светлана Ивановна Верхоунженская. — Но мы пока держимся. Мы востребованы. Народ любит петь, любит танцевать. У нас три музыкально-хореографических ансамбля. Все — Народные. Куда мы только ни едим! А теперь научились и зарабатывать, выезжаем по заказу на юбилеи фабрик, заводов, пароходов, а то и просто на персональные чествования. В деньгах не купаемся, но самокупаемся. Сейчас готовим большую программу к юбилею: Касимову в нынешнем году исполняется — 850 лет... Во сне я часто вижу свой Дом культуры обновленным. Актовый зал с современным дизайном, в котором не надо двигать стулья, освобождая его для дискотечки. Большая удобная сцена. У каждого коллектива — своя репетиционная комната. Хороший танцкласс. Выставки народного творчества, живописи, фотографии. Всюду цветы, аквариумы, безалкогольный кафе-бар. Полы в коврах — невозможно бросить бумажку или плюнуть. Уличная обувь оставляется в гардеробе. Спортивный зал с инвентарем, который можно давать напрокат. Это даже не Дом культуры, а спортивно-культурный центр, который может обеспечить потребности нашего поселка и близлежащих деревень полностью. Ну не можем мы укрепить государство без развития личности, без культуры, именно такой, массовой. Не получится. Когда только верхи это поймут!

За закрытой дверью идет репетиция музыкального ансамбля. Светлана Ивановна старается перекричать его, чтобы на моем

диктофоне можно было бы потом хоть что-то разобрать. Дом культуры сегодня — это крохотное фойе, зал со сценой и две небольшие смежные комнаты. В дальней — кабинет директора, а ближняя приспособлена для занятий всех кружков, секций и ансамблей по расписанию. Есть еще внизу места общего пользования, разместившиеся в баташевских камерах для пленных. Вот такая экзотика.

Помимо Дома культуры в поселке есть еще три светских духовных центра — Дом детского творчества районного значения и две библиотеки. И, несмотря на то, что детей и молодежи в Гусе становится все меньше, эти центры активно работают. Вот уж истине, народ любит петь, читать и рукодельничать!

Больше, чем мэр

Первый человек в поселке — глава администрации Александр Иванович Крикунов. "Мэр" ходит в черной тройке с галстуком и держится гусаром. Как и все его коллеги в районе, он беспросветно беден. Хоть и власть, а с нуждами идет на поклон к местным предпринимателям. Повезло, что они помогают, чем могут. Только что вместе подарили телевизор и видеоманитофон школе.

Крикунов — поселковый "мэр", а обязанности его выходят далеко за границы поселка. Судите сами. Сколько времени и сил уходит на ремонт больницы, на строительство нового детского корпуса, а ведь пациенты — народ не только местный, но и со всей округи. То же и с Домом культуры — по всему району с концертами ездят. Заметной,

хоть и долгой, стройной является новая автобусная станция. Разве она только для жителей поселка? В школу тоже приходят ребяташки из окрестных деревень. Но это хоть приятные хлопоты. А бывает... Недавно, например, районные дорожники залили центральную площадь свежим асфальтом. Просил Крикунов, подождите немного, нам здесь водопровод тянуть. Но у тех свой график. А каково рачительному хозяину смотреть, как через три дня теплый еще асфальт экскаватором... Эх!

Сельский "мэр" больше, чем "мэр". Крикунов держит под своим личным контролем все неблагополучные семьи поселка. "Детишек жалко, в школу не ходят. Неужели придется родительских прав лишать, — сокрушается он. — Ведь это последнее дело".

Интернет — не роскошь

Перед самым Новым годом привезли в школу четыре новеньких компьютера. Мальчишкам и девчонкам компьютерные игры на стареньких компьютерах уже поднадоели, им окошко в мир охота распахнуть, но, увы, — это все деньги... Да и телефон на всю школу один, займешь линию — никто не сможет позвонить. А педагоги еще обеспокоены другим — выход в Интернет надо контролировать, чтобы не все подряд смотрели, а только полезное. Им спокойнее без Интернета. Пока пользование Интернетом в школьной программе не предусмотрено. Но хорошо бы сами педагоги заглядывали туда за новинками по своим же предметам. Сейчас мало кто выписы-

вает специальные журналы, в библиотеки новинки тоже почти не поступают, так что Интернет вполне мог бы повысить уровень знаний учителей, а значит, и учеников.

Дайте только срок, и здешние выпускники смогут составить серьезную конкуренцию на вступительных экзаменах в университеты и в самой столице. Интернет уравнивает возможности получения знаний в городе и деревне, а остальное — "отсебятина", то есть зависит от самого себя.

Есть у сельских ребяташек одно неоспоримое преимущество перед городскими — до леса, реки или оврага им рукой подать. Повадки леса, нрав бегущей воды и загадки оврага — они дышат этим. А здешняя земля, говорят, еще и магнитная — притягивает сюда людей.

Александр Васильевич и Галина Владимировна Силкины — большие любители природы и самотеятельного туризма — поселились здесь три года назад. В школу Силкин пришел с идеей создать клуб знатоков природы, и на его основе Учебно-просветительский центр экологического туризма и краеведения. Человек он в области известный — открыл в Рязани первый в России муниципальный молодежный клуб туристов, по сию пору является вице-президентом Туристского спортивного союза России. Для начала решили объединить усилия и протоптать экологические тропы к охраняемым природным объектам. Таких в ближайших лесах несколько — озера Синтульское, Светлое и Ендовищи, Карстовые провалы, Ключная яма, Белый лес и, наконец, Страшный

овраг. Он потому страшный, что вода в него по склонам втекает, а куда пропадает — никто до сих пор не дознался. Если удастся эту загадку разрешить, овраг перестанет быть страшным. А в Белом лесу ребята учатся отличать элитные сосны от обыкновенных и уже составили карту маточных деревьев.

Юные экологи собираются взять под свою охрану необычную дубраву, причудливый зеленым островком примостившуюся на берегу реки. К двухсотлетию закладки храма решили привести в порядок старинное кладбище. Мечтают восстановить баташевские плотину и пруд, обойти пешком и пройти на лодках Мещёру по Пре. В общем, дел невпроворот.

К активности ребят и их руководителей еще бы и компьютеры активизировать!

Зачем Гусю баня

Ну и наконец, о бане. Поселок и сама баня стоят на речке Гусь, которая добегаёт сюда на пути в Оку от известного городка Гусь-Хрустальный, что во Владимирской области. Тот городок славится исстари своими хрустальными изделиями. Наш же поселок когда-то славился железными. Много образцов железодельного искусства собрано ныне в касимовском музее. Так что название Гусь-Железный, как уже догадался читатель, возникло по аналогии с Хрустальным Гусем. Однако по иронии судьбы поселок так называли уже после Октябрьской революции, когда железодельное производство здесь пошло на спад. Сейчас его нет и вовсе, а название — Гусь-

Железный — напоминает об истории этих мест.

На берегу извилистой речки, анкурат подле бани, стоим мы с начальником управления коммунального хозяйства Владимиром Васильевичем Нуницыным.

— Не раз мне приходилось наблюдать, как из бани выпархивают мужчины или женщины в том самом виде, что и парятся, сбегают к самой речке, бултыхнутся и бегом назад.

— Мы вырыли запруду, а там родник, так что зимой и летом температура около 4-х градусов. Будем теперь обустривать территорию. Знающие люди говорят, что такого пара, как в нашей бане, и в столице нет. А цена 20 рублей, во много раз дешевле.

— Банных дня всего два в неделю. Разве вы такие богатые, что можете содержать явно убыточную баню? Да и социальной необходимости нет — ведь у каждого здесь своя...

— Без бани никак.

— Не связано ли это с тем, что вовсе не в банные дни я вижу здесь иногда скопления иномарок?

— Да, мы обслуживаем желающих и по спецзаказу. В нашу баню приезжают из Касимова люди не простые — директора предприятий, коммерсанты, районное начальство.

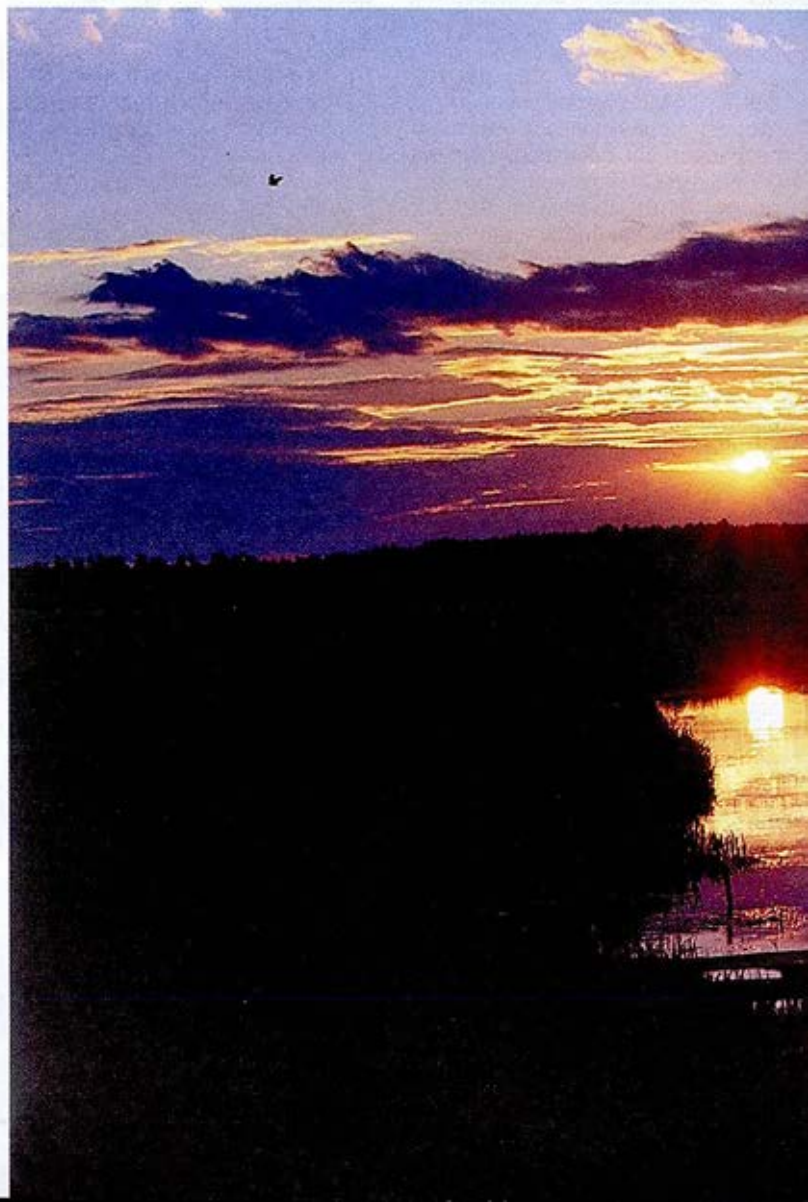
— А самому Гусю-то баня зачем?

— Бывают у нас какие-то трудности, проблемы — нам помогают. Ну, допустим, школу или больницу ремонтируем — нет труб. Обращаемся к нашему клиенту, он нам заимобразно дает трубы.

Так что эта баня нам нужна для нормальной жизни всего поселка.

И представилась мне такая дерзкая картина, что эти "клиенты" в один прекрасный день, попарившись и отдохнув на шелковом берегу под муниципальными гри-

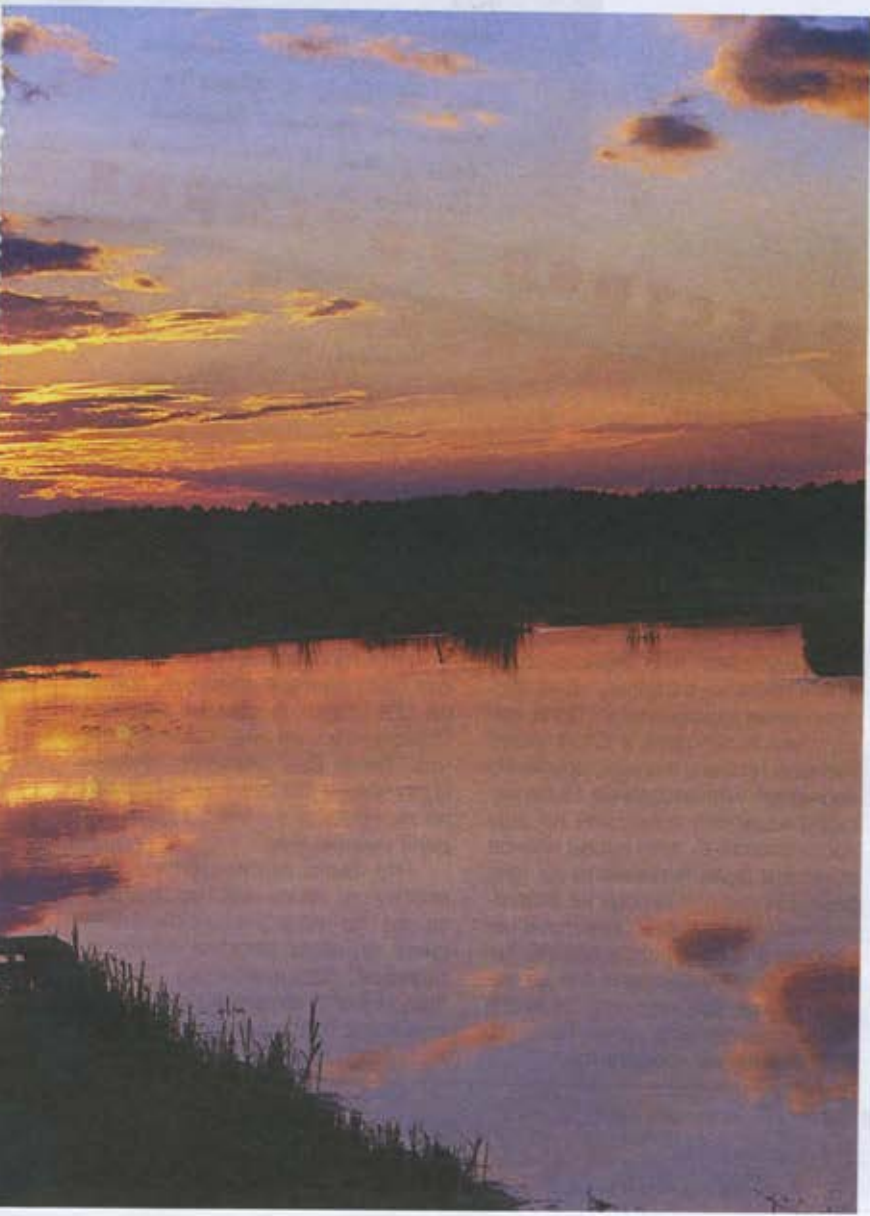
бочнами, вдруг решают: вывести из кризиса завод сельхозоборудования, обеспечив тем самым рабочими местами пятую часть поселка, завезти в больницу современное оборудование или хотя бы построить во всех ее корпусах те-

плые туалеты, помочь шнольникам отремонтировать плотину и восстановить озеро, построить спортивно-культурный центр, возвести забор вокруг будущего дендрария, профинансировать работы по поиску баташевских кладов...

Даже если все эти клады достанутся замечательным клиентам замечательной бани!

Вот тогда не будет заезжая корреспондентка задавать свой ехидный вопрос: "Зачем Гусю баня?" ■

Москва
6/11-26.

Уважаемый тов. Срданос!

Мне необходимо получить от
Вас некоторые дополнительные
сведения, относительно Эпх.
1919г.

Надеюсь что Вы не откажетесь
мне в любезности сообщить
эти сведения, а приедете
лично из Москвы. Полагаю
что у Вас в Мас-инке ф.
Сведения эти касаются

**Расстрел Григория
Мелехова**

... у Вас ука-
заний отлучки?

С прил. Мелехов

Борис СОПЕЛЬНЯК

Свидетелей того бурного заседа-
ния почти не осталось, но их вос-
поминания сохранились. Одни пи-
шут, что в тот день в Столгольме
гремели громы и молнии, другие ут-
верждают, что заседание Нобелев-
ского комитета проходило на ред-
ность спокойно, хотя нервы членов
комитета были напряжены до пре-
дела. Всплывали никому не извест-
ные имена, звучали сомнения в че-
стности и порядочности автора, од-
ни эксперты возносили его до не-
бес, другие уверяли, что он всего
лишь соавтор или, хуже того, са-
мый заурядный компилятор.

Итог голосования решила пози-
ция председателя комитета, донто-
ра Шведской академии Андреса
Эстерлинга: он не сомневался,
что "Тихий Дон" написал Михаил
Шолохов, и Нобелевскую премию
по литературе за 1965 год прису-
дили именно ему.

Что было потом, хорошо из-
вестно: то ли из чувства зависти,
то ли по национально-политиче-
ским мотивам десятки литерату-
роведов бросились на поиски
"подлинного" автора романа. Ному
только не приписывалось авторст-
во "Тихого Дона" — и Федору Крю-

нову, и Ивану Филиппову, и ВенIAMину Попову, и Ивану Родионову, и дане Александру Серафимовичу, который-де пожертвовал своим романом "Борьба", вложив в "Тихий Дон" свои сюжетные линии и заново переписав шолоховскую рукопись.

Травля Шолохова началась еще в 1928 году, сразу же после выхода в журнале "Октябрь" первых глав романа, и продолжалась до последних дней жизни писателя. Справедливости ради надо сказать, что, кроме злобных недругов, у молодого писателя были

и друзья, которые по достоинству оценили роман. Еще тогда, в конце 1920-х, Фадеев, Пильняк, Ставский, Киришон и Серафимович организовали "Суд писательской чести" и, вступившись за Шолохова, дали суровую пролетарскую отповедь "злосчастной обывательской клевете".

А много лет спустя, к сожалению, уже после кончины Михаила Александровича, в защиту его чести выступила группа норвежских ученых во главе с Гером Хьетсо, которая провела на ЭВМ сравнительный анализ произведений

Шолохова и его главного оппонента Крюкова: сравнив 150 тысяч слов в 12 тысячах предложений, они сделали безапелляционный вывод — "применение математической статистики позволяет нам исключить возможность того, что роман написан Крюковым, тогда как авторство Шолохова исключить невозможно".

Назлось бы, надо успокоиться и поставить точку в этой неприлично затянувшейся дискуссии. Так нет же, нашлись "шолоховеды", которые продолжают публикации своих сомнительных исследований, задавая гнуснейшей целью во что бы то ни стало свергнуть с пьедестала покойного классика и доказать, что советский писатель никак не мог написать такой грандиозной эпопеи. Дошло до того, что они стали выдергивать из текста описания пейзажей, названия географических пунктов и даже отдельные слова, сравнивая их с такими же словами у Крюкова или Попова, заходясь при этом от радости, что они порой совпадают.

Ну, что ж, господа ниспровергатели, попробую внести в этот спор свою лепту и я. Пейзажи — пейзажами, разговоры — разговорами, но ведь вам хорошо известно, на чем держится роман: он держится на образе главного героя. А вот его-то Шолохов никак не мог "списать" у кого-то из предполагаемых авторов рукописи, так как он его взял из жизни, той жизни, которую другие авторы знать не могли. Больше того, Шолохов неоднократно с этим человеком встречался, писал ему письма и... не смог защитить, когда его вели на расстрел. Думаю, что именно поэтому "Тихий Дон" не

дописан до конца. А ведь в одном из интервью Михаил Александрович говорил: "Были мысли увеличить роман еще на одну книгу, но я их оставил".

И правильно сделал! Никто бы не позволил закончить роман расстрелом Григория Мелехова, причем не врагами советской власти, а доблестными советскими чекистами. Потому-то так грустно-многобещающе звучат последние строки "Тихого Дона".

"У крутояра лед отошел от берега. Прозрачно-зеленая вода плескалась и обламывала иглистый ледок окраинцев. Григорий бросил в воду винтовку, наган, потом высыпал патроны и тщательно вытер руки о полу шинели.

Ниже хутора он перешел Дон по синему, изъеденному ростепелью льду, крупно зашагал к дому. Еще издали он увидел на спуске к пристани Мишатку и еле удержался, чтобы не побежать к нему... Все ласковые, нежные слова, которые по ночам шептал Григорий, вспоминая там, в дубраве, своих детей, — сейчас вылетели у него из памяти. Опустившись на колени и целуя розовые холодные ручонки сына, он сдавленным голосом твердил только одно слово:

— Сынок... сынок...

Что ж, вот и сбылось то немногое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына...

Это было все, что осталось в его жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром".

Да, то немногое, о чем мечтал Григорий, сбылось. Но жизнь про-

должалась, и надо было иснать в ней свое место.

Краса и гордость казачества

Передо мной письмо, написанное рукой Шолохова и отправленное из Москвы 6 апреля 1926 года.

"Г. Миллерово.

Ст. Вешенская, х. Базни.

Харлампию

Васильевичу Ермакову.

Уважаемый тов. Ерманов!

Мне необходимо получить от Вас некоторые дополнительные сведения относительно эпохи 1919 года.

Надеюсь, что Вы не откажете мне в любезности сообщить эти сведения с проездом моим из Москвы. Полагаю быть у Вас в мае-июне с.г. Сведения эти насаются мелочей восстания В-Донского. Сообщите письменно по адресу — Наргинская, в какое время удобнее будет приехать к Вам? Не намечается ли в этих м-цах у Вас длительной отлучки?

С прив. М. Шолохов".

Почти год Шолохов регулярно навещал Харлампию Ерманова. Эти встречи хорошо помнит дочь Ермакова — Пелагея Харлампиевна, которая поныне живет в Вешках.

— Мне тогда было годков пятнадцать, — рассказывает она, — так что те встречи и в душе сохранились, и в сердце. Собирались они обычно у нашего соседа Федора Харламова. Пить — не пили, а вот курили много. А уж говорили — до первых петухов! Бывало, что и спорили, так люто спорили, что чуть ли не за грудки хватались.

Эти ночные беседы не прошли для Михаила Александровича бесследно. Не случайно несколько позже он напишет: "Все было под рукой — и материалы, и природа. Для Григория Мелехова прототипом действительно послужило реальное лицо. Жил на Дону такой казак... Но подчеркиваю, мною взята только его военная биография: "служивской" период, война германская, война гражданская".

Да что там "служивской" период, внешность — и та списана с Харлампия Ерманова. Вглядитесь в снимок, сделанный тюремным фотографом, и сравните с описанием Григория. "Вислый, коршунный нос, в чуть носых прорезях подсиненные миндалины горячих глаз, острые плиты скул обтянуты коричневой румянеющей кожей".

В 1913 году 22-летним парнем Харлампий был призван на военную службу, а через год попал на русско-германский фронт. Воевал Харлампий храбро и достойно: четыре Георгиевских креста, четыре медали и звание хорунжего. В октябре 1917-го перешел на сторону революционных войск, сражался против Каледина, а потом стал одним из самых надежных рубак в хорошо известном отряде Подтелнова. В бою под Лихой был ранен и отправился домой лечиться.

И надо же было такому случиться, что пока он воевал за красных, в его родной станице власть захватили белые. Земляни тут же отдали его в руки полевого суда: есаул Сидоров приговорил Харлампия к расстрелу. К счастью, за него поручился родной брат Емельян — и Харлампия отпустили. Пока лечился, отряд Подтелнова был захвачен повстанцами. Харлампий нинулся было к своим, но станичники его

перехватили и пригрозили расстрелом. Деваться было некуда и он примкнул к восставшим.

А вскоре случилось то, чего он больше всего опасался: Подтелнова, Кривошлынова и около восьмидесяти их бойцов решено было казнить. Участником казни чуть было не стал и Харлампий. Напомню, что Григорий Мелехов в романе тоже присутствует при казни подтелновцев — эту сцену Шолохов написал, конечно же, со слов Ермакова. Сохранилось еще одно свидетельство этой жуткой акции — рассказ ординарца Ермакова — Якова Пятинова. Когда у него спросили, был ли он при Ермакове во время казни, Пятинов ответил:

"Ну, а где же ординарцу полагалось быть?! Как Бог велел, был при нем неотступно. Когда мы мчались верхи в Пономарев хутор, то мой командир Ермаков и подумать не мог, что там будет такое смертоубийство. Он более всего опасался, что в хуторе по случаю Пасхи и в знак примирения подтелновцы и спиридоновцы (беляки) разопьют весь самогон и нам ничего не останется.

Сначем в хутор, а там черт-те что делается. Виселица, черный бугор земли перед огромной ямой, толпа народу. Ермаков с везом толпу дошел до самой ямы, а я за ним следом. Вдруг ударил первый залп! Батюшки-светы — залп на первый день Пасхи по живым людям. Крики, вопли, стоны! Народ начался бечь...

И тут они встретились — Ермаков и Подтелнов. Встретились в упор. Это белые вели Подтелнова и Кривошлынова через толпу к яме, где начали расстрел отряда. С боку Подтелнова были Спиридонов и Сенин с оголенными шашками. И

Подтелнов, узнав Ермакова, назвал его иудой... Ермаков тоже отвечал что-то грозное. Но тогда Спиридонов крикнул Ермакову: "Давай своих казанов-охотников". Это значит, кто хочет сам стрелять в красных. Ермаков крикнул: "Нет у меня палачей-охотников". А тут ударил второй залп, тут же, в двадцати шагах. Боже ж мой, что там творилось!

Я схватил Ермакова за пояс, волону к лошадям, а Спиридонов кричит: "Вернись, гад, а то мы и тебя в яму скинем. Задержите его!" — махнул он рукой своим вооруженным казанам. Но Ермаков обнажил шашку. И я тоже. Казани расступились".

Дело, конечно, прошлое и теперь никто не сможет с уверенностью сказать, как сложилась бы судьба шолоховского друга-героя, да, впрочем, и всего Дона, если бы не патологическая ненависть Ленина и Троцкого к казачеству — именно они своими палаческими директивами спровоцировали массовые восстания и такие же массовые жертвы.

"ДИРЕКТИВА ЦК РКП(б). Секретно.

Необходимо учитывать опыт Гражданской войны с казачеством. Признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем их поголовного истребления.

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно.

2. Конфисковать хлеб.

3. Провести полное разоружение. Расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи".

Вслед за этой директивой появляется еще одна, не менее кровожадная — ее издало Донбюро РНП(б).

“Во всех станицах и хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы и хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях. Отправить их как заложников в районный ревтрибунал. В случае обнаружения у кого-либо из жителей станицы или хутора оружия, будет расстрелян не только владелец, но и несколько заложников”.

И покатались головы станичников под ударами красных комиссаров. Рубили и расстреливали старых вояк с медалями за взятие Шипки и молоденьких учительниц, Георгиевских кавалеров, пришедших на костылях после Брусиловского прорыва, и степенных священнослужителей. Замутился тихий Дон, забились о его берега красная от крови волна, закипело казачье сердце — и все, кто мог держаться в седле, взялись за оружие.

Так, в тылу Красной Армии, в районе станицы Вешенской вспыхнуло восстание. По одним данным его возглавил Харлампий Ермаков, по другим — его брат Емельян. Так это или не так, мы узнаем несколько позже, но то, что Харлампий воевал на стороне повстанцев, сомнения не вызывает. И Харлампий, и его люди сражались яростно.

Рассказывает один из очевидцев.

“Во время командования частями Ермаков особенно

отличался и числился как краса и гордость казачества. Во время одного из боев Ермаков лично зарубил 18 матросов. А пленных красноармейцев загонял в Дон, рубил и топил в воде. Однажды он так уничтожил 500 человек”.

Заметим, что и этого эпизода своей биографии Ермаков не скрыл от Шолохова. Вспомните, как прекрасно выписана сцена атаки на матросов в романе. Ее, кстати, нет ни у одного из претендентов на авторство “Тихого Дона”.

Как ни яростно воевали повстанцы, но силы были неравны и они покатались к морю, вплоть до Новороссийска. Ермакову предлагали эвакуироваться, но он отказался и явился к командованию Красной Армии с предложением своих услуг. Ему поверили и поручили из оставшихся белоказачков сформировать отдельную бригаду, которая влилась в состав 11-й Конной армии под командованием Буденного.

Потом были бои на польском фронте, участие в разгроме Врангеля, преследование банд Махно, и все это в должности командира полка, а затем начальника дивизионной школы. В феврале 1923 года Харлампия демобилизовали, и он вернулся домой, причем, как он впоследствии рассказывал, шел пешком через застывший Дон и на берегу встретил сына.

Напомню, что именно этим эпизодом заканчивается роман. О том, что было дальше, Шолохов не написал ни строчки, хотя, как мы уже знаем, очень хотел...

Что же было с его другом дальше? Каним могло быть продолжение романа? А дальше случилось

следующее... Всего два месяца прожил Харламгий с женой и детьми: в апреле 1923 года было заведено дело "О контрреволюционном восстании в Верхне-Донском округе" и Харламгия арестовали. На допросах он не отрицал, что участвовал в восстании, но, как он говорит, "под угрозой оружия и расстрела всей семьи".

— Кто был организатором восстания и назовы его причины? — попытывался следователь.

— Организаторами были Суяров, Медведев и Нудинов. А причина восстания — это расстрелы, поджоги и насилия со стороны Красной гвардии.

Поняв, что допустил оплошность, назвав имена подлинных организаторов восстания, буквально на следующем допросе Харламгий исправляет ошибку, заявив, что истинным организатором восстания был его брат Емельян, который... недавно умер. И — все! Концы, как говорится, в воду.

Тем временем земляки Харлампия не сидели без дела. Собравшись на сход, они направили в ОГПУ следующий документ.

"ПРОТОКОЛ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ граждан села Базковского Вешенской волости Донского округа под председательством Каченко от 17 мая 1923 года.

Мы, нижеподписавшиеся граждане села Базковского, ввиду ареста гражданина нашего села Ермакова Х.В. считаем своим долгом высказать этим свое мнение. Ермаков все время проживал в нашем селе, так же был хлеборобом, как и все мы. Но случилась гражданская война, и он попал на войну,

сражался, был ранен и по окончании таковой вернулся домой и занялся своими домашними делами.

Случилось восстание, и Ермаков, как и все, вынужден был участвовать в нем. И хотя и был избран на командную должность, но все время старался как можно более уменьшить ужасы восстания. Очень и очень многие могут засвидетельствовать то, что остались живы только благодаря Ермакову.

Ермаков сказал, что если вы позволите расстреливать пленных, то порубаю и вас как собак, на это есть суд, который будет разбираться, а наше дело только доставлять коменданту. Восстание вообще носило характер стихийный. Как лошадь, когда ее взнуздают в первый раз — первое движение ринуться вперед и все порвать, так и в Верхне-Донском округе слишком непривычными показались мероприятия Советской власти, и народ взбунтовался, и только после довольно крупных мер убедился в пользе действий соввласти.

Советская же власть, видно, так и поняла Верхне-Донское восстание 1919 года и объявила полное за него прощение. Руководствуясь этим прощением власти, граждане села Базки и сочли нужным обратиться к власти со своим отзывом о Ермакове. Да к тому же Ермаков в германскую войну заслужил урядничество за исключительно старательную служ-

бу. При изгнании белых сдался в плен Красной Армии добровольно, участвовал с красными в походе на Варшаву, имел отличие за свою лихую службу и был зачислен в комсостав.

Конечно, соввласть может найти за таковым преступление и судить его по закону, но со своей стороны граждане высказывают о нем свое мнение, как о честном, добросовестном хлеборобе и рабочем, не боящемся никакого черного труда".

Н делу эту бумагу подшили, но хода ей не дали. Ерманов не сдается и объявляет голодовку! Раз так хочется, то голодай, решилследователь, и перевел его в одиночную камеру.

Справедливости ради надо сказать, что у следователя были свои трудности: обвинение Ерманову было предъявлено лишь как участнику восстания, но проходил он по одному делу с участниками казни подтелковцев. Одним из главных фигурантов этого дела был есаул Сенин, арестовать которого удалось лишь через семь лет. Самое странное, что этот человек стал прообразом другого шолоховского героя, а именно есаула Половцева из "Поднятой целины". В 1930-м его приговорили к расстрелу как руководителя контрреволюционной организации, но припомнили Сенину и то, что "он принимал активное участие в окружении и ликвидации красногвардейского отряда Кривошлыкова и Подтелкова, а также командовал группой расстрела".

Как бы то ни было, но следователь сумел вычленил дело Ерманова из всех других и вскоре Хар-

лампию было предъявлено обвинительное заключение. Вот что там, в частности, говорится.

"В 1919 году, в момент перехода Красной Армии в наступление, когда перевес в борьбе склонился на сторону войск Советской России, в тылу Красной Армии вспыхнуло восстание. Во главе восставших стал есаул Ерманов Харламбий, к нему присоединились активные контрреволюционные деятели, начавшие под благосклонным руководством своего командира с небывалой жестокостью расправляться с представителями Советской власти и даже просто с сочувствующими...

Путем восстания в означенном районе соввласть была свергнута, после чего есаул Ерманов начальствование передал генералу Сенретову, ставленнику Деникина. Участники восстания влились в ряды белой армии и были там до момента захвата их в плен при разгроме добровольческой армии Деникина.

Принимая во внимание все вышеизложенное, постановили: Ерманова Харлампия Васильевича, 32 лет, казака станицы Вешенской Донского округа, грамотного, беспартийного, предать суду".

Судя по всему, до суда еще было время — и следователь продолжал допросы. Так в деле появились "Дополнительные показания" Ерманова, которые он дал в январе 1924 года.

"Ввиду ограниченности времени при допросе меня 18.1. с. г. вами не были заданы некоторые вопросы, на которые я желал бы ответить, как могущий осветить дело по предъявленному мне обвинению, предусмотренно-

му статьей 58 УК. Предъявленное мне обвинение как организатору восстания Верхне-Донского округа не может быть применено ко мне, не говоря уже о том, что вообще я не могу быть противником Советской власти. Уже потому, что я добровольно вступил в ряды Красной Армии в январе месяце 1918 года в отряд Подтелкова.

С указанным отрядом участвовал в боях против белогвардейских отрядов полковника Чернецова и атамана Каледина и выбыл из строя вследствие ранения под станицей Александровой. А главное, в то время, когда уже было восстание в Верхне-Донском округе, был заведующим артиллерийским складом 15-й Инзинской дивизии, то есть в нескольких верстах от станицы Казанской и Мигулинской.

Я так же не мог быть там и еще организатором, так как по прибытии домой после ранения в отряде Подтелкова, я был избран тогда же председателем волисполкома станицы Вешенской, с какой-то должности был арестован с приходом белых войск, как активно сочувствующий Советской власти".

Суда не было, допросы прекратились, и вообще дело потихоньку разваливалось. Понимая это, старший следователь Максимовский вышел с представлением в Донской областной суд о замене содержания Ерманова под стражей на свободную жизнь дома, но под личное поручительство доста-

точно авторитетных людей. Поручители нашлись — и Харлампия выпустили на волю.

А в мае 1925-го, наконец-то состоялся суд, который снял все обвинения с Ерманова и его семейных поделельников. Текст этого решения сохранился полностью.

"Имея в виду, что обвиняемые были не активными добровольными участниками восстания и призваны по мобилизации окружным атаманом, что избивание и убийство граждан происходило не на почве террористических актов, как над приверженцами соввласти, а как над лицами, принимавшими участие в расхищении их имущества, носили форму самосудов, что с момента совершенных преступлений прошло более семи лет, обвиняемые за это время находились на свободе, занимались личным трудом, и будучи ни в чем не замечены, большинство из них служили в рядах Красной Армии и имеют несколько ранений — определить: на основании статьи 4-а УПК настоящее дело производством прекратить по целесообразности".

Дело прошлое, но кровь на обвиняемых была. У суда это не вызвало сомнений, да и свидетельские показания, если так можно выразиться, вопиют. Но такова была в 1925 году революционная целесообразность. В 1927-м целесообразность стала другой — и в январе Харлампия снова арестовывают.

На этот раз следователи были позубастее. Они нашли свидетелей, которые дали устраивающие

ОГПУ показания. Например, Николай Еланнин показал: "Ермаков смеется над коммунистами, излагает к ним полное недоверие, все время старается занять какой-нибудь пост, в настоящее время пользуется популярностью среди заниточных, в общем и целом тип очень опасен для Советской власти".

Другой его земляк, некто Климов, был еще категоричнее. "Ермаков вращается среди кулачества, давит бедноту... Пользуется авторитетом среди заниточных, тип социально опасен для Советской власти".

Не погнушались следователи и показаниями Анны Поляковой, бывшей жены Харлампия, которая, судя по всему, имела на него большой зуб. "Ермаков приблизительно в июле месяце, когда вышел из тюрьмы, получил из Ростова от бывшего белого офицера письмо, в котором говорилось: Ермаков, не теряй надежды, мы все равно как носили погоны, так и будем носить, погоны свои береги. Я ему начала говорить, что брось ты этими делами заниматься. Он мне ответил, что я этого не брошу, все равно наша власть будет".

Нашлись и другие доброхоты, которые уверяли, что "расстрелы красноармейцев во время восстания проходили при участии самого Ермакова", что "в станице Вешенской вел антисоветскую агитацию", что "объединяет вокруг себя кулаков, а бедноту ненавидит, а также говорит, что рано или поздно придет наша, офицерская власть, и тогда мы вам покажем".

В дрянное, я бы сказал, в очень паршивое время попал под арест Харлампий. Начиналась коллективизация, казачество ей противилось, Дон снова мог взорвать-

ся — и большевики решили себя обезопасить, пустив в ход директивы РНК(б) 1919 года. В протоколах допроса Ермакова ничего касающегося коллективизации нет — его судили за старые грехи, а вот показания есаула Сенина, которого судили в 1930-м, как мне кажется, проливают яркий свет на всю эту ситуацию. Ни секунды не сомневаюсь, что под словами Сенина мог бы подписаться и Ермаков.

"Я не согласен с принудительной административной коллективизацией крестьянских хозяйств, — говорил есаул Сенин. — Особенно не согласен с перепрыгиванием от сельхозартели непосредственно к коммуне. Я являюсь сторонником развития индивидуального хозяйства, предоставления полной инициативы и свободы хозяйственной деятельности хлеборобу.

По моему мнению, кулак приносил пользу, продавая государству свой хлеб... А как с ним обращаются? Мне хорошо известно, что на Дону выслано оноло двадцати тысяч кулацких семей, а оноло семидесяти тысяч человек арестовано. Раскулачивание достигло высшей точки, именно сейчас казачество и мужики готовы пойти на вооруженную борьбу с советской властью и нужно не упустить этот момент".

Самое странное, со словами Сенина вынуждены были согласиться даже следователи, внося в обвинительное заключение довольно рискованный абзац. "Люди, с ноими связывался Сенин и другие члены организации, давая оценку настроения населения, указывали на наличие сплошного недовольства основной массы казачества, крестьян, городского насе-

ления существующей властью и ее политикой".

Если Сенина расстреляли без тени сомнений, то с Ермаковым дело обстояло несколько иначе. Так как арестовали Харлампию по старому делу о восстании, оно же еще в 1925-м было прекращено производством по целесообразности, а ничего нового, тянущего на "вышну", у следствия не было, то, судя по всему, рассматривался вариант осуждения Ермакова на какой-то срок. Иначе зачем в марте 1927-го было произведено "освидетельствование гр-на Ермакова Х.В. на предмет выявления состояния здоровья вообще"?

В деле этот акт сохранился. Вот он. "Гр-н Ермаков Х.В. среднего роста, правильно-го телосложения, немного ослабленного питания, видимые слизистые бледного цвета. Со стороны внутренних органов отклонений от нормы не отмечается. Психическая деятельность нормальна. Видимых знаков венерического заражения и других заразных заболеваний не отмечается.

На основании наружного осмотра полагаю, что гр-н Ермаков Х.В. в момент освидетельствования страдает в легкой степени малокровием, практически здоров и следовать этапом может.

Судмедэксперт: Волковенко".

Но нормального или, как иногда говорят, законного суда не получилось — в дело вмешалось все-таки ОГПУ, руководители которого вышли с ходатайством в Президиум ЦИК Союза ССР о предоставлении ОГПУ права вынесения

Ермакову внесудебного приговора. Секретарь ЦИК Амель Енукидзе конечно же, это ходатайство удовлетворил, а Особоуполномоченный при коллегии ОГПУ Фельдман скрепил его своей подписью. 6 июня 1927 года состоялось заседание Коллегии ОГПУ, разумеется без присутствия подсудимого, на котором было принято постановление: "Ермакова Харлампия Васильевича расстрелять". 17 июня приговор был приведен в исполнение.

Напомню, что за год до этого Михаил Шолохов впервые написал Ермакову, а потом так сильно его полюбил, что чуть ли не буквально списал с него своего главного героя, на котором держится весь роман. Представьте на минуту, что Шолохов не познакомился с Ермаковым... Значит, не было бы Григория Мелехова, ставшего символом вольного Дона. Не исключено, что был бы кто-то другой — другой, но не Мелехов.

Так соединились три судьбы: Харлампия Ермакова, Михаила Шолохова и Григория Мелехова. Судя по разным свидетельствам, Шолохов не остался безучастным к судьбе Ермакова, он писал письма, звонил, требовал разобраться. Не случайно в одной из бесед Сталин раздраженно заметил, что если Шолохов не поумнеет, то "у партии найдутся все возможности подыскать для "Тихого Дона" другого автора".

Шолохову передали эти слова — и он поумнел. Так поумнел, что навсегда ушел в себя, не создав больше ничего равного своему первому роману. Не зря же в одной из конфиденциальных бесед Михаил Александрович сказал: "Вы не ждите от меня чего-нибудь значительнее "Тихого Дона". Я сгорел, работая над ним". ■

Анна ГЕДЫМИН

* * *

Лишь первый выстрел прохрипел в долинах,
И ясно стало,
Что нет на свете лишних, любимых,
Иль нужных мало.

Незаменим и пруд в вечернем плеске,
И птичий вылет,
И молодые ели в перелеске,
И вековые.

И не бывает неживой природы,
Где пули свищут.
И, кажется, уже и сумасброды
Покоя ищут.

* * *

С четверти первого до полседьмого
Ночь осыпала звездами поле.
Только окно опустеет — и снова
Росчерк — и вздрагиваешь поневоле.

А из другого окошка, лесного,
Душу томили птичьи оркестры...
С четверти первого до полседьмого
Ты говорил невозможные тексты!

Ты умолкал — и как в школе, прилежно,
Запоминала я каждое слово,
Зная — все кончится неизбежно
И безвозвратно — в начале седьмого.

Вспомним опять, как дела наши плохи,
И замолчим, и уйдем из-под крова
Дома-музея лучшей эпохи —
С четверти первого до полседьмого.

* * *

Символ праздника и жары —
Окна золотые шары.
Пахнет воздух пеной морской,
За калиткой — шум городской.
От жары еда едва жива
Лакированная листва.
Помнишь, как мы в Москве зимой

Холодали, любимый мой?
Принимай же юга дары —
Эти огненные шары!
День уйдет — и над мостовой
Зазвучит оркестр духовой.
Каблуки пойду надевать —
Танцы бабкины танцевать.
Будет море, суше под стать,
Всеми волнами хохотать.
Только небо глянет всерьез —
Золотыми шарами звезд.

* * *

Вспомню: клен позолоченный в небо глядит, не мигая,
Занимаются сумерки, пухнет дымок над трубой...
Это жизнь моя — сладкая, жалкая — набегаем,
А потом — отступает. И все. И не будет другой.

Морщат реку жуки, колобродит веселая рыба,
Сено, россыпь черничная —
всех и не вспомнишь потерь.
Но останутся светлыми дни на обочине взрыва,
А не в центре его, эпицентре его — как теперь.

Время шло — и ушло. Так душа вылетает из тела.
Так в колодце единственном вдруг иссякает вода.
Я любила тебя. Я тебя потерять не хотела.
(Жаль, что все позади!) Я любила тебя — навсегда.

* * *

Этот тронутый дымкой полковничий взгляд
фонарей,
Успевающий втиснуться в краткую тьму до
рассвета,
И шиповник в цвету, ошивающийся у дверей,
Означает одно: что в разгаре московское лето.

Ну а если не понял — тебе прояснит соловей,
Для того он сегодня откомандирован из рая:
Кто рожден не в Париже, а чуточку вверх и правей, —
Вот об этой погоде печалится, умирая.

Но о смерти — потом... Небеса затевают рассвет,
Осторожные звезды уходят на дно, как кувшинки,
И над сонной землей ни морщинки, ни облачка нет,
Только месяц, замешкавшийся по ошибке...

* * *

Когда наступит срок последней строчки, точки,
Когда не станет дел, сводящихся к рублю,
Всего на миг один я попрошу отсрочки,
Чтоб жизни прошептать последнее "люблю".

Люблю, как светит в ночь рождественская елка,
Люблю пьянящий страх на горном вираже...
По правде говоря, жилось мне трудоемко,
Но что-то отдыхать не хочется уже.

И все-таки узнать безумно интересно,
Как выглядит итог во всей своей красе —
Когда уже душа опомнилась, воскресла,
И звезды понеслись по встречной полосе...

* * *

Или тепло перешло все границы,
Или мороз проявил мягкотелость,
Только — взгляни: возвращаются птицы.
Родины захотелось.

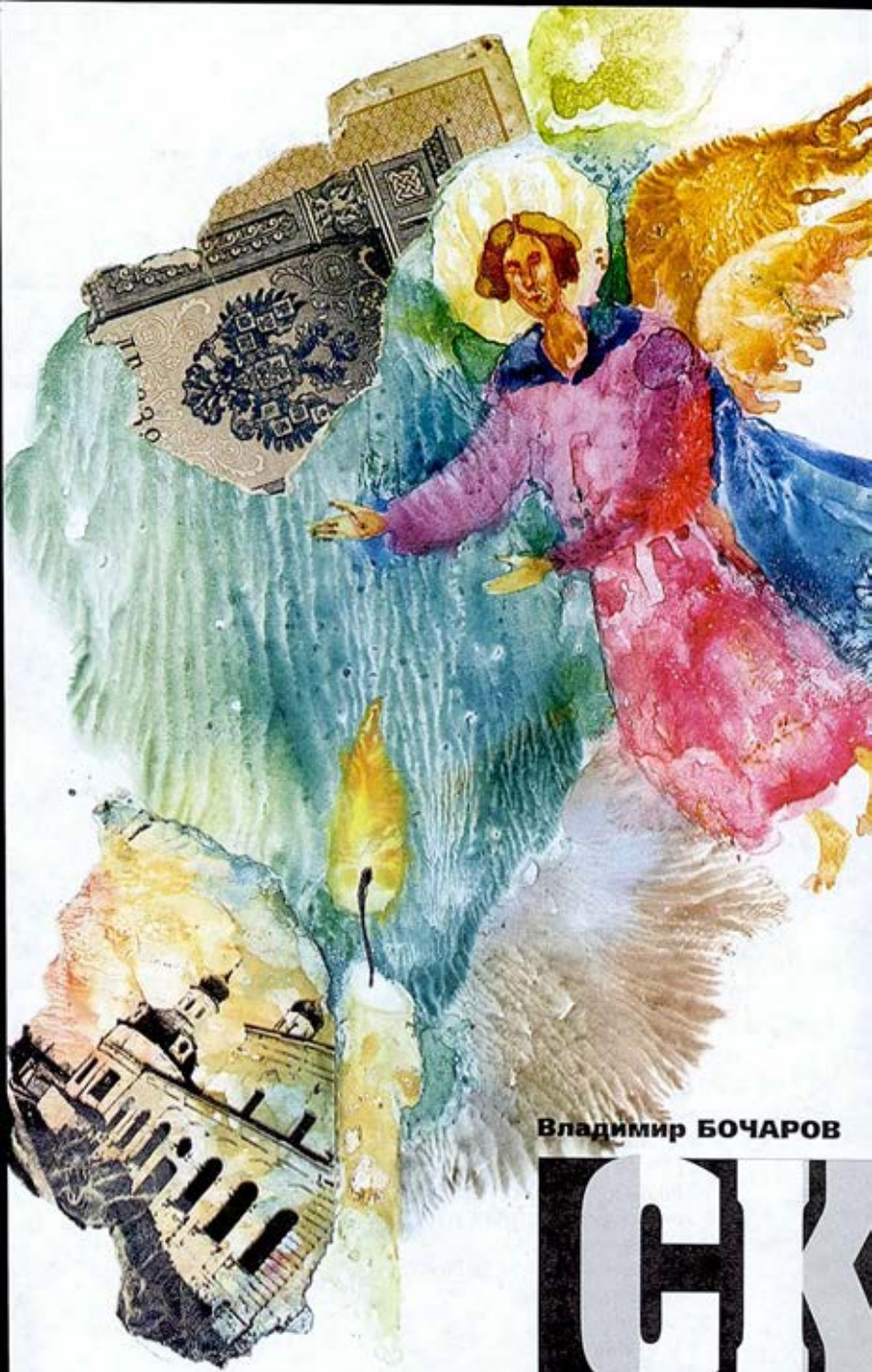
Вроде бы любят, качаются вроде,
Но в холода забывают приличья
И — улетают.

Глаза отводит
Грешная стая птичья.

Их бы прогнать!
Но в лесах наших темных
Любят заблудших и непутевых.
Так возвращаюсь к тебе, мой нестрогий.
Мешкаю на пороге.

* * *

Я тебя не пугаю,
Просто я от беды устаю
В этом пахнущем гарью,
В этом вечнокровавом краю,
Где приветливы черти
И не больно сладка благодать,
Где не думать о смерти
Так же глупо, как счастья не ждать.
По вороньему граю
Узнаю приближение дня...
Я тебя не пугаю.
Будь отважен.
Не слушай меня.

Владимир БОЧАРОВ

СК

Дождь неустанно колотил в окно, не переставая ни на минуту. Окно застило нескончаемым потоком ручейков в отблеске огарка, еле мерцающего на латунной тарелке.

Тихон ежился, глядя в крошечную тьму. Выходить из сторожки не хотелось, было жутко от холода. На улице ощущалось присутствие глубокой осени, разящий ветер сбивал остатки листвы и кружил ее в пьяном танце. Сырость, слякоть и темнота давили, истязали воображение, гнали к теплу и свету. Вот уж много лет Тихон был кладбищенским сторожем. Службу нес исправно, соблюдая правильность похоронных обрядов и порядка, свойственного только данному месту. Занявшись этим делом с тоски по усопшей жене и деткам, сгоревшим в пламени не щадящей нико-го холеры, думал заглушить горе и вытравить печаль в тиши от мирской суеты, да так и остался на кладбище, несмотря на уговоры близких. Вспоминать прошлое Тихон не любил. День Ангела супруги и малолетних детей, день смерти были выжжены пожизненным клеймом в сердце. Он ловил себя на мысли, что все прошедшее связано только с его семьей, другого не существует. Далекое и забытое приходило только во сне, да и то маленькими розовыми кусочками детства, очень светлого и чистого. В этот миг хотелось проснуться и открыть глаза, увидеть отца, большого и сильного, с окладистой бородой, в черной, с белой ниткой, жилетке и неотъемлемой атрибутикой — карманными часами на серебряной цепи, матушку, дородную русскую красавицу, чуть молчаливую и строгую, но справедливую, старшего брата, опору отца, надежду купеческой династии, немного лукавого, смышленного юношу, относившемуся к Тихону с отеческой любовью и покровительством, сестру, унаследовавшую красивые черты, кротость души и трезвость ума. Тихону хотелось ощутить запах бабушкиного палисадника, неторопливый говор удивительной рассказчицы и монпансье в металлической коробочке, строго выдаваемое всем детям поровну. Как все это было давно, можно только дивиться, что это время его жизни еще не стерлось, не сгорело в круговерти внутренних эмоций, страданий и любви. Огарок давно истлел, но мысли не от-

рисунок **Алексея Остроуменцкого**

пускали Тихона, разматывая клубок воспоминаний, уводя его все дальше и дальше от действительности, будоража и неся ностальгию вместе со слезами и задержкой дыхания.

Порой хотелось вспоминать гимназию, зубрежку, игры на переменах в бабки, пристеночек и чехарду. Но эти, чуть мерцавшие в душе, воспоминания угасали под тяжестью бремени настоящего.

Незримо снимая пелену сонливости, Тихон отвел руку, обращая свой взор к окну. За окном по-прежнему шел дождь, навевавший только тоску и уныние. Кладбище за долгие годы службы стало родным Тихону. Каждый холмик, невидимую тропинку к могиле он мог отыскать с закрытыми глазами, бредя по дорожкам между участками, которые про себя называл "последними в жизни".

Стук в дверь оторвал Тихона от раздумий. Нехотя поднявшись с табурета, шаркая старыми валенками, не плотно облегающими ноги, он подошел к столу. Неторопливо, вслепую поискал рукой потухший огарок. Неожиданно прикоснувшись к медной тарелке, Тихон ощутил прохладу металла. Пальцы коснулись остатков толстой нити вперемежку с воском. Что за напасть, в такую погоду, не иначе случай или интерес какой, подумалось ему. Коробок спичек непослушно заиграл в руках, но попытка зажечь огарок не удалась. Он шагнул в темноту по направлению к двери. Отыскав ручку, отодвинул засов. В приоткрытую дверь чуть заметное серое свечение от ненастной погоды выхватило и показало совершенно вымокшую фигуру человека в плаще и цилиндре. "Разрешите", — настойчиво проговорил пришелец и, не дождавшись ответа, слегка отстранив Тихона, шагнул через порог в неосвещенную комнату. Тихон резко дернул за ручку и задвинул засов, все также с неохотой засеменял в крошечной темноте к углу, где висела небольшая полочка, шумно отыскивая свечу и тем самым указывая гостю на незваный визит в такое время. "Вот и отлично", — усмехнулся незнакомый господин, с интересом разглядывая хозяина дома в слабо мерцающем свете, хотя неизвестно, что он хотел выразить этими словами. Сняв мокрый цилиндр и насквозь промокший плащ, взглядом отыскал красный угол с образами и, осенив себя крестным знаменем, с облегчением посмотрел на Тихона. Тихон, чуть сгорбившись, прищуря правый глаз, оценивал незваного визитера. Жестом руки он указал господину на лавку, стоявшую около русской печки, выбеленной по-простому. Тихону невольно вспомнилась большая русская печь в доме родителей, обложенная изразцовой плиткой, зеленой, с отливом маляхита и желтого орнамента.

— Извините за столь поздний визит и за доставленное беспокойство, — вежливо произнес незнакомец, и неловкость, а с ней и раздражение, витавшее в воздухе, исчезли.

Ночной гость осторожно положил на край лавки плащ, цилиндр еще какое-то время находился в руке, очевидно, надеясь водрузиться на более почетное место, но после некоторого раздумья очутился возле плаща. Гость присел на сухое дерево лавки, чуть расслабившись, чувствуя тепло от печки. Тихон ждал, когда тот соизволит заговорить. Наконец затянувшееся молчание было прервано.

— Хотелось бы приобрести место для фамильного склепа, — тихо проговорил гость.

— Когда и кого будем хоронить? — настороженно спросил Тихон.

— Хоронить никого не надо, место нужно на будущее, — потупив свой взор и посмотрев неопределенно в сторону темного угла, ответил мужчина.

— На будущее чего? — недоуменно переспросил Тихон.

— На будущее, — указав робко пальцем в потолок и многозначительно посмотрев на Тихона, повторил незнакомец.

Монотонный стук дождя за окном прекратился. Лишь ветер гулял в крошечной ночи, да мокрые, с вязкой грязью, лужи стояли, словно капканы, поджидая свою жертву. Хотелось спать, развалившись на деревянной кровати, накрывшись шелковым, хоть и старым, туго стеганым одеялом, в свое время забранным Тихоном из отчего дома, забыться от всего мирского, не волнующего душу. А здесь ночной гость, из которого приходится вытягивать каждое слово, словно ржавый гвоздь.

— Что за спешка в такую погоду и позднее время привела вас на кладбище? Завтра будет новый день и, очевидно, появится новое желание. — В голосе Тихона угадывались нотки поучительной интонации.

— Видите ли, — чуть приободрившись, оживленно заговорил ночной гость, — я бы хотел приобрести, застолбить как бы, как говорят золотодобытчики, место на кладбище, обязательно чтобы повыше и посуше, в общем на хорошем месте. Больно мне это кладбище нравится. Вот дела пошли в гору, капитал приумножаю, думаю, что и я не хуже других. Но сегодня жив, а завтра все может случиться.

Тихона возмущало бахвальство ночного гостя.

“Жизнь и дана тебе, глупец, — думал он, — лишь для того, чтобы оценить себя в страданиях, любви, горе и том неисчерпаемом, большом, что можно отдать без остатка, обрекая себя на страдания”. А вслух сказал:

— Заранее ничего не делают, то есть впрок. Господь сам распорядится, кому сколько отведено и когда предстать перед судом, а заранее нехорошо.

— Ничего, мне все хорошо, — цинично ответил незнакомец. — Меня все точит и точит мысль изнутри, покоя нет, вот и вам через меня беспокойство в такое позднее время.

Чуть скрипнули половицы. Сделав небольшой круг по комнате, незнакомец остановился возле лавки, брезгливо взял плащ, резко нагнувшись, каким-то странным жестом подхватил цилиндр, на миг размышляя, надевать его или нет. Но решив, что не стоит, учтиво поклонился в сторону Тихона, бросив одну фразу: "До завтра". Не торопясь подошел к двери, потянул ручку на себя, рывком открыл дверь и шагнул в ночь, овеянную ветром и прохладой. Тихону не хотелось подходить к двери и вообще что-либо делать, но, вздохнув, он закрыл на щеколду дверь за гостем.

Настенные часы мерно отбивали время. Наконец-то глубокий нервный сон захватил Тихона в плен и унес его в мир покоя, воспоминаний и грез.

Утром соловьиная трель и птичий гомон разбудили Тихона, солнечный лучик нежной позолотой ласкал потолок, напоминая о начале нового дня. Подойдя к умывальнику и улыбнувшись, Тихон с наслаждением ощутил прикосновение прохладной влаги. Насухо вытерев лицо, он подошел к шкафу и не торопясь начал одеваться, готовя себя исподволь к нехитрой процедуре завтрака — из топленого молока и куска ржаного хлеба. Колокол будил всю округу, зовя таинственно к заутренней, призывая всех к утреннему смирению и здравью. Скромную трапезу перебил неожиданный и громкий стук в дверь. Отодвинув привычным жестом щеколду, Тихон принял на себя свежесть утра, от которой на короткий миг закружилась голова. На пороге стоял ночной господин, слегка теребя трость.

— Утро доброе, — поздоровался он. Тихон вежливо ответил кивком головы. — Войти разрешите? Я был немного огорчен, что вчера попал под влияние своих чувств и доставил вам хлопоты, — продолжал незнакомец. — Я все-таки настаиваю на покупке земли и подтверждаю сказанное мною ночью.

Тихон подошел к конторке, приоткрыв дверцу, достал лист бумаги, ручку с пером и чернильницу. Аккуратно положив белый лист, так, чтобы было удобно, и макнув неглубоко перо в чернильницу, он начал прилежно выводить буквы...

Городок, в котором жил Тихон, отличался особой колоритностью, красотой и покоем природы. Ему принадлежало несколько церковных приходов. Небольшая церковь, покрашенная в голубой цвет с золотистыми маковками куполов, являла собой законченный архитектурный ансамбль центра городка. Остальные находились чуть подальше, но симметрично к ней. Деревянные двухэтажные дома, а кое-где и из красного кирпича, имели палисадники с шапками золотых шаров и прочих цветов, кусты белой и бледно-фиолетовой сирени создавали уют и покой мерного существования местных обывателей. Внутренние дворы были уже другим миром, вынесенным от посторонних глаз за пределы центрального фаса-

да. В них происходили события, касающиеся только хозяев и челяди. В одном из таких небольших домов и жил ночной гость Тихона Федор Нилович Глухов, попросту Федя — сын второй гильдии купца Глухова, умершего, когда Феде исполнилось двенадцать лет. Вся забота по дому и многочисленной семье легла на плечи матери Варвары Васильевны и старшего брата Дмитрия Ниловича. Помимо старшего брата, у Федора было еще две сестры, Клавдия и Агриппина, и средний брат Михаил. При них находилась дворовая девка Арина, помогавшая матери по дому, и сторож Еремей. Вот и вся семья. От былого хозяйства после смерти отца осталось немного. Чин купеческого сословия давал возможность старшему сыну продолжать торговые дела, начатые главой семьи. Дмитрий недаром был любимцем отца, как первенец, прилежный ученик в гимназии и как первый помощник. Отец видел в нем опору и надежду своего дела, требовавшего большого жизненного опыта, знаний торговых сделок, видения человека изнутри. И Дмитрий старался не замарать имя отца, оправдать доверие, которое тот хотел, но не успел на него возложить. Ему приходилось трудно в круговерти маститых купцов, на него смотрели свысока и при каждом удобном случае старались поучать, что порой обижало. Дмитрий терпел и науку постигал умом, терпением и кровяными мозолями своего труда. Дела шли ни шатко-ни валко. Особо не выделяясь, он старался держаться на том же уровне, что и отец. Главное — сохранить то, что нажили, а там перевести дух на несколько лет и — в горку с Божьей помощью, считал Дмитрий. Иначе и нельзя было. Сестры еще малы, средний брат не пошел по стопам отца и старшего брата, а выбрал свой путь, ведомый только ему одному. Рано женившись на дочери мещанина Алексея Яковлевича Кулакова Александре, он не захотел идти в примачи, а вытребовал свою долю из отцовского дела и купил дом на окраине городка. Младший в семье, Федор, был любимцем матери и сестер. Дмитрий держался от него на расстоянии, как старший, не поощряя его старания и прилежности в учебе и озорстве. Закончив гимназию, Федор хотел стать полезным старшему брату, но что-то не ладилось в их отношениях. Дмитрия то ли раздражало бахвальство и фантазии младшего брата, то ли он не видел в нем то, что хотел видеть. Они постепенно отдалялись друг от друга. А мать, понимая это, переживала и прикладывала немало сил к их слиянию, идя порой на компромисс с самой собой.

Время летело быстро. Вот и Федор нашел себя, сначала в мелких поручениях на побегушках у старшего брата, а затем и самостоятельно, в торговых операциях. И пошло потихоньку, покатилося дело. В смекалке и оборотности Федор не уступал Дмитрию, а порой авантюризмом и нестандартным подходом превосходил осторожного и рассудительного стар-

шего брата. Все шло своим чередом, подрастали сестры, распускались, будто полевые цветы, обретая красоту и степенство. Дмитрий, преуспевший на посредничестве купли-продажи и показавший прыть по сравнению с другими купцами, слыл в городке завидным женихом, нравился всем родителям здешних невест рассудительностью, самостоятельностью, твердостью взглядов и поступков, отвечающих моральным устоям, и тем, что умел держать купеческое слово. На Красную горку он собирался заслать сватов в дом купца первой гильдии Василия Ефремовича Соколова. Уж больно Дмитрию полюбилась младшая дочь Василия Ефремовича Екатерина. Василий Ефремович с супругой Акимной Гавриловной ждали сватовства и радовались подходящей партии для своей дочери.

Федор стал рассудительным опытным купцом, но порой эдакий бесенок вселялся в него, и он пускался в разгул. Это было тихое помешательство игры на бильярде в "американку" на что угодно, игры, требовавшей колоссального мастерства, полета мысли и мгновенного рождения хода, за которым незамедлительно следовало разочарование или восторг. В эти периоды жизни Федор пропадал из дома, нанося вред делу, семье и, в первую очередь, матери своим непониманием внешнего мира, отдаваясь страсти неведомого соблазна, за которым следовало раскаяние. Проходило время, и все возвращалось: покой, облегчение, что все уже закончилось, и надежда, что не повторится. Федор с легкостью возвращал проигранное кропотливым трудом, авантюризмом удачи, которая была пока на его стороне. Играл он вечерами на бильярде постоянно. В купеческом клубе поодаль друг от друга, чтобы не мешать игрокам, стояли два бильярда. Плюшевые портьеры загораживали большие окна от любопытных взглядов. В соседней просторной комнате находился буфет, сияющий стеклом бокалов и пирожниц, ваз с фруктами, изящных корзинок с шампанским. Здесь купец мог пропустить лафитник водочки, закусив астраханской селедочкой или огурчиком, издающим нежное похрустывание. В ассортименте были рыжики, с пятирублевый золотник, икра паюсная, клюква на льду, фрукты. Шампанское в клубе не жаловали, в основном водочку душевно кушали. Водка была трех сортов — брусничная, настоянная по осени без выдержки, но ядреная после выдоха, мягкая, выстоенная на березовых почках чуть с горчинкой, на любителя, и смирновка — городская из столицы. Здесь заключались сделки на слово, по рукам. Слово было крепко, за ним стояло купечество, и нарушение накладывало изгнание, позор и гибель. Федор слыл в клубе своим. Балагур, разбитной и учтивый, он воспринимался по-разному, но никто не мог про него сказать что-нибудь плохое. Купцам нравились его фарт и безрассудство, столь не свойственные людям такого сословия.

Из всех завсегдатаев Федору покровительствовал купец первой гильдии Банкетов Николай Григорьевич. Кое-где опекал, а кое-где и поучал. Это был удивительный рассказчик, враль, любивший приукрасить любое событие. Из рядового жизненного эпизода мог сочинить такую небылицу, что потом она ходила по свету долгие годы. В один из клубных вечеров и состоялась между ними задушевная беседа. Вечер, действительно, выдался на славу. Федор только что, не моргнув глазом, дважды обыграл двух заезжих супчиков в “американку” и, положив легким движением мелок, примеривался выхватить из дородной купеческой массы еще кое-кого, чтобы сыграть без заноса, как неожиданно увидел своего покровителя Николая Григорьевича Банкетова, мгновенно обрастающего на глазах свитой преданных слушателей.

— А, Федор, — многозначительно произнес тот. — Как игра?

— Играем в удовольствие, Николай Григорьевич, — учтиво ответил Федор.

— Иди-ка сюда, дружок, присядь да отдохни с нами.

Шел второй час ночи. Остались только завсегдатаи да разгульные до утра, случайных никого не было. От духоты, заморского табака и запаха напитков, мяса, всякой снеди немного подташнивало и кружилась голова. Решено было открыть окна и немного притушить огонь, оставив несколько канделябров по столам и в центре. В зал воровато ворвался ночной ветер, захватив с собой прохладу и щемящий запах цветов. Подали водки. Выпили не торопясь, крякнув и со вкусом закусив, кто чем, что еще лезло в рот. И Николай Григорьевич неторопливо начал свой рассказ, смакуя каждое слово, подбирая сказанное так, чтобы завораживало, захватывало и манило слушателя.

— Давно это было. В седую старину, что лежит за годами долгого человеческого бытия. В небольшом городке, наверное, как наш будет, точно не могу сказать, жил человек служивый. Имени его уже никто не припомнит. Жил службой. Исправно служил. — Николай Григорьевич умышленно сделал паузу и, убедившись, что все во внимании, продолжил: — Был женат, имел троих детей. Домик такой неказистый, но крепкий изнутри, двор и все такое, что должно прилагаться к нему. Нужду не терпел. И все вроде бы ничего, но не было покоя, будто червь изнутри точил душу. В молитии к Господу стал усерднее, да все одно — тоска и беспокойство не уходили. И вот, как-то раз снится этому человеку, что к нему прилетел ангел небесный, и разговаривают они промеж собой о жизни. Поделился человек своей печалью, снял камень тяжеленный, ношу неподъемную со своей души. Вроде где-то внутри и полегчало. А ангел ему и говорит:

— Ты, мил человек, раньше времени не радуйся, облегчение тебе я не нес.

— Что же мне делать? — спрашивает его человек. — В моленьях провожу дни и ночи.

— Должно прийти к тебе осознание души, что находит приют в твоём бренном теле. Ты должен это постигнуть сам, поддерживаемый учением Всевышнего. Через утрату, радость, надежду и веру подготовить себя к той черте в миру, за которой начинается смерть. Только после этого, когда к тебе придет осознание у последней черты жизни и смерти, ты снимешь камень печали и тоски, обретя покой и благоденствие, достаток и любовь.

— А что дальше? — выкрикнул Федор срывающимся голосом.

— Не гони, — раздалось возмущенные голоса. — Куда гонишь, дай дух перевести.

— Так вот, — продолжал рассказчик, — ангел ему напоследок и говорит: “Сие испытание лежит на каждом, а твое — через тебя самого. Стало быть, тебе следует приблизиться к загробной жизни и отдалиться от мирской. Не копай себе могилу сам, но постой на краю ее, не осыпь землю подземную, ощутив в этот миг голубизну небесную”.

На этом и расстались они.

Проснулся человек, мокрый весь, будто из бани вышел, мурашки по телу побежали. Встал, умылся, оделся и в церковь. Отстоял службу, а ноги сами его несут на кладбищенский двор. И смотритель тут как тут:

— Что изволите?

— Склеп желаю заказать на всю семью.

— Это при жизни-то? Разве так можно? — Но далее спорить не стал, а повел человека в глубь кладбища только ему ведомой тропинкой.

Место действительно было выбрано на загляденье: на небольшом пригорке сухо, вид открывал высоты, которые разделяла узкая полоска нежных оттенков травы, полевых цветов и голубого неба.

— Ну, что, копать будем здесь?

— Копайте, — согласился человек.

Время приближалось к осени. Пожелтевшая листва мела дороги. Дожди лили, смывая все, что летом успело обрасти пылью и грязью.

В один из таких дней человек простыл, слег и скончался, оставив после себя склеп на пять мест.

— А что же было дальше? — перебивая друг друга, загалдели слушатели.

— Да ничего особенного, — сказал Николай Григорьевич. — Жена с детишками погоревала, так что толку, да и вышла замуж и жила, заметьте, в достатке, ни в чем себе не отказывая. Видно, человек тот пришел к разгадке сладостной минуты, когда ощутил неземное осознание своей души, нашедшей вы-

ход из темного лабиринта, заплатив жизнью за благополучие семьи своей. Пора по домам, а то придется встречать здесь рассвет, — шумно встав, заключил рассказчик.

Слушатели нехотя стали расходиться, желая друг другу крепкого сна.

Федор не пошел домой, а испросил себе подушку сторожа и лег спать на бильярде, предварительно сняв ботинки, пиджак и жилетку. Спал он крепко и беспробудно. Проспав шесть часов, Федор сладко потянулся, открыл глаза и осмотрелся. Опохмеляться он не любил, видно, нутро не позволяло. До полудня болел, затем пошел в трактир хлебнуть суточных щей. Ел не спеша, смакуя, вбирая влагу густой ароматной жижи, пропитанной мясным духом и лаврушкой. После вернулся домой. Сухость листьев, красота и покой разноцветных красок наполняли душу таким умилением и чистотой, что кружилась голова. Было радостно дышать, видеть красоту, слышать дыхание и шепот природы, чарующей своей невинностью. У Федора в голове все крутилась мысль о вчерашней небылице, а, может быть, и правде.

Кто знает, где правда, а где небылица? Он ловил себя на мысли, что не получается что-то у него, все какие-то мысли чужие, не свои опутывают, тащат куда-то в темень кромешную, печаль глубокую, не отпускают его. Вот и разговор этот полуночный о склепе, то ли от выпитого, то ли от усталости и впечатлительности...

Тихон неторопливо шел кладбищенской дорожкой, ища только ему одному знакомое и родное. Вот и заветное место. Отсюда, с возвышенности, были видны дали серые, переходящие в коричневые тона, стелившиеся ковром бледно-зеленые видения поухлой травы. Вдыхая свежий воздух и радуясь просторам, он испытывал блаженство в эти одинокие минуты, чувствуя себя необъяснимо легко. “Посмотрим”, — подумал про себя Тихон, ища глазами место для будущего семейного склепа, заказанного ночным гостем. Чудно все же и непонятно, как можно заранее готовиться к встрече с загробным миром, не выполнив всего того, что предназначено судьбою, рукою Божьей? Вот и место. Комья сухой, уже высохшей земли лежали неровными бугорками, приминая островки, заросшие травой. Почва легкая, так как место выбрано было высоко на большом бугре, частый кустарник вырублен. Могилы глубокие, вырыты со знанием дела человеком, посвятившим себя столь нелегкой работе. Кирка и лопата лежали невдалеке. На заточенном металле виднелись зазубринки и ссадины, чуть неровная поверхность в некоторых местах испачкана землей. “Только бы не пошли дожди, — подумал Тихон. — Иначе прибавится работы”. Тут же, рядом со свежесрубленным кустарником, лежали кладки кирпичей, приве-

зенных сегодня с ближайшего глиняного карьера, где находился кирпичный заводик. Кирпич предназначен для черной кладки по периметру могилы. Его нужно было еще проверить на стойкость и первоначально обработать белковой массой, которая не позволит впоследствии проникновению извне воды. Тихон вздохнул, еще раз оценивающе посмотрел на работу могильной бригады и пошел не спеша среди могил к сторожке. Было зябко на дворе, осень бойко заявляла о себе и доказывала, что ее черед вершить заложенное природой.

Сидя на лавочке около сторожки, слушая печальное курлыканье журавлей, Тихон умиротворенно наслаждался тишиной и покоем.

Снова и снова его влекло место, где должен быть расположен семейный склеп, заказанный ночным гостем, и где шла уже бойкая работа. Люди из похоронной артели крутились рядом, собирая гранитную крошку. Дело ведь было непростое, сам Дмитрий Иванович Апилов, единственный архитектор в этом городе осматривал место, смотрел почву, брал руками крошку, кряхтя растирал ее холеными ладонями, морщился, затем небрежно ронял на землю.

...Кладка по периметру могил с наружной стороны состояла из этой гранитной крошки, создавая, таким образом, монолит, способный выдержать на себе тяжелую надгробную плиту, дно обработано специальным раствором. Чтобы вовнутрь не летел мусор, дождь и ранний снег, сверху положили для усадки плиты, чуть меньшие по весу, чем заказанные в Финляндии, и без свинцовых пятаков по краям. Сами надгробия без надписей заказали в другом городе, по причине тамошнего мастера, рубившего породу и придававшего ей грани у себя дома, отказываясь наотрез заниматься на месте резьбой по камню. Мастеру тоже уплатили вперед и указали на камень, из которого придется творить. Работа по сооружению могил была завершена, камень, предназначенный для надгробных плит, должен был прийти из Финляндии к декабрю.

Вот и отшумела золотая осень буйной удалой гульбой своей, нехотя уступая время настойчивой, злой и своевольной седой зиме. Уже по земле поросил первый снежок, небольшой морозец обжигал и покалывал, словно иголочками. Тихон сидел в потемках у теплой печки и смотрел в окно, думая о своем. Стук в дверь не напугал и не насторожил, а лишь небольшим раздражением лег в душу. Неторопливо поднявшись с табуретки и застегнув на все пуговицы безрукавку на кроличьем меху, он подошел к двери, отодвинув щеколду, повернул ключ и впустил вечернюю струйку уличной прохлады, пронизанной морозцем, вместе с ночным гостем, чудачком и балагуром Федором.

— День добрый, — сказал Федор, ступая за порог. Сняв с себя недорогое пальто на волчьем меху и подойдя к вешалке, повесил его на деревянный крюк, словно бумажный куль, повернулся на одном каблуке и направился к красному углу. Осенив себя крестным знаменем, вопросительно посмотрел на Тихона и присел на край лавки, не дожидаясь приглашения. Тихон сразу перешел к делу.

— Как нынче закружило морозно, — начал он неторопливо. — Плиты привезли, намучились люди, все веревки порвали, подводя под свинцовые пятаки, Силыч все руки сбил в кровь, но дело сделали. Теперь тыщу лет простоит, не развалится. Что будешь делать с надгробием? Готово уже, мастер приезжал, забирать надо.

— Заберу, — как-то задорно проговорил Федор. — Скоро Рождество, праздники, елка с игрушками, Дедом Морозом и подарками. Потом все сделаю. — Он неожиданно сорвал пальто с крюка, одеваясь на ходу, бросил “Прощай!” — и тихо закрыл за собой дверь.

...Зима была по-своему колоритна. В отличие от больших городов, в провинции одевались не так ярко, но тепло, несомненной атрибутикой дам были муфты, варежки всех цветов, обязательно пуховый платок, накрытый сверху другим матерчатым платком, писанным цветами на полях, редкие модницы не упускали случая пройтись в лютый мороз в меховой шапочке, кокетливо сидящей на хорошенькой головке. Мужская половина городка ходила в пальто, подбитых мехом волка, с бобровым воротником или овчиной. Голову покрывали москвички и боярки черного, коричневого и других неярких цветов, подчеркивая степенство и строгость хозяев.

Тихон одевался тепло, пренебрегая кокетством городских. Валенки, тулуп, старая боярка составляли его зимний гардероб. Выходя ранним утром, поигрывал парком, выходящим струйкой изо рта, наслаждался поскрипыванием снега под валенками, смотрел на небо и шел, прокладывая новую тропинку по неглубокому снегу, памятому им же еще вчера. Снег закрыл своей пеленою холмики могил. На крестах и надгробиях лежал белый саван зимы. Глубокая, утонченная морозом тишина стояла над кладбищем, лишь одинокая нахохлившаяся наглая ворона своим карканьем провожала по заснеженным участкам мертвого города. Вот и родные могилки, белые холмики скрывали от посторонних глаз надписи на надгробиях, не позволяя никому из посторонних даже мысленно беспокоить усопших. Отыскав в заветном месте старую метелочку, Тихон нежно начал сгребать ею снежок, упавший позднее и припорошивший все, что мог. Аккуратно очистив надгробия и расчистив на земле небольшой пяточок, он бросил горсть пшена птицам. Постояв, посмотрев по сторонам, убрал метелочку, — если выпадет снег, завтра опять приго-

дится. Возвращаясь, Тихон обратил свой взгляд на унылое место, где в скором, а может, и не скором времени предстояло поставить надгробия ночного гостя. Сейчас его взору представлялось почти ровное место, покрытое снегом, лишь кое-где узнавалось очертание еле заметного следа от гранитных плит, вбирающих в себя холод и влагу, образуя промерзшую корку.

Тихон возвращался к сторожке неторопливо, лоя лицом лучики солнца, немного холодные, но такие же озорные и светлые, как летом. Скоро Рождество, надо успеть купить почтовых открыток в книжном магазинчике, расписанных вручную местным художником, и отослать с поздравлениями родным и знакомым.

Праздничные гулянья сопровождались играми, захватом снежных крепостей, катаниями в санях, запряженными тройками лошадей всех мастей. Звуки озорной гармоники слышались повсюду, неся в людские души праздничное настроение и щемящую грусть по уходящему в прошлое. В церквях шли молебны в честь Рождества, в банках и торговых магазинах по-праздничному хорошо и нарядно. Помещения украшали еловыми веточками, привезенными из леса, конфетами в блестящих обертках, разноцветными фонариками, сделанными вручную. Но венцом всему были подарки. В эти дни каждый хотел выразить свое отношение к близким вниманием и теплом.

Купеческий клуб горел огнями той провинциальной роскоши, которая позволяла ему быть похожим хоть издали на салоны столицы и бомонда губернского масштаба. Один оркестр сменял другой. Уходящий год был пасынком на этом пиру, хотя должно было быть наоборот. Создавалось такое впечатление, что все рвались, необузданно, игриво, в новое неизвестное, рвались с таким безрассудством, что кружилась голова. Надвигался 1914 год. Новый, еще никому неизвестный, таинственный, с легким началом и трудным концом. Буфеты ломились от обилия снеди и пирожных, рыбы и закусок. Водка вперемешку с шампанским, конфеты, улыбки — все крутилось в круговерти уходящего и уже никем недостижимого времени.

В рождественскую ночь Тихон снова пришел хоженной тропкой на могилки близких, как бы провожая и встречая вместе с родными Новый год. Выпив лафитник водки за уходящий год и, одновременно помянув, налил по второй из небольшого стеклянного графинчика, предусмотрительно принесенного с собой из дома. К бутылкам он относился брезгливо, а вот графинчик был всегда в почете, он как бы своим видом показывал, что он и есть то главное, ради чего собирались родные и гости. Он объединял, а в некоторых случаях и помогал решать вопросы, и, наконец, примирял. Было холод-

но, и Тихон постепенно через тулуп стал ощущать легкий озноб. Встав и перекрестившись на могилы, он пошел неторопливо, аккуратно ставя ноги в след, протоптанный чуть раньше, боясь обрушить хрупкую стенку снега, обратно к сторожке...

Провинциальный городок, как и все остальные близлежащие городки, жил своей размеренной жизнью, реагировал на все столичные новости и сплетни, горячо отзывался на все передовое и патриотическое. Грянула война, несущая с собой людское горе, а для кого-то наживу, повышение по службе и разочарование.

Федор внезапно пропал из городка. Ходили разные толки; одни говорили, что он проигрался на бильярде и с отчаяния утопился, другие — что он уехал во Францию, поступил в летную школу и при учебном полете погиб. Говорили и обратное, дескать, выиграл много, купил золотые прииски и забрал всю родню. Под давлением слухов и сплетен родные Федора как-то незаметно, тихо исчезли из этого городка, не оставив даже следа от повозки. А о самом Федоре остался лишь маленький след в журнале "Огонек" за 1916 год, где говорилось, что прапорщик Федор Глухов погиб на поле брани, получив крест с надписью "За Царя и Отечество".

Шли годы. Маленький провинциальный городок пережил еще одну, самую страшную войну, выправился потихоньку, разросся и окреп, уже внуки бывших купцов заправляли делами, успешно занимаясь торговлей, и "канули в лету" крепкое купеческое слово, купеческие дома, азартные игры в бильярд на "американку". Остались от прежних времен лишь церквушки с сияющими куполами да тихое кладбище... Давно уже нет Тихона, и другой сторож ходит по проторенным дорожкам к затерянному среди скромных крестов и монолитных обелисков, так модных и доступных некоторым в наше время, родовому склепу. Он и по сей день пустует и ждет своих жильцов, изъеденный щербинами, покрытый многолетним мхом, как памятник чему-то неизведанному на этом белом свете... ■

Анатолий КОРОЛЕВ

АНОНИМ

(моя библиотека)

Книга шекспироведа Ильи Гилилова — самая громкая из тихих сенсаций конца века в России. Участники состоявшейся в Москве конференции нестратфордianцев — специалистов по Шекспиру — заявили о своем намерении выдвинуть его монографию (итог 40-летнего труда) на соискание Нобелевской премии. Итак, бомба взорвана. Подведена черта под шекспировским вопросом, который мучил Европу больше 300 лет. Тайна Шекспира разгадана, под этой литературной маской шекспировские шедевры писали два человека, состоявшие в платоническом браке муж и жена, 5-й граф Рэтленд, Роджер Мэннерс и Елизавета Сидни-Рэтленд, дочь английского поэта Филипа Сидни.

Читая с нарастающим изумлением монографию Гилилова, я метался между ошеломлением и набегами скепсиса, пока прилив истины окончательно не затопил мой ум и сердце.

Помню, как много лет назад, будучи еще студентом университета, филологом, я недоумевал над сонетами Вильяма Шекспира, где великий бард, обращаясь к себе в третьем лице, умолял себя самого: оставь потомство! Продлись в детях! Прекрасно видеть собственное отражение в сыне...

Мне эти заклинания казались дурной манерностью, ведь, как известно из биографии В. Шакспера (так пишется имя актера и пайщика театра "Глобус", за личиной которого прятались аристократы эвфуизмов), первого ребенка Анна Хетуэй

ГДБ

ВЕЩАЮЩЕЕ СЛОВО

родила мужу, когда ему еще не было и 18 лет. А всего у Шакспера было трое детей...

Я не думаю, что семнадцатилетний любовник Саутгемптона Роджер Мэннерс уже тогда собирался до конца собственной жизни скрывать свое авторство под псевдонимом Уильям Шекспир, но затаившийся случай вдруг свел драматурга с тенью, с комическим двойником своего имени — с актером Вильямом Шакспером.

Тут таится вторая причина шекспировской мании мистификатора.

Любое двойничество им понималось как умысел Провидения против оригинала.

Фатальный двойник аристократа был грубой бесчувственной скотиной. Он был жаден, безграмотен, скотоподобен. Вместо подписи ставил на бумагу — по тогдашним обычаям — жирную точку. Он был brutальным бабником, словом, полной противоположностью изысканному эстету. Как известно, он и умер после попойки, обожравшись головизны... Однако, смеясь над Роджером, Бог не только наградил двойника схожим именем, он подарил ему право исполнить тайную мечту юноши-аристократа, то есть быть актером на лондонской сцене, он даже дал Шаксперу смеха ради ровно столько же сестер и братьев (четыре сестры и три брата), сколько было у молодого лорда. Возможно, были и другие фельетонные совпадения...

Ответом на этот курьез Провидения и стало насмешливое решение аристократа ответить промыслу его же оружием: что ж, пусть будет так, Господи, мы поменяемся местами. Я в мечтах проживу его жизнь актера на сцене в тысяче лиц, а он в кошмаре безличия, в чужой шкуре проживет мою участь анонима.

Каратыгин и Любовь Орлова

(сравнительное жизнеописание)

Будущий актер Василий Андреевич Каратыгин родился в Петербурге в 1802 году. Его отец и мать были актерами, но не завоевали сценической славы и потому не хотели, чтобы старший сын повторил их трудную участь. В те годы мнение родителей было законом, и юноша поступил по указанию отца в Горный корпус, где готовили инженеров.

Но у Каратыгина был, кроме отца, еще и духовный наставник, офицер элитного Преображенского полка штабс-капитан Павел Катенин, который был переводчиком драм Расина и Корнея, в совершенстве знал пять языков и страстно любил театр. Увидев юношу в домашних спектаклях, где Каратыгин играл комические и драматические рольки, Катенин был так поражен талантом подростка, что стал пророчить ему славу и два года давал — бесплатно — уроки театрального искусства. Юноша проявил в обучении искусству замечательные способности и железную дисциплину.

Увидев успехи сына, родители отменили прежнее решение и стали готовить Василия к актерской профессии. Для дебюта в трагической роли Фингала отец заказал сыну новый костюм, а мать сама делала грим в гримуборной.

Дебют Каратыгина в 1820 г. был самым ярким дебютом российской сцены в XIX веке, история сохранила для потомков даже разговор двух театральных плотников: "Ну, брат, Васюха, помни мое слово, этот молодец далеко пойдет и будет важный актер!"

Действительно, Каратыгин легко завоевал столичную публику, покорила императорский двор и, наконец, самого императора Николая I.

Успех у власть имущих — решающее условие славы.

Первым, кто восхитился Любочкой Орловой, был сам Федор Шаляпин. Это случилось в 1908 году на детском балу —

их устраивал великий певец в своем особняке на Новинском бульваре в Москве. Среди массы детворы он увидел маленькую девочку с белокурыми локонами до плеч и, восхитившись, с восторгом поднял ее на руках. Любочке было шесть лет. А когда она сыграла роль Редьки в домашней оперетке "Грибной переполох", он первым предрек ей славу артистки. Шалаян так увлекся и подружился с маленькой Любочкой, что сочинил ей стихи и подарил свой автопортрет.

Вторым из великих ею восхитился Сталин, когда посмотрел в Кремле комедию "Веселые ребята" в 1934 году, где Любовь Орлова сыграла молочницу и домработницу Анюту. До этого триумфа актриса исполнила в кино всего две эпизодические рольки и была практически неизвестна. Сталин прозорливо почувствовал — вот кто станет кумиром многомиллионной страны!

Через две недели после премьеры комедии, в январе 1935 года, кинематография СССР отмечала 15-летие советского кино. Подписывая указ о награждении высшими наградами Родины корифеев кино С. Эйзенштейна, С. Юткевича, Л. Кулешова, Сталин твердо вписал в этот блистательный ряд и Любовь Петровну Орлову, фактически дебютантку.

А вот главный герой комедии Леонид Утесов, под которого делался фильм, не получил ничего, кроме фотоаппарата.

Каратыгин стал ведущим трагиком петербургского Александринского театра, первого по рангу театра России. Ему было положено колоссальное для того времени жалование — 4000 рублей плюс 8000 рублей лично от императора, а еще даны казенная квартира и десять сажен бесплатных дров ежегодно для отопления домашних печей.

Высокий рост, великолепный голос, мастерство перевоплощения и темперамент сделали Каратыгина лучшим исполнителем ролей классического репертуара. Он исполнял роли Карла Моора в "Разбойниках" Шиллера, царя Эдипа в одноименной трагедии Эсхила, шекспировских героев — Гамлета, Отелло и короля Лира, Велизария в пьесе Шенка.

Особенно удавались актеру сцены двойных состояний, например, когда нужно было изобразить одновременно страх и недоумение, ревность и восторг. Увлекаясь, Каратыгин так входил в роль, например, играя Нино в спектакле "Уголино", что суфлер караулил его игру и громко шептал из будки, когда благородный Нино хватал за горло подлеца Гонзаго:

— Василий Андреевич, не задушите актера!

Каратыгин стал первым актером, который заработал огромное состояние. Тридцать три года он был царем русской сцены. Между ним, премьером, и актерами театра была пропасть, которую Каратыгин подчеркивал, он мог накричать на режиссера и вел себя в театре единоличным диктатором, но

на сцене был самым благодарным партнером и своей игрой помогал игре самых третьестепенных лицедеев. Когда актер Григорьев в сцене бокса нечаянно поставил Каратыгину синяк под глазом и перетрусил, Каратыгин похвалил актера за страстность.

Публика его боготворила. Он играл только при переполненных залах. Уже при жизни о нем стали писать мемуары.

Обожание публики — второе слагаемое славы.

Сталин оказался прав — до сих пор никто не смог затмить славу Любви Орловой, а при жизни популярность кинозвезды была феноменальной.

В стране надежд только она смогла стать символом девичьей победы над жизнью. Молочница Анюта, сельский почтальон Дуня или домработница Танька становятся и русской эстрадной примой, и американской звездой цирка, и знаменитой ткачихой-стахановкой, и крупным ученым. Любовь Орлова с обаятельным озорством поющей кинозвезды воплотила на экране советскую сказку о Золушке, которая становится принцессой в стране труда и товарищей.

Это ведь она первой пропела с экрана: "Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых!"

Это она идеально воплотила партийный курс: кто был ничем, тот станет всем.

Каратыгин простудился во время похорон старого актера, когда стоял на морозе с открытой головой, и умер через несколько недель, 13 марта 1853 года, в возрасте 51 года. Смерть трагика потрясла Петербург. В день похорон было очень холодно, но десятки горожан вышли на балконы, чтобы видеть траурную процессию... Гроб Каратыгина от церкви до кладбища несли сотни людей, а могилу поклонники засыпали голыми руками, не позволив могильщикам взять лопаты.

Смерть Орловой прошла незаметно, таково было желание самой актрисы, она не хотела, чтобы поклонники узнали ее истинный возраст.

Как известно, пластические операции и желание молодости стали у Любви Орловой настоящей манией.

Но кроме возраста, в ее жизни была еще одна тайна.

Мало кто знает, что знаменитая замарашка Золушка, молочница, ткачиха, домработница, неграмотная крестьянка киноэкрана на самом деле была родом из легендарной дворянской семьи Орловых, из тех самых Орловых, фаворитов великой Екатерины, что в ее жилах течет кровь легендарного крестителя Руси князя Владимира, а по линии матери она ведет род от самого Чингисхана.

Любочка Орлова получила прекрасное домашнее образование, уже в детстве свободно знала три языка, играла на

фортепьяно, скакала на лошади. Знаменитый граф и писатель подарил своей родственнице книжку с надписью: "Любочке. Л. Толстой". У нее был прекрасный характер, гувернантки ее обожали. Она собиралась поступать в консерваторию... Революция 1917 года перечеркнула судьбу молодой графини.

Ей пришлось все начинать заново.

И что же! Обнищавшая в миг аристократка мужественно вступила в бой за новую жизнь... Подмосковный Воскресенск, дом тетки, единственная кормилица — молочная корова. И сама Любочка в роли настоящей молочницы. Каждый вечер — дойка в хлеву, уборка навоза, а утром, ворочая ледяные бидоны голыми руками, она везет молоко в Москву на рынок.

Любовь Орлова действительно побывала замарашкой Золушкой и, проявив железный характер, помноженный на счастливую судьбу, сумела стать любимой принцессой всего СССР.

Ты был ничем? Так станешь всем!

Она до конца жизни сохранила молодое лицо, только всегда прятала свои старческие руки, руки пианистки, искаленные бидонами.

Ложь Чарльза Диккенса

(моя библиотека)

Эту книгу — "История Англии для детей" — великий английский писатель написал для собственных детей. Если бы так об истории своего Отечества писал русский писатель, он бы не избежал упреков в шовинизме и квасном патриотизме. У Диккенса британцы — воплощение храбрости, стойкости, героизма, а все прочие европейцы — жалкое зрелище.

Уже первая глава истории отношений древней Англии с римлянами выглядит как комикс, где Цезарь только драпает от дружного натиска бриттов или "быстренько уносит ноги с остатками своих кораблей".

Диккенс не мог не знать, что его картина насквозь лжива.

Сам Цезарь описывает свое вторжение в Англию в "Записках о галльской войне" совсем иным тоном. Он отдает должное храбрости варваров, которые мешали римским солдатам сойти с кораблей на берег, он с холодным мужеством рассказывает о тяжести своей победы и анализирует причины поражения британцев без умаления достоинств противника.

Цезарь не мог не думать о том, что его записки прочтут в том числе и юные римляне, но он меньше всего хотел польстить ложью их самолюбию.

У нас тоже есть подобная книга для юных. Я о "Истории России в рассказах для детей", которую написала Александра Осиповна Ишимова, современница Пушкина. И писала она не так, как Диккенс, ее рассказ о истории русских спокоен и лишен диккенсовской лести и самообмана. Даже татары в ней выглядят по-людски.

И вот что я невольно подумал.

Ни римской, ни российской империи уже нет, а, вот, например, австралийцы числят себя членами Британского содружества наций и подданными британской короны. И думаю, что одна из причин устойчивости английской монархии скрыта в самовлюбленном чванстве юных британцев, постигающих историю своего острова, например, по лестной для самолюбия нации книжке Диккенса.

Гауди и Бабель

(сравнительное жизнеописание)

Вечером 7 июня 1926 года под трамвай в Барселоне угодил незадачливый прохожий, какой-то бедно одетый старик. Водитель позднее утверждал, что он — вдруг! — не захотел уступить дорогу трамваю, и сам виноват в трагедии... Трамвай несколько метров проволочил бедолагу по рельсам, прежде чем вагоновожатый затормозил. Старик был еще жив, но таксист отказался вести его в больницу, мол, этот нищий не сможет заплатить за проезд! Кстати, позднее шофер был оштрафован. Когда несчастного доставили наконец в больницу, выяснилось, что пострадавший — сам маэстро архитектуры Антонио Гауди. Старика немедленно предложили комфортабельную палату, но Гауди решительно отказался. Мое место здесь, среди бедноты, отрезал мэтр. Я бедняк. Так упрямец скончался.

В этом эпизоде читается весь характер Гауди — безжалостный к себе и другим. Всю жизнь он фанатично настаивал на своем. Будучи каталонцем, он так и не выучил испанского языка, и на стройках — единственный — обращался со строителями через переводчика. В юности отрицатель религии, он в зрелые годы обратился к вере с такой страстью, что падал от голодного обморока в дни поста и подорвал воздержанием свое здоровье. Он не знал меры. В провинциальной школе ар-

хитектуры в Барселоне юный Гауди рисовал на обязательном чертеже помимо здания, например, катафалк в виде дома, и исполнял свою мрачную фантазию с таким поразительным мастерством, что учитель не знал, как быть: наказать ли безумца или похвалить гения.

Одним словом, вся архитектура Гауди — это вид на его неистовое желание не соблюдать в творчестве никаких рамок.

Желания упрямец всегда фатальны.

На мой вопрос — какой был Бабель? — его бывшая жена, вдова Всеволода Иванова, величественная старуха Тамара отвечала, что Изя (так она называла Исаака) утром решительно не знал, что с ним будет даже в полдень. Этот престранный характер импровизатора жизни однажды привел его к Любке (так Тамара Ивановна называла жену наркома Ежова), Бабель знал ее по Одессе, где между ними случился короткий роман, но прослышав о том, что его Любка стала женой могущественного наркома НКВД, Изя решил приударить за прежней пассией, и вновь заморочил ей голову.

Гибельность ситуации только придавала азарт.

Трамвай под номером 1937 летит полным ходом в сторону твоей жизни, берегись, пешеход!

Но Бабель продолжает каждый день приходиться к Любке в страшный дом, откуда берет начало водопад смерти, являться то с букетом цветов, то с бутылкой вина и сидеть в гостиной, растопырив пухлые ляжки и сверкая очками, до тех пор, пока не мелькнет злобный хозяин с перекошенной рожой и хлопнет дверь кабинета.

Три месяца Бабель провоцировал железный трамвай, пока тот не накатил на пешехода. Обыск. Арест. Расстрел.

Как архитектор Гауди начал скромно в 1878 году с проекта уличного газового фонаря по заказу городских властей, но уже через несколько лет, в 1884-м, возглавил работу над грандиозным фасадом каталонского собора "Саграда фамилия" (Святое семейство), который строил сорок лет, до самой смерти.

Между этими двумя датами поместилась жизнь архитектора, который создает свои здания, как кондитер — торты. Про Гауди не скажешь, что он говорил человеческим языком, нет, скорее, он избирал птичий язык. Гауди предпочитал создавать невиданное и неслыханное: жилой дом Каса Мила, похожий на каменоломни, или собор, как исполинский термитник. Он учился творчеству у морского приюта и относился к камню, словно это вода. Он украшал крыши марокканскими минаретами, балконы — потоками каменной лавы, а парк Голель превратил в рай Адама и Евы. Он создавал лакомство для глаз, а не просто жилище.

Трудно представить, что такое изобилие вкусных форм сочинял не сладкоежка, а строгий пуританин, холостяк и вегетарианец, наконец, примерный прихожанин, избегавший всяких излишеств в жизни. Все проекты Гауди были настолько экзотичны, что иногда отрицались заказчиком, как, например, были отвергнуты отель для Нью-Йорка или капелла для братства Святой Терезии.

Гауди был типичным “дитя средиземноморского духа”, о котором так любил размышлять Камю, это дух пьянящего счастья быть смертным.

Бабель создавал лакомства чтения.

Он описал лошадиную армию красками Рубенса, а над конармией распахнул грозное небо помпейской гибели Карла Брюллова. Его рассказы ароматны как рокфор, тайна которого в плесени. Эта волшебная плесень — детство писателя. Бабель родился в тесном сапоге еврейской ортодоксальной семьи, до 16 лет учил иврит, Тору, Талмуд. Ему повезло, когда он влюбился в бильярд и дешевое бессарабское вино, пьяный подросток сумел вылететь из корсета и упасть в море, подняв фонтан брызг. Никогда еще Икар не был таким толстяком, как Бабель. За первым бегством грянуло второе, он выучил французский и стал писать рассказы по-французски, чтобы превратить Одессу в Марсель.

В этой точке страсти жизни пуританина Гауди и жовиального Бабеля пересекаются крестом распятия.

Наполеон. Египетский поход

(моя библиотека)

Эта книга раскрыла мне тайну гения Наполеона. Вот это место...

“Мурад-бей получил известие о том, что Наполеон покинул Каир и направился в Азию. Он тут же принял решение. Что он мог потерять? Он сделал крюк по пустыне и пошел на Каир. Он назначил союзнику Эльфи-бею встречу у Асьюта. И Эльфи-бей двинулся по правому берегу Нила, вниз по течению реки, на Асьют и Каир. Этот план был приятен старому Хасану, столько лет не видевшему родного дома и мест, которые он так любил ребенком”.

Я выделил последнюю строчку курсивом.

Занятый перипетиями египетской кампании, движениями солдат и конницы, перемещением пушек и провианта, Наполеон с прозорливостью гения легко понимает чувства противника. Наполеон свободно перевоплощается из француза и республиканского генерала в душу и тело старого мусульманского шейха, который ведет свое конное войско вдоль Нила с радостным сердцем человека, который столько лет провел в изгнании и вот наконец увидел то, о чем и не смел мечтать — родные места.

Надо ли говорить, что понимание того, что лежит на сердце врага, помогает в победе над ним.

Надо ли говорить, что старый шейх вскоре встретил свою смерть.

На протяжении всей книги Наполеон демонстрирует это виртуозное мастерство понимания состояний. Он, как вещей Олег, становится то соколом, то рыбой, то змеей. Он проникает в мысли и чувства молодого мамелюка и пресыщенной одалиски, он знает, что гнетет душу французского солдата. Больше того, он чувствует усталость коня и прохладу Нила, крутизну крепостных стен и плотность песчаного вихря. Усталый конь — знак разбить бивуак, плотность вихря — маскировка пешей атаки... словом, Наполеон мог быть шейхом, коном, тучей песка, пирамидой, Египтом, Францией...

“Нужно приноровиться к людям Востока, — писал он, — отказаться от шляп и узких штанов и придать обмундированию наших солдат сходство с одеянием магрибцев и арнаутов. Одетые таким образом, они приобретут в глазах жителей вид национальной армии”.

Он умел глядеть глазами целого народа.

Рискуя жизнью, возвращаясь всего на двух фрегатах во Францию через Средиземное море, блокированное флотилией англичан, Наполеон однако полностью устранился от командования, доверив корабль капитану, адмиралу Гантому.

Он вмешался только один раз.

На рассвете уже вблизи берегов Франции, фрегат в густом тумане угодил прямо в английскую эскадру, на расстояние одного пушечного выстрела от десятка 74-пушечных линейных кораблей.

“Адмирал, отличавшийся большой впечатлительностью — пишет Наполеон, — приказал повернуть на другой галс, чтобы вернуться к Корсике. “Что вы делаете? — сказал ему главнокомандующий (т.е. сам Наполеон). Уходя, вы себя выдаете. Идите, напротив, на врага”. Это удалось. Не возникло никаких подозрений”.

Здесь Наполеон легко переместился в души сотен английских матросов, пытающихся разглядеть в тумане идущий мимо корабль и успокоенных его курсом.

Стоглазый Протей!

Гюго и Флоренский

(сравнительное жизнеописание)

Виктор Гюго был сыном французского офицера, который дослужился при императоре Наполеоне до генеральского чина. Набожная роялистка мать воспитывала подростка в духе почитания трона, и юноша вырос законопослушным монархистом. В колледже Св. Людовика он сочинял прилежные оды в духе классицизма, в которых славил династию Бурбонов. Сам Людовик XVIII благосклонно принял первый стихотворный сборник "Оды и другие стихи" молодого поэта и обласкал милостью.

Начало взрыву Гюго против трона положили романтическая страсть к Востоку и разочарование в пресности классицизма. От увлечения ориентальной экзотикой Гюго шагнул в сторону восточной политики и поддержал пером борьбу греков против турецкого ига. Обручение с политикой невероятно расширило творческий диапазон Гюго, и в своих драмах писатель окончательно порывает с идеалами юности и объявляет войну королевской власти. Его романтические герои — это цареубийца Кромвель и благородный разбойник, объявленный королем вне закона.

Взрыв Флоренского был таким же радикальным.

Его судьба начиналась счастливо, детство на Кавказе, образованная состоятельная семья отца инженера путей сообщения, атмосфера свободомыслия и пикников. Ничего не предвещало грозовой духовной планиды. Юноша был увлечен физическим устройством мира, техническими вопросами, физикой и математикой.

Закончив известную школу в Тбилиси, где с ним учились, например, Давид Бурлюк и Лев Розенфельд (Каменев), Павел Флоренский выдержал конкурс на физико-математический факультет МГУ, на отделение чистой математики. Его выдающийся ум готовился изучать физическую вселенную без присутствия Бога, в координатах науки, и вдруг — в 1899 году — глубочайший кризис. Флоренский отвергает физический космос в пользу духовного мира и подчиняет математику и геометрию поискам Бога.

Флоренский уходит в монашество, блистательно заканчивает духовную академию при Троице-Сергиевой лавре, а в 1911 году рукоположен ректором академии в сан дьякона. Его жизнь окончательно подчинилась вере и ее духовной проблематике.

Гюго подчинил свою жизнь славе.

Писатель, поэт и драматург входит в моду и постепенно становится культовой фигурой тогдашней Франции. Кредо

Гюго: ограничение монархии властью парламента и отмена цензуры, а идеал: буржуазная республика и полная свобода слова.

Настоящим кумиром французского общества Гюго становится в изгнании, после того как принял участие в вооруженной попытке свержения очередного монарха Луи Наполеона, племянника великого Бонапарта. За два дня баррикадных боев в Париже было убито около 2 тысяч повстанцев. Гюго уцелел в бойне, но был вынужден бежать из Франции сначала в Нидерланды, а оттуда на английские острова в проливе Ла Манш, сначала Джерси, затем Гернси.

Жизнь Павла Флоренского была практически не известна его современникам.

Первой крупной богословской работой стала книга "Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах". В этом труде органично сплелись в одно целое подвиги мысли с личным опытом жизни. Например, анализ мук скептицизма отсылает к мукам безверия, через которые прошел сам Флоренский.

За это трактат в 1914 году Флоренский получает степень магистра богословия. Отныне имя молодого священника стало блистать алмазом первой величины в узких кругах православных теологов. С ним связывали надежды на резкий взлет всей православной учености и опровержение католицизма.

Революция поставила крест на этих надеждах.

Флоренский встретил поворот жизни с монашеским стоицизмом.

Даже простой перечень мест его службы полон драматизма: работа в комиссии по охране памятников культуры закрытой Троице-Сергиевой лавры, завод "Карболит", управление "Главэлектро" при ВСНХ РСФСР.

Пригодилось знание физики и электричества. Он пишет и издает, например, чисто техническую работу "Диэлектрики и их применение в технике".

Гюго сделал свою ссылку европейской сенсацией.

Он превратил свое заточение в феномен пропагандистской войны против любых форм насилия. Он последовательно выступал против смертной казни, пытался спасти от виселицы американского борца с расизмом Джона Брауна, поддерживал антитурецкое восстание греков на Кипре и борьбу кубинцев против Испании, он агитировал царских офицеров не воевать против независимости Польши. Сотни политических стихотворений Гюго тайно доставлялись во Францию и расходились в тысячных копиях. Его европейская слава была увенчана на 1 и 2 международных конгрессах "друзей мира" —

прообраз современной ООН, — где Гюго был неизменным председателем престижного форума.

Сопrotивление Флоренского долго не замечали.

Его смирение перед обстоятельствами было только кажущимся, Флоренский долгие годы не снимал монашеской одежды, запрещенной к ношению, Флоренский примкнул к той части церкви, которая не приняла революцию, наконец, в 1922 году Флоренский заканчивает небольшую сенсационную брошюру “Мнимости в геометрии”, где, в частности, доказывает научное равенство двух подходов к строению мироздания: системы Птолемея и Коперника, верность идей и неподвижной Земли и неподвижного Солнца.

Только хаосом тех лет можно объяснить, что работа была издана.

С этой точки начинается полоса гонений философа: аресты, ссылки, обыски, уничтожение семейного архива и домашней библиотеки.

Финалом его жизни стал роковой арест 1933 года и высылка в Забайкалье, а затем перевод в концентрационный лагерь уничтожения на Соловецких островах, в бывшем Соловецком монастыре.

Последнее место работы великого философа — лагерная лаборатория, где Павел Флоренский занимался добычей йода из водорослей. Свою участь он, как и прежде, принимал с мужеством стойка. 8 декабря 1937 года Флоренский был расстрелян в плановом порядке ликвидации православных священников. Могила его неизвестна.

Наши ортодоксы называют Флоренского так: нераспустившийся бутон ереси.

Гюго умер своей смертью.

Всегда он провел в изгнании 19 лет и с триумфом вернулся на родину в 1870 году, в год поражения Франции во Франко-прусской войне — после поражения под Седаном и падения Луи Наполеона III. Вернулся прямо в осажденный прусскими войсками Париж, где записался в ряды добровольцев Национальной гвардии.

Гюго дожил до глубокой старости и стал свидетелем своей мировой славы, которая обычно достается триумфатору после смерти. Он увидел, как Верди обратил его драму “Эрнани” в одноименную оперу, а “Король забавляется” в оперу “Риголетто”. Его роман о соборе Парижской богородицы тоже обернулся сначала в оперу Даргомыжского “Эсмеральда”, а затем в одноименный балет Цезаря Пуни.

Гюго стал первым классическим диссидентом европейского масштаба, подав пример политической фронды как образа существования, который не только приносит прижиз-

ненную славу, но и огромное состояние. Вся жизнь изгнанника была отмечена комфортом, который был сравним, пожалуй, только с комфортом королей, бежавших из Франции от гнева французского пророка.

Гюго с полным правом возглавляет плеяду политических идолов изгнания, куда кроме него входят Герцен, Ленин, Кропоткин, Махно, Ганди, Горький, Солженицын, Салман Рушди и проклявший его аятолла Хомейни.

Похороны Гюго были настолько грандиозны, что сравнились с торжественным погребением останков самого Наполеона, перенесенных в 1840 году с острова Св. Елены в Дом инвалидов. Воистину Виктор Мари Гюго в день смерти стал императором парижан, огромная процессия провожала его прах в некрополь великих людей — Пантеон, где рядом с Вольтером и Руссо отныне покоился и Гюго.

До сих пор его парижский особняк на площади Вож сохранен как музей.

200-летие со дня рождения Гюго (февраль 2002) отмечалось во Франции как событие национального значения.

120-летие со дня рождения Флоренского (февраль 2002) практически прошло в России незамеченным. ■

Александр Михайлович Кравцов впервые напечатался в "Смене" тридцать лет назад.

Увлекательные, с глубоким знанием психологии творчества и тонкостей разных художественных профессий, эти невыдуманные рассказы о великих композиторах, писателях, оперных певцах и артистах театра и кино написаны превосходным языком в стиле доверительного собеседования. Многие из них вошли в книгу А.Кравцова "Жили-были кумиры, или Звезды ненастного столетия". Книга стала бестселлером, и приятно сознавать, что наша редакция была первооткрывателем ее журнального прообраза. Поэтому сейчас мы хотим познакомить вас с этим удивительным человеком, тем более, что поводов предостаточно: его личное 70-летие, 45-летие творческой деятельности и 10-летие созданного им Московского театра "Мир искусства".

Юрий АНОХИН

Живет он в созвездии Цефей

Прохладным летним утром на ленинградском Дворцовом мосту стоял худощавый юноша, в руках — потертый шнольный портфель.

Место это было для него привычным, но нынешний день — особенным. Слева позади — Смольнинский район. Там прохо-

дило детство Саши Кравцова, прервавшееся в самом начале четвертого класса. Там — все

испытания войной, дистрофия, гибель отца на фронте, работа в военном госпитале, две боевые медали на подростковой груди и трудное возвращение к учебе с опозданием на два года. Наконец аттестат зрелости и всеобщее мнение: "Его будущее — актер".

Мама говорила: "Ничего не слушай — решай сам, только сам!" Она и сама — образцовый пример этим словам, поставила перед собой цель получить профессию, которая считалась только мужской, одолела многие препоны и оназалась первой женщиной-юристом в России. Правда, лет через десять после Великого Октября поняла, что в условиях искусственных уголовно-политических дел и "телефонного права" не имеет смысла быть ни адвокатом, ни прокурором, и ушла в юрисконсульты. Учительница по литературе, Мария Григорьевна Блок, напутствовала: "У вас, Саша, есть возможности состояться в любой из этих профессий. Но не доверяйтесь их внешнему блеску. Честно ответьте себе, где вам не скучно заняться рутинной учебой — полюбить процесс больше, чем результат".

Стоя на мосту, Саша вспоминал и маму, и учительницу, и мысли постепенно обретали стройность: "Когда все говорят, что ты — актер, приходится сомневаться. Разве талант лежит на поверхности? Это ведь признак посредственности! А в толщу литературоведения и языковедения я готов внапываться до полнейшего изнурения, и это мне — в радость".

И Саша Нравцов шагнул в сторону Университетской набережной, бережно неся портфель с документами на филологический факультет...

Учился он легко и весело, слыл общественным деятелем, при этом никогда не был нанимлибо функционером. Зато, в одну из поездок в Москву подружившись с легендарной личностью той эпохи, турецким поэтом и революционером Назымом Хинметом, организовал встречу с ним в Петровском зале Ленинградского университета. Это был большой подарок студентам, хотя и причина некоторой напряженности для идеологического руководства. После выступления Хинмета провожали триумфальными криками и овацией. Студенты благодарили Нравцова, а началь-

ство только поживало, холодно и кисло.

Его независимость настораживала. А он, уже наученный горьким опытом, о котором расскажем позже, продолжал жить увлеченно и увлекал других. Вместе с ныне известным комедиографом Владимиром Константиновым, тогда еще студентом — автором куплетов и коротких реприз, написал сценарий и поставил напустник "Есть в Ленинграде дом зеленый" — один из первых сатирических спектаклей советского студенчества. Успех разозлил секретаря факультетского партбюро. Он потребовал, в частности, чтобы Кравцов не выходил на поклон вместе с исполнителями: "Не надо никаких сенсаций, тем более — демонстраций"... Немногом позже Александр поставил сцену из пьесы "Триста лет тому" — о заключении союза Украины с Россией, но ему было сказано: "Можете взять на себя любую роль, кроме Богдана Хмельницкого". Он не взял никакой. После представления за сцену проникло множество зрителей, а среди членов партбюро шел такого рода разговор:

— Что там за пир горой?

— Чествуют Кравцова.

— Спиртное или хотя бы шампанское есть?

— К сожалению, нет...

Были в партбюро и люди, симпатизирующие Саше. Он спрашивал их:

— Я им костью в горле. Почему?

— Это трудно объяснить, но вы — слишком одиозная фигура. Вокруг вас вечно что-то происходит!

Он оказался лучшим ведущим университетских концертов и сам

с успехом читал баллады Маршана. Его пытались заполучить в коллектив Студенческого театра — гордости не только университета, но и Ленинграда. Он удержался от соблазна, хотя успел подружиться с Игорем Горбачевым, недавним студентом-философом, теперь — популярнейшим исполнителем роли Хлестанова и антером Большого драматического театра, а также — с Сергеем Юрским с юридического, театральной звездой университета, а главное — добрым малым и содержательным собеседником...

И все же бес театра не дремал.

На встречу со студентами приехал Николай Константинович Чернасов — легендарный актер советского театра и кино, депутат Верховного Совета СССР всех созывов. Он получил в театре роль Маяковского, но был уже немолод и сомневался, примет ли его зритель, особенно — молодежь.

Чернасов выглядел усталым, без актерского куража, попросил сказать откровенно, увидят ли ребята в нем Маяковского, и стал читать короткие рассказы В. Натаняна о жизни поэта-гиганта. Студентам льстила доверительная нота вечера, трепет великого артиста. Они убеждали его сыграть Маяковского, и он пригласил всех на генеральную репетицию. В благодарность ему показали несколько концертных номеров. С балладами Маршана выступил и Александр.

Прощаясь, Николай Константинович бросил ему:

— Проводи меня.

— С радостью.

— Что ты тут делаешь? Ты же — актер!..

Такой оборот дела застал парня врасплох.

Чернасов занялся его театральным образованием: устраивал на лучшие спектакли, знакомил с выдающимися актерами и режиссерами Ленинграда, а также с балетным искусством, которое любил и знал в совершенстве, рассказывал о встречах с Шалапиным в своей юности, наконец порекомендовал, параллельно с учебой в университете, поступить в Кинодраматическую студию под руководством замечательного актера и педагога, ученика самого Н.С.Станиславского, — Федора Михайловича Никитина. В этой студии преподавали лучшие педагоги театрального института... Конкурс был велик, но Александра приняли.

В первое полугодие часть набранных учеников соскучилась, другая — терпела "во имя светлого будущего", но все ждали, когда начнут выходить на сцену. А Саше было интересно заниматься упражнениями и этюдами, добиваться успехов в тренинге речи и пластики. Он читал все, что имело отношение к учению Н.Станиславского, забрасывал вопросами руководителя Студии.

Завершился первый год, и Кравцов оценил завет любимой учительницы: "Полюбить процесс больше, чем результат". Значит, и театр — его дело.

В университете продолжалось "одиозное", проще сказать, нестандартное бытие Александра Кравцова. Очки и волосы, хоть и не "стиляжные", но все же длинноватые, прикрывающие уши, черные галифе, хромовые (отцовские) сапоги и потертая кожанка у ортодоксов канона "будь как все"

вызывали раздражение. От большой беды спас случай: в это время шли первые проводы добровольцев на целину, и партком, более умеренный, чем комиссары филфана, командировал студента Кравцова в Таврический дворец, читать в торжественном концерте "Вступление к поэме "Во весь голос" Маяковского. Случай оказался хорош тем, что первых лиц тогдашнего Смольного взволновало чтение университетского студента...

Иными глазами видел его старый профессор Владимир Яковлевич Пропп, крупнейший исследователь русского фольклора. Он называл его "молодым Чернышевским" — за прическу и очки, затем, после ближайшего знакомства на семинарах и экзамене, — не иначе, как коллегой. Пропп доверительно посвятил студента в "сравнительно-исторический метод", которым пользовались "апологеты исторической школы Веселовского". Профессор был из тех самых "апологетов", и, следовательно, к благонадежным преподавателям не причислен.

Доцент Виктор Андроникович Мануйлов, тонкий знаток музыки и поэзии, первым всерьез заговорил о складывающихся стиле и литературном языке Александра Кравцова. Но биографию и этого преподавателя сильно подпортила давняя дружба с нелюбимым властями поэтом Сергеем Есениным. В общем, не умел наш герой выбирать себе в учителя покровителей.

Зато почти одновременно к Саше пришли его будущие профессии: литературоведение, писательство, актерство, первые опыты драматургии и режиссуры, театральная педагогика в виде assi-

стентства на уроках речи и репетициях в Студии.

В будущем это принесет ему больше трудностей, чем удач — профессии выталкивали одна другую, разрывали его время и усилия. Он вспоминал выражение В.Г.Белинского "талант имеет священное право быть односторонним", и ворчал на себя: "Драмкружок, кружок по фото, а мне еще и петь охота"... С годами, несмотря на успешную работу в театрах, пришлось надолго отказаться от актерства, сохраняя только чтецкие программы, чтобы не терять форму.

Жизнь показала: ничто из приобретений этого человека не пропало даром — все оказалось востребованным и обогатило литературу и искусство. Даже глубокое ознакомление с балетом под руководством Н.К.Чернасова: статьи Кравцова о спектаклях и мастерах балетного искусства вызывали профессиональный интерес. Его даже пригласили на внутренний просмотр — отборочный тур для Первого Московского международного конкурса балета.

Кравцов совершенствуется всегда и во всем. Никакие препятствия даже сейчас, когда ему исполнилось семьдесят, не могут остановить его саморазвитие. Как не могли в юности помешать этому почти два года заключения по ложному обвинению. В условиях гугаговской "зоны" он пользовался уважением заключенных всех "мастей" и возрастов. Блатные уважительно именовали его "начитанным фраером", мужики — "адвокатом", политические — "бугорком" (ласковая кличка бригадира), хотя шел ему тогда двадцать второй год.

Сохранился литературный портрет юноши Кравцова той поры его жизни. Автор этого очерка — Л.Э.Разгон, бесспорный авторитет гугаговской темы в литературе: "Александр Кравцов был не просто молодым, а очень юным, совершенно зеленым арестантом, интеллигентом, попавшим в послевоенные лагеря, которые по составу заключенных весьма отличались от лагерей 30-х годов. Что меня, уже немолрого человека и старого заключенного, привлекло в Александре Кравцове? Его духовность, его обостренный интерес к искусству и литературе, самостоятельность суждений. С ним было интересно говорить о книгах, картинах, он сам рисовал, обнаруживая несомненные способности, увлеченно рассказывал об увиденных спектаклях... И с какой завистью и каким интересом слушал он рассказы человека, которому довелось почти все видеть: спектакли Мейерхольда и Таирова, Чехова и Михоэлса... Я не строил никаких предположений о дальнейшей судьбе моего молодого лагерного знакомца, но я был почти уверен, что лагерь он выдержит, ибо именно его духовность, работа интеллекта сохраняла человека в еще большей степени, нежели лишняя миска лагерной каши"... Самоотверженные хлопоты матери помогли пересмотреть дело сына на уровне Верховного суда РСФСР и добиться отмены приговора. Усольгаговский прокурор по надзору за местами заключения, прощаясь с Александром, произнес: "Желаю вам всегда сохранять личность так, как удалось даже в этих условиях"...

Кравцов говорит, что при всей бесчеловечности самой "системе-

мы", у него нет оснований помянуть недобрым словом никого-либо конкретного из встреченных "там" людей. Думаю, что разгадку такого необычного явления надо искать в нем самом — его воспитании и умении равно относиться и к маршалу, и к рядовому.

Я не случайно назвал полюсные воинские звания. В 1962 году, одним из первых, Кравцов в своих авторских документально-художественных радиопередачах к 20-летию Победы поведал о судьбах маршалов войны: Баграмяна, Рокоссовского, Чуйкова, генерала Телегина и сержанта, а в мирное время — закройщика обуви, Ивана Румянцева, кавалера Ордена Славы всех трех степеней. В этих, как и некоторых других, передачах эпизоды из воспоминаний разыгрывали актеры. В своеобразный радиотеатр Кравцова вошли Ростислав Плятт, Борис Смирнов, Анатолий Папанов, Валерий Ленаев, Лидия Князева и другие.

С тех пор он ставил спектакли и концертные программы, с успехом пробовал себя в жанре фельетона, писал эссе и творческие портреты деятелей искусств в газетах и журналах: о композиторе Д.Д.Шостаковиче, актерах Ф.Г.Раневской, А.Б.Фрейндлих, Н.Н.Симонове, М.И.Жарове, Ю.В.Толубееве, братьях Юрии и Виталии Соломиных... В книге "Искусство звучащего слова" он осмыслил и обобщил опыт не только своих поисков и открытий в этом виде творчества. Оказалось, что А.М.Кравцов впервые создал достойную режиссерско-педагогическую "систему". Его попросили проводить для мастеров художественного слова и мо-

лодых антеров творческие лаборатории в Центральном Доме актера и Доме работников искусств.

Все, с чем доводилось ему работать, о ком писать, дорожили общением с ним, творческим и человеческим. Сегодня мы вправе пошутить, что великие деятели российской культуры нечаянно оказались дальновидными: в 2000 году вышла книга невыдуманных рассказов Александра Кравцова "Жили-были кумиры, или Звезды ненастного столетия". Современные авторитеты разных видов искусств написали вместо послесловия: "Автору как никому удалось в форме невыдуманных рассказов живым, образным языком с искусствоведческим анализом, доступным любому читателю, создать литературные портреты великих деятелей отечественной музыки, изобразительного искусства, театра и кино. Мы видим в этом труде уникальную ценность для культуры России".

Пожалуй, осторожнее всего он подступал к драматургии. Первую пьесу протяженностью в пятнадцать минут написал и поставил в тринадцатилетнем возрасте, в военную пору. Сюжет был прост: дети рабочих радостно готовились к Первомаю, а после разгона демонстрации вернулись с умирающей девочкой на руках... Но первую профессиональную пьесу драматург А.Кравцов опубликовал лишь в 1975 году. "Узники Его Величества" — драма о денабристах на Кавказе. Тему подсказал писатель Н.М.Симонов, которому и посвящен этот труд. Четыре театра решительно приняли ее к постановке, но как в анекдоте говорится, "пришел лесник и всех разо-

гнал". И то сказать, если уж затрачиваться на масштабную постановку в год XXV съезда КПСС, то пьеса должна быть о партии, хотя денабристы и разбудили кого-то в далекой истории.

Зато свет ramпы в 59 театрах страны и двух сериях на телевидении увидела драма "Новоселье в старом доме" — о судьбах ленинградцев военного поколения в послевоенные годы. Рекордное число постановок и успех у зрителей принесли драматургу известность. Из прочих его пьес были поставлены в Москве и других городах "Какая музыка была" — трагическая история талантливого пианистки в годы гитлеровской оккупации, "Игра в жмурки" — о молодежи 70-х годов, драма "Последняя осень" (Сергей Есенин) — о жизни и гибели великого поэта и другие.

Недавно отметил свое 10-летие Московский театр "Мир искусства". А.М.Кравцов с двумя своими учениками — актерами Сергеем Кокориным и Сергеем Блохиным основал и официально учредил этот театр в 1992 году, когда на витринах магазинов лежали только пакетики приправы "хмели-сунели", денег было мало, очереди за продуктами огромные — тут вроде бы не до театров. Да и репертуар предлагался вовсе не "кассовый", без "чернухи и порнухи", построенный на русской и мировой классике в инсценировках Кравцова, а затем и на его оригинальных пьесах. Но публика шла. И до сих пор заполняет залы спектаклей "Мир искусств". Люди идут на доброту, гуманность, теплый юмор и умение художественного руководителя создавать на сцене "живой театр" — в чутком и зара-

зительном партнерском общении актеров.

В "Мире искусства" идеально совместились и взаимно обогащаются все профессии Александра Михайловича: драматургия, режиссура, театральная педагогика и, наконец-то, снова — актерство. Он выходит на сцену то в образе шуншинского персонажа — Прокурора ("Материнское сердце"), то мудрым провинциальным доктором Ярошенко ("Белый вальс"), то престарелым, но душой юным композитором Татищевым ("Грешным делом"), то Сказочником в "Ночи сказок" — своих пьесах "для детей от семи лет до преклонного возраста".

У драматурга, режиссера, актера Кравцова — один почерк. Он всегда тщательно разрабатывает характеры и отношения персонажей, добр и гуманен, естественен, высоко ценит психологические полутона. Искусством импровизации на сцене владеет виртуозно. При этом легко входит в контакт с людьми любого возраста.

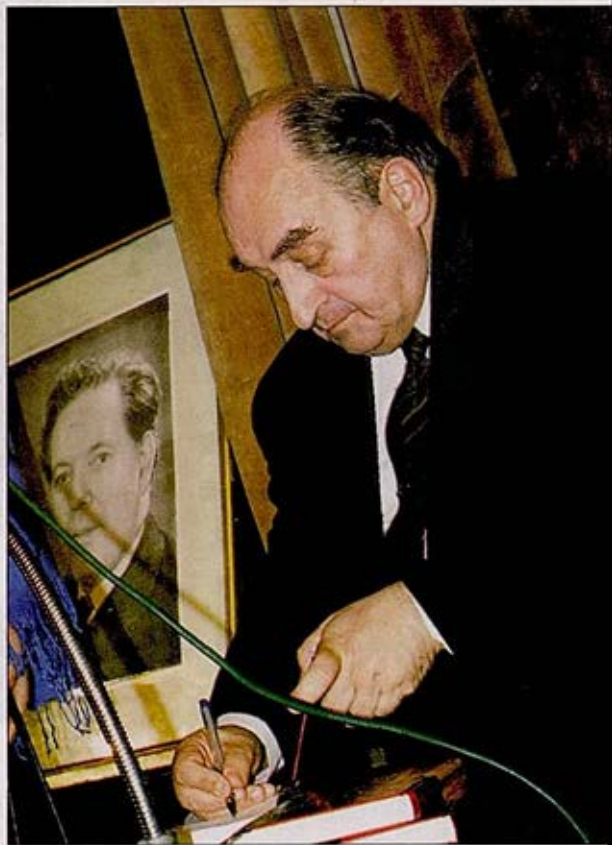
Однажды с двумя коллегами — известными артистами Малого театра — попал он в детский сад. Специального репертуара для маленьких детишек ни у кого из гостей не было, а наивная заведующая садиком попросила "выступить". Один из актеров нашелся — пригласил всех на спектакль "Сказка о царе Салтане". Другой сказал, что спел бы, да не захватил с собой гитару. Кравцов тут же, на ходу, сочинил прелестную сказку про то, как из одного дерева произошли Кукла, ее братец Колотушка и сестренка Погремушка, но Кукла этого родства не признавала, пока братец и се-

стрица ни спасли от беды маленького ребенка и его глупую задавану-нуклу. После этого дети весело плясали с полюбившимся сказочником, стараясь повторить его легкомысленные коленца.

Один уважаемый народный художник России рассказал:

— От людей его возраста вообще не принято ожидать новых талантов. Но я пришел на спектакль, беру программку, читаю: "Постановка и сценография А.Кравцова". Как, еще и сценография? С кем же я знаком столько лет? Но в оформлении спектакля — даже живописные портреты!.. И все это — его. Пришел он недавно от имени Правления ЦДРИ поздравить театр "Ромэн" с 70-летним юбилеем. Цыганские актеры его хорошо знают. Они играют пьесу "Таборные игры", созданную Кравцовым вместе с главным режиссером театра Николаем Сличенко. Наш Александр Михайлович поет романс на известную мелодию, но на свои стихи: "Горит, горит твоя звезда в безмолвии астрономическом..." Это, значит, адресована Сличенко. Оба они удостоены сертификатов на небесные тела их имени: звезда "Сличенко" — в созвездии Тель-

ца, звезда "Кравцов" — в созвездии Цефей. Вот он и поет о том, как прилетит к "семье ромэновой" на трехсотлетний юбилей". Цыганские артисты удивленно ахают и устраивают овации.

Никто в кругах людей искусства не может сказать, что знает о Кравцове все. Чаще говорят о его непредсказуемости. Но все согласятся — за что бы ни брался этот талантливый человек — все свои дарования в литературе и искусстве он доводит до уровня настоящего мастерства. ■

ТАЙНА РОССИЙСКОЙ ПЕЛИНСКОЙ трагедии

Любовь РУСЕВА

** Этот очерк написан на основании сохранившихся записок и писем современников трагических событий, научных изысканий и открытий Олега Александровича Иванова и нескольких экспертиз, проведенных специалистом Института криминалистики ФСБ РФ Александром Петровичем Коршиковым.*

Запах грибов, гниющей листвы и почвы запущенного лесопарка заполняет легкие. Вся его территория изрезана оврагами, по дну которых, под прорывающимися сквозь густую листву редкими лучами солнца, искрясь и переливаясь всеми цветами радуги, весело бегут ручьи. Они берут начало здесь же, в лесу, окружающем дворец. Когда-то в загородную резиденцию русских императоров Ропша съезжался весь двор на охоту. Теперь здесь тихо и пустынно. Мрачно возвышаются над каменной оградой руины дворца. Обгорелые стены с зияющими черными дырами окон будоражат воображение.

Мы со Светланой Дружининой молча бродим вокруг них, предаваясь собственным мыслям. Она стремилась сюда в связи со съемками своего сериала "Тайна дворцовых переворотов", желая увидеть место, где держал при себе князь Меншиков юного императора Петра II, намереваясь женить его на своей дочери. Меня же влекло событие, произошедшее в этом дворце спустя 35 лет — убийство другого венценосного узника — и тоже Петра, но III-го. Именно сюда привезли свергнутого императора после переворота в 1762 году.

— Меня всегда интересовал вопрос, где же столько дней держали труп Петра Федоровича? Ведь в июле стояла жара, — прервал затянувшееся молчание сопровождавший нас петербургский археолог Виктор Коренцвит. — И понял это, когда нечаянно во время раскопок обнаружил фундамент церкви. Я буквально провалился в подземный ход, соединявший ее и дворец. Видно, совершив убийство, Орлов приказал сюда перенести тело жертвы.

Известие о существовании потайного хода меня поразило. Наконец все стало на свои места.

— Вот это сюрприз! Ты не можешь себе представить, какой подарок сделал мне своим открытием! Теперь я знаю, как убийцы проникли в покои дворца.

— А зачем Орлову было проникать туда, ведь он сам возглавлял охрану императора и неотлучно находился при нем, — удивился наш гид.

— Виктор, граф не был царевубийцей.

— Как это не был?! Со школьной скамьи все знают, что именно Алексей Григорьевич собственноручно...

— Но ведь с тех же времен все знают и о бутафорных "потемкинских деревнях", а на самом деле Григорий Александрович создал целую страну — Таврию. Десятки тысяч сел построил, города основал, да какие! Николаев, Херсон, Севастополь... — и все это за каких-то четыре года при мизерных средствах! А мы и сегодня не устаем поливать грязью этого выдающегося соправителя Екатерины Великой. Но если с Потемкиным все ясно, тогда не леньтесь бы псевдоисторикам пойти в архив да ознакомиться с документацией, ведь смерть Петра Федоровича плотно скрывает завеса тайны. Не в тот день совершилось злодеяние и не теми людьми.

— Так когда же и кто убил императора?

29 июня 1762 года в пятом часу пополудни Петергоф покинула большая четырехместная карета с завешенными гардинами. На запятках, на козлах и по подножкам стояли вооруженные до зубов гренадеры. Зловещий экипаж сопровождал конный конвой. Расположившиеся лагерем в верхнем саду гвардейцы с любопытством наблюдали, как кавалькада, едва покинув территорию царской резиденции, помчалась, что было мочи, в сторону Петербурга. Только позднее участники переворота узнали, что карета эта увозила свергнутого императора Петра III в Ропшу — место его заточения.

Как сложилась судьба Петра Федоровича, знает каждый. 7 июля манифестом оповестили россиян о том, что бывший император “волею Всевышнего Бога скончался”. Каждому известно и кто приложил руку к смерти узника — конечно же, Алексей Григорьевич Орлов. Да и как сомневаться в этом, если злодей написал собственноручное признание: “Матушка милосердная Государыня, как мне изъяснить описать что случилось что поверишь верному своему рабу, — но как перед Богом скажу истинну. — Матушка готов иттить на смерть но сам не знаю как эта беда случилась. Погибли мы когда ты не помилуешь — Матушка его нет на свете — но никто сего не думал и как нам задумать поднять руки на Государя — но Государыня свершилась беда мы были пьяные, и он тоже, он заспорил за столом с князь Федором, не успели мы рознять, а его уже и не стало, сами не помним, что делали, но все до единого виноваты — достойны казни, помилуй меня хоть для брата, повинную тебе принес и разыскивать нечего — прости меня или прикажи скорей окончить, свет не мил, прогневили тебя и погубили души на век”.

Это письмо цитируют все: от ученых до невежественных ведущих телепередач. На его основании трактуется (и, надо заметить, довольно мрачно) как русскими, так и зарубежными специалистами история Отечества! Еще бы! Золотой век российской истории — это век Екатерины Великой, самозванки, свергнувшей законного императора с престола и обagrившей по локти руки в его крови при помощи Орлова.

Выдающийся русский историк и писатель Николай Михайлович Карамзин справедливо писал: “Холодный пепел мертвых не имеет заступника, кроме нашей совести: все безмолвствует вокруг древнего гроба!.. Что, если мы клеветем на сей пепел; если несправедливо терзаем память человека, веря ложным мнениям, принятым в летопись бессмыслием и враждою?”

Как показали научные изыскания современного исследователя Олега Александровича Иванова и экспертизы, подтвердившие его выводы, Екатерина II и возведшие ее на престол братья Орловы беспощадно оклеветаны. Пришло время сбросить с наших плеч злонамеренные измышления и очистить от плевел память об этих великих людях. Так что же произошло на самом деле? Попробуем приподнять завесу над тайной ропшинской трагедии.

Итак, 29 июня 1762 года свергнутого императора Петра III доставили в загородную резиденцию царей — Ропшу.

— Алехан, — напутствовала Екатерина графа Орлова, — гляди в оба, чтобы упаси Бог с ним что-нибудь не случилось.

— Не тревожьтесь, государыня, волос с головы сего злодея не упадет. Ведомо мне, что многим желается живота лишить нашего уroda, дабы тебя очернить да нас с братьями погубить. Не бывать сему.

Знал бы тогда Алексей Григорьевич, что ждет его впереди! Получив приказ сформировать команду для охраны Петра Федоровича, он вместе с поручиками Баскаковым и Пассеком, а также подпоручиками Чертковым и князем Барятинским, активными участниками переворота, набрали сто человек унтер-офицеров и солдат из разных гвардейских полков. Среди этих четырех обер-офицеров были преданные люди княгини Дашковой, а, следовательно, и графа Панина, который жаждал мести и реванша. Никита Иванович не мог простить того, что Екатерину провозгласили самодержавной императрицей. По его плану, она должна была стать всего лишь регентшей, а императором — его воспитанник, наследник российского престола великий князь Павел. Фактическим правителем стал бы сам граф.

Панин не только сформировал конвой, привезший в Ропшу узника, но и приставил к Петру капитана Щербачева и лейтенанта Озерова. Офицерам этим, видно, не по нутру была подобная честь, они в тот же день “заболели” и покинули зловецкий дворец. Никита Иванович вынужден был прислать лакея Маслова. Этот не подвел...

Первое потрясение отразилось на самочувствии свергнутого императора: у него испортилось пищеварение, чрезвычайно обострился геморрой и начались мучительные головные боли. Андрей Болотов, раньше наблюдавший подобные приступы, писал, что Петр Федорович настолько страдал, “что крик и стенания его можно было слышать даже на дворе”.

О самочувствии узника Екатерина Алексеевна узнала на следующий день и предприняла срочные меры, послав нарочного в Ораниенбаум к Василию Ивановичу Суворову, отцу будущего генералиссимуса. “Господин генерал Суворов! По получению сего, извольте прислать сюда, отыскав в Ораниенбауме, или между пленниками, лекаря Лидерса, да арапа Нарцыса, да обер-камердинера Тимпера; да велите им брать с собою скрыпицу бывшего государя, его мопсинку собаку... P.S. Я не оставлю вас словесно благодарить за ваши хорошие распоряжения и верную службу: знаю, что вы честный человек”.

Василий Иванович всегда пользовался большим доверием государыни. “Суворов очень мне предан и в высокой степени неподкупен, — писала она, — он без труда понимает, когда возникает какое-нибудь важное дело в тайной канцелярии; я бы желала доверяться только ему, но должно держать в узде его суро-

вость, чтобы она не перешла границ, которые я себе предписала”.

В то время, когда карета увозила из Петергофа бывшего императора, генерал-лейтенант Суворов прибыл в Ораниенбаум с отрядом гусар и конной гвардии, чтобы захватить верные Петру Федоровичу голштинские войска. Он тут же передал приказ монархине Лидерсу, но личный гоф-хирург царя повел себя странно. Вместо того, чтобы немедленно отправиться к больному, он выписал ему лекарства, которые так и не пересылал.

Состояние Петра Федоровича требовало особой диеты. Проверить еду зашел почему-то лакей Маслов.

— Не пересоллил? — обратился он к повару, и, взяв у него поварешку, попробовал варево.

— Упаси Бог, нешто я без понятия!

— Будет ляды точить, неси харчи господам, проголодались, а своему я сам наберу.

Когда кашевар исчез за дверью, лакей живо вытащил из кармана пузырек и сыпанул из него немного в суп. Появление в комнате слуг с обедом заставило присутствующих прервать игру в карты.

— Да, я обещал оставить виселицами дорогу от Ораниенбаума до Петербурга, когда узнал, что эта дура удрала в Петербург, — продолжал высокопарно выступать Петр Федорович.

— Полегче! — вскипел Орлов.

— Ах, простите, совсем забыл, что ваш брат в любовниках у моей жены, — продолжал развязно узник, который чувствовал себя сегодня гораздо легче. — Но я уверен в необходимости возобновления смертной казни. Если проявлять слабость и не наказывать смертью тех, кто этого заслуживает, могут иметь место всякого рода беспорядки и неповиновения.

— Слава Богу, нам сие уже не грозит, — хмыкнул Федор Барятинский.

— Рано радуешься! — вскипел арестант, — думаешь, коли я подписал отречение, кое подsunул мне Гришка Орлов, то я уже не император?! Вот вернись в Петербург, покажу вам! Всем припомню сие заточение!

Видя, что узник разошелся не на шутку, Орлов сказал примирительно:

— Что толку от разговоров на голодный желудок? Обед стынет.

За столом нависло тягостное молчание. Офицеры думали, как отвлечь от столь опасных тем бывшего императора. Но они больше не возникали: спустя некоторое время после обеда Петру Федоровичу снова стало плохо. Металлический привкус во рту привел его к страшной догадке.

— Нехристи! — кричал он, корчась на кровати. — Извести рещили! Травить, точно пса взбесившегося.

Побледневший Маслов никак не мог утихомирить несчастного, но вскоре тот от измождения сам стих, забывшись тяжелым

сном. Орлов не понимал, что нашло на узника, он подозрительно глянул на приставленного лакея, лицо его посуровело. Но, увидев, что император уснул, постепенно успокоился и отправился писать императрице, которую обязан был держать постоянно в курсе дела.

“Матушка Милостивая Государыня здравствовать вам мы все желаем нещетныя годы. Мы теперь по отпуске сего писма и со всею камандою благополучны, толко урод наш очень занемог и схватила ево нечаенная колика, и я опасен, шток он севоднишнюю ночь не умер, а болше опасаясь, шток не ожил. Первая опасность для того, што он всио здор говорит и нам ето несколько весело, а другая опасность што он действительно для нас всех опасен для того што он иногда так отзывается, хотя в прежнем состояли быть... Посланной Чертков к вашему величеству обратно еще к нам не бывал и для того я опоздал вас репортовать, а сие пишу во вторник в девятом часу в половине. По смерти ваш верный раб Алексей Орлов”.

Получив послание и узнав, что Лидерс так и не прибыл в Ропшу, Екатерина Алексеевна разгневалась.

— Господин лекарь, как вы посмели ослушаться и не явиться к своему господину, коему так нужна ваша помощь?! Немедля отправляйтесь к нему и обойдитесь самым наилучшим образом!

Не чувствуя земли под ногами, Иван Лидерс покинул кабинет императрицы. Он вступил в службу лекарем четыре года назад, а 20 февраля 1762 года именным указом Петра III пожалован в гофхирурги. Лидерс был не только сведущим врачом, но и опытным царедворцем, он не желал стать козлом отпущения. Призрак смерти так и витал в воздухе.

— Легко приказать “отправляйтесь!”, — бормотал несчастный. — Дни моего благодетеля сочтены, и я не в силах ему помочь. Не одни, так другие непременно отправят его на тот свет, а смерть его припишут моему лечению. Мне же и тридцати пяти лет не исполнилось! Будь что будет — не поеду.

Но отвёртеться Лидерсу не удалось. На следующий день, 3 июля, он был вызван к действительному статскому советнику Теплову. Прямо из кабинета секретаря Екатерины медик в плохой позе “отправится с максимальной скоростью” в Ропшу.

Предчувствия не обманули доктора: вслед за ним туда же по приказу Панина отправился другой гофхирург — Христофор Паульсен. И вез он с собой не лекарства, а инструменты и предметы, необходимые для вскрытия и бальзамирования мертвого тела!

После очередной порции яда обреченный, измученный невыносимыми резами в животе и одуряющей головной болью, немного задремал. Маслов бесшумно покинул комнату и вышел в сад подышать свежим воздухом.

Ничего не понимавший Орлов сел за очередное письмо. “Матушка наша милостивая государыня. Не знаю што теперь начать,

боюсь гнева от вашего величества ш^{то}б вы чево на нас неистоваго подумать не изволили и ш^{то}б мы не были притчиною смерти злодея вашего и всей Роси также и закона нашего. А теперь и тот при- ставленной к нему для услуги лакей Маслов занемог, а он сам теперь так болен ш^{то} не думаю ш^{то}б он дожил до вечера и почти совсем уже в беспаметстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит бога ш^{то}б он скорей с наших рук убрался. А оной же Маслов и посланной офицер может вашему величеству донести в каком он состояни теперь ежели *обо мне* усумнится изволите. Писал сие раб ваш верный..."

Со двора послышался стук колес подъехавшего экипажа. Вскоре в дверь постучал дежурный офицер.

— Нарочный из Петербурга.

— Пусть войдет.

— Они на заднем дворе дожидаются.

Алексей Григорьевич озабоченно посыпал песком послание и вышел. Пока он спускался к гонцам, к окну, выходящему на противоположную сторону дворца, подошел князь Барятинский и укордкой махнул рукой. Несколько человек юркнули в церковь.

— От кого? — настороженно спросил Орлов прибывших.

— Граф Разумовский указом ея императорского величества назначен Екатериной генерал-адъютантом и командующим всех пехотных полков, расположенных под Петербургом, а также Петербургского и Выборгского гарнизонов, — отпрапортовал один из офицеров, протягивая копию Орлову.

— Граф Никита Иванович интересуется самочувствием Петра Федоровича, — подал голос другой офицер, когда начальник караула ознакомился с документом. — Полегчало ли?

— Какое! — обреченно махнул рукой Орлов.

— Не отчаивайтесь, Алексей Григорьевич, едучи сюда, мы обогнали гоф-хирурга Лидерса. С минуты на минуту он будет здесь.

— Скорей бы, мочи нет смотреть на маету его.

Пока посланцы графа Панина заговаривали зубы Алехану, спрашивая подробности странной болезни, к лакею, сидевшему в саду, неожиданно подошли офицер и несколько солдат. Маслова тут же молча засунули в закрытую повозку и увезли. По дороге в Петербург им встретилась другая повозка, которая везла доктора Лидерса. Заметив камер-лакея, хирург похолодел.

В это время к окну, выходящему на задний двор, подошел один из тех, кто проник в церковь. Беседовавшие с Орловым заторопились. Простившись, они вскочили на коней и ускакали в Петербург. Ничего не подозревавший начальник караула вернулся во дворец. Через несколько минут раздался леденящий душу вопль.

— Подлюки! — Алексею предстала страшная картина: в спальне узника царил погром, а сам он, задушенный, лежал на полу. — Кто?! Вернуть?! Убью?!

С обнаженной шпагой Орлов выскочил во двор, куда в это время въезжала подвода с Лидерсом.

— Бога ради быстрее!

Но исправить ничего уже было нельзя. Это был удар не только по Екатерине и Орловым, но и по всей русской гвардии, свергнувшей императора. Как теперь смотреть в глаза государыне и братьям? Не углядел, дал себя провести...

Вспомнив о письме к императрице, Алехан побежал в свою комнату. Лихорадочно дописав несколько слов, он сложил бумагу с мокрыми чернилами, но отправить предупреждение Екатерине не успел — от мощного удара по голове сзади он потерял сознание...

Как удалось Алексею Григорьевичу вырваться — неизвестно, но несколько послов свидетельствуют, что поздно вечером их беседа с императрицей прервал окровавленный офицер в разорванном мундире.

Узнав о трагедии, государыня отправила нарочного в Ораниенбаум за верным Суворовым. Утром 4 июля генерал был уже во дворце. 5 июля он направляет письмо в Ораниенбаум майору Петлугину. "Секретно. Ордер господину майору Петлугину, обретающемуся при команде в Ораниенбауме. По получении сего, немедленно извольте вынуть из комнат обще с господином советником Бекелманом бывшего государя мундир голстинской кирасирской или пехотной, или драгунской, которой толко скорее сыскать можете, и запечатат комнаты опят вашею и советника печатми, и прислать оной мундир немедленно с сим посланным. Как тот мундир будете вынимать, то старатца, чтобы оной, кроме вас двух, видеть ниже приметить хто мог, и сюда послать, положи в мешок, и запечатать и везен бы был оной сокровенно, а ежели господин Беккельман незнает в которых бы покоях тот мундир сыскать можно, то можно о том спросить тех, которые были при гардеробе. Генерал поруччик В.Суворов. С.П.Бурх 5 июля 1762 году".

Вот так, по официальной версии, император неожиданно скончался 6 июля, а накануне уже подобрали мундир, в котором он лежал в гробу. Значит, правы те, кто писал, что убийство было совершено именно 3 июля.

То, что убийство было подготовлено партией Панина, понять можно, но почему в этом деле возникает имя княгини Дашковой? Ведь она, судя по ее "Запискам", обожала государыню и могла принести ради нее любую жертву, но никак не навредить. И вдруг нанести в спину такой удар! Здесь надо вспомнить и непомерное честолюбие княгини, и ее нетрадиционную ориентацию.

Будучи еще замужем за князем Дашковым, Екатерина Романовна воспылала чувством к великой княгине Екатерине Алексеевне. Ни для кого не было секретом, что, став императором, Петр III собирался избавиться от законной супруги, объявив Павла незаконнорожденным. Мать и сына в лучшем случае ждала крепость.

Участь любимой тревожит Дашкову. Что будет с ней после смерти императрицы Елизаветы Петровны?! Вот он, шанс! Такое дается только раз в жизни! Спасти! Возвести! И стать рядом... скалой! Направлять! Руководить! И играть не просто роль маркизы Помпадур при короле, а стать кардиналом — вершителем судьбы Отечества! Вот жребий, который выпал на ее долю. Вот истинное ее предназначение на Земле. Бог слегка ошибся, дав ей тело женщины, но не беда — это можно если не исправить, то подкорректировать. Что такое мужской плащ, костюм и шляпа? — Одежда, не более. Главное — характер. Кто из них, из мужчин, может сравниться с ней, с ее решимостью, с ее умом, с ее хваткой?! Никто!

Сам Господь дает ей шанс себя обессмертить и доказать свою любовь! И 18-летняя Екатерина Романовна начинает решительно действовать. Не в ее правилах откладывать в долгий ящик. За пять дней до смерти императрицы Елизаветы Петровны тяжело больная Дашкова вскакивает с постели, накидывает шубу и мчит-ся в деревянный дворец, где жила царская семья. Как и положено при тайном свидании, княгиня пробирается к Екатерине через заднее крыльцо.

— Ее высочество уже в постели, — недоумевает горничная столь позднему визиту.

— Ничего, мне непременно надобно говорить с ней сейчас же.

Горничная вынуждена была уступить и доложить Екатерине Алексеевне о визите.

— Ради Бога, — закричала великая княгиня (по крайней мере, так пишет сама Дашкова), — если это действительно Дашкова, ведите ее ко мне немедленно.

Вот оно, первое тайное ночное свидание! О, как взволнована ее визитом любимая!

— Милая княгиня, прежде чем вы объясните мне, что вас будило в такое необыкновенное время явиться сюда, отогрейтесь, вы решительно пренебрегаете своим здоровьем, которое так дорого мне и Дашкову.

Вслед за этим монологом (как пишет княгиня) Екатерина затащила посетительницу в постель, завернула ее ноги в одеяло и только после этого позволила говорить. Дашкова объяснила, что не может больше выносить неизвестности, которая ждет великую княгиню после смерти императрицы. Со слезами на глазах она спросила, нет ли каких планов у Екатерины, и просила ей довериться. Но, естественно, у великой княгини не было никаких планов. (Ну что взять со слабой женщины?!). Бедняжка только заплакалась и прижала руку Дашковой к своему сердцу. Боже, какое мгновение! Что ради этой счастливой минуты не сделаешь!

— Спасение вашего высочества — дело рук ваших друзей, — решительно заявила княгиня. — Я имею довольно сил поставить их всех под ваше знамя! Ради вас я способна на любую жертву!

— О нет, милая княгиня, не рискуйте собой! Если с вами что-то случится, я буду очень жалеть.

— Если бы моя слепая любовь к вам привела меня даже на эшафот, вы не станете его жертвой.

Судя по запискам Дашковой, это было первое объяснение в любви. Визит слегка затянулся, а это могло быть чревато последствиями.

— Нет надобности далее рисковать продолжением этого свидания, — проявила мужскую твердость Дашкова.

Растроганная Екатерина Алексеевна горячо обняла Екатерину Романовну, и *“мы несколько минут оставались в объятиях друг друга; наконец я встала с постели и, оставив взволнованную Екатерину, поспешила сесть в карету”*...

А дальше читайте сказки “1000 и одна ночь княгини Дашковой” — другими словами “Записки княгини Е.Р.Дашковой”, из которых вы узнаете, как нужно любить Отечество и что делать для его спасения. Вы узнаете, что план государственного переворота зародился именно в ее головке, именно Екатерина Романовна стала и организатором “революции”, и ее мозгом, и ее пружиной, и ее движущей силой. Да и как иначе, если вокруг только пьяные, безмозглые, тупые офицеры, или ленивые жирные политики, которым нельзя поручить столь важное дело, как спасение Отечества.

Те, кто не читал письма Екатерины II и не рылся в архивах Воронцовых, не знает, что великая императрица называла свою страстную поклонницу “взбалмошной бой-бабой”, не догадывается, что Дашковой не доверяли даже ее родственники и опасались, что ее невожатый язык доведет их до эшафота. Для тех, кто не торчит сутками в архивах и не читает малоизвестные документы, сообщу, что к перевороту 1762 года княгиня Дашкова непосредственное отношение имела только в ее бессмертных записках, которые она писала на склоне лет. Настоящие заговорщики не посвящали в свои планы.

Но это все мелочи... Итак, узнав, что Пасек арестован, княгиня не растерялась подобно другим, которые точно сумасшедшие носились по всему Петербургу — кто верхом, кто на своих двоих. Она оценила ситуацию и отдает четкие приказы. Боевые офицеры, за плечами которых не одна кровопролитная битва и не одно ранение, отдали должное выдержке и отваге княгини, и беспрекословно ей подчинились.

Революцию, как известно, делают мужчины. Накинув на себя широкий мужской плащ, Дашкова отправилась спасать Отечество.

— Княгиня! — крикнул взволнованный Алексей Орлов, соскочив с лошади. — Пасек арестован, как государственный преступник. Четыре часовых стоят у его дверей, и по двое у каждого окна его комнаты. Мой брат побежал известить Панина, а я передал эту новость Рославлеву.

— Ну что, последний сильно был встревожен этим известием? — спросила Дашкова, хотя прекрасно знала ответ.

— Да, несколько испугался. Но зачем вы стоите на улице? Позвольте мне проводить вас домой.

— Мне безопаснее здесь, чем дома, где трудно укрыться от наблюдения слуг. Но теперь терять слова нечего. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтоб они сию же минуту отправились в Измайловский полк и оставались при своих постах, с целью принять императрицу в окрестностях города. Потом вы или один из ваших братьев молнией летите в Петергоф и от меня просите государыню немедленно сесть в почтовую повозку, которая уже приготовлена для нее, и явиться в лагери измайловских гвардейцев: они готовы провозгласить ее главой империи и проводить в столицу. Скажите ей, что дело такой важности, что я даже не имела времени зайти домой и известить ее письменно; что я на улице и изустно отдала вам поручение привести ее без малейшего замедления. Может быть, я сама приеду и встречу ее.

Княгиня, на чьи плечи легла вся тяжесть переворота, вернулась домой в таком *“раздражительном настроении духа”*, что в этот ответственный момент истории Отечества решила немного отдохнуть. Она приказала приготовить к вечеру мужской костюм (не в платье же, в самом деле, свергать законного императора и возводить на престол предмет своей страсти). Но Россия была бы не Россией, если бы все делалось так, как надо и своевременно. Портной, естественно, опоздал. Мало того, костюм жал и стеснял движения. Ну что тут будешь делать?! *“Чтоб не возбуждать подозрения со стороны домашней прислуги, я легла в постель, но не прошло и часу, как была поднята страшным стуком в ворота. Вскочив с постели, я вышла в ближайшую комнату и приказала принять, кто бы это ни был...”*

Это были не голштинцы и не полиция, а ... (о, ужас!) младший брат Орловых — Федор, который приехал спросить, не рано ли послать за императрицей и беспокоить ее слишком поспешным требованием в Петербург. И это после четкого ее приказа мчаться немедленно в Петергоф! Дашкова остолбенела. *“Это так взбесило меня, что я не могла сдержать своего гнева (при чем выразилась довольно энергично) против самовольного замедления моих приказаний, данных Алексею Орлову”*.

— Вы упустили самое драгоценное время! Вы боялись потревожить государыню и решились вместо этого обречь ее на жизнь в темнице или одной с нами участи на эшафоте. Скажите же своему брату, чтоб он немедленно скакал в Петергоф и привез ее в город, как можно скорей; иначе Петр III предупредит ее и разрушит все наши надежды на спасение России и императрицы.

Вот и попробуй после этого сделать что-нибудь путное в России. Бедная Дашкова! Не трудно представить, что ей пришлось пережить в эту страшную ночь! Княгиня *“горела желанием ехать навстречу императрице”*, но не поехала. Подлец портной сшил для нее мужской наряд слишком узким! В другом костюме, сами

понимаете, невозможно спасти от верной гибели ни императрицу, ни Отечество. Именно стеснение, которое она чувствовала от мужского наряда, приковало ее к постели. *“Малейший звук будил меня, и Екатерина, идеал моей фантазии, представлялась бледной, обезображенной. Эта потрясающая ночь, в которую я выстрадала за целую жизнь, наконец, прошла; и с каким невыразимым восторгом я встретила счастливое утро, когда узнала, что государыня вошла в столицу и провозглашена главой империи...”*

Естественно, что Екатерина Романовна тут же отправилась во дворец, чтобы поздравить “идеал фантазии” с восшествием на престол. *“Мы были немедленно в объятиях друг у друга. “Слава Богу” — вот все, что мы могли сказать в эту минуту...”*

Свершилось. Теперь она первый человек в империи (конечно, после любимой императрицы!). И вдруг в момент триумфа Дашкова узнает о страшном предательстве. Оказывается, место рядом с императрицей, ее “идеалом фантазии”, занято. И кто же рядом с любимой женщиной?! — Тупой, ограниченный, пустой офицеришка — какой-то Орлов! Коварство возлюбленной, ради которой она рисковала своей головой, ради которой предприняла этот переворот, раскрылось случайно. Явившись во дворец, Дашкова остолбенела: в одной из царских комнат, во весь свой гигантский рост, на диване растянулся Григорий Орлов. Перед ним лежал огромный пакет бумаг — государственные акты верховного совета, которые он посмел распечатывать. Но еще больше оскорбило Дашкову то, что стол к обеду был накрыт на троих — в том числе и на несносного выскочку.

Теперь вся кипучая энергия и буйная фантазия княгини были направлены на месть, на уничтожение тех, кто незаслуженно занял ее место. Нити заговора Хитрово, целью которого было убийство пятерых братьев Орловых, ведут к Дашковой. Любопытная деталь: во время следствия ни один офицер-заговорщик не высказал причиной недовольства Орловыми их причастность к смерти Петра Федоровича! Гордость, заносчивость... — что угодно, но не убийство императора. Почему же они в свое оправдание не привели единственную, оправдывающую их причину, — желание спасти честь государыни, репутация которой пострадала от злодеяния фаворитов.

Но разъяренной княгине мало подтолкнуть преданных ей офицеров к убийству ненавистных Орловых. Она оказалась причастной еще к нескольким заговорам (в том числе и Мировича), которые были направлены уже против самой императрицы. Любопытная деталь: каждый раз, когда заговоры раскрывались, Екатерина Романовна вдруг заболела. Да как! Лежала, можно сказать, при смерти.

Но как быть с письмом графа Орлова, в котором он признается в содеянном, и просит помиловать его “хоть для брата”?

Вступив на престол, император Николай I поручил историку Блудову разобрать секретные бумаги царских архивов, который, просмотрев ропшинские документы, на папке, где хранились письма Орлова, написал: "Два письма графа А.Г. Орлова к императрице Екатерине, в *последнем* он ей объявляет о смерти Петра III".

Куда же делось третье письмо? И почему о смерти императора сообщено во втором? А все очень просто — так называемого третьего письма Орлова не существовало в природе в 1762 году, не было его в архиве и более шестидесяти лет спустя. Так откуда же взялся "документ", который до сих пор цитируют и из-за которого клеймо царевича прочно закрепилось за графом Алексеем Григорьевичем? Этот чудовищный миф убедительно развенчал Олег Александрович Иванов, а Александр Петрович Коршиков, сделав экспертизу всех посланий Орлова, в заключении своем категорично отрицает авторство графа в "третьем письме".

Фальсификация принадлежит перу графа Федора Васильевича Ростопчина — талантливого и безнравственного человека. Опубликовав найденное, якобы, им письмо, он для достоверности комментирует находку: "После смерти императрицы Екатерины кабинет ее был запечатан г. прокурором графом Самойловым и г-м адъютантом Ростопчиным. Через три (дня) препоручено было великому князю Александру Павловичу и графу Безбородке рассмотреть все бумаги. В первый самый день найдено письмо графа Алексея Орлова и принесено к императору Павлу. По прочтении им, возвращено к графу Безбородке, и я имел его с четверть часа в руках. Почерк известной мне гр. Орлова, бумаги лист серой и нечистой, а слог означает положение души сего злодея и ясно доказывает, что убийцы опасались гнева Государыни и сим изобличают клевету, падшею на жизнь и память сей великой царицы. На другой день граф Безбородко сказал мне, что император Павел потребовал от него вторично письмо графа Орлова, прочитав в присутствии его, бросил в камин и сим истребил памятник невинности великой Екатерины, о чем и сам чрезвычайно после соболезнавал".

"Подробности, приведенные Ростопчиным в комментариях, — пишет О.А. Иванов, — вызывают недоумение. Дело в том, что сохранившиеся оригинальные письма Орлова написаны на качественной белой иностранной бумаге. Почему же он сделал исключение для третьего, пропавшего? Более того, можно было бы отдать должное наблюдательности Ростопчина по поводу "положения души сего злодея", если бы не результаты экспертизы. На основании двух оригиналов специалист утверждает: Орлов был "в обычном психологическом состоянии". Более того, его заключение гласит: "Рукописные тексты обоих писем исполнены одним лицом в среднем темпе в привычных для этого лица условиях письма, о чем свидетельствует отсутствие признаков наруше-

ния координации мелких движений (в частности, устойчивость фоновой компоненты письма) и пространственной ориентации фрагментов текста”.

Следовательно, и 2-го и 3-го июля Орлов был трезв. Мало было Ростопчину навесить клеймо цареубийцы на Орлова, так с его легкой руки до сих пор Алексея Григорьевича, а заодно и его братьев, считают пропойцами. А ведь именно Алехан был автором рескрипта, запрещающего пьянство в переходный период власти. Употребление же спиртного во время караула каралось смертной казнью.

Еще до письменного оформления гнусной клеветы и ее публикации, Ростопчин сообщает “по секрету” о существовании письма заклятому врагу Алексея Григорьевича Орлова — княгине Екатерине Романовне Дашковой, которая не преминула вставить это в свои “Записки”. Правда, рассказ графа во многом противоречит тому, что он написал — не велика беда. Княгине клеветник сообщил, что император вслух читал письмо в присутствии Безбородко, великих князей, императрицы Марии Федоровны и своей фаворитки Е.И. Нелидовой. Но “забыл” сообщить о сожжении документа — это он придумал позже. “Доверчивая” же Дашкова занесла в свои мемуары, что после смерти Павла I стало известно — письмо Орлова не было уничтожено.

Бряд ли подобные мелочи могли волновать графа, ему не привыкать было к оговору и фальсификации. Федор Васильевич безжалостно расправлялся с теми, кому завидовал и в которых видел соперников на государственном поприще. Так он расправился с Николаем Петровичем Паниным, женатым на дочери Владимира Григорьевича Орлова — Софье. Правда, на этот раз он поплатился за свое коварство. Когда подлог его письма раскрылся, Павел воскликнул:

— Ростопчин — настоящее чудовище! Он хочет сделать меня орудием своей личной мести; так пусть же последствия ее падут на него самого!

“Ростопчин был темперамента нервного, раздражительного, желчного... — писал о нем князь П.А. Вяземский. — Уже в молодости пробивалось презрение его к людям. Чем дальше углублялся он в жизнь и в сообщество или, скорее, в столкновение с людьми, тем более росло во всеоружии своем и резче выражалось это прискорбное и, можно сказать, болезненное свойство”.

Но для чего нужно было Ростопчину, удаленному от дел, снова использовать свой литературный талант для очередной фальсификации? Императора Павла уже нет, Александр его терпеть не мог. Молодой государь помнил, что в царствование отца граф осуждал его поведение. Более того, самолюбивому Александру попало в руки письмо, в котором Ростопчин высказал уверенность, что Аустерлицкое поражение явилось “Божьим наказанием” за убийство Павла I.

На что мог рассчитывать клеветник при таком раскладе? Хитрый интриган начал плести паутину, и первым шагом стал разговор с Дашковой. Княгиня нужна была ему: дружба первой статс-дамы императорского двора, имевшей к тому же многочисленные родственные связи и знакомства, стоила многого. Федор Васильевич рассчитал верно: в благодарность за сообщение о третьем письме Орлова Екатерина Романовна познакомила его с любимой сестрой императора — великой княгиней Екатериной Павловной. Стараниями этих двух дам Александр поручил Ростопчину ревизию московских богоугодных заведений.

Граф “оправдал высокое доверие” и стал обер-камергером, правда с правом числиться в отпуске и не приезжать в Петербург. Но такой оборот не устроил Ростопчина. Видно, одного письма для дальнейшей карьеры было мало, тем более, что Александр, знавший о тех событиях гораздо больше Федора Васильевича, знал истинную цену письму. Нужно было придумать еще что-нибудь — и неугомонный Ростопчин придумал. Он мчит в Тверь к Екатерине Павловне, пользовавшейся неограниченным доверием венценосного брата.

— Государыня! Осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашего Императорского Высочества самовернейшую подробную записку о последнем дне царствования императрицы Екатерины II и о первом императора Павла, коим я был очевидец. Тут нет ничего упущенного, ничего прибавленного и картина страшного сего дня писана с истины.

Поскольку Ростопчин чрезвычайно торопился, то допустил ошибки. “Под запиской стоит дата 15 ноября 1796 г., — пишет Иванов. — Однако сохранившиеся в архивах ее списки свидетельствуют о более позднем написании. В пользу этого говорит и стиль документа, не сочетающийся с чрезвычайно ровным изложением, маловероятным при описании событий по горячим следам; к тому же в тексте нельзя различить, что видел сам автор, а что ему рассказали. Кроме того, автор допустил и непростительные фактические ошибки, например, описание времени и обстоятельств инсульта Екатерины II, сцены опечатывания архива государыни, времени ее смерти (22 ч. 15 мин. вместо 21 ч. 45 мин.) и др. Возникает вопрос: почему свидетель, записавший ход событий по горячим следам, допустил их? На этот вопрос есть два ответа: во-первых, “Последний день” писали значительно позднее, а обещание прислать его в скором времени торопили автора, и он не успевал свериться с документами. Во-вторых, факты, изложенные в нем, преднамеренно искажены”.

Риск был чрезвычайно большой, но ради карьеры Ростопчин пошел на него. Благодаря этим двум фальсификациям Федор Васильевич по настоятельной просьбе великой княгини был назначен московским генерал-губернатором. А мы до сих пор цитируем плоды его “творчества”, обвиняя графа Алексея Григорьевича Орлова в царевубийстве. ■

Иван МАЙГУН

Семейные драмы

Видимо, время сейчас в России такое — даже сугубо семейные конфликты становятся отпечатком социальных противоречий.

Ну, что, казалось бы, особенного в ссоре старшего брата, построившего новый дом, со своей сестрой и пожилой матерью?! И не такое в семьях случается. Но когда пламя пожара охватило их стены и крышу, и соседи поняли, что загорелось не случайно, поневоле возникли те самые, вечные вопросы, которые должен задавать себе каждый, всерьез задумавший изменить жизнь — свою, своих близких или, снаем, своего народа:

а так ли поступаю? Всем ли хватит места в этой новой жизни? И другая коллизия: ребенок взрослеет в сложной нынешней ситуации... Как уберечь его от ошибок?... От трагических случайностей?... Как не подтолкнуть его к неверному шагу своей родительской категоричностью?

Об этом две необычных, и в то же время весьма характерных, истории из нашей сегодняшней жизни...

Неслучайный пожар

В тот день, возвращаясь из магазина, услышал я то ли выстрелы, то ли взрывы. Что-то гулко лопалось в воздухе, и эхо этих звуков натилось над крышами дачного поселка и соснами ближнего леса. Спросил ехавшего на велосипеде мальчишну:

— Что это, не знаешь?

— У Иванцовых оба дома горят! — крикнул он. — Шифер на крыше трескается!..

Вот, оказывается, что было похоже на выстрелы.

Иванцовы жили в дальнем переулке, рядом с лесом, и, всмотревшись в ту сторону, я увидел белесые, почти прозрачные клубы дыма, поднимавшиеся вверх легкими толчками. Свернул, ускорив шаг. Заметил: с разных сторон по улицам и переулкам торопятся люди — туда же.

Со многими я был знаком — не первый год приезжаю сюда летом. И, подходя к сгоревшему дому, знал уже мгновенно разнесенную беспроволочным "телеграфом" подробность: в доме был лишь шестилетний сын Иванцова, когда загорелось. Он, выбежав на улицу, почему-то не стал звать людей, а, устроившись на сваленных у соседних ворот бревнах, наблюдал, как взметываются языки огня из распахнутых окон.

Соседка же заметила пожар, когда огонь перебросился с бревенчатой избы на впритык пристроенный кирпичный дом в два этажа, выедавая изнутри его обшитые деревом стены, паркетный пол, недавно завезенную мебель, вгрызаясь в деревянные перекрытия и шиферную крышу.

Поэтому пожарные машины после вызова приехали лишь к развязке: старая изба пылала, как хорошо разгоревшийся костер, а новый дом стрелял в небо кусками раскаленного докрасна шифера.

Из толпы, стоявшей в переулке, я видел, как пожарные не спеша — торопиться уже было некуда — сбивали тугими струями слабые языки огня с сарая, стоявшего чуть в стороне, как поливали водой заборы и крыши соседних домов, куда летели искры и куски шифера. Они локализовали пожар — это все, что было в их силах.

Толпа оцепенела, завороженная жутким зрелищем. Гудело пламя в кирпичном доме, как в печке с хорошей тягой. Лопнули стекла окон, и теперь внутри видны были сплетенные в живой, свирелый, разрастающийся ном огненные языки. А над домом стоял горячий столб воздуха, подымающий в небо прозрачные клубы дыма и черные хлопья пепла, кружащие вверху, будто ночные бабочки.

Заскулила собака, и тут все опомнились, крикнули вразнобой пожарным — те немедленно оттащили конуру и гремевшего цепью пса подальше. Кто-то, заметив младшего Иванцова, сидевшего на бревнах у соседских ворот, стал оклипать его, но он не отводил глаз от огня.

— Петру позвонили? — спрашивали в толпе.

— Вроде, да, — отвечали. — Вон соседка, Дарья, вызвала его вместе с пожарными.

— Не вызвала, а просила сказать, что горит, — уточнила стоявшая здесь же Дарья, бегав-

шая на почту звонить. — Не было его на месте, отъехал он.

— Конечно, работа такая, третью фирму, говорят, открыл, — откликнулся голос из толпы на это уточнение. — Верна его тоже разрывается в трех местах бухгалтером, мозги вывихнуть можно.

Вера, жена Петра, была сподвижницей во всех его начинаниях.

— Вон даже сына без присмотра оставили. Видно, он с огнем и добаловался.

Снова стали звать младшего Иванцова.

— Вова, туда искры летят. Поди к нам.

Тот, наконец, услышал. Спустился с бревен — в джинсовых шортах с расцарапанными коленками, белокурый чуб коротко острижен, светло-серые глаза на бледном лице мечутся.

— Как это вышло, Вова?

Молчит.

— Ты играл со спичками?

Нивает.

— И нечаянно поджег?

Опять молчит. И вдруг, обведя всех скачущим взглядом, объясняет:

— Нет, я нарочно... Так мне баба Маня велела...

Его бабушку Маню схоронили полгода назад, и стоящие вокруг не сразу поняли, о чем он. А Вова добавил:

— Баба Маня, когда болела, сказала: сделай то, что мне помешало.

И снова была минута изумленного оцепенения.

Знали в селе — затяжной конфликт в семье Иванцовых добром не кончится, но чтобы так?! Полгода внук носил в себе

бабкино завещание и вот — исполнил.

На жалость времени не было

Историю этого конфликта мне рассказали, когда Петр Иванцов отвез пожилую мать сначала в психбольницу, где врачи диагностировали у нее лишь тяжелейшую депрессию, а затем — в дом престарелых.

Мнения в поселке по этому поводу разделились: одни осуждали Петра, другие, вздыхая, оправдывали. Мол, да, нехорошо, родная мать все-таки, но старуха-то совсем тронулась — пыталась поджечь собственный дом. Те, кто осуждал, объясняли — не могла баба Маня видеть, как старший брат Петр родную сестру Клавдию из дома гонит.

О Клавдии в поселке тоже судили по-разному, считая — не всякий человек волен исправить свою судьбу. Кто-то может, а у кого-то силенок нет. У Клавдии вот сил не хватило: дважды была замужем, одна троих детей растит, двое из них — внебрачные. Такой характер — она и на одной работе долго не может, пять или шесть мест сменила. Но зато добрая, уступчивая, ни с кем никогда не ругается, говорили ее защитники. И веселая — за праздничным столом первая петь начинает.

Росли Петр с Клавдией без отца — он рано умер. Мать от зари до зари в совхозе работала. Жили скудно, ходили в обносках, но уже тогда разность характеров сестры и брата определилась: смешливая Клавдия во всему относилась легко, не стеснялась в поношенном платье в

клуб на танцы бегать, а Петр был обидчив и замкнут, предпочитал сидеть по вечерам дома над книгами.

— Этот своего добьется, — говорили о нем. И не ошиблись.

Правда, прежде, чем основать три своих фирмы, купить квартиру в облцентре и "Жигули" — девятку, а к дому матери пристроить кирпичную двухэтажную "дачу" (так он ее называл), пришлось ему, по его же словам, нелегко: был в городе малооплачиваемым инженером, пона не сообразил свое дело начать. Взял в аренду баню-развалюху в пригороде. Отстроил, парную завел и два бассейна. Народ пошел, даже — поехал, на "Жигулях" и иномарках, мест не хватало, входные билеты стали брать заранее, сразу на два сеанса.

И дела его поправились. Он возле бани два киоска поставил: один с напитками, другой — с промтоварами. Войдя во вкус, еще несколько торговых точек открыл. Потом фирму зарегистрировал — оптовыми закупками занялся. И еще две, дочерние — это уже когда от бани отказался. Прошел слух, будто откупился он ею от чересчур крутых рэкетиров.

По-прежнему был он не очень разговорчив, но уж если говорил, то суждения его звучали безапелляционно и резко.

За деловую хватку Петра в селе зауважали. Приходили советовать, а бывало, и просить, чтоб к себе взял. Кого-то брал, кому-то отказывал. Те, кому посчастливилось, рассказывали:

— Работы, конечно, много и спрашивает со всех Петр строго,

но зато платит хорошо. Одно плохо — хмурый очень. Хоть бы пошутил иногда, нет, все молчком.

— На них не угодишь, — отвечал Петр, когда ему передавали эти слова. — Что-нибудь одно: или работа или шуточки.

Сестра Клавдия раздражала его именно этим — бесконечной своей улыбочкой и шутливой болтливостью. Был уверен — из-за ее легкомыслия не ладится у нее жизнь. Замуж высканивала за бестолковых и пьющих, а серьезные отваживались с ней лишь на краткосрочные романы.

Петр был с сестрой суров и бесцеремонен, отчитывал при всех, доводя до слез. Жена его, Вера, старалась в их отношения не вмешиваться, а вот мать непременно встревала, защищая Клавдию. Это раздражало Петра еще больше и, срываясь, он кричал:

— Кого защищаешь? Она же лентяйка и дура, способна только нищету плодить!

Суровость Петр считал главным воспитательным средством, втолковывая матери:

— Мы с тобой забаловали Клавдию. Ты с ее детьми сидишь, пона она в городе развлекается. Я ей деньгами помогаю. Надо это прекратить, тогда она за ум возьмется.

— Да ведь сестра она тебе, — возражала мать, — родная кровь. Ее жалеть надо, тогда, может, и у нее жизнь наладится.

Жалеть сестру ему было некогда.

Он занимался строительством, потому что, когда они все съезжались, в старой избе становилось тесно. Мотался на "Жигулях" в город, гнал оттуда

грузовины с рабочими и стройматериалами. Двухэтажный дом подняли за одно лето. А к следующему настелили паркет, завезли мебель. Но семейного мира это не принесло.

Петра раздражали теперь дети Клавдии, бегавшие с его Вовной по комнатам нового дома. Как-то в воскресный день, разбуженный их беготней, он взорвался. Накричал на Клавдию. Заявил, что ее "отродье" дурно влечет на Вовку.

— Так что, нам вообще отсюда уехать?

— Да, уехать, раз не можешь свою гольтьбу в узде держать.

Все село видело, как плачущая Клавдия вела своих троих к станции, на элентричку — ехать в город, где у нее была комната в коммуналке.

С этого момента что-то случилось с матерью Иванцовых. Стала баба Маня заговариваться, бормоча неразборчивое и глядя на собеседника взглядом, погруженным в себя. Часто уходила с внуком Вовной в лес, собирала с ним травы, сушила их, приговаривая:

— Когда умру, лечить всех будешь. Вот эта трава от нашля, это от ломоты в спине, а эта от сердца.

— У тебя сердце болит? — спрашивал Вовна.

— Болит, внучек, давно болит, — отвечала баба Маня. — Всех мне жалко, а отца твоего больше всех. И зачем ему только дом, если в нем Клавнины дети не бегают?

А однажды Петр, спускаясь со второго этажа в нухню, услышал запах паленого, увидел распахнутую дверь в избу, к торцу

которой был пристроен его дом, и, вбежав в полутемный коридор, застал сцену: Вовна поджигал спичками кучу тряпья, а баба Маня помогала ему, бормоча:

— Правильно, внучек, гори оно огнем, это добро, если нет от него радости.

Тогда-то Петр и решил отвезти мать к психиатру.

Пограничное состояние

Врач объявил Петру, что отклонений серьезных нет, а есть депрессия, из-за которой оказалась бабушка в пограничном состоянии, то есть между нормой и патологией. Пройдет это быстро, если создать в доме благожелательную обстановку и обеспечить уход.

Ни на то, ни на другое у Петра времени не оказалось и, колебавшись вначале, он все-таки отправил мать в дом престарелых. Навещал редко — минуты свободной не было. Отправляя вместо себя Веру с Вовной, передавал с ними гостинцы.

К весне баба Маня простыла, ее перевезли в больницу, и Вера с Вовной стали приезжать туда. Обычно Вера оставляла сына у кровати бабушки, а сама шла к врачам и медсестрам, раздавая подарки, рассовывая в карманы белых халатов конверты с деньгами. О чем в этот момент говорила бабушка с внуком, Вера не знает, потому что Вовна характером в отца — весь в себе.

Хоронили бабу Маню на сельском кладбище, и всем казалось, что ее смерть примирит брата с сестрой. Но Клавдия со своими детьми сразу после поминок уехала, так ни разу и не ос-

тавшись с Петром с глазу на глаз. Видимо, Петр не очень был к этому расположен, а Клавдия не хотела навязываться.

В тот день, когда от старой их избы осталась груда искрящейся золы, а от нового дома — закопченные стены, я видел, как к редющей в переулке толпе подкатила знакомая "девятка". Хлопнула дверца. Рослая фигура двинулась к дому и, словно споткнувшись, остановилась. Петр стоял неподвижно с минуту и — отвернулся. Смотреть на то, что было домом и стало пожарищем, он не мог.

Соседка Дарья подвела к нему сына.

— Твоя работа? — спросил его Петр.

Сын кивнул и повторил, как заведенный.

— Мне баба Маня велела.

— Баба Маня? — склонился к нему отец. — Ты что, бредишь?

— Нет, — отрицательно замотал головой сын, — не бреню. Я ее вчера во сне видел.

Дернув за руно, Петр рывком посадил его в автомобиль, и, резко захлопнув дверцу, уехал.

А на другой день, проходя мимо, я увидел в переулке Клавдию с детьми. Они стояли у сгоревших домов, всматриваясь в почерневшие стены и остывшую уже груду золы ошеломленно и недоверчиво.

Дети Клавдии

...Они теперь вспоминаются мне всякий раз, когда, возвращаясь на элентричке в Москву, вижу, как бредут по вагонам с протянутой руной чьи-то дети. Когда слышу, как просят помочь — "чем можете". И кажется мне,

что все они — дети Клавдии, чей брат, поглощенный укреплением своего благополучия, одним махом разрубил родственные узы, освободив себя от хлопотной обязанности помогать им.

Я понимаю его инстинктивное желание, чтобы все вокруг немедленно стали такими же работающими и хваткими, как он сам. Разделяю его брезгливое отношение к лени и безответственности. Догадываюсь, что неизбежные перемены в нашей жизни заставят обладателей этих черт выпить до дна горькую чашу нищеты и позора.

Но мне не по себе от мысли, что из этой же чаши придется хлебнуть и детям Клавдии, не виноватым в том, что угораздило их родиться в переходное время.

И еще одна догадка тяготит меня: если все наши, такие необходимые, российские перемены замешаны на взаимном ожесточении, разрыве родственных уз и страданиях детей, выброшенных за порог нормальной жизни, то не окажемся ли мы совсем не там, куда хотели придти?.. Ведь чужая беда не навсегда чужая. Она, как искра от пожара, может однажды сжечь благополучие тех, кто рядом.

"Отправьте дочь в колонию"

... Такого здесь еще не было: распахнув дверь в инспекцию по делам несовершеннолетних, высоний седой человек произнес:

— Прошу отправить мою дочь в колонию.

Сотрудницы оторопели:

— Почему?

— Она меня избила... И к тому же вышла на панель...

Его дочери 16, ему за 70. Поздний ребенок от второго брака. Сам он в недавнем прошлом певец оперного театра. В глазах — лихорадочный блеск.

— Она жертва времени, — бормотал он словно в беспамятстве. — Ее спасет только жесткий режим... Только колония... Ведь бить отца — святотатство!..

Он приходил в инспекцию еще несколько раз, и меня с ним познакомили.

— Журналистская братия, — выговаривал мне Константин Семенович, — занимается провокациями. Развращает молодежь. По ТВ показывают сенс и насилие. И — драки в Госдуме. Нельзя это показывать!

А потом я увидел его дочь Натю: вальяжная походка, чувственные губы, оценивающий взгляд. И — спокойная улыбка. Неужели ей всего 16?

На нее уже к тому моменту накопилось досье: остановлена на выходе из магазина с краденным шампунем; задержана с "ночными бабочками" на Тверской.

— У меня таких шампуней дома — завались, — небрежно объясняет Катерина, — просто забыла заплатить, когда выходила. А на Тверской подружку увидела, остановились, а тут милиция...

Об отце:

— Ну, был конфликт. Вы его меньше слушайте. Он давно уже не артист.

— Но он же вам отец.

— Да какой он отец. Тюремный надзиратель.

По отцовскому плану ей надлежало проявить музыкальные способности в раннем детстве.

Но ежедневные занятия отвратили ее от пианино. Тогда отец купил ей виолончель. Два раза в неделю Катя таскала тяжелый инструмент в музшколу, ненавидя его. Как-то на углу, расстегнув футляр, саданула виолончелью о фонарный столб. Дома сказала: переходила улицу и чуть не попала под автомобиль, выронив инструмент.

— А почему футляр цел? — цепко спросил отец.

... С того момента она стала учиться врать. Но отец чаще всего разоблачал ее. Бил под горячую руку, крича:

— Ты кем хочешь стать? Уборщицей? Торговкой? Да ты же в конце концов на панель выйдешь!

Натина мать, Нина Ивановна, вздыхала: воспитательные фантазии мужа казались ей чрезмерными, но возразить не осмеливалась — он в доме был безраздельным властителем.

Дочь с ним тоже не спорила. Но чем больше он ругал, например, шоу-бизнес и "попсовую" музыку, тем больше ее тянуло из дома. Назло отцу на дискотенках знакомилась с парнями, чье легкое отношение к жизни казалось ей единственно возможным способом существования. Отец, узнав про дискотенку, впал в состояние, близкое к безумию.

— Это же музыка дикарей! — кричал он. — Там собирается одна шваль!..

Катя не выдержала:

— Там просто другие люди. Это же не значит, что они плохие.

— Они примитивные!

— Можно подумать, что ты сложный, — вырвалось у дочери,

и отец ударил ее ладонью по губам: — Это тебе за хамство.

Рассматривая в зеркало распухшие губы, она возненавидела отца, его нетерпимость ко всему, что было ему непонятным. ("Это же и есть фашизм!" — сказала мне). Его эгоистическую уверенность в том, что дочь должна быть приложением к его артистической славе. ("Будто я ему декорация!..").

И, ненавидя отца, она уходила из-под его власти, подпадая под власть своих иллюзий. Круг ее приятелей ширился, среди них появились молодые бизнесмены. Ее с подружкой Леной стали зазывать в рестораны. В этих, сорящих деньгами, ухажерах ей чудилось нечто рыцарское. Все чаще ее привозили домой за полночь, и отец, увидев однажды дочь с букетом роз, закричал:

— Ты еще убедишься, что эти цветы тебе подарили скоты!

Она убедилась.

Как-то за ресторанным столиком мужская половина их компании удвоилась. Подсевшие говорили комплименты, потом перебрались фразами, из которых следовало — кто-то кому-то задолжал. После чего все они погрузились в ожидавшие их "мерседес" и "ауди", поехали к кому-то смотреть по виду "классную эротину".

Натя так и не поняла, в каком районе Москвы она оказалась — наоборот ее тоже отвезли на "мерседесе". В промежутке была одна из лучших серий "Эммануэль" с ее щемяще-нежной мелодией, были тосты — "За наших красавиц!", после одного из которых Натя обнаружила, что ее

прежних приятелей и Лены в квартире нет.

Но она поняла, что ею "отдадут долг", только когда ее бросили на диван.

Для нее это был первый опыт близости. Ее насиловали — грубо, разнузданно, били по щекам, когда она пыталась сопротивляться. Потом отвезли и еле стоящую на ногах втолкнули в лифт, предупредив: "Вздумаешь жаловаться — тебе не жить".

Она заперлась от родителей в ванне, плача, давась рвотой. Отец барабанил в дверь:

— Я тебя предупреждал!

На следующий день она все рассказала матери. Та была вне себя:

— Сейчас же пойдем в милицию!..

Дочь усмехнулась:

— Ты меня похоронить хочешь?..

Мать металась:

— А что отцу скажем?

Но Константин Семенович не ждал объяснений, сказал, как отрезал:

— Теперь ты сама такая, как те, с дискотек.

С этого момента ее отчуждение от родительской жизни стало открытым. Она не сразу сказала матери, что бросила школу. Не объясняла, откуда у нее деньги и где проводит ночи, когда появляется под утро. Нина Ивановна плакала втихомолку, боясь спросить дочь: видела, что та готова сорваться, накричать.

А дочь тем временем проходила школу уличной жизни: продавала на Арбате иностранцам федоскинские шкатулки, пока не прогорела, задолжав работодателям крупную сумму. Ее по-

ставили "на счетчик", проценты росли, и однажды она откликнулась на предложение подошедшего к ней солидного мужчины "вместе поужинать", назвав почти всю сумму долга. И — получила ее.

Еще одно приглашение, и она расплатилась бы. Но на следующий день ее остановила невысокая, крепко сбитая женщина лет 30, с пунцовыми губами, больно схватила за локоть и, заведя в подъезд, ударила коленом в пах: "За место нужно платить!" Катерина в тот же вечер перед тем, как сесть в автомобиль позвавшего ее человека, попросила "аванс", тут же передав его "пунцовой".

Эта "пунцовая" оказалась бригадиршей. В подчинении у нее около десятка ночных бабочек — 16—18-летних девчонок, приехавших из провинции, и несколько москвичек. Потом, попав в их группу, Катерина узнала: бригадирша снимала для приезжих двухкомнатную квартиру, обеспечивала охраной и транспортом. Очень удобно, особенно зимой. Девчонки греются в автомобилях, стоящих где-нибудь во дворе, а на Тверской "пунцовая" ловит клиентов. Те, въезжая во двор, включают фары. Хлопают дверцы, бабочки выпархивают, выстраиваются в шеренгу против света, распахнув шубки. Клиенты смотрят, не вылезая из машины, отсчитывают "пунцовой" купюры, указывая: "Давай вторую слева".

Из полученной суммы бригадирша выделяла бабочке одну треть. Иногда — меньше. Если кто-то из девчонок прогуливал, штрафовала: от 10 до 100 дол-

ларов из очередного заработка. Время от времени бабочки из провинции ездили домой. Каждая получала от бригадирши инструкцию — как вербовать своих сверстниц: нужно рассказывать о их якобы шикарной московской жизни. За каждую новую бабочку вербовщица получала от 100 до 300 долларов.

Отмазывала их бригадирша и от милиции, беря на себя все переговоры. Но — не всегда удавалось. Во время общегородских милицейских рейдов их, случалось, брали в момент смотрин под светом фар. Держали по нескольку часов в отделении, выясняя, кто откуда. И — отпускали, потому что доказать факт систематической продажи себя за деньги почти невозможно. Привлечь же к ответственности бригадиршу стражи порядка тоже не могли — нет сейчас в Уголовном кодексе статьи за сводничество.

Кстати говоря, когда сотрудники инспекции по делам несовершеннолетних рассказывали мне все эти подробности, я поинтересовался, из каких семей рекрутируются юные жрицы любви. Обычно из неполных, ответили мне, где нет отца. Или отец есть — но — пьющий. Как правило, семьи эти материально не обеспечены, иногда просто бедствуют.

... Константин Семенович удивляясь, откуда у дочери дорогие наряды, однажды зло пошутил:

— Уж не на панель ли вы шла?!

С Катериной случилась истерика.

— Это ты, ты меня туда толкнул! — кричала дочь, подойдя к

нему вплотную. — Как накарнал, так и случилось!

И он, ошеломленный признанием, снова ударил ее ладонью по губам:

— Не смей орать на отца!

Натерина, на минуту замолкнув, кинулась к висящему на стене зеркалу в резной раме, разглядывая распухающие губы, потом опять закричала. И, не помня себя, сорвала со стены зеркало, подняла и ударила им отца. Тот, пятась, выбежал от нее на лестничную площадку, но она догнала — и била, била его тем зеркалом.

Прикрывая голову, он звонил и стучал во все двери, просил

вызвать милицию. Соседи разняли их, но милицию вызвать не решились. Натерину увели в ванную, накапали валерьянки.

В милицию же Константин Семенович пришел сам.

Когда мы там говорили с ним, он упорно повторял:

— Только колония, только жесткая дисциплина спасет ее.

Объяснял:

— Я делал все для ее воспитания, но против развращающего влияния общества оказался бессилён.

...Он так и не понял, что сам запрограммировал дочь на тот образ жизни, от которого предостерегал. ■

Валерий ШАРОВ

Другое Небо

В небо он пришел так:
— До малой авиации у меня была жизнь, насквозь пронизанная спортивной гимнастикой. С бесконечными тренировками, сборами, поездками по стране. Не раз был я чемпионом и призером всесоюзных и республиканских соревнований, чемпионом города и области. Но замучили травмы, да и время подошло — вынужден был оставить большой спорт. В жизни образовался вакуум, а природа, как известно, пустоты не терпит. И вот как-то в нижегородском пединституте, где я работал, проводилась встреча с ведущими дельтапланеристами и конструкторами

этих летательных аппаратов. Я пошел на нее и так заинтересовался, что стал членом секции дельтапланеризма...

Надо признать, что Саша с детства мечтал быть летчиком, и потом, выполняя головокружительные саскоки с гимнастических снарядов или прыгая на батуте, не раз отмечал про себя ни с чем не сравнимые мгновения полета... Если обычному новичку для подъема на дельтаплане в небо необходимо не менее месяца интенсивных тренировок — чтобы почувствовать аппарат, свое тело в нем, координацию в сложных воздушных условиях, — то Саша начал летать с первого

*"Травма, не совместимая
с жизнью" — таков
диагноз поставили
Александр Самылкину
врачи. Но он выжил.
И даже вернулся
к любимой работе...*

же занятия и совершил один за другим десять полетов, точно выполняя технические задания тренера. Тогда и состоялось его второе спортивное рождение.

Потом он облетал все дельтадромы города и области, совершил полеты над отрогами Саян, над берегом Енисея, побывал в небе Заполярья. Там же, на Нольском полуострове, впервые удалось полетать в необычных условиях — на высоте около тысячи метров, и тогда же на финальных соревнованиях первенства России он вошел в состав ее сборной. В общем, не просто летал, а получал от нового своего увлечения ни с чем не сравнимые ощущения.

Но каждый полет — это риск. Его новая дельтапланерная жизнь была пронизана экстремальными ситуациями, из которых бывший гимнаст, имевший немалый опыт самостраховки, всякий раз удачно выкручивался без существенных повреждений. Так, в одном из испытательных полетов (аппараты сами строили и сами испытывали) умудрился трижды срываться в глубокое пикирование и выходить из него у самой земли, совершая акробатические "курбеты", чтобы, в крайнем случае, принять удар о землю ногами, а не головой. Ударты, когда их не удавалось избежать, обходились, к счастью, без серьезных последствий для здоровья, и мой герой снова и снова вырывался в небо.

Целый насклад опасных ситуаций "подарил" Саше стометровый склон Оки в Нижнем Новгороде, где он много раз летал над живописным парком под названием "Швейцария". То крутанул сальто вперед вместе с дельтапланом, врезавшись в середину склона верхней поверхностью крыла и "мачтой" аппарата, которая обломилась и проткнула парус с намерением проткнуть и пилота, но удар оказался неточным. То повис на дереве после выполнения сложного маневра над крохотным пространством между деревьями, на которое предстояло выполнить посадку. Берег Оки был свидетелем еще одного момента, когда дельтапланерист оказался на волосок от гибели — он вертикально пикировал с 50 метров и каким-то чудом избежал удара о стремительно надвигающуюся на него пашню. Эта ситуация казалась настолько без-

надежной и настолько реальным виделся тогда конец, что он потом дважды пережил ее во сне. И все-таки снова лез в небо.

Незаурядными ощущениями запомнились и склоны Волги, когда Александр летал над Верхне-Волжской набережной. (Места эти связаны с именами великих нижегородцев — летчиков Петра Нестерова и Валерия Чкалова.)

— Особенно врезались в память, — рассказывает он, — жутко-сладостные ощущения от "тройных спиралей" (фигура высшего пилотажа). Выполнялись они в символическом месте — над памятником В. Чкалову, стоящим во весь рост высоко над Волгой. Дельтаплан при спиральном вращении поворачивается всей плоскостью крыла перпендикулярно ветру, и ты начинаешь чувствовать, что он вот-вот перевернется на спину, а сам в это время находишься как бы в стойке на руках с опорой на ручку управления... И в этот действительно головокружительный момент вдруг успеваешь про себя отметить, что Валерий Павлович то ли с изумлением, то ли с восхищением смотрит на тебя... Однажды, увлекшись вращением в спирали, я преждевременно сместил тело в сторону, чтобы заполнить очередной виток, но меня подхватил сильный ветер, и этот полет я завершил прямо на многолюдной площади Минина, метрах в тридцати от памятника.

Поразительно, но Александр получал огромное удовольствие от возникновения сложных, а порой и по-настоящему опасных ситуаций и не меньшее наслаждение — от их преодоления. Совсем недавно он был спортсме-

ном-профессионалом, и в теле и в голове его глубоко сидели те, гимнастические ощущения полного владения собственным телом, и, наверное, они притупили у него чувство страха и опасности от пируэтов в небе. Все-таки, согласитесь, гимнастические снаряды и небо — не одно и то же.

Тем не менее его редко посещали мысли о вполне возможной трагедии. Только иногда — как правило, при наблюдении за чудным полетом — вдруг приходило понимание, сколь тонка в полете грань между жизнью и смертью. Как-то раз Саша увидел с земли проплывавшего над волжским склоном, прямо на уровне гостиницы "Россия", около которой он и стоял, другого дельтапланериста.

— Боже мой, и на такой несовершенной, хрупкой конструкции мы поднимаемся в небо?! — вдруг пронзила не посещавшая его доселе мысль.

И как в воду глядел! Свой последний полет Александр выполнял над хорошо ему знакомым нижегородским парком "Швейцария", что на крутом окском склоне. До этого он договорился с каскадерами о полете со склона и даже с одного из окских мостов на палубу теплохода — надо было потренироваться в посадке на ограниченное пространство. На беду в руках его в тот раз оказался малознакомый дельтаплан. А еще дул сильный порывистый ветер, во время которого инструкция запрещает выполнять полеты.

При выполнении очень крутого разворота конструкция чуть позже необходимого послуша-

лась команды пилота. Этого "чуть" как раз хватило, чтобы он оказался не над запланированной посадочной площадкой, а над деревьями парка. В это мгновение порывистый ветер сделал очередную паузу. И летательному аппарату ничего не оставалось, как стремительно падать. Последовало столкновение с деревом, и дельтаплан, врезавшись в землю, разрушился.

По выработанной годами гимнастической привычке Саша мгновенно сгруппировался — в итоге не пострадали ни ноги, ни руки, ни позвоночник. А вот голова... Шлем, надетый на нее, выдержал сильнейший удар от падения с высоты тридцати метров. Вот только мыслей о том, сохранилась ли голова, у Саши уже не было. Подбежавшим ребятам пришлось разрезать лямки подвесной системы, чтобы освободить бесчувственное тело из-под обломков летательной конструкции, еще несколько минут назад свободно несшей человека под облаками...

Сознание к нему возвращалось медленно — Александр много дней не мог понять, кто он, откуда, что происходит вокруг. Да и вообще — что такое это "вокруг".

Постепенно память и сознание начинали нащупывать утраченные связи, и до него стал доходить драматический смысл обступившего его больничного антуража. Но никак не удавалось понять, почему он находится в этой палате и что же с ним такое стряслось. Всякий раз мучительный процесс работы памяти обрывался, так и не восстановив

Александр Самыличев с дочерью.

логическую цепочку. Впервые это удалось, когда Саша увидел рядом своего тренера в белом халате. До этого он видел его только на тренировках совсем в ином облачении. Нет, Саша не понял все сразу, а понял только, что с ним произошло что-то очень серьезное, подобное, быть может, рождению на свет. Или появлению с того света.

А до этого, в бессознании, была скорая помощь, больница, операционный стол. Трепанация черепа и диагноз нейрохирургов после операции, как приговор: "Сильный ушиб головного мозга. Травма, не совместимая с жизнью".

Они и трепанацию-то сделали из чисто медицинского интереса, практически без надежд на со-

хранение жизни пациента, у которого уже была пена на губах. Думали, внутри черепа наша из мозга и крови, но мозг оказался вроде бы цел — лишь чуть-чуть изнутри просачивалась кровь.

Александр помог опыт тела, полученный за долгие годы занятий спортивной гимнастикой — сработал сформировавшийся за это время мощный сосудистый рефлекс. Когда произошел тот страшный удар, внутрь черепа должен был хлынуть поток крови и лимфы, который похоронил бы мозг. Но сам мозг, сосуды и нервная система, привыкшие к перегрузкам, сработали чудесным образом. По нервным путям молниеносно прошли необходимые команды от помнившего эти ситуации мозга к кровеносным со-

судам. Сосуды сжались и не допустили смертельного кровоизлияния.

Жизнь была сохранена. Но в результате происшедшего у Саши развилась левосторонняя парализация, практически утратилась речь и сильно пострадала память. Из человека, обладавшего высоким уровнем развития двигательных и мыслительных способностей (мастер спорта по спортивной гимнастике с 15-летним стажем, 10-летним — в дельтапланеризме, кандидат педагогических наук), он превратился в глубочайшего инвалида, который не мог ни стоять, ни ходить, ни разговаривать, ни вспомнить, что было с ним прежде. При всем напряжении сознания он, например, не мог вспомнить, защитил ли диссертацию, хотя это произошло за два года до трагедии!

В сорок с небольшим лет надо было чуть ли не с нуля строить себя, учиться всему тому, чему приходится учиться ребенку. Эта задача была нудя сложнее, чем после полутора десятков лет в спортивной гимнастике овладеть дельтапланом и начать летать, как птица!

Мысли о самоубийстве, которые вполне естественны в подобной ситуации, Сашу не посещали. Наверное, сразу включилась в действие отработанная за долгие годы в спорте и в предыдущей жизни постоянная, ставшая второй натурой борьба за совершенство, за себя. А еще помогла жена, Валя, которая не бросила в прямом и переносном смысле почти мертвого мужа (как могло быть в подобных обстоятельствах), а наоборот, приняла такое

активное участие в его возвращении к жизни, что любая мысль о слабости просто не могла посетить пострадавшего. Будучи врачом лечебной физкультуры (вот такое жизненное пересечение!), она выступала и в своей профессиональной роли, и в роли организатора новой жизни мужа, и в роли помощника при профессиональном устройстве Александра.

— Сиюминутно я знал, понимал, что надо восстанавливаться, собирать себя заново, — вспоминает Саша, — хотя бы ради того, чтобы снова летать! Это потом, по мере моего вхождения заново в жизнь и трудного восстановления, эти отчаянные мысли о небе ушли. Постепенно я начал понимать, что стал другим человеком. Как ни горько — инвалидом. И от этого уже нигде не денешься. Тогда пришло осознание, что надо как-то по-другому жить, какие-то новые ценности обрести. Жить, хотя бы ради дочери...

Не берусь исследовать состояние и переживания человека, вкусившего и прелесть полного владения собственным телом на гимнастических снарядах, и фантастические ощущения свободного полета на дельтаплане, но вдруг, в результате трагических обстоятельств, с горечью осознавшего, что дорога в тот мир, в неповторимое небо закрыта для него. Закрыта навсегда!

Для моего героя открылось другое небо, которое хотя и не висело над головой, маня живой синью и радостью полета в нем, но требовало нудя большей работы и терпения. И надо было либо его покорять, либо умереть. Или

перестать быть тем, кого ты можешь уважать. Александру надо было стать полноценным человеком.

И он бросился в это новое небо с новым азартом и желанием покорить его во что бы то ни стало.

Восстановительная работа началась буквально с того момента, когда на десятый день Саша пришел в сознание. Поначалу основное внимание уделялось возвращению чувствительности руки и ноги. Особенно пострадала рука — она вообще была как мертвая и не ощущалась. Разрабатывал ее правой рукой. Затем наступил черед обучения сидению, ходьбе. Применялся метод пассивных движений с помощью врача. Очень помог плечевой эспандер с блоками. Использовался массаж и самомассаж...

— Все-таки спортсмен, — объясняет Саша свои последующие успехи, — сильно отличается от других людей. Он немножко зацинчен на своем деле. Обычный человек не понимает — как это можно изо дня в день заниматься однообразной, нудной, порой очень тяжелой, изматывающей и при этом вроде бы ненужной работой. Для спортсмена, особенно профессионального, это — естественное состояние, образ жизни. Обязательно, всем своим существом — и телом и духом — нужно настроиться на тяготную работу. С почти невидимой перспективой и подолгу не приходящим результатом. Но только тогда что-то сможешь изменить, чего-то достичь. Вот я это и делал...

Когда первый раз в жизни — в новой жизни — он сел на кро-

вати (случилось это через три недели после падения), было полное ощущение, что отдал этому простенькому действию все силы. Это были усилия на пределе возможного. Но это была первая, небольшая, но победа! Быть может, даже более ценная, чем первый его подъем в небо. Еще более невероятное ощущение подарил первый нувырок вперед — это для него-то, мастера спорта по спортивной гимнастике!

Через четыре месяца Саше предстояла медицинская комиссия, которая определяла степень инвалидности. Для него это было очень тяжело — сам факт получения инвалидности, — и он усиленно готовился, чтобы предстать перед врачами как можно более здоровым человеком. К этому времени делал даже стойку на руках! Но на ВТЭКе были неумолимы: после такой травмы можем дать только 2-ю группу без права работы. Пришлось смириться и собирать себя дальше.

И этим Александр увлекся еще больше, чем полетами на дельтаплане. А уж по времени, затраченным усилиям эти занятия нельзя и сравнивать. Вскоре он начал подключать дозированную ходьбу и специальный тренажер "Спортивные качели", позволяющий выполнять упражнения на все основные мышечные группы и суставы человеческого тела. Затем пришел черед бега, езды на велосипеде, хождения на лыжах и элементарных акробатических упражнений на гимнастических снарядах. Объем физической нагрузки в день достигал 5-6 часов.

Одновременно (на всех этапах восстановления) большое

внимание Саша уделял логопедическому тренингу. Ведь поначалу он вообще не мог говорить. То есть ему-то казалось, что говорит и все отчетливо произносит, но получалась — сплошная каша. Пришлось корректировать гласные звуки, без конца повторять скороговорки и подкреплять вновь обретенные навыки парадоксальной гимнастикой Стрельниковой.

Через год повторная ВТЭК вынуждена была снять вторую группу инвалидности, и он снова приступил к преподавательской работе в Нижегородском педагогическом университете на факультете физкультуры. Здесь Александр Самыличев, мастер спорта и бывший инвалид второй группы, работает доцентом и по сей день. Ведет занятия по теории физической культуры на дефектологическом отделении факультета. Вместе со своими коллегами руководит научным студенческим кружком "Физическая культура и милосердие", участники которого включились в индивидуальную работу с детьми, страдающими различными формами церебрального паралича. Поддерживает активную связь с ведущими дефектологами страны и с республиканским Институтом повышения квалификации работников образования. По приглашению последнего выезжал для чтения лекций во многие города страны, даже в Петропавловск-Камчатский.

Внес немалый вклад в становление и развитие новой специализации "Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья". В последние годы исполнял обязанности президента нижегородского отделения общественного фонда благотворительной организации "Нижегородская специальная Олимпиада", в которой участвуют дети-инвалиды с нарушениями центральной нервной системы. С нынешнего года — научный консультант Нижегородского областного реабилитационного центра инвалидов. Готовит к открытию специальный сайт в Интернете "Новая жизнь для всех нуждающихся — опыт возвращения из небытия после катастрофы", где все страждущие смогут получить необходимую информацию и помощь.

А еще вместе с женой Александр воспитывает замечательную дочь, которая в прошлом году, выиграв городскую олимпиаду, досрочно стала студенткой первого курса филфана университета.

В авиации не употребляется слово "последний": последний полет, последний прыжок с парашютом... — слишком уж категорично и безысходно оно звучит. Его заменяют спокойным и обещающим словом "заключительный", и это очень мудро. Старые надежды умирают, но рождаются новые. Пока жив человек. ■

ОЛЫГА РОЗАНОВА

Владимир Соколовский

“...**М**ир —
вая глыба, изнанка
зеркала для невос-
приимчивой души
и зеркало непре-
станно возникаю-
щих отражений
для зеркальных
душ”. Так писала
замечательная рус-
ская художница
Ольга Розанова. На
одной из ее картин
изображен букет
красных и голубых
цветов, стоящий
перед зеркалом.
Цветы отражаются
в зеркале, а оно в
свою очередь отра-
жается в гладкой,
блестящей поверх-
ности вазы. Но и
стол, на котором
стоит ваза, и кусок
стены также свер-
кают подобно зер-
кальной поверхно-
сти, придавая кар-
тине характер мно-
гослойной метафо-
ры. Именно из та-
кой вереницы вза-
имных отражений
окружающего ми-
ра и души худож-
ника и рождается
подлинное художе-
ственное творчест-
во.

Ольга Влади-
ровна Розанова ро-
дилась 21 июня (3
июля) 1886 года в
уездном городе Ме-
ленки Владимир-
ской губернии. Се-

мья Розановых состояла из шестерых человек. Отец, Владимир Яковлевич — коллежский асессор, личный дворянин — окончил духовную семинарию и юридическое училище, исполнял должность уездного исправника. Мать — Елизавета Васильевна, урожденная Орлова, занималась воспитанием четверых детей.

Семья Розановых жила в одноэтажном деревянном доме на Казанской улице, расположенной в самом центре города. Улица примыкала к Соборной площади — единственного в городе места с булыжной мостовой. На площади возвышался Покровский собор, по соседству располагались дома городских богачей — льноторговца, владельца металлургического завода и управляющего рудниками. И здесь же — винная лавка, бакалейная торговля и частная библиотека, принадлежавшая купцу Кулемину. По воскресеньям на площади устраивали рынок. Сюда привозили свои изделия народные умельцы со всего мелекского уезда, который особенно славился вышивками и изделиями ткачества. Точно неизвестно, когда Ольга Розанова начала рисовать, но очевидно, что столь частые соприкосновения с народным искусством способствовали развитию у нее эстетического чувства. А пробудившийся еще в детстве интерес к декоративно-прикладному искусству сохранялся у художницы до конца жизни и определенным образом сказался на ее станковом живописном и графическом творчестве.

Когда Ольге исполнилось 10 лет, она поступила во Владимирскую женскую гимназию, а окончив ее в 1904 году, переехала в Москву, где поселилась в самом центре — на 3-й Тверской-Ямской улице. В 1907 году Ольга Розанова поступает в Училище живописи и скульптуры Александра Большакова. И одновременно начинает заниматься в прославленной школе живописи и рисунка Константина Юона, известной на всю Россию. Преподавание в ней отличалось особой демократичностью и открытостью. Здесь молодые таланты осваивали лучшие традиции московской школы живописи с ее тягой к декоративности и особо утонченной культурой цвета, знакомились с наследием импрессионистов и постимпрессионистов, новаторскими открытиями кубистов... В школе занимались будущие соратницы Розановой по основанному Малевичем объединению "Супремус" — Любовь Попова и Надежда Удальцова. Посещал занятия и Алексей Крученых, один из ведущих представителей русского поэтического футуризма. Сохранившиеся от того времени классные этюды Ольги Розановой — "Женский портрет (Монахиня)", "Стоящий натурщик", "Угол дома и снегири на дереве. Зима" — ныне хранятся в Третьяковской галерее. Они отличаются особой конструктивностью, четкой композицией, а портреты — вниманием к внутреннему миру модели, ее душевному состоянию. Особен-

Натюрморт. 1910.

но интересен “Портрет женщины в синем”, исполненный в экспрессионистической фовистской манере. Моделью его, как считают некоторые искусствоведы, стала сама художница. Она внимательно и несколько напряженно вглядывается в свое отражение в невидимом зеркале. Взгляд углубленный и, вместе с тем, вдохновенный. Слово с энтузиазмом смотрит в открывающееся перед ней будущее...

Весной и летом Ольга Розанова часто отправлялась в родной Владимир, где много писала на пленэре. “Во Владимире больше на весну похоже, чем в Москве, и как будто даже жарче, и воздух весенний, и домов почти не замечаешь как-то, а небо замечаешь, провинциально сверкающее и наивное. Вообще чистосердечные пейзажи”, — отмечала художница в одном из писем.

В 1910 году Ольга Розанова переезжает в Петербург, где в то время собирались все передовые художники России. В Петербурге знакомится с Николаем Кульбиным. Приват-до-

Голубая ваза с цветами. 1912.

цент, полковник медицинской службы, меценат и живописец, он устраивает выставки художников передовых течений, литературные диспуты, издает брошюры "Слово как такое", "Тэ ли лэ"... Кульбин много делает для сближения художников-новаторов, помогает им найти друг друга. Так оказал реальную помощь П. Филонову и В. Хлебникову, встре-

тил и устроил приехавшего в Петербург 19-летнего Маяковского. Ввел в круг единомышленников и Ольгу Розанову.

В начале XX века русские художники вдохновлялись новыми направлениями искусства Запада — кубизмом и футуризмом. Но придавали им специфическую русскую окраску, внося элементы лубка, народной поэзии и традиционной иконописи (так возник русский кубофутуризм), и даже выпустили в 1909 году первый сборник с названием “Садок Судей”, в который вошли поэтические произведения Василия Каменского, Давида Бурлюка, Велемира Хлебникова и Елены Гуро. А год спустя по инициативе художника и композитора Михаила Матюшина произошло официальное создание “Союза молодежи” — ведущего и самого многочисленного объединения русского авангарда. В числе его создателей была и Ольга Розанова. Ее работы того времени свидетельствуют о рано сформировавшемся ярком индивидуальном стиле. Хотя, несомненно, не без влияния итальянского футуризма. Впрочем, свойственная ему “машинная”, металлическая тяжеловесность формы у Розановой заменяется поэтической легкостью и одухотворенностью. Определенно, Розанова не разделяла столь уж безусловного преклонения своих итальянских коллег перед миром технического прогресса. Тревогу за судьбы человечества, весьма уместную в преддверии Первой мировой войны, она выразила, в частности, в картине “Кузница” (1912), где маленькие человеческие фигуры уподоблены обезличенным деталям машины. А созданное в 1913 году полотно “Город”, исполненное зловещей таинственности — с его темным колоритом, напоминающем о копоти и грязи, и вкраплениями красного, — кажется живописной иллюстрацией знаменитого стихотворения Маяковского “Адище города”.

Многое связывало Ольгу Розанову с Маяковским. Находясь в Москве, они были соседями на 3-й Тверской-Ямской улице, а в Петербурге часто виделись на собраниях “Союза молодежи”. По воспоминаниям владелицы Петербургского Художественного бюро Надежды Добычиной, Маяковский в то время безусловно уважал только Хлебникова, Елену Гуро и Ольгу Розанову. “С Розановой Маяковский никогда не спорил так, как, например, с Крученых”. Кстати, Розанову роднил с Маяковским и блестящий полемический дар, умение красноречиво и убедительно отстаивать свою точку зрения. Об авторитете Розановой свидетельствует тот факт, что ее избрали в число пяти членов правления “Союза молодежи”. На первой выставке объединения в январе 1913 Ольга Розанова представила 11 работ, в их числе и портрет сестры — Анны Розановой.

В декабре 1912 года Ольга Розанова писала своей сестре: “Портрет твой среди художников произвел фурор! Сегодня у меня было интереснейшее знакомство с Давидом Бурлюком.

Мы жали друг другу руки. Ему очень нравятся мои картины, и он говорит, что открыл во мне звезду. Особенно понравился ему тоже твой портрет. И дома в пейзажах. Бурлюк читает лекции по искусству по разным городам и хотел сделать снимки с моих картин, чтобы показывать их перед публикой на экране.

Картин моих пока не покупают. Зато успех в среде художников громадный. Один художник из "Мира искусства" сам рекомендовался мне на выставке и сказал, что считает за счастье представиться. Ученицы Петрова-Водкина передо мной заискивают. У меня заводятся новые знакомые, и есть интересные, но художественная среда и художественные интересы поглощают меня. Теперь я все читаю по искусству по-французски и хожу на выставку. Картины мои висят на самом лучшем месте".

В 1913 году "будетляне", как на русский лад называли себя участники футуристического объединения "Гилея" (среди них был и Маяковский), официально вошли в "Союз молодежи" на правах литературной секции. Ольга Розанова сделала афишу театра "Будетлянин", где "гилейцы" собирались ставить свои драматические вещи. По воспоминаниям одного из них — Алексея Крученых, эта афиша — "литографированная, с огромным рисунком, где в призмах преломлялись цвета — белые, черные, зеленые, красные, образуя вертящуюся рекламу — она невольно останавливала внимание". Розанова выполнила и афиши для "первых в мире постановок футуристического театра" — оперы Матюшина "Победа над солнцем" (текст Крученых, оформление Малевича) и трагедии "Владимир Маяковский", для которого художника также создала декорацию задника — с мостом и почти сплошной массой тесно громоздящихся домов, вызывающих ощущение узкого и давящего пространства.

В 1915 году в альманахе "Стрелец" напечатали отрывок из поэмы Маяковского "Облако в штанах" и ряд рисунков Розановой, в том числе "Танцовщица" и "Пристань". В этих работах, уже тяготеющих к абстракции, формы закручиваются вокруг центра подобно пропеллеру самолета. Особенно в "Танцовщице" все преломляется в вихревом движении танца, увиденного не сторонним наблюдателем, а как бы "изнутри", прочувствованного самой танцовщицей. Такая четкая обозначенная композиция постоянно варьируется и во многих других работах Ольги Розановой.

Художники-новаторы, конечно же, не остались в стороне от бурно развивающейся техногенной революции. Их творчество, устремленное в будущее, часто ассоциируется с авиатором, управляющим самым передовым техническим средством. Не случайно одно из стихотворений основателя итальянского футуризма Филиппо Томмазо Маринетти называлось

“Авиатор-футурист обращается к отцу своему — вулкану”. Кстати, самому Маринетти нравились произведения Розановой. Когда в 1914 году глава итальянских футуристов приехал в Петербург, Розанова присутствовала на его выступлениях в залах Калашниковской биржи и кабаре “Бродячая собака”. А затем, по приглашению Маринетти, направила в Рим для “Первой Свободной Интернациональной футуристической выставки” четыре картины, а также две оформленные ею книги.

Работа по оформлению книг — яркая и важная часть творчества Ольги Розановой. Первые образцы книжной графики появляются в сборниках, изданных “Союзом молодежи”. Однако они не связаны напрямую с содержащимися в них текстами и скорее воспринимаются как примеры того новаторского искусства, за которое ратует само объединение. Предполагалось даже издание отдельного сборника, в котором бы объединились эти и другие литографии Ольги Розановой. Позднее Розанова переходит к созданию книг, берет в свои руки все этапы процесса: выбор бумаги, общую композицию страницы, расположение текста, иллюстрации, оформление обложки. И книга превращается в подлинное произведение графического искусства. Этот же прием Розанова использовала для некоторых живописных произведений. Всего она создала 18 книг. Большинство из них возникло в результате сотрудничества с поэтами-кубофутуристами Велемиром Хлебниковым и Алексеем Крученых. А иногда соавторами Розановой в оформлении книг становились другие видные художники-новаторы. Например, книга Крученых “Взорваль” стала подлинным смотром ведущих стилей русского авангарда. В нее вошли иллюстрации Натальи Гончаровой к поэме Хлебникова и Крученых “Игры в аду”, а Казимир Малевич изобразил кубистического рыцаря и футуристическую композицию “Смерть человека одновременно на аэроплане и железной дороге”. Ольге Розановой принадлежало изображение двух сказочных коньков-горбунков, которые, освещенные солнечными лучами, устремляются куда-то ввысь сквозь облака. В этом проявилась связь творчества Ольги Розановой с народным искусством.

Интерес к народной картинке логически приводит Розанову к переходу от литографии к черно-белой и цветной линогравюре. В этой технике в 1916 году она создала альбом “Война” (со стихами Крученых). В одном из листов — “Битва” — фигуры всадников лишь намечены темными контурами, но художнице мастерски удается передать атмосферу кровопролитного сражения, как бы увиденного глазами его участников. В это же время Розанова подготовила альбом “Всемирная война Ъ”, в которой использует технику коллажа — любимый прием кубистов, футуристов, а позднее, и дадаи-

стов. Коллаж еще более тесно связывает реальное пространство с живописью и графикой, что дает возможность вовлекать зрителя в изобразительное действие. Так, в лист "Отрывки из газетного сообщения" Розанова вклеивает строчки, вырезанные из газет. Одна из самых ярких композиций цикла — "Аэроплан над городом". На сиреновом фоне кроваво-красный прямоугольник словно бы соединяет пикирующий над городом аэроплан и одинокую фигуру человека.

Наконец, в том же 1916 году Ольгой Розановой в технике линогравюры выполнены карты для "Заумной книги" Крученых и Ялагрова (псевдоним Р. Якобсона). Сюда вошли работы не столько полиграфического, сколько декоративно-прикладного искусства. Она собрана из листов бумаги, нарезанных вручную: текст отпечатан также вручную с помощью штампа, а обложку украшает аппликация в форме сердца, к которому прикреплена белая пуговица.

Начиная с 1910 года — времени создания "Союза молодежи", — элементы реальной действительности: пейзаж, человеческие фигуры, здания и детали интерьера — приобретают в композициях Розановой все более условный характер, подчиняясь отвлеченной игре зеркально-светящихся плоскостей. В цикле "Игральные карты" (около 1916 года) перед нами словно ожившие "Дама пик" с желтым цветком и "Валет червей" в шляпе с пером и с птицей на плече, изображения которых как бы преломляются в кривом зеркале. А в "натюрмортах" "Рабочая шкатулка" (швейные принадлежности с приклеенным к холсту настоящим кусочком кружев) и "Буфет с посудой" — предметы парят в свободно построенном пространстве. Здесь сюжеты превращаются лишь в предлог для создания цветовой композиции. При этом картинам Ольги Розановой всегда свойственна повышенная эмоциональность, острота и яркость в передаче душевного состояния. В картине "Пивная" вихрем кружатся все предметы, буквы, слова и элементы коллажа — газетные вырезки и куски обоев, как бы воспроизводя кружение в голове подвыпившего завсегдатая.

Искусство Ольги Розановой, столь ярко отразившее сущность ее времени, окрасившее его особой поэтичностью и тонким лиризмом, нашло множество почитателей среди ее современников. Ее популярность неуклонно росла. В апреле 1916 года Розанову пригласили для участия в большой "Выставке современной русской живописи" в Художественном бюро. Журнал "Аполлон" сообщил о покупке работ Розановой, а в конце года художница получает предложение войти в число действительных членов общества "Бубновый валет". Розанова переселяется в Москву, где 23 ее работы экспонируются на выставке этого объединения.

Наконец, в феврале 1917 Ольга Розанова участвует в организации общества "Супремус", возглавляемого Казимиром

Рабочая шпатулка. 1915.

Портрет А.В. Розановой, сестры художницы. Олн. 1911—12 гг.

Малевичем, избирается секретарем общества и редакции одноименного журнала. Начинается “супрематический” период в творчестве художницы, когда цветовые плоскости в ее картинах полностью очищаются от каких-либо признаков материального мира. В композиции “Полет аэроплана” художница передает душевное состояние парящего над землей летчика с помощью одних только цветовых взаимоотношений различных оттенков синего, зеленого, красного и желтого на белом фоне — символе бесконечности. В своем супрематизме она идет даже дальше самого Малевича. В то время, как у Малевича цвет служит лишь средством выделения плоскостей, творящих пространство, у Розановой цвет полностью освобождается от каких-либо пространственных ограничений. В одной из самых знаменитых супрематических композиций Ольги Розановой на белый грунт нанесена только одна вертикаль-

В кафе. 1912—1913.

ная зеленая полоса, но она обладает такой поразительной светоносностью и силой духовного воздействия, которой обладает только живопись древнерусских икон.

Ольга Розанова ушла из жизни неожиданно, находясь в зените своего дарования, на пике популярности. Период “военного коммунизма”, послеоктябрьские голод и разруха подорвали ее здоровье. И 8 ноября 1918 года в возрасте 32 лет она скончалась от дифтерита в Солдатской (ныне Боткинской) больнице. На посмертной — Первой государственной выставке Ольги Розановой, проходившей в 1919 году в Москве, было представлено 250 ее картин, этюдов, эскизов и рисунков. В рецензии на выставку, опубликованной в газете “Искусство”, известная художница Варвара Степанова писала: “Выставка ярко выражает личность Розановой и первое, что бросается в глаза — это ее вечное движение вперед, то, что она сама считала лучшим качеством каждого истинного художника”.

Сон игрока.

Вилли Токар

„Помогаю
всем своим
женам
и детям“

Звезда русского шансона Вилли Токарев завершил работу сразу над двумя новыми альбомами — “Господа эмигранты” и “Джулия”, в которых он предстает в новом для себя качестве — тончайшего лирика. Слушая его новые песни, трудно представить, что их написал автор “Небоскребов”, “Тети Хаи” и “На Дерибасовской”, настолько они отличаются по характеру, мелодии, тексту. Альбом “Джулия” посвящен жене певца и всем российским женщинам, не имеющим, как говорит Вилли, равных себе по красоте и женственности.

— Вилли, если бы у вас было пять минут на эвакуацию из горящего дома, что бы вы взяли?

— Я бы взял свою жизнь, и если бы успел, паспорт, остальное мне не нужно. Никогда не завидую чужому богатству или достижениям, всегда довольствуюсь

тем, что имею. Я вообще считаю, когда у тебя много денег, которых хватит на твою жизнь и еще останется детям — это плохо. Твоя пружина расслабляется, тебе уже ничто не интересно, у тебя нет никаких забот, и жизнь постепенно угасает. А человек

eb:

развивается только в труде, в постоянных усилиях, в борьбе за свое будущее.

— А что труднее — добиться успеха или удержать его?

— И то, и другое очень трудно. У каждого своя судьба, которая зависит и от небес, и от него самого. Мне добиться популярности было легко, потому что я привык все делать сам: пишу песни — стихи и музыку, делаю аранжировки и даже сам записываю альбомы на своей студии.

До эмиграции я работал с лучшими музыкантами страны: в оркестре Анатолия Кролла, в симфоническом оркестре Жана Татляна, в ансамбле "Дружба" Александра Броневичного вместе с Эдитой Пьехой. Работа с этими коллективами дала мне возможность получить образование, которое не получишь ни в какой консерватории. И я благодарен судьбе за это. Вообще в моей жизни было столько удивительных событий, что я сам иногда думаю, как это могло произойти?

— В даление 70-е вы покинули страну и уехали искать счастье в Америке...

— Я уехал не в поисках наживы. Я покинул страну нищим, у меня даже отобрали мой контрабас, на котором я мог бы зарабатывать деньги. Меня никто не ждал в Америке. Америка — замечательная страна, но она — страна для американцев. Когда приезжают посторонние, они не понимают многих вещей, и от этого возникают проблемы. Меня мучила ностальгия, ведь из-за железного занавеса я в течение 15 лет не мог ни дозвониться до своей мамы, ни написать ей письмо.

— Истори, как она отнеслась к вашему решению эмигрировать из СССР?

— Естественно, мама очень переживала, но я убедил ее в том, что мне это необходимо. Я действительно уехал потому, что не мог петь мои песни здесь, они не вписывались в рамки существовавших порядков. Хотя в СССР я жил очень хорошо, я уже тогда написал массу песен, которые стали популярными. Их пели Пьеха, Мулерман, Макаров, ансамбль "Дружба". Получал хорошие авторские, купил квартиру в Ленинграде и в деньгах не испытывал никакой нужды. Но я поехал, чтобы издать свою продукцию там, где мне не будут мешать.

— Годы жизни в США вас очень изменили?

— Нет, я никогда не старался стать американцем, я был русским парнем, который соблюдал законы и правила этой страны. Потому что, считаю, никогда не нужно входить в чужой монастырь со своими правилами. И я благодарен Америке за то, что она приютила меня, дала возможность состояться. Мне даже дали американское гражданство, которое не имеют многие из тех, кто там постоянно живет.

В Америке я начинал с нуля: убирал квартиры, был разносчиком почты на Уолл-стрите, медбратом, механиком по ремонту печатных машинок, работал на печкарне, водил такси. Меня четыре раза грабили, могли убить. Там это очень просто, в Нью-Йорке убивают 50-70 таксистов в год.

— А потом вы начали выступать в ресторане "Одесса"?

— Нет. Сначала я пел в каком-то кабачке, получая 120

долларов за вечер. Но скоро эта сумма выросла до двух тысяч долларов за три дня работы. Там это очень большие деньги. Я смог купить квартиру, машину. А когда выпустил диск "В шумном балагане", мне посыпались вызовы из Японии, Южной Африки, Канады, Бразилии. Тогда я уже выступал в ночном клубе "Одесса". С началом перестройки ко мне нескончаемой вереницей потянулись писатели, артисты, спортсмены из России. Они приезжали в Нью-Йорк и говорили: "Везите нас к Вилли Токареву". Многие говорили мне: "Вилли, из каждого окна, из каждого такси в России звучат ваши песни". Мне было приятно это слышать, а самым светлым событием стало официальное приглашение в 1989 году приехать в Союз с концертами. К этому приложили усилия многие: и Алла Пугачева, и Борис Брунов, и Иосиф Кобзон, и Госконцерт — и мои гастроли состоялись.

— Что вы чувствовали, когда после большого перерыва приехали на Родину?

— Меня отговаривали, предупреждали: тебя посадят за твои песни. Но я приехал с теми самыми песнями, которые когда-то запрещали. И имел триумфальный успех, дав более 70 концертов по городам Союза. Было и большое количество благотворительных концертов: в пользу пострадавших от землетрясения в Спитане, детского фонда, больных СПИДом. Выступал в больницах, городских организациях, которые не имели возможности заплатить. Я никогда в таких случаях не торгуюсь — иду и пою.

— В России сегодня многие эстрадные звезды, даже самые популярные, поют под фонограмму...

— Пение под фонограмму — наглый обман. Исполнитель держит микрофон и делает вид, что поет, а сам просто шевелит губами, иногда не попадая в запись. Лучше бы он убрал микрофон и сказал: давайте послушаем мои записи. Сел бы на стул вместе со зрителями и прослушал кассету. Я бы таким и платил бы тоже "под фанеру": после их выступления взял бы хорошую пачку долларов, пошелестел у микрофона, записал этот шелест на кассету и отдал бы им. Это было бы честно.

— Необходимость петь под "фанеру" многие объясняют тем, что в залах установлена некачественная аппаратура...

— Это все вранье, сейчас аппаратура в России даже лучше, чем в Америке. Просто многие из них не могут петь два часа на сцене — это фантастический труд. Надо держать всю программу в памяти, овладеть вниманием зрителя и доставить людям удовольствие. Я пою только живьем. Неважно, в каком я состоянии, бывает, плохо себя чувствуешь, но когда выходишь на сцену, твое самочувствие коренным образом меняется, даже насморк прекращается. Многие просто гонятся за легкими деньгами, поэтому придумали "фанеру". Но всех денег все равно не заработаешь.

— Правда, что во время денежной реформы 1991 года вы потеряли 200 тысяч долларов?

— Да. В 1990 году я дал около 170 концертов — от Украины

до Дальнего Востока, Камчатки и Сахалина. Это были очень интересные гастроли, я получил массу удовольствия и заработал большие деньги. На них тогда можно было купить две квартиры, две машины и еще бы осталось на жизнь. Я не захотел конвертировать их в доллары. Дай, думаю, оставлю в рублях, страна уже другая, не надо бояться за деньги. Я оставил их в сберкассе, а сам вернулся в Америку. У меня тогда родился ребенок, поэтому 2-3 года я не мог ездить на гастроли. За это время деньги здесь поменяли, и когда я приехал, то на моем счету была сумма, которой мне не хватило бы на то, чтобы пригласить друзей на обед в приличном ресторане. Но я не виню в этом никого. Это так называемые форс-мажорные обстоятельства. Вся страна пострадала.

— Знаменитые усы Вилли Тонарева действуют на женщин, как красная тряпка на быка. Вы их когда-нибудь сбривали?

— Один-единственный раз. Когда по конкурсу поступал в ансамбль "Дружба", Броневский сказал: "Завтра приступай к работе, но сбрей усы". Я сбрил, и меня тут же бросила моя девушка. Она сказала: "Я не могу тебя представить без усов, ты мне не нравишься". Значит, подумал я, она любила мои усы, а не меня. Слава Богу, кроме нее были другие девушки.

— Вы ведь были не единожды женаты?

— Знаете, от ошибок никто не застрахован. Тем более, когда чувство побеждает рассудок, человек может натворить очень многое. У меня такое бывало, и

я не скрываю этого. Но жизнь расставляет точки над *i* там, где это нужно, и с течением времени происходили разводы. Я считаю, это нормально. Если у человека неудобная обувь или одежда, он меняет ботинки, костюм, рубашку. Меняет машину, квартиру и даже государство. Так почему бы ему или ей не поменять вторую половину, если жить вместе стало неудобно? Я не имею претензий ни к одной из моих бывших жен и к детям тоже. И, насколько могу, помогаю им. Но теперь у меня тот вариант, о котором я мог только мечтать.

— Это правда, что с нынешней своей женой вы познакомились в метро?

— Да. Я люблю московское метро, потому что это лучшее метро в мире. В метро очень интересно изучать людей. Меня всегда узнают, я разговариваю с людьми, спрашиваю у них что-то. Как можно жить без контакта с людьми? Ты можешь наделать ошибок в своих предположениях, а люди всегда говорят то, что есть на самом деле. Поэтому для меня нет проблемы сесть в метро и поехать куда-то. И вот я ехал на выступление, а Джулия подсказала, как мне лучше проехать, и я пригласил ее на свой концерт.

Я тогда жил в Америке, и не думал, что мы можем быть вместе. Мы очень долго перезванивались, встречались, и я увидел, что у нас много общего: музыкальные вкусы, любовь к кино — Джулия учится во ВГИКе. У нее потрясающее чувство юмора и нам никогда не скучно вместе. Да, она намного младше меня, но любовь приходит к людям раз-

ного возраста. И это очень хорошо. Когда мужчина перестает зачечать женщин, он уже не мужчина, а живой труп.

— Не бойтесь, что разница в возрасте может сыграть с вами злую шутку?

— Это удивительно, но мы не ощущаем разницы в возрасте. Я могу сейчас сделать то, что я делал в 20 лет: проплыть 5 километров, отжаться 20 раз, пробежаться по Садовому кольцу. Я не чувствую в себе каких-то изменений. Злые языки говорили, мол, она нашла богатого человека, но Джулия сама из обеспеченной семьи и не нуждалась в деньгах. Знаете, сколько у нее было поклонников? Ей предлагали золотые горы, но она отвергла всех и осталась со мной, потому что узнала мою судьбу, мое отношение к жизни, к людям. Она нашла во мне что-то такое, что соответствует тому, что я в ней нашел. У меня прекрасные отношения с мамой Джулии, с ее сестрой, бабушкой.

— От вашего союза с Джулией появилась прелестная девочка...

— Эвила — само очарование. Ей идет третий год, а она уже рассуждает о многом. Она подвижная, бегаёт по дому, включает телевизор, сама ставит кассеты и смотрит любимые мультики. Я просто счастлив, что могу постоянно находиться с ребенком. Мы не доверяем ее няне, потому что по своему опыту я знаю, что дети очень быстро усваивают привычки и характер человека, который их воспитывает. А потом родители удивляются: в кого ребенок такой? Поэтому, я считаю, Эвила до пяти лет должна впитывать

чувства отца и матери. Я сам ее одеваю, даю ей бутылочку с молочком, с соком. Ей необходимо ночное питание, потому что ее очень трудно заставить кушать днем. И она меня очень любит.

— Какой бы вы хотели вырастить дочку, чему научить?

— Прежде всего, хочу, чтобы она была самостоятельной. Если она упадет, я ее подниму, помогу встать, но я бы не хотел, чтобы она надеялась только на папу и маму. Конечно, я сделаю все, что могу для ее образования. Она должна быть стопроцентной россиянской. Должна прекрасно знать наш язык, культуру, классику. А потом она сама решит, что хочет. И если это будет прекрасный выбор, я ничего не буду иметь против. Если же она будет делать что-то не то, тогда я позволю себе маленькое вмешательство, которое, надеюсь, поможет ей.

— Вилли, вы не так уж и малы, но по всем статьям дадите молодым артистам сто очков вперед. Как вам удается держать свой организм в такой хорошей форме?

— Я родился в 1934 году, но никто этому не верит. Даже американцы, когда я недавно пересек границу, сказали: вы что-то не соответствуете своему возрасту. А все дело в том, что я соблюдаю некоторые правила, которые очень полезны для здоровья. Многие люди не знают их и делают ошибки по незнанию: неправильно питаются, не умеют противостоять чужой агрессии, наживают себе язвы, гастриты. У меня же сегодня нет поводов беспокоиться о своем здоровье, потому что я веду правильный образ жизни.

— Поделитесь же своими секретами здоровья с нашими читателями...

— Во-первых, я исключил из своего рациона алкоголь в том количестве, в котором я принимал до того. Сегодня я три раза в день — утром, в обед и вечером выпиваю по 33 грамма алкоголя. Всего получается 100 грамм в сутки. Это может быть или водка или настойка из разных трав. В Тайланде я купил настойку из змеиной желчи, она очень дорого стоит, но дает необыкновенный прилив бодрости.

Второе: я никогда не переедаю. Когда в ресторане я беру какое-нибудь блюдо, то половину съедаю, а половину оставляю на тарелке. Как бы это ни было вкусно. Потому что желудку достаточно того, что ты съел. В рационе обязательно должны быть фрукты, овощи, соки.

Третье. Я никогда не пью кока-колу и пепси-колу. Вы возьмите кока-колу и вылейте ее на капот машины, утром придете и увидите пятно на капоте. Не ем мягкий хлеб, из которого делают тосты. У нас он тоже уже продается в некоторых местах — такой гармошкой. Этот хлеб для тостов содержит ингредиенты, которые вызывают рак.

Четвертое. Я бы советовал людям после 30 лет избегать жареного мяса и вообще жареных блюд. Потому что они канцерогенные, при жарке кусок мяса превращается в объект, в котором есть недопустимые для организма вещи. Вареное, пареное — это другое дело.

Пятое. Вы должны учесть, что сон — это самое необходимое человеку для того, чтобы он был

здоров. Если вы спите мало, то вы должны добрать все, что недоспали. Минимум человек должен спать восемь часов, а по западным меркам, лучше спать 12 часов.

Шестое. Очень важно умение находить положительные эмоции. Например, когда вы видите цыплят или щенят, вы начинаете с умилением смотреть на них, а это очень полезно. И таких радостных моментов каждый день должно быть как можно больше, потому что в это время человек просветляется, становится совсем другим. Потому что в нем реакция, которая положительно влияет на весь организм.

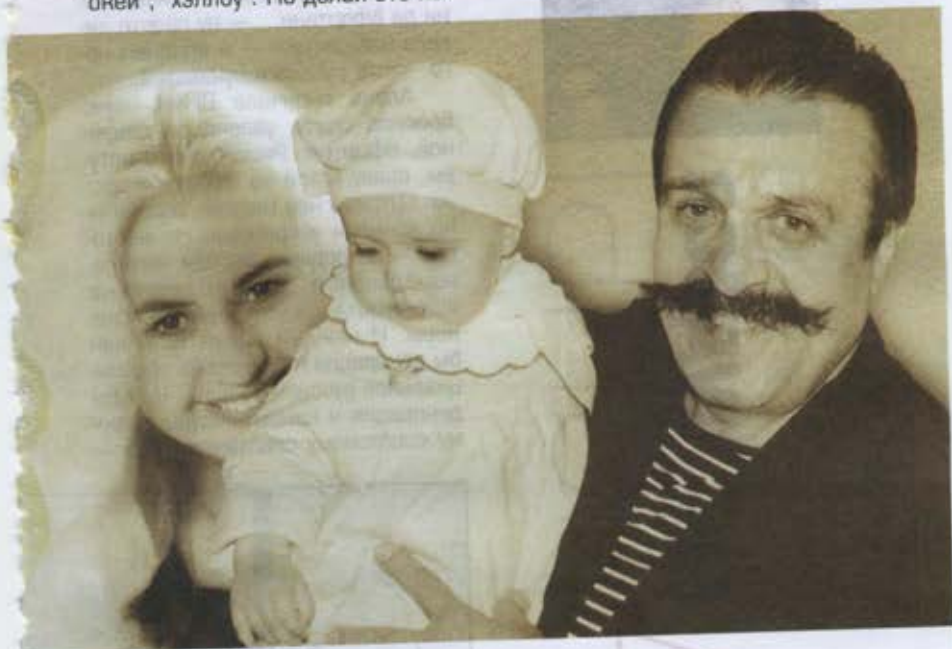
Седьмое. Человек должен делать добро людям, потому что, делая добро, ты сам получаешь удовольствие большее, чем тот, кому ты это делаешь. Агрессивность должна проявляться только в самых крайних случаях, если она необходима.

— Что делать, если человек сам стал объектом агрессии?

— Очень важно научиться защищать себя от агрессии со стороны другого человека. Если это случилось, не нужно ему отвечать тем же, а лучше просто взять и мысленно переставить себя на другое место. Пусть он говорит в пустоту, это не вызовет у вас никаких отрицательных эмоций и реакций организма. Очень плохо для здоровья, если вы делаете вид, что не реагируете, а на самом деле внутренне кипите.

Пусть он или она говорят вам самые обидные слова, а вас это не касается. Как горох об стенку. Меня этому искусству научил один негр в Нью-Йорке, когда я

работал в такси. Он сказал: "Вилли, когда ты ведешь машину, соблюдай дистанцию с впереди идущими авто. Тебя будут подгонять, кричать: гони! Оскорблять. А ты улыбайся, говори "окей", "хэллоу". Но делай это ис-

крепне, с удовольствием. Я учился этому, наверное, год, пона на грубость, которой в Америке тоже хватает, стал реагировать именно так. Знаете, это очень сохраняет нервы. А все болезни идут от расстроенных нервов. Поэтому нужно научиться искусству управлять собой. Человек должен бережно относиться к себе, он ведь живой организм. А утруждать и насиловать себя — это все равно, что подтачивать сук, на котором ты сидишь. ■

Фото автора
и из семейного альбома В. Тонарева

Игорь ЛОГВИНОВ

Ежедневные
ЧУДЕСА
АЛЕНА

Олег ОСЕТИНСКИЙ

В мастерской Алены Дергилевой нет никаких фенечен, ничего такого специального, богомного, никакого бравурного беспорядка. Собаки нет, кошки нет, гитара тоже не ее, в углу стоит старое тачное колесо да ленит на

блюде дынька — золотистая, советского сорта "нолхозница".

Сама Алена — негромкая, пухленькая, в очках кругленьких, — тоже как бы дынька! — наконец извлекает из скромной серой папочки свои фенечки — акварельки да офортки... — ну просто дикого изящества! — и специального, чисто русского лунавства...

Алена окончила ВГИК, кино бросила сразу, увлеклась графикой, офортom. Рисует она с натуры, сразу иглой на офортной доске. Штрих у нее мелкий, легкий — но ясный и уверенный. На картах — ее родные, соседи, ветераны, озорные шалуны, румяные еще девицы, смиренные пенсионеры. И каждый офорт есть как бы декорация к сценам из провинциальной русской жизни... Как бы декорация к накому-нибудь старому советскому спектаклю типа —

"Сердце девичье затуманилось, все взяли по бутылочке, и пошли на бережок песни петь"...

Одно смущало — на декорациях этих ступеньки храма в одну сторону, старушки — в другую, колонны — в третью. Разруха, хаос, конец света?

— Да нет, не конец. Грустно, конечно. Такое чудное течение жизни — исчезает... Оночательно... — вздыхает Алена. — Пока еще дышим...

— Это что — Арзамас? — спрашиваю небрежно.

— Снажете тоже! Никаной не Арзамас, а самый что ни на есть Зарайск! — вдруг с совершенно кошачьим пылом фыркает Алена — и опять прячется в свою тихую дыньку.

— Аленушка, не хотел обидеть ни вас, ни Зарайск ваш! — от страха я тоже как бы замурлыкал. —

Просто у вас на картинках все разбросано, силой наной неведомой, я и помыслил — небось, атом арзамасский разбушевался?

— При чем атом? Это еще с той войны... Отечественной... — Алена вздыхает. — Запустенье наше, разруха вечная...

— Это вот запустение, в Италии чудное, подтеки да разводы, у них там патиной вечности зовется, и за нее, за патину, и любят туристы Италию, — осторожно замечаю я. — А у нас она, значит...

— Какая еще патина? "Этот стон у нас песней зовется!" — Алена улыбается уже мягче, лунавей. — Денег нет на ремонт!

— То есть, эстетизируя русскую разруху, получаем итальянскую патину? — поддакиваю я, хочу понравиться... и получаю!

— Ничего это не разруха, и не патина ваша итальянская, а просто

Рынок. Метро "Университет".

наша чудесная русская жизнь! — тихо, но упрямо шепестит Алена. — Чудеса наши ежедневные... и ничуть она не менее интересна, чем Нью-Йорк наной-нибудь или там ваш Новый Арбат...

И стал я тихо смотреть Алены чудеса русские — вечные и ежедневные...

Упоение художников стариной, догорающей жизнью — заурядно, банально, как попса. Но у Алены трогает не умиление слабодушное, а трезвое, я бы сказал, упоение тайным как бы смыслом. Но наной

Пензеня.

дняшнем мире/ Среднерусская есть полоса. Хорошо, удивительно, царски, / Что тебе вспоминается тут, / Как растут лопухи под Зарайском, / Как деревья спойной растут/...

— Это кто же?

— Анатолий Передреев. Я, правда, чть изменила рифму — для Зарайска... — и Алена улыбается чуть смущенно, но только чуть...

Молчу, пытаюсь размотать клубочек дальше. Да, конечно, каждый художник воспеваает тот мир, который — его! И воспеваает вне своей воли — если пишет, как дышит, то есть свободно.

Итак, муза Алены демонстративно прописана в городе Зарайске, "посередине этого разгула", словами Высоцкого. И это не мазохизм — а привычка просто уметь смеяться над собою — со смиреньем типа христианским. "Вторая натура" нации, у которой вековое постоянство *смеха сквозь слезы* породило отношение к жизни как к оптимистической тра... — а вот и нет, не трагедии — комедии!

Оптимистической комедии, — да!

Да, на картинах Алены разруха... — но эта кривобоность и нособоность мистическим образом не вызывает у зрителя горечи, желчи или гнева — уже постоянных в России эмоций. А почему? Да потому как подсмотрена с милым лукавством — и с не-поколебимым оптимизмом.

То есть Алена открыто воспеваает вот эту русскую... — что? — неприязнительность? *Непретенциозность? Ненатурность?* Да! А как это по научному?.. — мини... минимализм жизни русской.

же смысл, думаю, в этой инвалидной, натакомбной, бескрылой средневековой жизни она видит? И я осторожно так подбираюсь к художнице...

— А помните, Алена, знаменитую фразу Ленина — "идиотизм деревенской жизни"? Вы это воспеваете? *"Но я люблю, за что, не знаю сам"!*.. — так, что ли? По Михаилу Юрьевичу вас понимать?

— А как хотите, так и понимайте! — отрезает Алена. — Я другие строчки люблю: *"В суматохе имен и фамилий/Мы посмотрим друг другу в глаза, / Хорошо, что в сего-*

То есть, что бы ни происходило на этих анварелях и офортах, происходит там только одно событие — акт восхищения нашей, мягко говоря, скромностью жизни!

Акт восхищения самым пустяковым обертончиком жизни: вот мальчик смотрит на мячик с восхищением, вот девица в шубейке старенькой мыслит, как бы ей дружка обхитрить, а вот кот важно лежит, знает, что все ему — масленица иль трын-трава!

"Любить иль наслаждаться"? — нам все равно!..

В сущности, Алена есть человек мироощущения типа Иван-дурак. То есть, дурак-то он дурак, но выигрывает всегда в конце концов благодаря чему? Благодаря скромности своей, а не картинности, душевности, терпеливости, смыслу здравому, нраву лукавому, а не всяким там жутким ухищрениям гуннов и прочих талибов.

Да! Смотреть Аленыны анварели не скучно, вглядываться приятно, и не болит голова от усилий разгадать якобы смысл якобы художника, какого-нибудь "авангардиста", "пуст-модерниста", а по сути беспомощного шарлатана!

Есть еще в России, значит, художники с нравственной парадигмой в душе — той самой, которая создала всех Рафаэлей и Рублевых мира, Рембрандтов и передвижников, Левитанов и Глазуновых.

И, заметьте, в этих скромных, чрезвычайно тонко отделанных "бытовых" сценках таится суть вполне европейского искусства, всегда, от Вермера до Марнэ, замешанного на сочувствии и любви... — ой! Вот еще слово вырва-

лось неприличное, да? Но в нем, в конце концов, — суть!

Это Томас Манн когда-то сказал: "В подлинно великой музыке человек находит самое главное и необходимое — коровье тепло". Вот так-то-с, господа! Да, эти живописные минисериалы жизни русских людей в маленьких потаенных городках полны любви — и за это так любят эту художницу везде — в Германии и Чехии, Франции и Англии. Так искусно Алена выражает свою теплую любовь к России — и безо всякого там картонного па-

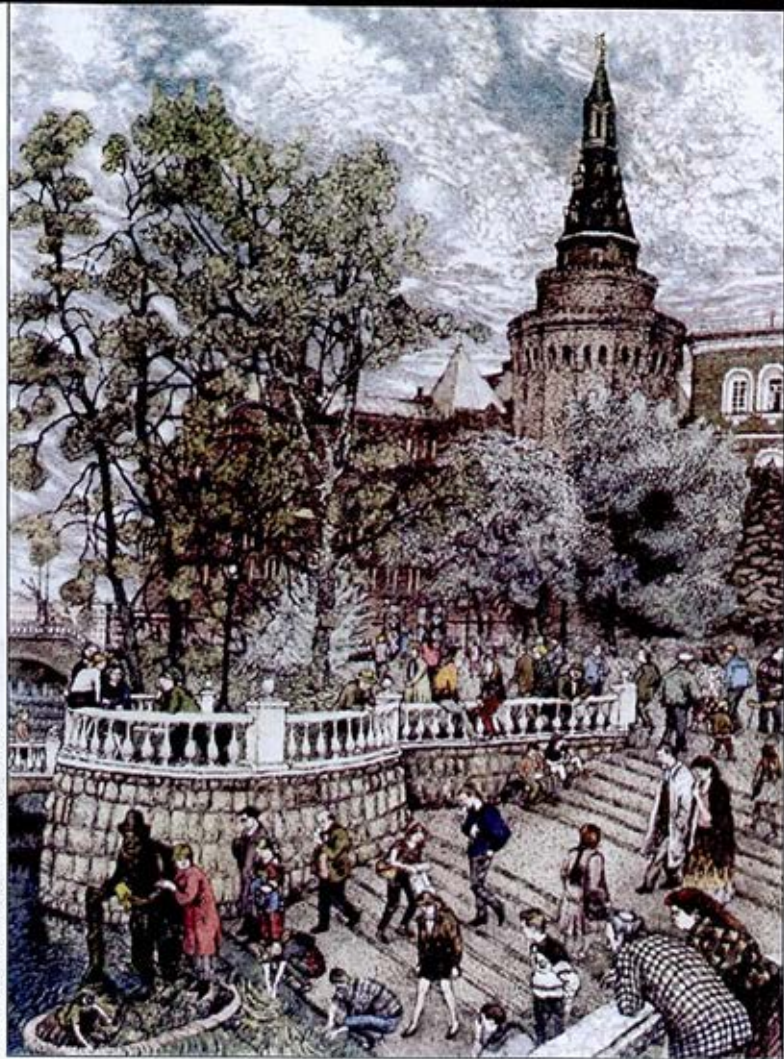
Петровна.

фоса. (Истати, понажите мне пост-модерниста, который рисует с любовью к человечеству, а не к гонорару.)

Всё так. Но тут в нашем живописном детективе есть нюанс... Да, Алена Дергилёва дарит нам тепло любви к уже как бы прошлой России, так нужное нам сегодня. Без тепла ведь никакое будущее не нужно — верно? И... — и это все про Алену? А вот и нет!

Есть тут еще одна главная правда, господа-товарищи, чуть

снижающая пафос патриотический, но... короче, дело в том, что тайна упоения Алены зарайской патиной и этим мини-бытом — не только патриотически-пафосная, а еще и чисто живописная.

Да-да! Алена наша арийско-зарайская есть самая что ни на есть настоящая эстетка — она просто любит этот колер на этом пленэре! И потому, собственно, она — художник!

Великий русский поэт Иосиф Бродский подметил тонно: *"есть; наверное, какой-то извращенный снобизм в привязанности к здешнему (венецианскому) кирпичу, к его красным, воспаленным мышцам в стручьях слезающей штукатурки"*.

Что ж, не сумев родиться в Венеции, Алена Дергилёва-Зарайская с зарайским же снобизмом утверждает, что *"наш колер лучшей ихнего"*.

Точности ради отметим — патина солнечной Италии на их беспыльном плензере — ясноохристая, рыжая, красная, а наша вот русско-зарайская патина-паутина, в неуловимых переходах проселочной грязи и пыли, сложнее.

И вот этот восторг бесконечных трансферов неуловимых и пленил Алену — вот эта **ПАТИНА, СТАРИНА — РОДИНА** — вот улыбка лунавая девичья сквозь легкие слезы, вот мужичок пьяненький зрит на небо серенькое на заваulinке у маркета зарайского...

И вот эту песнь песней жаворонка зарайского *излучают* все работы Алены — слушайте "Времена года" Чайковского.

Уф! Теперь вроде — разъяснили?

И с чистой совестью на свободе разрежали мы с Аленой золотистую "колхозницу" с нутром янтарным, благоухающим — и начали ею закусывать под колесом тнацним.

И тут проясненным уже взором я узрел последнюю акварельку, не то офорт, где всё совсем уж уморительно поносилось в разные стороны, и надпись "стоп" озаглавляла очередной этап жизни нашего правительства, а сверху еще были вилы ТВ-антенн. И застонал я сипло: "О! Это есть мое! Это мое!"

— Да ради Бога! — усмехнулась Алена так лунаво. — Она уже Ваша. — И мигом завернув, прошелестела: — Что ж в ней нашли такого удивительного? Вы же весь такой... из Нью-Йорка.

И тут, выпив до дна и проглотив ломоть солнечный, завопил я наконец, полный счастья и семечек дынных:

— Да накой, к черту, Нью-Йорк! Отсюда я! Все мы отсюда, из Арзамаса, пардон, Зарайска! Гены зовут к архетипу, эхо в душе шумит — хлеб, водна, березна!.. "Этот стон"... — Ну и начали мы петь, стало быть.

Перед уходом стыдливо спрашиваю:

— Г-жа Алена Лунавая, царица Зарайская! Положено мне у вас спросить: а вот вы-то сами в чем смысл видите своих красон-картинок? Словами скажите! Мне же для отчета надобно.

Алена глазами потупила, дыньку аккурратно доедает... — и неслышно так мямлит:

— Да уж не знаю... Нравится мне это все... Ой, кажется, трубу прорвало! Я мигом! Тряпну найду...

И под звуки трубы и тряпки в клозете, я очень кстати тут вспомнил городок Нью-Йорк-Сити: вот когда там въезжаешь в Сохо, район вернисажей и галерей, то на въездной арке видишь надпись — образец коррентного, как бы бесстрастного, америнанского лунавства: "Если у тебя есть концепция — то пиши книги, а не рисуй!"... — найф, да?

Надо думать, и Алена свою концепцию имеет, но в полном согласии с рецептом янки против заnudства книг она не пишет, предпочитает рисовать.

И — слава Богу!

Правь свою улыбку, царица Зарайская!

А что? Мир, может быть, и спасет красота — красота ненавязчивой, ненатужной, озорной и лукавой русской улыбки! ■

Иосиф ГОЛЬМАН

снайпер

Пролог

Все начиналось, как обычно: школьники садились в фыркающие жарким сизым выхлопом "Икарусы", бодро покрикивали преподаватели, сопровождавшие детей. Преподаватели, остающиеся ремонтировать школу и писать учебные планы, завидовали отъезжающим белой завистью. Еще бы: два-три часа — и серебристый "Ил-62" спецрейсом помчит за тридевять земель. Подальше от их теплого городка, где жарко могло стать не только от солнца, уж слишком близко располагались "горячие точки".

Даже заядлые скептики начинали верить в то, что их обычные дети летят отдыхать в заморский чудо-лагерь! Они бы в жизни туда не попали, но чудеса все-таки происходят. Нашлись какие-то доброхоты, которым, видно, своих проблем было мало, проделали то, что скучно называется "организацией финансирования мероприятия", и дети, неожиданно-негаданно, поехали.

В автобусах все уже расселись, мамы махали руками и утирали слезы. Машина сопровождения ДПС тоже завела двигатель, милиционеры садились в салон.

...В этот момент они и заскочили в еще открытую дверь второго автобуса. Свидетели потом так и говорили — "они", потому что даже пол преступников поначалу определить было невозможно. Их было двое, но никто не мог поклясться, что в толпе провожающих, а, может, даже среди взрослых в автобусе, у них не было поддержки. Сколько они имели оружия и какого типа, тоже было непонятно.

Поэтому к их требованиям отнеслись серьезно. А требовали они то, что обычно требуют в подобных случаях. Автоматы с двумя запасными рожками, почему-то три пистолета, сто тысяч американских долларов — не рекордная по нынешним временам сумма, вертолет "Ми-8" с полным баком горючего. А главное — выпустить четырех дружков, тоже террористов, осужденных на большие сроки тремя годами ранее.

Еще одно требование — чтоб два других автобуса с детьми оставались рядом. Мол, как только будут выполнены условия, детей из автобуса отпустят, и тогда те все вместе улетят в свою поездку. Они ж не звери какие, просто у них свои задачи.

А чтоб подоспевшие переговорщики из ФСБ шевелились быстрее, один из нападавших прострелил колени молодому мужчине-учителю и выкинул его из автобуса. Парень, оставляя темный след, прополз на руках по асфальту метров двадцать, пока его не прикрыли грузовиком и не оттащили на носилках. Террористы больше не стреляли, но по полученной рации главарь сообщил, что через три часа, если их требования не будут выполнены, они

* Журнальный вариант

будут убивать по одному ребенку каждые десять минут. При этом всю ответственность бандит возложил на ведущих переговоры сотрудников спецслужб.

На предложение полковника ФСБ обменять детей на себя террорист только расхохотался и попросил поторопиться.

Положение было аховое: и выполнять требования нельзя, и бездеятельно ожидать детских трупов тоже нельзя. Удалось только выторговать еще пять часов, так как осужденные сообщники располагались в разных колониях, в том числе — под Нижним Тагилом и в Ангарске.

Именно поэтому я оказался в числе действующих лиц. Первое сообщение о случившемся мне выдал собственный телевизор — журналисты сейчас реагируют мгновенно. Я возлежал на тахте с практически неначатым бокалом кампари в руке. Люблю, знаете ли, красивую жизнь. Жаль, редко могу ее себе позволить. Выслушав первый текст, сразу оделся. Интуиция не обманула, буквально через две минуты пискнул пейджер. Я отзвонился, сообщил, что жду у подъезда.

Через час мы уже стартовали с подмосковного Чкаловского аэродрома. Здесь нет толп ожидающих отпускного счастья туристов, не сдают в багаж вещи натруженные “челноки”. Да и свою единственную тяжелую вещь я бы в багаж никогда не сдал. Называется она — снайперская винтовка “ВСС”. Я люблю эту винтовку и знаю на ощупь каждый ее винтик, каждый изгиб ложа, каждую царапинку на ее боках.

Потому что я — снайпер.

И это единственное, что я умею делать идеально. Лучше многих признанных специалистов. А может, и лучше всех.

Еще в автобусе я узнал список действующих лиц. Вместе со мной из моего подразделения летели три человека. В том числе Вовчик, мой постоянный напарник. Снайперы, как правило, работают боевой парой, и напарник — это даже не друг, а нечто большее. Точнее — другое. Потому что с Вовчиком мы нигде, кроме как на занятиях и на войне, не встречаемся. Не тянет. Но в бою с ним спокойно. И, думаю, меня он тоже ни на кого не променяет.

Третьим был наш шеф, полковник Третьяков. Уже по его виду я понял, что приняты жесткие решения. На мой взгляд, давно пора. Идти на поводу у террористов — только провоцировать следующих.

В аэропорту нас встретили руководители операции.

— Всем снайперам быть на связи. Велегурову и Романову — особая вводная. Если в прицел попадут оба — стрелять без дополнительной команды, — объяснил незнакомый полковник.

Мне было приятно, что мы с Вовчиком проходим отдельной строкой. Значит, уважают.

— Сколько всего задействовано снайперов? — поинтересовался Вовчик.

— Вас двое и шестеро местных. На связи будут все, но стрелять инициативно можете только вы, — уточнил полковник.

— Можно посмотреть местность? — влез Вовчик.

— Пожалуйста.

На переносном мониторе нам показали место событий со всех ракурсов. Я сразу определил, где легли местные стрелки. Они особо не прятались, заняли позиции с максимальным обзором. Значит, и злодеи их вычислят легко.

— Мы пойдем другим путем, — сказал я. — Мне нравится вот эта “телега”. — И ткнул пальцем в выдвигающуюся вверх платформу, на которой в самолеты завозят питание. Она, видимо, была неисправна, потому что стояла с навеки поднятой платформой — прямо на газоне, за деревом, метрах в двухстах от автобуса. Стояла, скорее всего, давно: на нее был навален какой-то хлам.

— Так далеко? — удивился “чужой” полковник.

— Для него нормально, — успокоил его Третьяков. — Но там же ветки будут мешать.

— Я лягу, посмотрю, скажу, какие срезать.

— И как мы их срежем? — не выдержал подошедший генерал с колоритными усами, наверное, местный.

— Прикроете бензовозом или фургоном и спилите. — Я начал терять терпение. — У меня свои задачи.

— Не хамя, Велегуров, — попросил Третьяков. И, как бы извиняясь перед генералом, объяснил: — Звезда, понимаете ли. Но дело знает.

— Посмотрим, кто чего знает, — все же обиделся генерал.

Он подозвал майора, я ему все объяснил, а Вовчик показал на мониторе свой будущий схрон. Он предпочел козырек аэровокзала с накрывной рекламной установкой. Там были оторванные металлические листы, нераскатанные рулоны рубероида и еще какая-то дрянь. В принципе, можно замаскироваться.

Майор оказался толковым, и через сорок минут, после простенькой отвлекающей операции, мы с Вовчиком уже глядели на автобусы сквозь прицелы. И еще: вряд ли злодеи догадывались о нашем присутствии. А это важно.

Я внимательно осмотрел автобус. Картина выходила неприглядная. Окна по-прежнему зашторены, в остеклении передней двери — детские головенки. Метрах в трехстах от аэровокзала, совсем близко от моего укрытия, милицейское оцепление сдерживало толпу родителей захваченных детей. Мне были слышны их крики и плач.

— Серега, что у тебя? — зашуршал в ухе Вовкин шепот. Он всегда шепчет, хотя здесь и крик из микрофона никто бы не услышал. Привычка.

— Пусто. Все закрыто.

— У меня тоже.

Я переключился на милицейскую волну. Там переговорщик ругался с террористом.

— Руслан, ну сам пойми, как я могу сделать все за такое время?

— Не знаю. Твои проблемы, — отрывисто рубил Руслан, хотя, скорее всего, его звали иначе. — Тебе осталось полтора часа. После начну выкатывать головы.

— Не горячись, мы понимаем. Пока мы делаем все, что ты просишь. Но не проси невозможного. Самолет не может лететь быстрее.

— Не морочьте мне голову! Я отдал вам четвертого, но если вы не привезете троих, дети начнут умирать!

Ага, значит речь идет о сообщниках. Если переговорщик не врет, их уже освободили и везут сюда. И ведь, чего доброго, привезут!

Бесшумно зажужжал виброзуммер вызова. Я переключился на свой канал. Говорил Третьяков:

— Ребята, их действительно двое. А в автобусе действительно бензин.

— Петр Александрович, им привезут подкрепление? — перебил я полковника.

— Приказа стрелять пока не отменяли. А вообще может быть любой расклад. Сам понимаешь.

К автобусу пошел человек с белым флагом. Во второй руке он нес канистру с водой. Зашел в "Икарус". Обратно вылетел уже без канистры и с залитым кровью лицом. Прикладом, наверное. Понятно, зачем. Чтоб боялись.

Минуты превращаются в часы, но я умею ждать. Наконец происходит то, о чем я уже думал. К автобусу летит карета "Скорой помощи", к ней выходят двое взрослых — мужчина и женщина, — у каждого на руках ребенок. В автобусе духота, не всякий взрослый выдержит.

Детей заносят в санитарную "Газель", туда же мгновенно запрыгивает мужчина, "скорая" улетает. Бог ему судья. А женщина идет обратно к заложникам. Через три минуты разлетается первое окно, затем еще два.

Злодей разрешил. Конечно, не из-за доброты. Просто если дети начнут быстро умирать, у него не останется товара для торга.

— Привезли сообщников, — раздается в ухе голос Третьякова: — У здания аэровокзала, слева.

Через мощную оптику я могу разглядеть у них даже дефекты кожи. Один дородный, лет сорока, — сволочь, у самого же дети! — среднего роста, лоб с залысинами. Второй щуплый, черненький. Третий — вроде русский, славянской внешности, точнее. Неужели их пустят в автобус? Я машинально навожу ствол на дородного и прицеливаюсь ему в левый глаз. Раз — и нет проблемы. Но, к сожалению, я не генерал, а всего-навсего капитан. Хотя, может, и генерал в этом раскладе лишь пешка.

Может, все обо всем уже договорились. Я снова смотрю на окна автобуса.

— Вовчик, ты что-нибудь видишь?

— Иногда один мелькает, но очень быстро.

— Я думаю, они устанут и подставятся.

— Куда ж они денутся, — хохотнул Романов.

Внезапно автобус начинает движение, а вслед за первым и остальные два. В тех — тоже фактически заложники, только с едой, врачом и биотуалетом. Через несколько метров — остановка. Понятно, хотят сбить с толку снайперов. Не будем суетиться. Может, сейчас он снова подвинется.

Так и случилось. Через полтора часа "Икарус" вновь подставил мне свой бок, в котором было уже пять выбитых окон. И самое главное — два окна расшторены, чтобы воздух шел лучше. Я даже пару раз увидел одного из бандитов — высокого парня в синем тренировочном костюме, с автоматом, очень похожим на "Борз" — чеченскую самоделку.

— Одного держу, — шепчет Вовчик.

— Какого? — также шепотом отвечаю я.

— В черной рубашке.

Значит, не моего. Отлично. Ну, давай, родной, выгляни хоть на пару секунд! И он выглянул. Но только после того, как Романов сообщил, что "его" — сошел с прицела.

Что ж, будем ждать.

И в этот момент со стороны аэровокзала раздался слабый хлопок. Несомненно, это был выстрел. Даже мысль дурацкая мелькнула, что это Вовчик пальнул, не предупредив. Похоже, про выстрел только я сразу понял и определил направление стрельбы. Мельком бросил взгляд на взывшую толпу за оцеплением. Один милиционер лежит на асфальте, у женщины рука в крови. Рикошет или мощная пуля задела обоих.

А вот и стрелок! Он спрыгнул из окна второго этажа, за плечами короткий карабин с глушителем — даже оружие, сволочь, не сбросил! Парень подбежал к мотоциклу, стоявшему прямо у стены, и, газанув, помчался прочь.

У него были все шансы. Менты не знали, в кого палить. Вовчику он был не виден, а передо мной злодей двигался с высокой угловой скоростью, к тому же — неравномерно разгоняясь. Сверни он направо — "под меня" — вполне мог бы уйти, скрывшись за огромным ангаром. Но — побоялся: дорога дальше шла слишком близко от оцепления. Он свернул налево. Теперь угловая скорость значительно уменьшилась, а увеличившееся до полукилометра расстояние меня несколько не пугало. Наглец настолько уверился в своей ловкости, что даже обернулся посмотреть на произведенный им эффект. В этот момент я выстрелил.

Это только говорят, что мощный мотоцикл летает, как пуля. На самом деле, как пуля летает только сама пуля. Она пробила черную кожаную куртку наездника и вышибла его из седла.

Оказалось, что даже выигранная нами перестрелка сработала на бандитов. Похоже, сверху прошла команда соглашаться на их требования. Может, боялись, что поддерживал акцию не один "мой" мотоциклист.

Троих осужденных подвезли к автобусу. Я аж зубами закрипел от досады. Все. Сейчас детей выпустят, эти улетят, а дальше — жди новых командировок.

— Пока сторговались только об одном из них, — сказал мне в ухо Третьяков.

— Каком?

— Толстом. Он, похоже, главный. Это его мероприятие.

И в самом деле, Толстый остался у автобуса, а двоих повели обратно к аэровокзалу.

— Крутые ребята. Нам с ними не справиться. Конечно, надо отпустить.

— Не твое дело, Велегуров, — с ходу завелся Третьяков. — Операцией командуешь не ты. И не я, — в миноре закончил он.

— Приказа о стрельбе не отменяли, — зашептал мне в ухо Вовчик.

— Это точно. Ну, давайте, ребята, откройте свои личики одновременно!

Бог услышал мои молитвы. Вылетело еще окно, первое от двери, раздвинулась штора, и я увидел "своего", в синем тренировочном костюме. Даже с такого расстояния я видел улыбку на его роже. Он что-то кричал Толстому, теперь стоящему ко мне затылком, правее входной двери, а тот ему что-то радостно отвечал. Они почти победили. Отсюда и чувство опасности притупилось. "Мой" злодей щерил свой рот, а за ним, у его правой руки, сидел испуганный щупленький беленький пацан, и в мою оптику я видел, что мальчишка еле сдерживается, чтобы не разрыдаться.

— Держу моего! — прошептал Романов.

— Огонь! — скомандовал я, и, чтобы не рисковать, выстрелил не в голову, а в грудь "своему" бандиту. Все равно он без бронжилета.

И — о, ужас! Белобрысый пацан, увидев открывшуюся дверь, не выдержал и рванул к ней! Тяжелая пуля, пробив тело террориста, наверняка попала в парнишку.

— Мой — готов! — радостно отрапортовал Вовчик.

Я еще раз посмотрел в оптику, как будто что-то могло измениться. Террорист упал, мне было его почти не видно. А мальчик, отброшенный пулей, неловко лежал на спине, на первом за водительским местом сиденье. Рука бессильно свесилась вниз. Я даже волосенки его белые видел. Только теперь они были в крови.

Я вдруг перестал что-либо чувствовать. Как отрубил разом. Просто медленно развернул винтовку и навел ее на затылок главаря. В этот миг он повернул голову, и я понял, что даже такие

вонючие скоты способны испытывать отчаяние. Не от того, конечно, что погибла пара его подонков. И уж точно не оттого, что моя пуля попала в ребенка. Просто ему очень не хотелось обратно в тюрьму. И не надо. Я остановил перекрестье на ямке между его паскудными глазами и плавно нажал на спуск.

Через три месяца после этих событий я стал гражданским. Друзья дали посмотреть любопытный документ под названием "Ситуационная справка". Там не знакомый мне офицер вполне справедливо обвиняет меня в предумышленном убийстве осужденного (мальчика в вину никто не ставил), а полковник Третьяков настаивает на версии несчастного случая и попутно вспоминает мои многочисленные заслуги. Кроме того, была еще бумажка, в которой наш военный психолог и сухопутный моряк, капитан второго ранга М.Л. Ходецкий, дает мне очень справедливую характеристику и настаивает на необходимости моей полной психологической реабилитации. Он и в самом деле сумел запихнуть меня в спецсанаторий и лично чуть не через день приезжал со мной заниматься. Отличный мужик, наш Марк Лазаревич, и, видно, хороший профессионал. По крайней мере, мальчик с окровавленными белыми волосами стал сниться реже.

На прощание он в открытую сказал:

— Боюсь за тебя, Серега.

— Это вы про "мальчиков кровавых в глазах"?

— И про них тоже. Боюсь, что свихнешься. Или наоборот.

— А наоборот — это как?

— Боюсь, что тебе понравится убивать.

У меня перехватило дыхание.

— Если что не так, звони сразу.

— Спасибо, — только и сумел сказать я.

1. Глинский. Мерефа, Урал

Глинский с нетерпением ждал поворота, за которым вдалеке уже можно будет разглядеть белые стены святой обители. Маленький вездеход "сузуки-витара" ходко бежал по неважно отремонтированной асфальтовой дороге, довольно жестко отработывая неровности.

— По-моему, ты не слишком удачно вложил деньги, — сказал пассажир на переднем сиденье. — Хреново сделали шоссейку.

— Разберемся, — меланхолично ответил Глинский. Перед воротами Мерефы ему не хотелось опускаться до производственных разговоров.

— Разберем-емя! — передразнил пассажир. — Ты уж разберешься! С твоей всеобщей любовью. Я буду разбираться! Сам. Надо же, ведь знали, что делают дорогу к монастырю. Знали, что на пожертвованные деньги. И все равно воруют!

— А как можно украсть дорогу? — удивился мальчик на заднем сиденье, сын Глинского Вадик.

— Украсть, Вадька, можно что угодно! — хохотнул пассажир. Глинский недовольно поморщился.

— Нет, ну, правда, дядя Вить! Они асфальт крали?

— Деньги они крали! Песка поменьше положили, гравий подешевле, слой асфальта потоньше. А чтоб сроки не нарушить, катали асфальт в дождь. Вот и трясемся. Я так думаю, не меньше двухсот тысяч спиионерили у твоего батяни, паскуды.

— Кончай, Кузьма! — повысил голос Глинский. — Тут, кстати, твоих пожертвований половина. И деньги эти уже не наши, а обители.

— Извините, любезный Николай Мефодьевич! — съехидничал пассажир. — Но ты пока еще бизнесмен, а не Иисус Христос, чтобы любить всех подряд. Чтобы всех любить, нужно очень-очень много денег.

— Вот это ты, Витька, верно подметил, — закончил беседу Глинский.

Они подъезжали к обители. Монастырь как всегда неожиданно выскочил на повороте из древнего заповедного леса, устремившись белыми, ярко освещенными солнцем башнями прямо в синее небо. Он был необычно расположен: на высоком полуострове, далеко забравшемся в большое светлое озеро, со всех сторон окаймленное сосновым бором.

За свою долгую — четырехсотлетнюю! — историю монастырь повидал всякое.

Глинскому о Мерефе рассказывал еще отец. Восторженно рассказывал. Поэтому до первого посещения он представлял себе Мерефу как нечто полусказочное. И — редкий случай! — попав сюда, вовсе не разочаровался: Мерефа и в самом деле оказалась Божьим чудом. Тут надо сказать, что отец Николая Глинского, Мефодий Иванович Глинский, известный в узких кругах философ-теолог, никоим образом не желал быть повязанным с официальной, разрешенной коммунистами церковью. Такое поведение не могло поощряться, поэтому юный Глинский чаще встречался с папой на свиданиях в тюрьме, чем дома. На воле Глинский-старший работал на разных работах. Если начальство было бдительное — то сторожем или сапожником. Если не очень — то преподавателем истории в школе или библиотекарем. Но на воле он все же был не часто. И со своим лучшим, а также единственным другом Виктором Геннадьевичем Кузьминым (в просторечьи — Кузьма, или Витек) Глинский-младший познакомился на Среднем Урале, где Глинский-старший отбывал очередное заключение, а Николай, оставшись совсем без родственников, впервые попал в детдом.

Вдруг звонко и торжественно зазвонили разом все монастырские колокола. Взрослые в маленькой “сузуки” встрепетнулись и перекрестились: Глинский — спокойно и естественно, Кузьмин — как будто вспоминая, как держать пальцы и в какой последовательности осенять себя крестом. Мальчик не осенил себя вовсе, но не потому что выражал неудовольствие церковным

ритуалом, а потому что был полностью захвачен веселой и всеобъемлющей игрой колоколов.

— Смотри, как спонсоров встречают, колокольным звоном! — пошутил Кузьмин.

— Не болтай! — серьезно осек его Глинский.

Сразу за воротами обители их встречал сам настоятель отец Всеволод. Он искренне симпатизировал Николаю Мефодьевичу и его малолетнему сыну. Отец Всеволод серьезно считал Вадика личностью, выделенной Богом. Парнишка и в самом деле был необычен. Абсолютно незлобив, очень эмоционален, безусловно талантлив. Мог одним росчерком папиной ручки изобразить только что увиденную птицу, причем в каждом миллиметре чернильного следа ощущался ее упругий воздушный полет. Мог, удивляя и восхищая окружающих, повторить на специально купленном дорогом рояле только что прозвучавшую по радио сложную мелодию. Мог, один раз понаблюдав за работой механика, разобрать и вновь правильно собрать карбюратор любимой маленькой "Витары". Правда, мог целый день пролежать на диване, думая о чем-то своем, и очень похоже — нездешнем.

Отец Всеволод обнял и благословил Вадьку, тепло поздоровался с Глинским. Потом — гораздо более холодно — с Кузьминым.

— Как дела, отец Всеволод? — спросил Глинский.

— Нашими общими заботами — ничего, — улыбнулся настоятель. — Дорогу, конечно, подлатали не очень, но не сравнить с тем, что было.

— Дорогу исправим, — влез Кузьмин.

— Спасибо, — смиренно поблагодарил отец Всеволод.

— Если все пойдет по плану, в конце года сможем проинвестировать восстановление надвратной церкви и всего периметра стены, — продолжал Глинский.

— Замечательно! — обрадовался настоятель. — Значит, к весне будем практически в первоизданном виде. Дальше главной задачей станут жилые палаты.

— А захотят жить братья в бывших камерах? Говорят, в этом корпусе расстреливали.

— Будем молиться. Мы должны быть открытыми для всех, кто пожелает посвятить себя Богу.

— А много желающих принять постриг?

— Очень, — вздохнул отец Всеволод. — Сейчас у нас 26 монахов. А заявлений — четыреста!

Они обговорили строительные и финансовые дела, и Глинский заторопился в город.

— Может, разделите с нами трапезу? — предложил настоятель.

Николай Мефодьевич с сожалением отказался. Как ни хотелось ему задержаться в этом благословенном уголке, да не позволяли дела.

— А где Вадька? — обернулся он, ища сына.

— Может, в дендрарии? — предположил отец Всеволод. Он подозвал проходившего мимо мальчика в обычной, не монастырской, одежде и попросил его разыскать Вадимку.

— А этого я еще не видел, — кивнул вслед ушедшему пацану Глинский.

— Редко заезжаете, Николай Мефодьевич, — укорил его настоятель. — Ванечка у нас уже больше месяца. С вокзала привезли, избитого, обозленного. Семьи нет.

— А как же документы?

— Какие у них документы? У нас уже семеро таких живут. Пока ни о ком не спрашивали.

— Осень скоро. Со школой договорились?

— Да, будут в поселок ходить.

— Если нужно что-то, вы скажите. Я в хороших отношениях с главой вашего района.

— Я тоже, — улыбнулся настоятель. — Нет, вроде все нормально. Если можно, для пацанов наших семь комплектов одежды школьной, портфели, учебники, тетрадки.

— Это все сделаем, — с удовольствием заверил Глинский и обернулся к Кузьмину: — Запиши, Витя, чтоб не забыть.

— Я никогда ничего не забываю, — отозвался тот.

— Пап, я пришел, — сообщил подбежавший Вадим. Приведший его воспитанник остановился поодаль. — Смотри! — Он протянул сжатую в кулачок ладонь и разжал пальцы. Глинский ожидал увидеть там цветок, или, в худшем случае, птенца. А увидел мастерски изображенный его дорогушим "паркером" абрис куполов главного храма обители.

— Ну, ты даешь! Такой хороший рисунок! Что ж, теперь руки мыть не будешь?

— У меня не было бумаги, — оправдался сын.

— Ладно, поехали.

Вечерело. Стволы старых сосен бронзовели на заходящем солнце. Уморенный Вадька спал на заднем сиденье. Слева сосредоточенно молчал Кузьма, сменивший Глинского за рулем. Глинский мельком взглянул на его профиль, наверное, и в самом деле друзей не выбирают. Как и родителей. А, может быть, и как судьбу: если б не Вадька, наверное, ушел бы в монастырь, принял бы сан.

Но тогда надо сначала исповедываться. А Глинский очень не хотел кому бы то ни было исповедываться. И особенно — отцу Всеволоду. Он с удовольствием забыл бы многое. Но — не дано.

2. Велегуров. Подмосковье

Даже удивительно, как быстро — и как просто! — в жизни порой происходят радикальнейшие перемены. Полгода назад я умышленно выстрелил в ту сволочь. Странно, но история не имела последствий, если не считать, что мне по-прежнему, хотя и го-

раздо реже, снится белобрысый мальчонка. Каждый раз после такого сна я выпиваю стакан водки и звоню Ивлиеву, сказать, что болен и на работу не приду. Он укоризненно молчит, но на следующий день я стараюсь вдвойне, и пока мне все сходит с рук. Ужасно повезло с Ивлиевым. Последний раз я видел его год назад, мы оба обрадовались встрече. Он долго выспрашивал меня об успехах, как-никак первый учитель. И, наверное, лучший из моих учителей, не считая полковника Третьякова. Потом рассказал, что сам устроился неплохо, охраняет какую-то приличную рекламную фирмашку, которой рулят “негнилые” парни. И даже сказал, что если буду увольняться, чтоб не забыл позвонить ему.

Честно говоря, у меня и мысли не было, что я когда-нибудь буду звонить уважаемому мной бывшему подполковнику спецназа Василию Федоровичу Ивлиеву с целью трудоустройства. Но, чтоб не обижать старика, телефончик записал. Как оказалось, на момент увольнения это было единственное реальное предложение.

...Эти вяло текущие мысли не мешали любоваться зимним подмосковным пейзажем, проплывавшим за окном моей потрепанной “девятки”. Баклажанного цвета шестилетний “жигуль” был пожалован мне лично, с барского плеча нашего шефа, Ефима Аркадьевича. Точнее, с плеча его жены, Натальи, пересевшей на более современный автомобиль. Подарок, замаскированный под служебную необходимость, я получил за личное участие в малых неприятностях Шефа. Правда, любоваться осталось недолго, минут десять-пятнадцать — уже начало смеркаться.

Заканчивалась моя первая самостоятельная командировка. Ведь я теперь больше не снайпер, а младший менеджер по продаже рекламного оборудования, конкретнее — мобильных экспозиционных систем. Сегодня я ездил одну такую демонстрировать потенциальному клиенту в Ногинск. И, похоже, почти продал, тьфу-тьфу. Совсем недавно я даже не слышал про них. О мобильных ракетных комплексах — слышал, мобильных силах быстро развертывания — тоже. А вот мобильные экспозиционные системы как-то прошли мимо меня. Теперь, слава Богу, этот вопиющий пробел в моих знаниях восполнен.

Вообще-то, наша фирма — скопище старых друганов: шеф, его секретарша Марина Ивановна (которую шеф откровенно побаивается), главбух, Ивлиев, начальник типографии Филиппыч (они имеют собственные офсетные машины), начальник отдела компьютерного дизайна Тригубов — короче, почти все руководство не такой уж маленькой фирмы имеет общее прошлое и, похоже, не прочь иметь общее будущее. Мне у них нравится. Ивлиев правильно определил тогда, что “фирмешкой рулят негнилые парни”. Меня даже не слишком раздражает налет разгильдяйства и охламонства, так заметный в этом коммерческом предпри-

ятии. Единственно, я пока не понял, мое ли это дело. Но на данном этапе не очень приходится выбирать.

...Вот и все, солнышко скрылось, вдобавок пошел большими хлопьями снег. На стекле пушистые снежинки мгновенно превращались в талую воду. Дворники заездили по стеклу, сгоняя в стороны неприглядные останки бывших кристаллов. Зато перед фарами закачалась и затанцевала такая снежная феерия, что я даже не заметил пьяного на обочине. Краем глаза лишь уловил движение. Он упал — как будто специально прыгнул, конкретно под мои колеса. Если бы не многолетняя дрессировка, я бы его раздавил. Урода спасли автоматизм, которого так долго и иногда жестоко добивались наши инструкторы, и прием, называемый “управляемым заносом”.

Я выскочил из машины и подбежал к оставшемуся позади телу, оно уже само медленно поднималось на ноги. “Метр семьдесят, телосложение худощавое, — машинально определил я. — Волосы светло-русые, длинные”.

Передо мной стояла девица лет двадцати, несмотря на ноябрьский холод — без верхней одежды, в белой трикотажной кофточке с кармашком и в не очень длинной юбке.

— Ты что, совсем спятила? — с учетом обстановки максимально деликатно спросил я.

— Извините, — тихо ответила она.

— Что — “извините”? А если б не успел? Ты бы за меня отсидела?

— Извините, — повторила она.

— Откуда ты такая? — не зная, что сказать, спросил я.

— Из Ногинска. Я пойду?

— Куда?

— Не знаю.

Эта дура поставила меня в тупик. Оставить ее одну на шоссе, без пальто или куртки, я не мог. Взять с собой? А что дальше? Я не уверен, могу ли за себя-то отвечать. Полный тупик.

— Садись в машину, — сказал я.

— Нет, — мотнула она головой.

Я вдруг сообразил, что она меня боится. Даже смешно стало: под колеса — можно, а с незнакомым парнем в машину — нет.

— Можешь быть спокойна. Довезу до города, пойдешь, куда захочешь.

Она открыла заднюю дверцу и, как птичка, пристроилась в уголке.

Я включил печку на полную мощность, и мы поехали дальше. Время от времени я бросал на нее взгляд в зеркальце: она, похоже, согрелась и заснула.

Въехав в город, тормознул у первой же станции метрополитена.

— Просыпайся, красавица!

Девица дрыхла без задних ног.

— Просыпайся!

Дама не отвечала. Я присмотрелся попристальнее. Она не шевелилась. Господи! У меня аж волосы встали дыбом! Я бросился к задней двери, открыл ее снаружи, и она кулем — точнее, кулечком — выпала прямо мне в руки. Живая! Но горячая до такой степени, что спичку не приложишь — вспыхнет! И дыхание лихорадочное.

Вот же напасть на мою голову! Я быстро развернулся и повез ее к себе на квартиру.

3. Береславский. Москва

Рекламный фестиваль — это меньше всего соревнование, это праздник для самих рекламистов и их самая большая в году тусовка.

Ефим целый час пробивался через заснеженную Москву и к Центру Международной Торговли, где происходило мероприятие, прикатил слегка взвинченный. Но предвкушение хорошего вечера быстро поменяло его настроение. У подъезда уже начинали кучковаться авто отечественных представителей рекламного рынка. Неплохие, прямо скажем, авто: вон, новый “лексус”, “СААБ”, вон “ауди А8”, а также большое количество “мерседесов”, “тойот”, “субару” и прочих представителей вызывающих уважение четырехколесных. Отдельной песней стоял “порше” одного из зачинателей рекламного бизнеса.

Ефим приткнул сбоку свою немолодую “ауди-100”, аккуратно закрыл машину, проверил, что центральный замок сработал, и пошел ко входу.

Внутри — знакомые все лица. Ефим сразу повеселел: к подавляющему большинству из них он относился тепло. А к некоторым, которые в платях, — даже очень тепло. Его тоже многие узнавали, перебрасывались парой фраз или просто приветливо кивали.

Тусовка была в полном разгаре.

— Ефим, привет! — раздалось за спиной.

Береславский обернулся. Павел Никишин, хозяин самого дорогого “мерседеса”, припаркованного перед входом, дружелюбно смотрел на Ефима.

— Привет. — Ефим пожал ему руку. Они не были в дружеских отношениях, но всегда неплохо общались.

— Знакомься — крупные уральские промышленники.

— Средние, Павел, средние. Уж мы-то крупных знаем, — поправил большой, одетый в джинсы и свитер, мужчина и представился: — Глинский Николай Мефодьевич.

— Кузьмин Виктор Геннадьевич, — протянул руку его спутник, в строгом деловом костюме.

— Ефим Береславский, директор небольшого рекламного агентства.

— Ладно скромничать, — засмеялся Никишин. — Кое-что умеешь. И имеешь.

— А вы случайно не родственник Мефодия Ивановича Глинского? — спросил Ефим у высокого уральца.

— Вы знаете моего отца? — искренне удивился тот.

— Не лично, конечно, — тоже удивился и обрадовался Береславский. — Я просто читал его книги. Он отличный публицист. Правда, не могу сказать, что разделяю его взгляды.

— Я тоже, — неожиданно для Ефима произнес уралец.

— А зачем же книги издавали?

— Сделал то, что не смог отец, — довольно сухо ответил Глинский. — Каждый должен иметь право высказаться.

— Слушайте, друзья, — вступил Никишин. — Вы говорите о чем-то своем, а мы явно не в теме. Давайте лучше о рекламе. Мы же к тебе, Ефим, не зря подошли.

— Чем могу помочь столь крутому рекламному агентству?

— С рекламой и пиаром мы справимся сами. У нас для тебя другая задача, если возьмешься.

В беседу вступил Глинский:

— Все очень просто. Мы управляем металлургическим предприятием с почти двухсотлетней историей. Завод не очень большой, по современным меркам, но и не маленький. Скоро, кстати, юбилей. Мы хотели бы иметь ряд материалов вовсе не рекламных, но таких, чтобы молодежи больше хотелось идти к нам работать, инвесторам — вкладывать в нас деньги, государственным чиновникам — если не помогать, то, по крайней мере, не слишком давить. Короче, нужны материалы с душой. Будут ли это сценарии фильмов, книга, брошюры, или все, взятое вместе, — принципиального значения не имеет. Начинать нужно уже через пару месяцев, после новогодних праздников.

— Короче, пойди туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что, — подвел итог Ефим.

— Примерно так, — согласился Глинский. — Хотя, по моему, идею вы уже уловили.

— Берешься? — спросил Никишин.

— Бюджет? — коротко бросил Береславский.

— Вот и вся философия! — заржал Никишин.

— Неограниченный, — усмехнулся Глинский.

— В разумных пределах, — высказался все время молчавший Кузьмин.

— Согласен, — сказал Ефим и, сделав постное лицо, добавил: — Ведь это мой долг!

Все засмеялись.

4. Велегуров, Москва

Я остановил “девятку” у подъезда, и мы пошли в квартиру. Точнее, пошел я, а она, съездившись, лежала у меня на руках, какая-то маленькая, несмотря на свои метр семьдесят, и очень жалкая. Даже через одежду чувствовался сильный жар, хотя, конечно, одежды на ней было не слишком много.

Как назло, на лестнице попалась тетя Даша. Она спускалась вниз с зеленой хозяйственной сумкой в руке. Я помнил эту сумку почти столько же, сколько себя.

— Кого ты в дом тащишь? — с врожденной деликатностью спросила она. — Видели бы твои родители! — Тетя Даша испокон веков жила в нашем подъезде и когда-то сидела со мной нянкой — мама и папа вечно были заняты на работе. Может, поэтому она и теперь искренне считала, что за неимением старших, я нуждаюсь в жестком педагогическом воздействии. Впрочем, я обычно не возражаю, потому что она и в самом деле была близка с моими родителями. А еще потому, что она — из совсем немногих на этом свете, кому я действительно небезразличен.

Не знаю, чего мне пришло в голову — просто надо было ответить быстро и решительно, иначе дискуссию не остановить:

— Теть Даш, это моя невеста. Она здорово простыла.

Тетя Даша мгновенно поставила сумку на пол, потрогала лоб девчонки рукой.

— О, Господи! — ужаснулась она. — Под сорок! — И тут мне досталось по полной программе: — Ну, она-то — дитя. А ты ж старый балбес! Кто в такое время без пальто ходит? А платье покороче не мог ей спроворить? Невесту и так бы разглядел, а чужим нечего показывать!

По моей просьбе тетя Даша засобиралась в аптеку, но тут же смущенно остановилась. Я вовремя сообразил, что названные мной новые лекарства стоят изрядную часть ее пенсии. Оперев потяжелевшее тело чертовой девчонки на перила, я залез в карман и достал тысячную бумажку. Тетя Даша взяла деньги и тяжело потопала вниз. А я — наверх, лифта у нас отродясь не было.

В квартире нас встретил мой доберман, Катя, первое мое “послевоенное” приобретение. Я купил его в переходе у “Арбатской”, не знаю, почему. Военный психолог М.Л. Ходецкий, узнав о моем приобретении, обрадовался и сказал, что я инстинктивно устанавливаю “якоря”, и это хорошо. Я и сам знал, что это хорошо, потому что внезапно возникшее желание купить эту маленькую веселую рожу, торчащую из сумки, и потом о ней заботиться, было первым нормальным желанием за довольно долгое время.

Катя подскочил к нам, лизнул мне руку, а потом подпрыгнул и облизал лицо девчонки. Та открыла глаза и вскрикнула.

— Не бойся, — успокоил я. — Катерин не кусается.

— Почему Катерин? — вдруг хриловато спросила девчонка.

— Мне его продали, как девочку, — честно рассказал я. — Не хотелось кобеля, бегать потом за ними приходится, когда чего-нибудь учуют. Вот и получился Катерин.

Я переложил вновь обмякшую девицу на кушетку. Расстегнув верхние пуговицы кофты, отодвинул ее руку и засунул под мышку электронный градусник. Когда ртуть добежала до 39,7°;

я вынул градусник, даже не дождавшись характерного “пиканья”, которым прибор сообщает об окончании измерений.

— Девочка, очнись! — я потряс ее за плечо. Она не отвечала. Я похлопал девчонку по щекам: — Открой глаза, быстро!

Она что-то пробурчала в ответ, но глаз полностью так и не открыла. Ситуация становилась неуправляемой. Что делать? Вызывать “скорую” по понятным причинам не хотелось. Что я им скажу?

В этот момент в дверь позвонили.

Я открыл тете Даше, и она вошла, стремительно, как и четверть века назад, неся свое грузное тело.

— Что, деточка, заморозил тебя этот охламон? — спросила она у девчонки.

Та молчала.

Тетя Даша села на стул рядом с кушеткой, легким движением руки согнав с него меня.

— И собак уברי, — заодно приказала она, — развели здесь псарню!

Катерин сразу зарычал, и я от греха подальше ушел с ним в другую комнату.

Когда минут через двадцать я был вызван в “палату”, девчонка уже спала, а тетя Даша, еще раз объяснив мне мое место в этой жизни, дала указания по дальнейшему приему лекарств, после чего удалилась.

Я остался сидеть на стуле, обдумывая житье. Такое ощущение, что от меня ничего и не зависело. Бандиты угоняют автобусы, я, абсолютный солдат, оказываюсь вне армии, падают под колеса безумные девчонки. Что к чему?

Катерин подошел сбоку и толкнул меня носом под локоть. Я согласился и пару раз погладил его по длинному узкому лбу. Катерин от этого просто тащился, и, когда я убрал руку, он снова начал меня толкать, требуя продолжения банкета.

— Уймись, — с легкой угрозой сказал я зверю. Катерин обиженно отошел и, покрутившись на месте, угнезвился на полу.

И в этот момент яростно затрещал телефон. Я схватил трубку, испугавшись, что девчонка проснется. Но она, видно, умявшись от жара, к счастью, не проснулась.

— Серега, привет! — узнал я голос шефа.

— Здравствуйте, Ефим Аркадьевич!

— Я сейчас на рекламном фестивале, и через некоторое время буду не вполне трезв. Ты не смог бы за мной заехать?

Черт возьми, неприятная ситуация. У меня хороший шеф, в нерабочее время он грузит меня не часто, и, кроме того, я катаюсь на его машине. Но куда я сейчас уеду от этой длинноногой курицы?

— Ефим Аркадьевич, извини, ради Бога, но сегодня никак не могу. Может, позвонить Володе? — У нас на фирме есть еще Володька, настоящий водитель.

— Не можешь, значит, не можешь, — слегка раздраженно сказал шеф. — Я решу эту проблему сам.

Мне стало неловко. Человек я вполне адекватный, и прекрасно понимаю, что для меня сделали Ивлиев и шеф. Но я действительно не могу сейчас уехать! Я так и сказал:

— Простите меня, но я действительно не могу уехать. У меня тут невеста на кушетке лежит с температурой под сорок. А кроме меня — только Катерин.

— Невеста? — оживился шеф.

— Да, невеста, — закусил я удила: врать, так врать.

— Невеста — это хорошо, — уже без обиды подытожил шеф. — А звать-то ее как?

— Не знаю, — после секундной паузы честно ответил я.

Шеф озадаченно хмыкнул, вежливо попрощался и положил трубку.

5. Велегуров, Блондин. Подмосковье

Бармен промокнул лысину и ожесточенно зазвенел фужерами. Ничего не скажешь, зарплата здесь хорошая, во всем городе такую не сыскать: в их бар заглядывают не только местные богатенькие завсегдатаи, но и москвичи, не желающие развлекаться слишком близко от своих жен.

Вот только Блондин совсем озверел, настоящая сволочь стал. Ни за что, ни про что съездил по физиономии. При всех. А ему, Виталию Архиповичу Иванникову, между прочим, не двадцать лет. И его в городе знает каждая собака.

К стойке подошла Света, только что отработавшая свой танец у шеста. По причине раннего времени после танца к ней никто не прилип. Да Светка и не шлюха, хотя, конечно, тому же Блондину отказать не сможет.

— Дядя Витя, дай, пожалуйста, колы безо льда.

— Конечно, Светик.

Девчонка отхлебнула пузырящейся коричневой жидкости и сочувственно прошептала:

— Не переживай, дядя Вить! Все они ублюдки!

— Ничего, девочка, — пробормотал бармен. Хорошая девочка Светка. Неприятно только, что он дошел до такой жизни, когда его начинают жалеть даже танцовщицы.

— А Альку они так и не нашли! — злорадно прошептала Светка.

Вот это точно. Алька им всем сделала козу. Спрятала своего малохольного братца и — ноги в руки. Дай Бог, чтоб в хорошее место, а не в омут в старом Барском пруду. Там нередко кончают путь неудачники обоих полов.

Но лучше не откровенничать в этом чертовом баре. Кто знает, может, Блондин уже и под стойкой микрофоны наставил?

Светящуюся вывеску "Зеленая Змея" я увидел метров за триста. Она светилась в ночи действительно зеленым светом, но хо-

лодным, мертвенным и отнюдь не успокаивающим. Я проехал мимо, свернул за угол и остановил машину, в которой сидел мой бывший товарищ по оружию Вовчик.

— Все, Вовчик, жди меня. Если будет большой шухер, и я не выбегу, сматывайся в одиночку.

— Обижаешь, партнер, — и в самом деле обиделся он.

— Давай без сантиментов. Это моя личная война.

— Куда ты один? — опять заканючил Вовчик. — В Рэмбо играешь? Башку отвернут — моргнуть не успеешь. Это ж не засада с винтовкой.

— Вов, мы все уже обсудили. — Мне было приятно, что Вовка переживает, но я был твердо намерен не втягивать его в мои проблемы. Достаточно того, что он сидит в машине, и не факт, что это для него не кончится ничем скверным.

Я вышел из машины, достал сигарету. Да уж, точно не засада. Там не то что подымить — во рту подержать не положено. Но здесь можно. Здесь — мирная жизнь. Почти мирная, потому что я еще не решил, что сделаю с Блондином.

Подобранная мною на улице девочка Аля уже неделю жила у меня, а вчера рассказала мне все. Или почти все. Про маму, которая тяжело трудилась в легкой промышленности, уходя от неприятных жизненных реалий с помощью обычного для России метода — попивая водочку. Про папу, про которого и говорить-то было нечего, так как папы Аленька не видела ни разу в жизни. Про Федю, братика, который и в самом деле был хорошим мальчиком, умным и добрым. И не его вина, что он приволакивал одну ножку, а тяжелая форма косоглазия не позволяла ему долго читать или смотреть телевизор. Причем зрение все время ухудшалось, а операция стоила четыре тысячи долларов плюс лекарства. Поэтому я Альку не осуждаю. После смерти матери ей надо было кормить брата. Сонечка Мармеладова постсоветской России. Хотя пошла она по такому варианту не по своей воле. Сначала насилие, потом были еще инструменты удержания, кроме денег. И виновные должны за это ответить. Короче, я не только не осуждаю Альку — я восхищаюсь ею. Танцевать в этой “Зеленой Змее”, угождать, а утром ехать в институт, получать там пятерки и быть старостой группы! Не говоря уже про брата: обут, одет, ухожен и две тысячи долларов на лечение уже отложены. Экономил, видно, на всем: не зря доктор все же вызванной “скорой” говорила про физическое истощение. Так почему же я должен Альку осуждать?

Одно меня гложет: что же потребовал от нее Блондин, после чего две недели Аленька занималась планом самоуничтожения? Причем с таким спокойствием и самообладанием, что меня, старого солдата, оторопь пробирает. Она спокойно перечислила “мероприятия”: нотариально заверенное завещание, пробивание Федьки в группу, уже уехавшую в Штаты на три месяца. Она

урегулировала вопрос с квартирой, взяла “академ” в институте, отправила письмо Федеиным “родителям” (дети жили в семьях), чтобы не отдавали ребенка обратно, так как единственной сестры у него уже нет. А затем написала предсмертную записку, дабы наши правоохранительные органы не обвинили в беспечности водителя — я нашел ее в карманчике блузки еще в первую ночь.

Единственно, чего не знаю: почему Аля была без пальто? И что вынудило ее сломя голову бежать из этой зеленой клоаки, вскочив на первый попавшийся автобус? О каких пленках она говорила в бреду? И при чем здесь жаба — это слово мелькало слишком часто, чтобы ошибиться. Не знаю. Не говорит. Ну и ладно. Мне достаточно того, что в моей жизни появилась Алька.

Я открыл тяжелую стеклянную дверь заведения, и в нос ударил кислый запах выдыхаемых десятками глоток винных паров, а в уши — рев чего-то западного, совершенно в этом не разбираюсь. В глаза не ударило ничего, потому как у светооператора, если таковой здесь имелся, была пауза, а стандартное освещение было довольно убогим.

Это хорошо. Это мне на руку.

Раздеваться не стал — специально надел такую куртку, чтобы в случае чего сошла за пиджак. И уже собрался пройти в зал, как дорогу мне преградил крупногабаритный охранник с характерно вогнутой переносицей:

— Мест нет, все занято.

— Все-все? — улыбаясь, переспросил я.

— Все-все. Вечеринка для своих.

— Вообще-то, я тоже свой. — В мою ладонь из рукава выскочила новенькая зеленая пятидесятка. Я ухмыльнулся: с тем же успехом из моего рукава могла выскочить старенькая, но от этого не менее действенная маленькая финка. Лезвие всего восемь сантиметров, однако в умелых руках и в тесном пространстве работает не хуже пистолета. И вообще много чего интересного можно найти в моих рукавах, когда я собираюсь в гости к Блондину.

— Баксы? — уставился охранник. — Мне?

— Баксы, — подтвердил я. — Тебе. У меня сегодня праздник, и мне плевать, что у вас тут занято.

Деньги исчезли с моей ладони с такой скоростью, что можно было подумать о телекинезе.

— Есть одно место, — сообщил держиморда и отвел меня к барной стойке. Она была довольно густо “засижена” местными обитателями.

— Архипыч, обслужи дружка! — сказал охранник.

— С удовольствием! — улыбнулся бармен, мужик лет пятидесяти, с лысиной через всю голову. На ней смешно отсверкивали зайчики от включившейся светотехники. — Чего желаете?

— Сто граммов водочки для начала, — заказал я. — И чего-нибудь легкого на закуску.

— Огурчик соленый подойдет?

— Замечательно. — На самом деле я не собирался ни пить, ни есть. Лишние следы ни к чему, пока не знаю, чем кончится визит. Но немножко осмотреться в любом случае необходимо. Зальчик, конечно, так себе. Есть еще помещения наверху, Аля говорила о них крайне неохотно, лишь потому, что я объяснил ей: эти знания могут спасти мне шкуру.

На маленькой сцене возле металлического полированного шеста кружилась фигуристая шатенка. Узкий черный бюстгальтер и такого же цвета трусики почти не скрывали ее несомненных достоинств. А скоро и они полетят на пол, по крайней мере, так обещала афиша перед входом. Видимо, дива у шеста и есть Света. Алька сказала, что Света — хорошая девчонка, впрочем, в данном случае она мне в союзники не годится. Бармен — дядя Витя. Блондина не любит, но трусоват. Тоже не партнер. Эх, Вовчика бы иметь за спиной! Но я не имею права рисковать его жизнью и карьерой. Он и так делает для меня слишком много...

...Блондин (по паспорту — Леонид Сергеевич Закржевский) сидел за столом, тяжело дыша и не в силах успокоиться. Не помогли ни секс со Светкой (она ужасно не любила заниматься этим перед выступлением, ну да кто ж ее будет спрашивать), ни уже вторая стограммовая стопка "Кристалла".

Чертова девка полностью вывела его из равновесия. Не Светка, конечно. А та манерная курица, исчезнувшая бесследно почти две недели назад. Бесследно! Это в их-то маленьком городке! Уму непостижимо.

И если бы только его уму. Человек, которому она была твердо обещана, продана, можно сказать, тоже очень сердит. А вот его сердить и не надо бы. Можно просто исчезнуть. Благо, огромная московская свалка в десяти километрах. Утрамбуют так, что дивизия не найдет. Да и искать не будут.

Закржевский потерял виски и попробовал успокоиться. Получилось не очень. Даже братец ее исчез! А его долбанная училка сообщила, что Феденька в Америке. Вот же, сука, сама спряталась и щенка заховала!

В институте своем не появлялась. В больницах и моргах ее нет. Так бы родители о ней заботились, как он, криво ухмыльнулся Блондин. Ну, ничего. Когда-то она прорежется. И свое получит. Но сначала она должна ублажить одного человека. Даже имя его называть не хочется. А уж потом он отыграется на ней сам. У него еще одна неделя, как сказала эта толстая свинья. Стоп! Даже в мыслях не стоит так называть этого человека. За неделю Аля Семенова должна найтись, живой или мертвой. И все снова будет нормалек.

В этот момент дверь "тайного" кабинета скрипнула, и в нее без стука — какой наглец! — вошел улыбающийся человек. Ничего необычного, слегка приблатненный фраер лет тридцати

двух. Он, видно, просто не понял, чей покой нарушил. Тем хуже для него.

— Васек, — в бешенстве заорал Закржевский. — Я же сказал: никого не впускать!

— Не волнуйтесь так, Леонид Сергеевич, — продолжая улыбаться, проговорил незнакомец. — Васек вас не слышит.

— Почему?

— Потому что он болен, — мягко объяснил мужчина. — И не скоро поправится.

...Я ударил Блондина кулаком, через стол, прямо в переносицу, и тут же, второй рукой — когда качающееся кресло вернуло его назад — в кокетливую ямку на подбородке. Кость треснула. Я запер дверь — хороший засов, тяжелый. Лучше всех новомодных замков. Зашел в заднюю комнатку. Там стояла кровать и большой шкаф. Дверь из нее вела в ванную. Прошел туда, смочил полотенце водой и вернулся к Блондину. Я был уверен, что он еще не очнулся. Так оно и было.

Выжал полотенце ему на голову. Он снова застонал и открыл глаза.

— Ну, здравствуй, — сказал я. Мне опять хотелось его убить, но я даже был вежлив.

— Ты — покойник, — прошипел он, стараясь не двигать челюстью. — Ты не понял, куда пришел.

Я взял со стола тяжелую пепельницу и кинул ему в лицо. Он взвизгнул и потерял сознание.

Трюк с полотенцем снова удался.

— Есть пара вопросов, — сообщил я.

— Все сделаю, — просипел он. — Только не убивай. Что ты хочешь?

Наконец-то понял! Его жизнь сейчас стоила очень мало, и он наконец это понял! Хотя убивать его нельзя, это факт. Рано или поздно следы приведут к Альке, а я хочу обеспечить ей чистую жизнь.

— Ты Аленьку помнишь? Мне нужно то, чем ты ее держал.

— Говорите, что. Все отдам.

— Мне нужны снимки, пленки и информация про какую-то жабу. — Ее даже во сне буквально рвало, когда она вспоминала про жабу.

— У меня ничего нет, честное слово!

— Ты расскажешь мне все, — пообещал я. — Так что не трати время!

Он понял, показал на кабинетный шкаф.

— Нижняя полка, — прошепелявил еле слышно.

Я надел перчатки и вывернул полку наружу. Там были аккуратно разложенные пакеты с негативами и снимками. Первым лежал пакет со Светкиными изображениями. Будь у меня побольше времени, я бы просмотрел с интересом: снимали профес-

сионально. Альку нашел в самом низу. Откровенной порнографии, к счастью, не было, кроме одного кадра с Блондином.

...Я убью его позже. Сначала уничтожу эту грязь, потом его. Не сегодня. Я размеренно подышал и спросил:

— Это все?

— Да, — выдохнул Блондин. Его рука потянулась под крышку стола. Наверняка там сигнальная кнопка.

— Ты ведь не хочешь умереть? — спросил я, придвигаясь. Он убрал руку, а я присел рядом с ним: — Расскажи про жабу.

О, Господи! В глазах Блондина мелькнул неподдельный ужас! Он испугался чего-то, даже больше, чем меня! Что ж они с Алькой делали?

— Я ничего не знаю.

Все мои дальнейшие попытки были безрезультатными. Он честно терял сознание, но на вопросы не отвечал.

Мне не было его жалко. Мне очень надо было узнать про жабу, и я стал думать, как к этому подступиться. Ответ-то, в общем, простой: его надо напугать сильнее, чем он напуган сейчас. Это не так уж и сложно, учитывая, насколько он мне не нравится.

Я обошел вокруг стола. Справа стоял большой шредер для уничтожения бумаг. Заостренным краем своей вольфрамовой дубинки я взломал ограждающую пластмассу. Блондин с ужасом наблюдал за моими приготовлениями.

— Ты понял? — участливо спросил я. — Расскажи мне про жабу. Так всем будет лучше. Даже шредеру.

— Ничего не знаю, — прошептал он.

Я схватил его за руку, подтянул вместе с креслом к аппарату и сунул его пальцы в обнаженные ножи.

— Включаем? — спросил я. — Или расскажешь про земноводное? — И включил шредер...

Когда он очнулся, я взял его за другую руку.

— Скажешь? Давай, ты же не Мальчиш-Кибальчиш.

— Она там! — взвизгнул он, показывая на заднюю комнату.

— Кто?

— Кассета!

— Где?

— Под ванной тайник.

— Ты не мудри, ладно? — попросил я. — Вернись через минуту и сточу тебе вторую руку, если наврал.

— Она там, — выдохнул Блондин.

Кассета действительно оказалась там. Собственно, это была не кассета, а адаптер, подходящий к любому бытовому видеоманитофону. В него была вставлена маленькая кассета от видеокамеры.

— А жаба? — спросил я.

— Все там.

— Расскажи мне про жабу, и я уйду.

— Все там.

Я взял его за здоровую руку.

— Прохоров, Анатолий Алексеевич, — неожиданно почти выкрикнул он. — Только лучше тебе этого не знать!

— Прохоров и есть жаба? — фамилия мне ничего не говорила, слишком распространенная.

Он кивнул и снова потерял сознание. Я прошел в маленькую комнатку, открыл дверцу шкафа. Обнаружил, как и ожидал, еще одну дверцу внутри. Ключ был в замке, как и говорила Алька. Мне снова повезло, иначе пришлось бы ломать дверь. Я сбежал по лестнице, и, не таясь, вышиб большое окно, выходящее на улицу. На звон осколков от освещенного зеленым светом входа в заведение обернулось двое мужчин. Один даже показался мне знакомым. Нехорошо, но теперь уже плевать.

Я забежал за угол и запрыгнул в машину, Вовчик дал газу, и мы кругами, петляя, понеслись подальше от места событий. В укромном, известном только Вовчику месте остановились. Я вымыл в ручье руки, Вовчик сменил номера. Старые, от греха подальше, закинули туда, где поглубже. Пусть ищут, кому надо.

— Ну, что, домой? — спросил Вовчик.

— Ага, — устало ответил я. Обычно после успешного боя наступает эдакий эйфорически-расслабленный релакс. А тут — пустота. И ощущение того, что дело пока не сделано. Пока Жаба квакает, Альке счастья не видать. А значит, и мне.

— Поехали, — сказал я.

И мы поехали. Усталые. Грязные.

6. Прохоров, Блондин. Подмосковье

В закрытую стеклянную дверь “Зеленой Змеи” безуспешно колотил старший лейтенант милиции, местный участковый. Каждый день он обедал в этом баре, а сейчас вдруг — облом!

На стук наконец вышел бармен, Архипыч.

— Сегодня у нас закрыто, — извиняющимся тоном объяснил он.

— А где ж мне позвать? — стоял на своем участковый.

— Сегодня где-нибудь в другом месте, — мягко сказал Архипыч, не желавший ссориться с человеком в погонах.

— Что там у вас произошло? — строго спросил старлей.

— Откуда ж мне знать? — искренне удивился бармен. — Мы — люди маленькие.

Он действительно толком ничего не знал. Видел только, как выносили Ваську, секретаря Блондина, причем с завязанной головой. Кто ему вмазал, Виталий Архипович и в самом деле понятия не имел. Но врезали знатно. “Лучше бы Блондину заехали”, — подумал бармен. Против Васьки он ничего не имел, парень был не злой и спокойный. Архипыч еще раз улыбнулся старлею и закончил:

— Так что, извини, сегодня никак не получится.

— Что значит — извини? — завелся милиционер. — Кто у кого гостит? Это моя территория!

— Если не заткнешься — твоя территория будет два квадратных метра! — прошипел незаметно подошедший на шум Блондин. Выглядел он, мягко говоря, неважно: цвет лица — как у вывески его заведения, весь подбородок — сплошной синяк, а кисть правой руки основательно перебинтована и заботливо уложена в лангетку.

Виталий Архипович мысленно поаплодировал ночному умельцу, а вслух сказал:

— Леонид Сергеевич, я ему все объяснил. Можно мне идти?

— Проваливай, урод! — прошипел Блондин: говорить во весь голос он явно не мог из-за травмы. — А ты, мусор, скандала хочешь? — И, убедившись, что бармен отошел, добавил: — Пленки кому лучше показать: жене или прокурору? Взрослыми-то брезгуешь, все больше детей любишь!

— Да вы что, Леонид Сергеевич, — мгновенно сломался старлей. — Мы же с вами душа в душу.

— Ну так не лезь, когда люди заняты. На тебе полтинник, пойди пожри.

Старлей взял унижительную подачку и поплелся прочь.

Блондин вернулся в зал и сказал многочисленной охране — здесь сидели и стояли аж шесть человек:

— Пока мы будем общаться, ни одну собаку сюда не пускать.

— Даже если торгинспекция? — спросил туповатый Леха. — А если СЭС или менты?

— Хоть Господь Бог, — выверился Блондин. — Я же сказал — никого! Понял?

— Понял, — быстро отрапортовал Леха. Хоть и не было у него ума палаты, но даже он сообразил, что сегодня лучше помалкивать.

К кафе подъехал шикарный светлый, тюнингованный в “AMG” “мерседес”, с “блатными” московскими номерами. Водитель выскочил со своего места, обежал машину и широко распахнул заднюю дверцу.

Кряхтя и постанывая, из “мерса” выбрался не такой уж старый, но толстый и обрюзгший мужчина. Его лицо имело конкретное сходство с жабьей мордой, усугублявшееся обвисшими щеками и, главное, холодным немигающим взглядом, постоянно вперенным в собеседника.

— Здравствуйте, Анатолий Алексеевич! — бросился к нему Блондин.

Тот брезгливо отстранился и прошествовал в помещение. Блондин слотнул слюну. Сегодняшний визит Жабы ничего хорошего не предвещал.

— Убери своих ублюдков, — коротко сказал гость, подходя к лестнице. — Здесь будут мои люди. Твои охраняли тебя ночью.

Уверенной походкой он стал подниматься на второй этаж. Блондин подобострастно следовал за ним.

В кабинет зашли втроем: Жаба, Блондин и высокий стройный человек, во внешнем облике которого, даже если поискать, трудно было найти какую-либо приметную деталь, разве что маленький шрам под нижней губой.

— Костя, оставь нас пока, — тяжело дыша и отдуваясь, сказал ему Прохоров, заняв место за столом Блондина. Константин вышел в приемную и сел за Васькин стол.

— Ну, что у тебя тут приключилось? — спокойно спросил гость.

— Да, в общем-то, ничего особенного, Анатолий Алексеевич, — шепеляво, но подчеркнуто бодро затараторил Блондин. — Какая-то сволочь ночью залезла сюда и устроила дебош.

— Ничего особенного, — мягко повторил Жаба. — С рукой-то у тебя что? — неожиданно заботливо спросил он. — Дай руку-то, дай!

Блондин протянул ему руку, удивленный неожиданной теплотой. Прохоров вдруг быстро схватил увесистую пепельницу и сильно ударил ею по травмированной руке. Блондин взвыл от боли и неожиданности, и на крик в комнату вбежал Константин.

— Все в порядке, Костик, — спокойно сообщил ему Прохоров.

Константин улыбнулся и вышел, прикрыв за собой обе двери. Блондин, постанывая, качал пронзенную сверлящей болью кисть.

— Болит? — поинтересовался Прохоров.

— Да, — скрывая ярость и страх, ответил Блондин.

— Вот видишь, — размышлял гость, — а ты говоришь — ничего не произошло. Тебе плохо, мне беспокойно — значит, все-таки что-то случилось?

— Случилось, — сказал Блондин, опасаясь новой садистской выходки Жабы.

— Так рассказывай! — добродушно предложил Анатолий Алексеевич и поудобнее откинулся в кресле.

— Он был один. Не вооружен ничем, кроме какой-то дубинки. Может, кусок арматуры.

— Как прошел? Вчера ведь ты был закрыт? Серьезные люди у тебя отдыхали, я им гарантии давал. Как он прошел?

— Непонятно, — опасливо сказал Блондин. — Скорее всего, пустил охранник на входе за “лавэ”.

— Хорошие у тебя охранники на входе, — благодушно отметил Прохоров.

— Он будет наказан, — быстро отреагировал Закржевский.

— Дальше что было?

— Он прошел сюда, ударил Ваську по голове. Васек в больнице.

— В больнице, Леонид Сергеевич, — поправил его гость. — В больнице. Больничка — в “зоне”. А у нас, нормальных людей, — больницы и госпитали.

— Потом он зашел ко мне, — с натугой продолжал Закржевский. Начиналось самое опасное.

— Что он просил? Денег?

— Нет. Он потребовал фотографии Али Семеновы. Все из-за нее, стервы!

— Спокойнее, Леонид Сергеевич, — утихомирил его Прохоров. — Ты отдал?

— Не сразу, — затаив дыхание, ответил тот. Поверит или не поверит? — Он сломал мне челюсть, бил. Я терпел долго.

— Зачем? — вкрадчиво спросил гость. — Она же шлюха!

— Из-за вас, — пошел ва-банк Блондин. — Я обещал ее вам. И боялся нарушить обещание.

— Это верно, — усмехнулся Прохоров. — Данные мне обещания лучше не нарушать. Помнишь, ты обещал найти ее для меня?

— Но еще есть пять дней! — ухватился за соломинку Блондин.

— А тебе хватит пяти дней? — участливо спросил гость.

Блондин явственно почувствовал холодок смерти на своем лице.

— Хватит, — отважно произнес он. — Ее ищут все мои люди.

— Ну, если твои люди ищут, тогда я спокоен, — улыбнулся Прохоров. — А фотки-то все-таки отдал? Не выдержала душа поэта?

— Он мне руку в шредер сунул! — выкрикнул Блондин, показывая культю, на которой уже вновь проступило бледно-розовое пятно.

— Из-за фоток так страдать? — усмехнулся Прохоров. И вдруг лицо его стало стальным: — Что ты еще ему отдал?

— Ничего... — прошептал ошеломленный Блондин.

— Константин, — позвал страшный гость своего помощника. Тот явился немедленно, как будто ждал под дверью. — Константин, — уже вновь спокойно сказал Прохоров. — Сдается мне, этот молодой человек что-то от меня скрывает.

— Нет, нет! — с ужасом перебил его Закржевский, сам же чувствуя, что говорит неубедительно, что Жабий взгляд пронизывает его до самого нутра.

— Леонид Сергеевич, мне очень важно знать правду. — Прохоров снова взял его за раненую руку, но не сделал больно, наоборот, ласково ее погладил. Тем страшнее были его слова: — Ты сделал что-то ужасное, Леонид Сергеевич. Тебе все равно умирать. Но я тебя прошу: скажи все, как было. Умрешь спокойно. Боли не будет, обещаю.

“Конец”, — понял Блондин. Про Жабю не зря говорили, что он гипнотизирует жертв. Нет, надо стряхнуть это наваждение! Не убивают за фотки с голыми бабами!

— Анатолий Алексеевич, — собрав в кулак всю волю, начал Блондин. — Если надо, умру. Но я сделал только то, что сделал.

В пакете были фото Али. И мои, — тяжело, после паузы, добавил он.

— Ты ж обещал никому ее не давать, — спокойно проговорил Жаба. — Только для меня.

— Так оно и было, — как можно тверже сказал Блондин. Слава Богу, это была правда. — После вас я ее ни разу не трогал.

— Верю. А почему фото не уничтожил?

— Забыл. — Вот теперь Закржевский соврал. Не забыл. Просто ему, после того, как Аля стала недоступна, доставляло огромное удовольствие вспоминать, обновляя впечатления разглядыванием фото.

— А теперь не верю, — холодно сказал Прохоров. — Вердикт таков: ты что-то скрываешь. Что — не знаю. Узнаю через пять минут. — И, уже обращаясь к Константину: — Придется тебе поработать со шредером. Ночной гость был тонким психологом, — улыбнулся Жаба.

Константин, не задавая вопросов, схватил несчастного и потащил к аппарату. Блондин пытался вырваться, но его здоровая рука, зажатая, как в тисках, уже была прижата к дисковым ножам.

— Включаем? — спросил Прохоров.

— Господи, за что? Я ничего не знаю!

— Включаем, — повторил Прохоров.

— Он взял у меня кассету! — выкрикнул Блондин, прежде чем потерять сознание...

— Ты сказал про кассету, — напомнил гость после того, как истязаемый пришел в себя. Палача-Константина в комнате уже не было, но жертве было предельно ясно, что он обречен. Ответ на вопрос "Жить или не жить?" уже есть. Обсуждается лишь вопрос "Как умереть?". Неожиданно Блондин почувствовал, что безудержный страх прошел. Он не знал, что Константин перед уходом уколол его специальным составом, подавляющим и волю, и эмоции. Впрочем, Блондин и так был уже сломлен.

— Что было на кассете? — повторил вопрос Прохоров.

— Аля.

— А еще кто? — спросил гость, теперь уже и сам начиная ощущать ужас.

— Вы, — почти спокойно ответил Блондин.

— Как ты посмел... — зашелся в крике Прохоров, вскакивая из глубокого кресла. Губы его посинели, глаза затуманились, он мешком осел обратно.

— Извините, — тупо проговорил Блондин.

В комнату вбежал Константин, в одной руке таблетки, в другой — стакан с водой.

— Укол, — прошептал сильно побледневший Прохоров.

Помощник стянул с него пиджак, закатал рукав и, смазав место укола проспиртованной ваткой, ввел ему в плечо содержимое шприц-дозы. Все это лежало наготове в длинной плоской коро-

бочке в кармане у Константина. Через несколько минут Прохорову стало легче.

— Сейчас поедem, — сказал он Константину.

— А с этим что будем делать? — показал тот на отрешенно сидящего прямо на полу Блондина.

— Ты же все слышал. — Жаба указал пальцем на крошечный микрофон в лацкане своего пиджака.

— Конечно, — подтвердил помощник.

— Как выдоишь его, верни обратно. Его все должны видеть. Он уедет сам.

— Конечно, — еще раз подтвердил помощник.

Блондин безучастно уставился прямо перед собой, по-видимому, даже не понимая сути разговора.

— Все, поехали! — самостоятельно выбираясь из кресла, прежним твердым голосом сказал Константину Прохоров. — Теперь у нас с тобой будет много дел! — Проходя мимо сидящего на полу Блондина, не удержался и пнул его ногой: — Сука!

И столько было злобы в его голосе, что даже Константин, не первый год работавший в этом “бизнесе”, невольно поежился.

7. Велегуров, Аля. Подмосковьe

Вчера в двух словах, без подробностей, я ввел в ситуацию Ивлиева. Он, как я и предполагал, не обрадовался: какой фирме нужны подобные приключения и их искатели? Предложил посоветоваться с шефом. Я усомнился: надо ли в острые дела привлекать цивилизованного человека, да еще и с таким, как они говорят, креативным уклоном?

Ивлиев счел, что все-таки надо. Мы зашли к шефу и все пересказали ему. Конечно, тому не понравилось, но и особого страха я не отметил.

— Вот что, — сказал он. — Вам надо на время смыться.

— Зачем? — спросил я. — Нас же никто не срисовал.

— Давай выражаться аккуратно, — предложил он. — Ты считаешь, что тебя никто не срисовал.

— Ну, можно сказать и так, — неохотно согласился я.

— Вот поэтому я предлагаю тебе взять недельный отпуск и исчезнуть из квартиры. А там видно будет.

— Куда же я исчезну? — спросил я. — Да еще с Алькой.

— Ко мне на дачу. Все равно мне нужен сторож. Я вне подозрений. Да и дачи еще год назад не было, даже мои знакомые не все знают. Только учти, — предупредил он. — Это не коттедж. Туалет на улице. Если снег пойдет, то дорожку к нему сначала надо расчистить. Зато есть баня. Настоящая.

— А куда Катерина деть? — спросил я, втайне рассчитывая, что мне предложат взять собаку с собой. Но не тут-то было.

— Соседку свою попроси, ты про нее рассказывал. С собакой на дачу нельзя, меня жена убьет. Со сторожем ей будет проще смириться. И возьми мою “девятку”.

Потом они остались обсуждать кое-какие шаги по моей ситуации, причем, что характерно, — без меня. Один штатский и один полустатский обсуждают “острую” акцию, а единственно-го реального солдата выставляют вон. Смешно!

...Вечером, пока Алька парилась в дачной баньке, я, наконец-то, вытащил данный мне шефом видеоманитофон, сел к телевизору и вставил кассету:

— Давай, солдат! — сам себе сказал вслух и сел смотреть кино.

...Пленка прокрутилась до конца и пошла на перемотку. Я был раздавлен. Растоптан. Сломлен. Не сможем мы с Алькой жить-поживать. Потому что скорей всего нас с ней — убьют. Я — сильный боец. Но я не могу воевать с армией в одиночку.

Сволочь, которая на пленке мучила Альку, была известна большей части населения страны. Эта действительно Жаба частенько вещала из телевизоров по вопросам государственности, безопасности и даже нравственности. Гадина! У меня перед глазами поплыли так пугающие меня круги. Я встал, сделал несколько приседаний, помолотил руками по воздуху.

Эту бы Жабу в прицел! Но разве до него доберешься? Борец за нравственность на пленке был в полный рост, во всех смыслах. Алькины слезы и мольбы, рвущие мне сердце, только раззадоривали его. Как же после этого жить? Я впервые пожалел о своей недавней победе. Лучше бы эта подлая кассета осталась в “Зеленой Змее”.

Я сидел, обхватив голову руками, и смотрел на огонь. Идей не было, мыслей тоже. Я не знал, что делать, не знал, с кем посоветоваться. Как ни странно, на роль потенциального советчика лучше всего подходил мой несуразный шеф. Но и с ним делиться я не был готов. В первый раз за последние годы я был полностью деморализован.

Я даже прозевал момент, когда Алька вошла в дом. Она открыла комнату и сразу увидела светящийся экран телевизора. Слава Богу, без изображения: пленка еще перематывалась. Я метнулся к видуку, вытащил кассету.

— Что ты смотрел? — спросила она. Готов поклясться, она поняла, что я смотрел.

— Я больше не буду это смотреть, — сказал я.

Она заплакала. Стояла посреди холодной комнаты, в овчине, с розовыми щеками, и плакала.

Я подошел к камину и швырнул кассету в огонь. Расшевеленные дровишки ярко вспыхнули, облизав кассету. Слегка запахло паленой пластмассой, но тяга была хорошая, и уже через минуту кассета оплыла и потеряла форму. Я обернулся. Алька так и стояла посреди комнаты. Я сделал шаг и обнял ее. Даже сквозь доху чувствовалась дрожь.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

— Мне нужно было знать про Жабу.

С ней случилась истерика. Не детская или девичья, которые лечатся пощечинами, а настоящая, тяжелая, с прерыванием дыхания и спазмами. Я вспомнил все, чему учил нас майор Жевелко, и через двадцать минут она полулежала у меня на коленях, совершенно обессиленная.

— Я завтра уеду, — тихо, но уже совершенно спокойно произнесла она. — Если Федьку вышлют из Америки, ты сможешь о нем позаботиться?

— Если мы останемся живы, мы о нем вместе позаботимся, — ответил я.

— Тебе не надо ввязываться. Меня они не убьют.

— Убьют, Аленька. И меня убьют. За такие кассеты убивают. Но если мы выкрутимся, то — вместе.

— Ты думаешь, можно выкрутиться? — тихо спросила она. — Я так боюсь за Федьку, он ведь весь больной.

— А за меня не боишься?

— И за тебя боюсь.

Потом она выпростала свои горячие руки из-под овчины, обняла меня за шею и начала тихо целовать в щеки, лоб, губы. Я встал, взял ее на руки и отнес на диван.

8. Глинский, Кузьмин. Мерефа, Урал

Та же любимая Вадькой маленькая “сузуки-витара”, тот же Кузьмин за рулем, и Глинский на сиденье слева. Все, как в прошлый раз. Если, конечно, не замечать того, что светло-коричневые стволы вековых сосен на полтора метра засыпаны снегом, а ветви немногочисленных лиственных деревьев опустились чуть не до земли: их придавил все тот же снег, безостановочно шедший целую неделю.

— А в Мерефе опять будет солнце? — спросил Вадька.

— Надеюсь — да, — улыбнулся Глинский.

— Если с “Концентратом” получится, нам придется сократить вложения в монастырь, — сказал Кузьмин, аккуратно объезжая выбоину на дороге.

— Нет, — спокойно ответил Глинский. — Монастырскую смету я секвестировать не дам.

Кузьмин не стал спорить, достаточно того, что Глинский дал молчаливое согласие на разборку с “Концентратом”. Правда, при условии, что все обойдется без крови. Но оба понимали, что большие переделы неминуемы.

А передел предстоял серьезный: комбинат по производству сырья-концентрата, которым пользовался в основном их завод, давно стал лакомой целью Кузьмы и Глинского. Николай в последнее время подрастерял большую часть бывшего энтузиазма, но — куда уж деваться — оба прекрасно понимали, что не только им хотелось прихватить поставщика сырья: “концентратовские” тоже не прочь оттяпать и прибрать к жадным ручонкам

своего главного потребителя. А там ребята “ого-го”: двое окончили Гарварды-Кембриджи плюс связи чуть не в Кремле. Да и теновой член совета директоров, “вор в законе” Тема, — с ним Кузьма даже как-то кантовался на пересылке, а потом имел общие дела, — тоже немало весил.

Собственно, на этом тесном знакомстве и был выстроен план вытеснения “концентратовских” с их же собственного предприятия. Первая часть операции, длившаяся уже больше года, была детищем Глинского: тайно скупались акции миноритарных владельцев; через подставных лиц комбинату, еще не вполне очухавшемуся после постсоветской разрухи, давались небольшие кредиты — чтоб потом были формальные поводы для тяжб. По-немногу перекупался средний менеджмент предприятия. Еще одна “фишка” — Кузьма довольно улыбнулся: голова у Кольки варит — через подставную фирму была произведена закупка большого количества сырья с оплатой после поставки. С помощью денег и давления на этот самый средний менеджмент Кузьма добился того, что “концентратовские” проморгали сомнительную сделку: несколько эшелонов пришли по привычному адресу на завод, после чего фирма-посредник исчезла. Завод не отказывался платить деньги за полученное сырье, но — только фирме-поставщику, а не комбинату, с которым заводские в этом эпизоде “по бумагам” дел не имели.

Наконец, месяц назад с комбината уехал, — а точнее — удрал! — один из выпускников пресловутого Гарварда. Выпускники этого прославленного университета оказались, при ближайшем рассмотрении, не вполне психически уравновешенными. Достаточно было послать в адрес одного из них набор фотографий, как он собрал чемоданы и укатил поближе к цивилизации. И — никакой крови, хотя Глинского об этой акции Кузьма в известность благоразумно ставить не стал. На фотках была запечатлена молодая супруга топ-менеджера с дорисованными с помощью “Фотошопа” колото-резаными ранами. Никакого реального насилия. Даже если б ментов подключили. За виртуальные убийства у нас пока не сажают.

Второй выпускник оказался покрепче, лишь охрану усилил. Но и к нему вроде бы нашли подходы.

Завершающим же звеном подготовительной цепи была встреча с Темой, о которой Глинский тоже не знает. И не должен знать, у каждого свои задачи. Тема вначале все же попенял корешу, что так с кентами не поступают. Кузьма терпеливо выслушал, сказал старому арестанту ласковые слова. Но в итоге дал понять, что деньги слишком большие, чтобы долго говорить о таких достаточно символических понятиях, как воровская дружба. Тем более, что “вором в законе” Кузьма никогда не был, и “авторитет” свой зарабатывал только дерзостью. И еще — чудовищной жестокостью, которая даже в определенных, ко многому привычных кругах порой вызывала оторопь. Потому и был так

важен для Кузьмы разговор с Темой. За стариком стояли большие, очень большие силы. И если б война началась, то не факт, что ее выиграли бы "заводские". Кузьме необходимо было сломать старика.

...Кузьма сначала вообще хотел отменить любые поездки до разрешения ситуации, но потом все же передумал. Особой опасности не предвиделось: лес редкий, просматривается далеко. О маршруте никому неизвестно: как обычно, в Мерefу поехали спонтанно. И, наконец, Кузьме до крайности не хотелось ставить в известность о происходящем г-на Глинского. Вот когда начнут палить, тут он будет на высоте — Кузьме уже приходилось в этом убеждаться. А в обыденной жизни его "божественные установки" могли здорово испортить Кузьме обедню. И еще Кузьма твердо знал, что если его лучший друг заартачится всерьез, то последнее слово всегда останется за ним, Глинским. Свое место Кузьма знал четко, и оно по жизни было вторым. Что, впрочем, его никогда не тяготило.

Отца Всеволода известили о приезде, и он ждал их на ступенях центрального храма.

— Добрый день, Николай Мефодиевич! — тепло поприветствовал настоятель Глинского. — Как успехи на ниве маркетинга?

— Все вроде бы ничего, — без особого энтузиазма ответил Глинский.

— Я слышал, готовится объединение вашего завода с комбинатом.

— Пока не вполне ясно, — уклончиво проговорил Глинский. — Просто было бы логично объединить сырьевую базу с прокатом.

— Да, это действительно логично, — согласился отец Всеволод, в той, первой своей жизни, окончивший московский институт стали и сплавов. — Только как бы проблемы не возникли.

— Какие проблемы? — Глинский сделал вид, что не понял намека.

— Пойдемте, друг мой, у меня к вам сегодня очень серьезный разговор, — вдруг прервал беседу настоятель и проводил гостя в скромную, но аккуратную комнату.

— Так что вы имели в виду? — переспросил Глинский.

— Вы знаете, что я имею в виду, — как-то сразу посерьезнев, ответил настоятель. — Мы нуждаемся в вас.

— Я не собираюсь сокращать финансирование монастыря.

— Я не об этом, Николай Мефодиевич.

— А о чем?

— О вашей душе, — мягко проговорил настоятель.

И Глинский сорвался:

— Легко вам рассуждать за этими стенами. Да, я мог остановить Кузьму. Тогда комбинатские захватили бы завод. А вы уве-

рены, что новая "власть" будет так же относиться и к вам, Мереве, и к нашим пенсионерам? И к нашей больнице? Думаете, мне охота всем этим заниматься? Думаете, мне нужны все эти "мерседесы"? Мы с отцом жили в лачуге с земляным полом. Между двумя его посадками. Без холодильника, без мебели и часто без хлеба. И это было самое счастливое время моей жизни. Куда лучше детдома, где меня кормили досыта.

— С вашим другом вы познакомились в детдоме? — вдруг спросил настоятель.

— Да. Я знаю, вам он не нравится. Но у меня другого нет. И у него тоже.

— Я вижу. Он за вас жизнь отдаст.

— Да, — подтвердил уверенный в этом Глинский.

— И не только свою, — закончил мысль настоятель.

Глинского как током дернуло:

— Не обижайтесь, отец. Но когда в вас стреляют, разве не надо выстрелить в ответ? Если завтра бандиты придут грабить Мереву, вы не встанете у них на пути?

— Встану, — серьезно ответил настоятель. — Я, вообще-то, и врезать могу. Я ведь кандидат в мастера по боксу.

— А убить вы можете? — с удивлением спросил Глинский.

— Наверное, да, — подумав, ответил священник. — На войне — да. Спасая ребенка — да. За деньги — нет.

— А вы думаете, я — за деньги? — холодея, произнес Глинский.

— Да. За власть. За положение. За возможность заниматься благотворительностью. За все, что дают деньги.

— Как же быть? Я хочу монастырь восстанавливать. Хочу Вадьке счастливую жизнь. Я не хочу, чтобы он жил в халупе с земляным полом.

— Но ведь вы-то были там счастливы?

— Потому что другой жизни не видел! Я с отцом счастлив был!

— И он с отцом счастлив. Он вас боготворит, вы просто этого не замечаете.

— Что вы хотите от меня? — устало спросил Глинский.

— Я хочу, чтобы вы заняли мое место, чтобы вы стали настоятелем Меревы. Знаний у вас больше, чем у закончивших богословский университет. Человек вы в глубине души верующий. Короче, вы подходите. Прочие вопросы, думаю, я сумею решить.

— А вы куда?

— Я ухожу. На повышение. Я не любитель чинов, просто считаю, что на новом месте сделаю больше. И мне нужен человек вроде вас. Поскольку другого такого не вижу, предложил вам. А если вы станете убийцей, или пособником убийц, я не смогу предложить вам этого, и судьба Меревы станет неясной.

— А если я уже убийца? — вдруг прошептал Глинский.

Священник как-то разом обмяк, сник.

— Вы хотите исповедаться? — тихо спросил он.

— Не знаю.

— Наверное, вам лучше исповедаться, — принял решение отец Всеволод.

— Не знаю, — повторил Глинский.

Они молча сидели несколько минут, а потом Глинский заговорил.

Средний Урал, 8 лет назад.

— Кто тебя послал? — спрашивал кто-то, на экране невидимый.

— Не знаю, — простонал избиваемый. — Он сам на нас вышел.

Его лицо с огромными свежими кровоподтеками занимало почти весь экран.

— Ну, ты — герой, — спокойно произнес истязатель, и, видимо, еще раз ударил. Или уколол. Звука не было слышно, но лицо дернулось, и жертва вскрикнула.

Потом с человеком сделали что-то еще, ужасное, он страшно завыл. Сквозь крик прорвались слова:

— Не надо! Это Левон! Он велел!

— Давно бы так, — спокойно проговорил невидимый палач. — Чем подтвердишь?

— Богом клянусь, — стонал парень. — Он велел! Что я мог? Сказал: не справлюсь — уберут меня.

— Ты не справился, — усмехнулся невидимый. — А Левон был прав.

— Не убивайте, — взмолился парень.

— Выключай! — крикнул здоровенный небритый мужик, в старых тренировочных штанах сидевший перед видеомagneфоном.

— Не нравится? — улыбнулся невысокий, смуглый, начавший сесть мужчина в ладном цивильном костюме. — Тут, Колян, либо мы их, либо они — нас.

— Может, отдать ему акции? — спросил небритый. — Он же деньги платит.

— Сам знаешь. На полдороге они не остановятся. Новых приплют. Или отдашь все и останешься голый. Мы конкурентов оставляли в деле?

— Мы не убивали.

— Нам просто повезло. Один сдох от рака, а второй — струсил. Но ляг фишка иначе, завод не был бы нашим. Забыл, как с ружьем в обнимку спал?

— Все я помню, Кузьма. Что делать будем?

— Воевать. Сам говорил — за правое дело и монахи на войну ходили. А тут — правое. Завод работает, семь тыщ народу зарплату получает. Три сотни пенсионеров в столовке бесплатно хавают. А что завтра будет? В больничке нашей без тебя даже бин-

тов не станет, монастырь в жизни не восстановят. Думаешь, “сине” этим станут заниматься?

— Ладно. Хрен с тобой. Воевать — так воевать. — Николай неожиданно легко выбросил из кресла свое внешне неспортивное тело. — Нанимать никого не будем. Все сделаем сами.

— И я так думаю. Не дай Бог, займется и сдадут Левону. Тогда — живыми закопают!

Через два часа план был готов. На самом деле он был готов неделю назад, даже действия предварительные произведены. Осталось только отдать приказ. Но Николай никак не хотел поверить, что война все-таки начнется.

В имение к Левону поехали на полугрузовом фургоне-“тойоте”. Поехали, не таясь, предупредив заранее по телефону.

— Вы едете с решением? — спросил собеседник.

— Да, — честно ответил Кузьма. — Надеюсь, инцидент будет исчерпан. Полностью.

— Я тоже на это надеюсь, — пробурчал Левон, старый “вор в законе”, вышедший на свободу три года назад и впавший в беспредел, задохнувшись от окруживших его возможностей.

Ворота бесшумно раскрылись перед машиной. Они подъехали к парковочной площадке.

— Во дворе — двое, — тихо произнес Кузьма. — Значит, третий — внутри.

Их никто не встречал, демонстрируя низкий уровень уважения.

Поднявшись по ступеням крыльца, вошли в дом. Сразу за входной дверью — рамка металлодетектора, как в аэропорту. Они прошли под ней. Зажглась зеленая лампочка. И вновь — никого рядом, хотя старик или его охранник, несомненно, наблюдали за гостями.

Зато дальше уже ничего не напоминало об общественных местах. Не дом — дворец! Мраморные подогреваемые полы, мебель красного дерева, на стенах — картины. Велика тяга простого народа к искусству! Хотя вряд ли старый уголовник понимал в живописи. Просто заплатил деньги, и дипломированные специалисты сделали старожилу кичмана “красиво”.

Левон в роскошном халате и шитой золотом шапочке, похожей на тубетейку, ждал их посередине мраморной лестницы, ведущей на второй этаж. За ним стоял его телохранитель, милиционер, после смены подрабатывающий охраной. Впрочем, подрабатывал он все же в милиции, поскольку его здешняя зарплата во много раз превышала государственную.

— Здравствуйте! — смиренно поздоровался Кузьма.

— Здравствуй, коли не шутишь. С чем пришел?

— Хотим закончить конфликт, — заторопился гость и сунул руку в карман брюк.

— Стоять! — рявкнул старик, а в руке милиционера, хоть и с опозданием, появился “Макаров”.

— Да вы что, — не на шутку испугался Кузьма и показал руку. В ладони был носовой платок. Мент спрятал “ствол”, Левон тоже успокоился.

— Вы, ребята, учтите: я уже звонил в “уголовку”, предупредил, что вы едете ко мне. Так что, без глупостей.

“Вот же беспредельщик, — подумал Николай. — Не должен он по их закону с ментами дружить. Хотя, с другой стороны, ему в кайф командовать теми, от кого раньше бегал”. А вслух спокойно сказал:

— Глупостей не будет. Мы все продумали.

— Вот и ладненько. — Старик сделал рукой приглашающий жест.

Кузьма снова засунул руку в карман и вытащил небольшой пластиковый цилиндр. Мгновение — и из цилиндра что-то вылетело, достало милиционера, впрочем, даже рубашки не попортив. Милиционер вскрикнул, закатил глаза и кулем упал на лестницу.

— Вы — трупы! — гневно произнес старик, но токоведущая игла из цилиндра Николая достигла его груди, и он умолк, осев на ступеньки. Шапочка съехала на лоб.

— Теперь — быстро! — бросил Николай.

Кузьма достал шприц и, без церемоний, влил его содержимое в предплечье охранника.

— А этот, вроде, готов! — удивленно сказал он, подойдя к старику. — Сердце не выдержало. Надо же! Знать бы заранее — сделали бы иначе.

— Знать бы прикуп — жить бы в Сочи, — отрезал Николай, дежуривший у двери. Он открыл дверь и крикнул во двор: — Хозяин зовет!

Двое вбежали рысцой, один за другим. Долгая спокойная служба расслабила “быков”, и они получили по электроразряду, не причинив нападавшим никаких дополнительных беспокойств.

Кузьма подкатил “тойоту” прямо к подъезду.

Хотя посторонних глаз можно было не опасаться, — усадьба “законника” была обнесена высоченным глухим забором, — осторожность в таких делах никогда не бывает излишней.

Поэтому в первую очередь из задней двери вылез... старый дед, всю дорогу пролежавший в машине под тентом и здорово похожий на покойного Левона. Он быстро прошел в дом. Потом Кузьма с Николаем достали из машины четыре огромных пластиковых мешка. Очень скоро трое спящих и один мертвый были перегружены в фургон “тойоты”. С трудом затолкав последнего, Николай закрыл дверь и сел за руль.

Дед в одежде и шапочке Левона сел на переднее сиденье, рядом с водителем, как всегда любил ездить никого не боявшийся покойный.

Машина взревела мотором и выехала за ворота. Кузьма аккуратно закрыл их изнутри, перелез через забор и занял свое место во внедорожнике.

Через двадцать три минуты, прямо на обочине глухой лесной шоссейки, тела были перегружены в "шишигу" — фургон "Газ-66", для которого бездорожья не существовало.

Куда они поедут дальше, заказчиков не интересовало. Важно было лишь то, что за сумму в 16 000 долларов их никто и никогда больше не увидит. По четыре тысячи за человека.

Не так уж и много, в сравнении с той суммой, которую они теряли бы в результате бандитской экспроприации. Кстати, скорее всего, бандиты деньгами бы не ограничились.

— С ментом вышло паршиво, — заметил Николай по дороге.

— Ништяк, — проворчал Кузьма. — Он знал, кому служит. Группа риска.

— Все равно...

— Что — все равно? — разозлился поделщик. — Лучше было бы, если б хоронили нас? За нас бы меньше взяли: наши трупы безопаснее.

— Хорошо сказано, насчет безопасных трупов. — Николай глотнул из горлышка плоской бутылки, но веселее не стало. А вот Кузьма вовсе не печалился:

— Вообще все хорошо. Они ведь знают, кого закопали. А, значит, будут молчать. В доме все чисто. Левона видели на вокзале. Что тебе еще надо? Сам же все придумывал!

Старик молча сидел на переднем сиденье, не участвуя в беседе. Да и захотел бы — не смог: с детства глухонемой. Его по просьбе Николая привезли очень доверенные люди из Краснодарского края. Они же его туда отвезут. Кружным путем. И только после завершения спектакля.

Финал представления был намечен с вокзалом на авансцене. Московский поезд уже стоял у перрона.

Дед, с документами на имя убиенного "авторитета" и со своим сопровождающим, важно прошествовал в СВ на указанное в билете место. Понятное дело, билет тоже был заказан "Левонем". По телефону.

Через две остановки они незаметно выйдут из чужого вагона, пройдя туда через тамбуры, и сядут в поджидавшую их машину. Дед, уже переодетый в собственную одежду и разгримированный, поедет домой, так и не поняв, за что заработал сумму, эквивалентную 150 баксам. Остальные члены группы прикрытия знали, за что "оторвали" пять "зеленых" тысяч.

По их мнению, игра явно стоила свеч.

Как ни бесновались менты, но сделать ничего не смогли. Уехал "авторитет"! Да так далеко уехал, что и с собаками не сыскать. В доме ни крови, ни следов борьбы.

Да, подвезли старика. Да, не отказали ему в мелкой просьбе. А кто бы отказал?

Почему тот не воспользовался своей машиной? Спросите у него. Куда он делся? А кому он докладывает! И что делает с теми, кто задает ему подобные вопросы?

Короче, полная "непонятка".

Да, в общем-то, не так уж менты и бесновались. Лишь малая их часть была у Левона на ставке, а остальных исчезновение старого негодяя не сильно расстроило.

Блатные свое следствие произвели круче. Но и их решимость подорвало то, что надежные люди видели Левона на вокзале живым и здоровым. Уже явно после расставания с коммерсантами.

То, что старик на вокзале был не в себе — не поздоровался со знакомыми, — еще более обеляло подозреваемых.

И наконец, окончательно разрядила обстановку найденная на следующий день (при тщательном обыске) в коридоре телеграмма следующего содержания:

"Левон, у меня проблемы. Срочно приезжай в Москву, ты знаешь куда. Твоя Инна".

Почтальон подтвердил, что телеграмму принес он.

Таким образом, Николай предусмотрел все. И Инну, и деда-двойника, и почтальона, который и в самом деле приносил телеграмму, действительно посланную из Москвы. Если хочешь, чтобы тебе поверили — чаще говори правду.

Завод остался в их власти.

... — Ваше предложение остается в силе? — спросил, криво улыбаясь, Глинский, закончив свой рассказ.

— Не знаю, — ответил настоятель. — Мне надо подумать.

— Мы тогда поедем?

— Хорошо.

9. Прохоров, Вепрев. Москва

Установочный разговор — как называл его Анатолий Алексеевич — был назначен на 9.00. Не дома, и не в Думском кабинете, а в специальной комнате одной из контролируемых им фирм, где Прохоров ожидал своего ближайшего сподвижника Константина Павловича Вепрева.

— Анатолий Алексеевич. — Мягкий голос секретарши вывел Прохорова из раздумий. — Константин Павлович уже в приемной. Ему подождать?

— Нет, пусть заходит, — приказал Прохоров.

После обмена рукопожатиями сразу приступили к делу.

— Что нового?

— Пока только промежуточные результаты, — признался Константин. — Но — важные.

— Уже хорошо, — одобрил Прохоров.

— Хотите знать детали?

— Да. Слишком ответственное дело.

— Рэмбо, орудовавший в “Зеленой Змее”, установлен.

— Пропускаем, — сказал Анатолий Алексеевич и зачитал по бумажке: “Велегуров Сергей Григорьевич, 1969 года рождения, холост, без родителей, не судим, воинское звание — капитан. Военная специальность — снайпер. Владеет навыками рукопашного боя, — тут Прохоров поднял глаза и продолжил своими словами, — и всем, чем положено владеть спецназовцу. Здесь длинный список. Далее, — снова вернулся он к бумажке, пропуская неглавные, на его взгляд, места в ориентировке. — Вот: имеет пять правительственных наград. Отважен. Вспыльчив, склонен к принятию жестких решений. Комиссован по решению медицинской комиссии за немотивированное убийство осужденного. Проходил индивидуальный курс психологической реабилитации. В настоящее время трудится в рекламном агентстве “Беор” в должности менеджера.”

— Вы и без меня все узнали, — разочарованно произнес Константин. — Даже про медицину. Это я беседовал с его врачом.

— Это твоя информация и есть, — успокоил его начальник. — Просто из-за важности пришла по прямой линии.

— С кем он работал в “Змее”? Не в одиночку же.

— Как раз в одиночку. Водитель из машины не выходил и остался неопознанным. Велегурова тоже опознали случайно: один из охранников у входа служил с ним срочную.

— А раньше он Велегурова в “Змее” не видел?

— Он только пришел, на смену. Обернулся на звон стекла. Узнал сразу: говорит — внешне совсем не изменился. Так что нам просто повезло.

— Как собираетесь искать Робин Гуда?

— Уже ищем. Выявили адреса, связи. Побывали на квартире.

— Пусто?

— Да. Зато нашли вещи, принадлежавшие Семеновой. Резонно предположить, что она жила у Велегурова, а, возможно, и сейчас они вместе.

— Квартира была пустая?

— Доберман там был, щенок. Здорово изгрыз ногу Голикову. Помните моего племяша? Не ожидали такой прыти.

— Собаку убили, — с утверждающей интонацией произнес Прохоров.

— Она была, как бешеная!

— Все равно зря. Может, с этим Рэмбо можно было бы договориться. Чтобы выиграть время. А двух сразу он вам вряд ли простит.

— Собака и девушка — в одном ряду? — спросил Вепрев.

— Сдается мне, у него больше никого и нет, — спокойно заметил Прохоров и нажал кнопку селектора: — Эллочка, девочка, будь добра, чай и... — он вопросительно посмотрел на Константина.

— Мне тоже чай.

— Два чая.

— Хорошо, Анатолий Алексеевич, — почти пропел девичий голос в динамике.

— Соседей прокачали?

— Он ни с кем не поддерживал отношения.

— А всех опросили?

— Кого застали, — виновато ответил Вепрев.

— Вот-вот. Кто-то должен кормить собаку и гулять с ней. Сегодня же отработайте. У них должна быть какая-то связь, пусть даже односторонняя.

— Обязательно, — черкнул себе в блокнотик Вепрев.

— Работу Велегурова проверили? Оттуда проблем не будет?

— Не должно. Рекламное агентство. Скорее, даже маленькое производство, "Беор".

— Что-то я о нем слышал, — задумчиво протянул Прохоров.

— Вряд ли. Довольно мелкое.

— Ну, ладно. Твои дальнейшие планы?

— Сегодня найдем, кто кормил собаку. Сегодня же днем я буду иметь фотографии Велегурова. Распространим везде, где-то они должны объявиться. Два человека не пропадут бесследно. И, видно, фирмой его тоже стоит заняться. Может, у него там друзья завелись. Хотя вряд ли у такого человека могут быть друзья.

— Но за рулем-то кто-то сидел?

— Может, военные связи?

— А они нас не интересуют?

— Там нам сложнее оперировать.

— Ну и Бог с ним, с водителем. Не думаю, что он как-нибудь еще проявится, — сказал Прохоров. И вдруг чуть не подпрыгнул на месте: — Стоп! Как ты сказал — "Беор"?

— Да, — ответил удивленный реакцией Вепрев.

Прохоров прикрыл глаза.

— Срочно проверь, не те ли это ребята, что два года назад пропихнули своего бухгалтера в начальники ГУВД. Срочно выясни, не служит ли там господин И-вли-ев, — четко, под запись, произнес он.

— Все? — кончив записывать, спросил Вепрев.

— Да, — уже раздраженно ответил Прохоров.

Константин вышел, а Анатолий Алексеевич тяжело встал из-за стола, развернул шерстяной плед на стоявшем тут же, в кабине, большом диване, и прилег. Если "Беор" тот — нехорошо. Прохоров знал цену подобным совпадениям и не любил их. Не боялся, нет — он вообще мало кого боялся. Но если придется сце-

питья с теми ловкими ребятами, задача из рядовой может стать довольно сложной.

Про "Беор" он знал не из старых газет. Его просил помочь приятель — полковник в отставке Миловидов, царствие ему небесное. Сказал, что дело мелкое, но что-то не задалось: нужна свежая рука. Они часто оказывали друг другу мелкие услуги, но то ли Прохоров был занят, то ли Миловидов не слишком настойчив, только против "Беора" Анатолий Алексеевич Прохоров тогда играть не стал.

И слава Богу, потому что Миловидов на той операции подрастерял сначала кадры, потом могущество, а потом и жизнь. И надо же — бумеранг возвращается. Теперь Прохоров был почти уверен, что будет иметь дело именно с тем "Беором". Сердце тяжело зануло.

— Можно зайти? — спросил Вепрев из динамика.

Прохоров, не торопясь, встал с дивана, занял место за столом, провел руками по лицу, возвращаясь к привычному ритму. Лишь после этого — не стоит никому показывать свои слабости — нажал на кнопку селектора:

— Валяй!

— Вы правы! — лишний раз удивился прозорливости босса вошедший Константин. — Тот самый "Беор".

— Лады, — сказал Прохоров. — Тот — значит, тот. Слушай сюда, "Беор" не так безобиден, как кажется. Называю главных персонажей: Александр Иванович Орлов, главный бухгалтер. Убил то ли четверых, то ли пятерых подготовленных людей.

— Пятерых? — поразился Вепрев.

— Пятерых! — разозлился Прохоров. — Попытки разобраться с ним в тюрьме тоже не увенчались успехом. Далее: Ивлиев. Я тебе о нем уже говорил. Не помню имени и звания. Чекист. Старый ковбой. Очень опасен. Если "Беор" в деле, начинайте с него. И — их директор. Ефим Береславский.

— Тоже стреляет с двух рук? — не выдержал Вепрев.

— Не суетись, — тихо сказал Прохоров. — Он из них самый опасный.

— Чем же он опасен? — никак не мог взять в толк Вепрев. — И если они такие крутые, то почему такие бедные?

— У директора — множественные связи. МВД, ФСБ, бандиты. И очень нестандартные действия. Хотя — очень целеустремленные.

— Хороший компот, — одобрил Константин. — Но мы вроде тоже не из гимназии.

— Мы, безусловно, сильнее, — подтвердил Прохоров. — Не сравнивать. И тем не менее...

Ефим нажал кнопку внутренней связи и попросил Марину Ивановну сходить за пирожными, так как справедливо полагал,

что сладкое приподнимет его настроение. Однако ответила ему не секретарь-референт, а подполковник Ивлиев. И не через динамик, а непосредственно.

— Сейчас будет тебе пирожное, — сказал он таким тоном, что Ефим сразу понял: сегодня плохой день. Совсем плохой. — Велегурова определили.

— Кто? — спросил Береславский.

— Те, кому он на хвост наступил.

— А кому он наступил?

— Лучше бы тебе не знать, — задумался Ивлиев.

— Кончай мутить воду, — разозлился Ефим. — Я уже в форме.

— Короче, за Серегой гоняется Прохоров.

— Какой Прохоров?

— Самый неприятный, — ухмыльнулся Ивлиев. — Из Думы.

— Анатолий Алексеевич? — ужаснулся Береславский. Ничего себе, противник! — С целью?

— Изъять компромат и убить свидетеля.

В кабинете стало тихо. Ефим поежился: в воздухе явственно запахло кровью.

— Что делать будем? — тихо спросил он.

— Что положено, — спокойно ответил старик.

— Говори ясно.

— Куда уж яснее. Ты будешь руководить фирмой, я — воевать за Серегу. У нас теперь дороги разные, пока ситуация не разъяснится. Он здесь больше не работает. С твоей дачи, как ты уже понял, я их забрал. Есть еще надежные места, не связанные напрямую с тобой?

— Есть, — секунду подумав, ответил Ефим. Он сразу вспомнил о добром пьянице-электронщике Боре Прицкере, выручившем его в тяжелый момент и по-прежнему живущем бобылем наедине со своими компьютерами. К собственному стыду, Береславский лишь раз после тех событий навестил своего спасителя. И то на десять минут. Но ничего не поделаешь: это лучшая кандидатура. Ефим черкнул для Ивлиева записку и адрес.

— А мне что делать? — спросил он старика.

— Ждать, — немногословно ответил тот и удалился.

10. Велегуров, Аля. Москва

Все-таки чутье у старика потрясающее! Вот же — старый чекист! Он еще ничего не знал ни об Анатолии Алексеевиче Прохорове, ни, тем более, о сообщении Ходецкого. И, тем не менее — прикатил спозаранку на своем старом сереньком "Москвиче". Обновил дорожку, которую вчера в глубоком снегу пробил грейдер, заказанный Ефимом. Как "дед" сказал: "Чтой-то мне стало беспокоино".

Ходецкий, кстати, не звонил, а прислал весточку по пейджеру, потому что номера моего телефона он не знал. Сообщение

Марк Лазаревич составил очень грамотно: даже я сначала ничего не понял. Оно гласило: “Сережа, тебя активно ищут “зеленые”. Ты им чертовски нужен”.

Любой, не знающий наших с ним сложных отношений, подумал бы о защитниках экологии. Даже я сначала так подумал. Но уже через минуту вспомнил об особой терминологии. Ходецкий занимался лечением моего усталого мозга с помощью метода гештальт-терапии (впрочем, он на мне, по-моему, все известные науке методы перепробовал). И на первом же занятии мы разложили цвета, которые мне требовалось мысленно представлять, на “хорошие”, “нейтральные” и “враждебные”.

Он традиционно предложил записать в “хорошие” голубой и зеленый. Я был в плохом настроении (тогда у меня другого вовсе не бывало) и из чувства противоречия сказал, что зеленый — самый ненавистный мне цвет. “Хорошо”, — легко согласился Ходецкий, и зеленым мы с ним стали изображать самые страшные бяки. “Чертовски” — тоже было кодовое слово. Именно дьяволы, черты, бесы навязывали мне желание убивать. И именно с ними мы с Марком Лазаревичем, как умели, боролись.

Так что, понятно, кто меня ищет. И, с учетом последних событий, понятно — зачем.

Я рассказал Ивлиеву все, что знал. “Дед” крикнул, услышав имя нашего врага, а когда я дошел до видеокассеты, пару раз ощутимо стукнул меня по плечу, что, видимо, выражало высшую степень сочувствия. После чего предложил позвонить тете Даше. Я сначала удивился, откуда он про нее знает. Потом вспомнил, что сам же ему и рассказывал. Точнее, он спросил, на кого оставляю собаку, а я в двух словах описал ему тетю Дашу.

Набирая номер, я уже не ожидал ничего хорошего. Так и вышло.

— Алло? — сняла трубку суровая наставница моего детства.

— Это я, тетя Даш, Сережа. Как там у нас дела?

— Ой, — всхлипнула вдруг несгибаемая тетя Даша, — что тут было!

— Что? — спросил я, уже догадываясь, что там было.

— Жулики всю твою квартиру ограбили, Сереженька. Все перевернули.

— А Катерин? — дрогнувшим голосом спросил я.

— Нету больше твоей собачки, Сереженька.

— Убили?

— Да. Да как!

— Тетя Даш, говори все! Что там было?

— Они его всего изрезали! И застрелили.

— Изрезали или застрелили?

— Сереженька, там и дырки от пуль, и ножами... Что ж это такое, а, сынок? — Давненько тетя Даша не называла меня сын-

ком. Очень напугана. Но, как всегда, наблюдательна: не зря всю жизнь проработала операционной сестрой.

— А ты выстрелов не слышала?

— Нет, Сереженька.

— Милицию вызывала?

— Да. Приезжали, писали чего-то. Опрашивали жильцов. Я не говорила, что слежу за квартирой.

— Ну и правильно. Правда, соседи могли сказать. Где сейчас Катерин?

— Похоронила я его, Сереженька. В парке. Недалеко. Потом покажу могилку. И еще: пулю я одну подобрала, она насквозь прошла. Остальные, которые внутри остались, не трогала, но милиция и не интересовалась. А с зубов кусочек тряпочки сняла. Видно, он кого-то зацепил. Он же какой смельчак был, — всхлипнула тетя Даша, при жизни Катерина не слишком любившая. — Я в конвертик все положила.

— А куда конвертик дела?

— Никуда. При мне он.

— Молодец. Я за ним заеду.

— Давай. Только побыстрее, ладно? Боюсь я, Сереженька. Это ведь не воры, правда?

— Правда, тетя Даша.

— Ты вернешься? Я боюсь за тебя. И как там невеста твоя, Аленька?

Разговор надо было прекращать. Если у них все так серьезно, на тетю Дашу уже могли выйти. Она-то ничего не знает, так что, скорее всего, ей больше ничего не грозит. А вещдоки надо срочно изъять и вывести ее из игры.

— Я обязательно вернусь, тетя Даша. Больше звонить не буду. В мою квартиру не заходи. И ничего не бойся. Все будет хорошо, обещаю.

— Хорошо бы так, — снова всхлипнула тетя Даша. Никакой она не кремень, а нормальная усталая шестидесятипятилетняя женщина. И за ее слезы они тоже заплачат. Если не поймают меня раньше, конечно...

— В общем, так, — подытожил Ивлиев. — Переходим на осадное положение. Альку надо спрятать. С Ефимом посоветуемся.

— Опять Ефим? — поморщился я. — Не надо бы сюда штатских. Все очень остро получается.

— Сам знаю, что не надо, — вздохнул "дед". — Не справится нам без него. А официальный путь мне закрыт. После твоих ковбойских дел в том шалмане. Ладно, поехали.

— А завтрак?

— В городе позавтракаем. Раз вышли на квартиру, значит, выйдут и на работу, а там до дачи два хода. Надо убираться отсюда.

Мы зашли в теплую комнату, залили огонь в камине водой из вскипевшего чайника, и, невзирая на Алькины протесты, через четверть часа уже ехали к столице.

Бутерброды, сооруженные Алей, были превосходны, но нас с "дедом" они не радовали: будущее представляло в высшей степени опасным. Это не пугало бы меня вовсе, если бы я, как и раньше, отвечал только за себя. И еще я никогда не прощу им моего Катерина. Этот щенок им дорого обойдется!

Уже в городе зазвонил телефон Ивлиева. Он немногословно поговорил и дал отбой.

— У Ефима мелкие проблемы, — объяснил "дед". — Он тут рядом, сейчас подъедем к нему. — И остановил машину у придорожного кафе.

— Аля, ты идешь завтракать. Никуда не выходи, пока мы за тобой не вернемся. — Он дал ей денег, чем сильно уязвил меня. Алька — моя, и кормить ее должен я. — Садись за руль, — сказал "дед".

И мы поехали к Ефиму. Ивлиев пошел общаться с ним, а я сидел в машине, метрах в трехстах от офиса фирмы. Вышел он через полчаса.

— За Алей — и в убежище, — и показал мне бумажку с адресом.

Мы забрали из кафе Альку и поехали к Борису Львовичу Прицкеру, старому другу шефа.

11. Велегуров, Москва

— Ефим Аркадьевич, — сказал я, когда нас соединила Марина. — Алька устроена, я поехал.

— Куда? — поинтересовался он.

— Есть дела, — уклончиво ответил я. — Можно дальше пользоваться вашей машиной?

— Конечно. Почему ты спрашиваешь?

— Ну, мало ли что. В случае чего, вы ничего не знаете. У меня доверенность, будем считать, что я ее у вас купил. Вы ответственности не несете.

— Что ты темнишь? — разозлился Береславский. — Какая ответственность? Что ты задумал?

— Нет, ничего. Все нормально, до свидания, — сказал я и положил трубку.

Теперь путь мой лежал на его дачу: машина осталась там. Я не был склонен считать, что Ефима вычислят и, тем более, возьмут в оборот. Скорее по привычке, сойдя с автобуса, я пошел не по дорожке, а напрямик, через лес. Не скажу, чтобы это было приятным делом: снега понасыпало достаточно. Но — пролез и вышел к шефовой даче с тыла.

Как оказалось, очень правильно: два "баклана" отходили от дома к зеленой "октавии", стоявшей на расчищенной грейдером площадке. Третий, видно, сидел за рулем: двигатель, судя по выхлопу, работал. Один из двоих заметно хромал. Не он ли убил Катерина? Знакомый зуд внутри моего черепа подсказал мне, что

нужно “остыть”. Не желая глупых проблем, я поприседал, помахал руками, приложил снег к мгновенно нагретой голове, растер снегом щеки. Вроде прошло. Я еще немного подышал и потопал к дому.

“Октавии” и след простыл. Я походил по стопам гостей: они интересовались и домом, и баней. Если ребята не полные идиоты, они поняли, что мы уехали недавно. И раз не на своей “девятке” — то навсегда. Все это мне на руку. Во-первых, не станут искать “девятку”. Во-вторых, предупрежден — значит, вооружен. Их ходы нам теперь известны. Куда они двинутся дальше? К тете Даше? Странно, что ее сразу не нашли. Может, она была на дежурстве? Альку-то точно не найдут: Ефим сказал, что он заскакивает к Боре раз в десятилетие. Соответственно, как его “связь” по их базам данных Прицкер проходить не может. Ну и слава Богу.

Я осмотрел многострадальную “девятку”. Оказывается, и в нее пальнули и проткнули левое переднее колесо. Ничего не боятся, вот “бакланы”! Я быстро, невзирая на холод, сменил колесо. А заодно и номера: Вовчик привез аж три комплекта. “Ранение” радиатора тоже оказалось не смертельным. В принципе, ездить на такой машине нельзя. В мирное время. В военное — сколько хочешь.

Загерметизировав подручными средствами течь и долив тосола из банки в багажнике, я направился к выезду из садового товарищества. По науке надо бы было проверить выезд, но я почему-то был убежден, что “моих” идиотов на “октавии” там не будет.

Так оно и оказалось. Правда, уже на шоссе, ведущей только в наше товарищество, встретил большой черный “тахо”, набитый парнями. Они тормознули, но разворачиваться не стали. Только долго смотрели в зеркала. Очень похоже, что ребята по мою душу. Просто не доперли, что машину можно так быстро оживить, да и номера другие. Я был уверен, что они сядут в засаду. Но почему они решили, что мы вернемся на дачу? Те ведь, на “октавии”, уехали...

У тети Даши я был уже гораздо более осмотрительным. И не зря. Зеленая “октавия” все-таки подъехала. Я аккуратно отогнул занавеску, разглядывая седоков. Теперь их было двое, и из машины вышли оба. И оба же направились к нашему подъезду. Логично. Начинать надо с самого “горячего” места. Ищут мои связи. Я сам планировал бы также. А что, собственно, удивляться: не исключено, что мы с этими ребятами вместе учились. Кстати, какая сволочь меня “срисовала”? Никто ж ничего не видел? Неужели те двое у входа? Не может быть, слишком мизерная вероятность в чужом городе встретить знакомого.

— Ты что там разглядываешь? — подозрительно спросила тетька Даша.

— Приехали наши гости.

— О-ох, — протяжно выдохнула она. — Что же будет?

— Да ничего. Можем просто дверь не открыть. Не будут же они ломать. Они явно идут бесцельно. Значит, будут звонить в двери и вежливо расспрашивать.

— Может, милицию вызвать? — робко спросила тетя Даша.

— Не поможет. Сам справлюсь.

— Как же ты справишься? Тогда лучше уходи через чердак, там открыто. — Жалобным голосом она пыталась отговорить меня от моей затеи.

— Теть Даш, все. Твоя роль сыграна. Ты ни при чем, меня не видела неделю до сегодняшнего вечера. Ты же ничего не знаешь, что они могут к тебе иметь? А для меня важно с ними пообщаться.

Я осторожно вышел в прихожую, чуть приоткрыл дверь и весь превратился в большое ухо. Сначала, на первом этаже, они заходили к квартиру по двое. И были там, если им открывали, минут по семь — по десять. Потом время бесед стало сокращаться, а с третьего этажа они стали ходить поодиночке. Ребятам, видно, здорово надоело их занятие, и они стали нарушать технологию.

Вот они уже на этаже под нами. Там три квартиры. Одновременно звонят, одновременно заходят. И выходят тоже практически одновременно! Буквально через три минуты! Сериал, что ли, боятся пропустить? Так заторопились!

А ведь это мой шанс! В третью квартиру зайдет только один, а второй поднимется выше. Или подождет напарника?

Нет, поднимается один! Я чуть приоткрываю дверь, демонстрируя, что хозяева дома. Сработало! Он деликатно стучит по косяку — дверь-то обита ватой и дерматином!

Заходи, дорогой! Я распахиваю дверь и бью его кулаком в лоб. Не разучился: он обмякает. Даже не втаскивая его в комнату, заранее приготовленным монтажным скотчем — извини, Ефим: не перевелись несуну в твоей фирме! — залепляю “баклану” поллица. Мгновенно обшариваю карманы. В них — ключи от автомобиля. От “октавии” или собственного?

У меня в запасе максимум две с половиной минуты. Я еще раз бью его в лоб и тащу вниз. Нет времени даже вынуть у него пистолет из кобуры под мышкой. Надеюсь, ближайšie десять минут после двух таких ударов он не захочет им пользоваться. Мы спускаемся во двор, и я нажимаю кнопку брелка. Ну? Если выйдет, мы уезжаем вдвоем, если нет — бегу к “девятке”, стоящей в трехстах метрах отсюда. У меня максимум полторы минуты.

“Октавия” высоким голосом “пикает” и пускает меня в свои объятия. Мой гад получает третий удар в лоб: головная боль на пару месяцев ему обеспечена, но я не имею права рисковать. Кидаю его на заднее сиденье, с силой закрываю дверь, сам прыгаю

вперед и стартую. Краем глаза вижу выскочившего из подъезда второго гада. Догоняй, сволочь! Мы объехали три квартала — я все время оборачивался назад, контролируя и возможную погоню, и стукнутого “приятеля” — и въехал в Измайловский парк. Вылезаю из машины, открываю заднюю дверь. Тот почти пришел в себя, сипит, но вырваться еще не пытается. Найденными в “бардачке” наручниками сковываю парня и выволакиваю его наружу. Уже здесь освобождаю его от пистолета. Точнее, от двух пистолетов: “ИЖ-71” и маленького “ПСМ”. Причем, если первый — в кобуре, и на него у Антона Петровича Голикова, заместителя директора частного охранного предприятия “Кобра”, имеется соответствующее разрешение, то второй примотан липкой лентой к лодыжке под брючиной. И документов на оружие, соответственно, никаких.

— Ну что, давай знакомиться? — предложил я, безжалостно срывая крепко прилипший скотч.

Тот с ненавистью посмотрел на меня налитыми глазами:

— Тебе все равно крышка.

— Может быть, — вынужден был согласиться я. — Хотя и терять мне нечего.

— Тебе гулять осталось пару часов, потом — хана.

— Может, договоримся?

— О чем?

— Мне нужен выход на вашего главного. Я хочу все объяснить. Кассеты уже нет. Шантажа не будет. Тихо расходимся — и точка. Собаку я вам прощаю.

— Зато я не прощаю, — скривился тот. — Сука, всю ногу сгрызла!

— Он не сука, — тихо проговорил я. — Он кобель. Просто произошла ошибка.

— Ты сам — ошибка, — вдруг спокойно ответил парень.

Я врезал ему рукояткой его же “ИЖа”. Зубы хрустнули, он кулем свалился в снег. Я схватил его за шиворот дубленки и потащил в глубь леса. Еще пять минут назад у меня такого плана не было. Теперь — появился. Хотя, наверное, и раньше был. Просто прятался в подсознании.

Через десять минут он лежал на еле приметном снежном холмике. Когда очнулся, я приказал ему разрыть снег. Он высокомерно отказался и попытался встать. Надо отдать ему должное, парень попался упорный.

— Ты не понял, с кем связался, — прошепелявил он. — Тебя уже нет. Сними с меня наручники. Может, побегаешь еще неделю.

— А что я успею за неделю? — печально спросил я.

— Написать завещание, — попытался сострить он. — Ты пыль, понял? Я на службе, а ты — пыль!

Он начинал меня всерьез раздражать.

— Придется тебя пристрелить. Но сначала рой снег.

— Ты что, спятил? — с некоторой даже опаской произнес парень.

— Рой, я сказал! Знаешь, каким ты у меня будешь?

— Н-нет, — вот уже и голос дрожит.

— И я не знаю. Я — снайпер, Антон, — печально проговорил я. — Десять лет воюю. Наверное, за моей спиной целое кладбище.

— Ты что, мужик? Я-то в чем виноват? У меня приказ! Я тоже солдат! — совсем потерял голову “бесстрашный”. — Снег кончился, дальше земля! — выкрикнул он.

— Рой дальше, она мягкая, — приказал я.

— А-а-а-а! — завизжал Антон, подняв голову. И я выстрелил ему в поднятый лоб из его же пистолета.

Патрон у “ИЖа” ослабленный, но и оставшегося хватило с избытком. Шапку вместе с затылком унесло в лес. Он рухнул на раскоп. Я перевернул его, раскрыл ему рот и положил туда пулю, завернутую в кусочек его же штанины: я не собирался более использовать выданный тетей Дашей пакетик. Вещдоки теперь не нужны: общение предстоит только неофициальное. На живот положил табельный “ИЖ”. Маленький неучтенный “ПСМ” взял с собой. Еще взял его мобильный. Надо будет поковыряться в записной книжке.

Все. Можно идти. Теперь я знаю точно, что я — сумасшедший. И это хорошо. Только сумасшедший может начать войну с их армией. И я ее начал.

12. Ивлиев, Прохоров, Вепрев. Москва

... “Дед” попался просто и бесславно. Можно сказать, как последний фраер. Он вышел утром во двор и направился к метро. Пошел так, как ходил обычно — не по круговой асфальтовой дорожке, а напрямик, через детскую площадку.

Ивлиев с презрением оглядел эту “архитектуру малых форм”. Построить еще сумели, а вот уследить за состоянием — свыше их сил. Металлическая горка вся погнутая, песочницы раздолбанные, да и песок в них позапрошлогодний, густо усеянный собачьими какашками. Даже качели умудрились разбить сограждане: металлические штанги оторваны и валяются неподалеку. Правда, пацаны состряпали веревочное подобие развлекательного аттракциона: то, что в народе называют “тарзанкой”. Толстая веревка — почти канат! — была привязана к верхней, довольно высокой перекладине качелей. Снизу на веревке был завязан огромный узел. Дети “тарзанку” любили и выделяли на ней истине акробатические трюки.

Вот и сейчас на “тарзанке”, обхватив веревку ногами, тихонько раскачивался пацан лет двенадцати в яркой желтой куртке. Лица пацана Ивлиев не видел — тот был к нему спиной, но уж наверняка не интеллектuala. По крайней мере, время школьное, а этот обалдуй терзает “тарзанку”.

Ивлиев уже хотел остановить веревку и развернуть к себе пацана, чтобы слегка прочистить тому мозги. Но передумал: сейчас пошлют его матерно, и что прикажете делать? Дать в морду ребенку?

Нет уж, пусть лучше качается.

Что-то тревожило Ивлиева. Развившееся за десятилетия чутье так и говорило ему: "Будь осторожен!" Где же опасность, черт их дери, всех этих Прохоровых! Самое печальное, что его ведомство, с которым он связи не порывал никогда, заниматься Прохоровым не захотело. "Время не прошло", — с сожалением объяснил генерал, которого много-много лет назад Ивлиев научил метко стрелять. С трудом — туповат к этому делу был "литюха", — но научил.

— Значит, пока он может народишко убивать? — уточнил "дед".

— Если кого-то убьет, будет тема для разговора, — резковато оборвал его генерал, всегда относившийся к "деду" очень хорошо. — Вас в обиду не дадим. Если чего заметите, сразу звоните. Выделим охрану.

— Спасибо, — не на шутку обиделся Ивлиев. — Надеюсь, сам справлюсь. "Стечкина" пока удержать могу. — Он и в самом деле снова стал носить с собой гигантскую кобуру с жуткой, аж двадцатизарядной бандурой. Несмотря на предложение генерала, менять свое ужасное оружие на более современное и малогабаритное он отказался наотрез. В руках "деда" старый добрый "Стечкин" с пятидесяти метров выбивал из полсотни очков минимум сорок восемь.

Обиделся Ивлиев тогда не на шутку, а прав оказался все-таки генерал. Потому что поймали подполковника Ивлиева, как цыпленка. Он уже почти миновал пацана в желтой куртке, как тот вдруг вертанулся на своей "тарзанке" и выбросил вслед "деду" руку. Отработанные тысячами тренировок рефлексy Ивлиева на сей раз запоздали: человек с телом ребенка и лицом взрослого мужика успел-таки засадить в Ивлиевское бедро иглу автоматического шприца.

"Дед", теряя сознание, махнул напоследок своей костлявой рукой, и мальчик-мужик лишился двух передних зубов. Вообще-то он должен был лишиться глаза, но быстро среагировал, в то время как реакция Ивлиева уже была заторможенной.

"Скорая помощь" подлетела так поспешно, что любой здравомыслящий человек по идее должен был разгадать спектакль. Однако, видно, не было здравомыслящих среди спешашей к метро толпы. Да и люди шли от "деда" довольно далеко — метрах в пятидесяти. Только посматривали в сторону инцидента. А на детской площадке у "дедова" тела ковырялись лишь трое: скулящий "мальчик" да "врач" с "фельдшером", которые, впрочем, вряд ли когда-нибудь бывали в мединституте.

“Деда” запихнули в краснокрестую “Газель”, она быстро развернулась и помчалась прочь, завывая сиреной.

По дороге Ивлиев пришел в себя, что стоило невезучему лилиту еще одного зуба и трещины в коленном суставе. А “деду” — лошадиной дозы снотворного, которое все же свалило неугомонного бойца. На сей раз — надолго.

— Ивлиев обездвижен — это хорошо, — задумчиво произнес Прохоров. — Он у них — душа компании. Без него Береславский вряд ли выдержит давление.

— И еще одна вещь, — сказал Вепрев. Он достал из портфеля пластиковый пакет, вынул из него что-то непонятное, тоже завернутое в полиэтилен.

— Это еще что? — спросил Жаба.

— Это, Анатолий Алексеевич, наш главный сюрприз, — улыбнулся Вепрев.

— Откуда головешки такие вонючие? — неделикатно поинтересовался Прохоров, наблюдая, как на драгоценной столешнице раскладывают нечто, недавно вынутое из костра. — Что ты принес?

— Что просили, — удовлетворенно ответил Вепрев.

— Так что это? — переспросил Прохоров, уже догадываясь, останки чего лежали на его столе. Если Вепрев догадку подтвердит, то Прохоров простил бы ему даже костер на собственном столе.

— Помните показания Блондина? — спросил подчиненный.

Анатолий Алексеевич недовольно поморщился. Конечно, он помнит. Более того, чтобы дать волю гневу, он лично присутствовал при получении этих показаний, хотя в последние годы подобного себе обычно не позволял.

Вепрев тем временем уверенно продолжил:

— Блондин сказал, что кассета была прямо из видеокамеры. А просматривал он ее через адаптер, в обычном “видаке”. Она всегда в этом адаптере и лежала. Так вот: эксперты считают, что это, — он показал рукой на головешки, — раньше было адаптером со вставленной в него кассетой. А нашел Витя Петров, из третьей группы. В камине, на даче Береславского. Сразу после того, как с нее сбежали эти двое. — Вепрев тут же пожалел о конце выскочившей фразы: не надо было мешать победу с унижением — эти сволочи ведь все-таки удрали! Но Прохоров не заметил “оговорки”. Он был откровенно рад.

— То есть, компромат весь выгорел?

— Похоже на то.

— Но ведь полной уверенности нет? — уточнил Прохоров. — Что говорят эксперты?

— Если вы имеете в виду содержание кассеты, то ничего не говорят. Все сгорело основательно. Но то, что это адаптер, и что внутри была кассета с пленкой, — это точно.

— Наверное, ты прав, — спокойно заметил босс. — Вряд ли у него было два адаптера. — Отличная работа, Костик. С меня причитается. — Он на секунду задумался: — “Мерс” двести восьмидесятый тебя устроит? Цвет морской волны, четырехглазый. Не новый, конечно. Трехлетка. Но на отличном ходу.

— Конечно, устроит, — дрогнувшим голосом поблагодарил Константин. И попрощавшись, вышел.

Отдыхая в кресле, приятно-опустошенный, Анатолий Алексеевич вдруг подумал о том, что теперь в принципе можно и не гоняться за всякими бешеными спецназовцами и сумасбродными девчонками. Их показания гроша ломаного не стоят без кассеты. А Прохоров на все сто был уверен, что в пакете, принесенном Константином, была именно та кассета. На мгновение он принял решение отпустить влюбленных придурков с миром.

Но — только на мгновение. Потому что в этом мире нельзя прощать подобные попытки противодействия. Прости одного — полезут десятки, справедливо принявшие твою доброту за слабость. Потому что доброта — и есть слабость!

В этот момент зазвонил телефон. Звонил Вепрев.

— Еще чего-то нарыл? — обрадованно спросил Прохоров.

— Включите телевизор, — каким-то странным тоном сказал Константин. — Это важно. Третий канал.

Анатолий Алексеевич щелкнул лежавшим на столе пультом. “Что там еще случилось? Пожар? Землетрясение? Президента свергли?”. Экран засветился, и через миг камера нарисовала улыбающуюся морду... этого придурка Береславского!

— Что он там делает? — вслух спросил Прохоров. Но тут же нашел объяснение: в углу экрана был титр: “Специалисты по рекламе рассказывают”. Кроме Береславского в кадре было лишь двое ведущих — один постарше, другой — помоложе, остальные “специалисты по рекламе” уже, наверное, все рассказали. “Ну и зачем Вепрев панику поднял?” — подумал Анатолий Алексеевич, разом теряя хорошее настроение. Похоже, идеальных подчиненных все-таки не бывает.

— Так что вы имеете в виду? — явно растерянно переспросил Береславского молодой ведущий.

— Только то, что сказал, — холодно улыбнулся Береславский. — Повторяю: моей фирме, мне и моим близким угрожает очень могущественный человек, член Государственной думы. Его люди уже похитили моего сотрудника.

— Может, вы и фамилию назовете? — как-то неуверенно пошел за сенсацией молодой ведущий.

— Не надо никаких фамилий, Ефим Аркадьевич, — мягко перебил его более опытный второй. — Мы пришли в эту студию говорить о тонкостях рекламы, а не о детективных фильмах. Для этого есть другие передачи. Кстати, у нас на линии звоночек.

— Если меня не убьют, обязательно отвечу на звончек. В следующий раз. А пока — разрешите сказать следующее. — И, повернувшись к камере, глядя точно в глаза Прохорову, Ефим отчеканил буквально следующее: — Вы — подлый трус. Я не боюсь вас, и буду сражаться с вами до конца. Если меня убьют раньше, чем вы содохнете, ваше имя огласят мои друзья. У меня пока нет доказательств ваших убийств, но они наверняка появятся. Желаю вам постоянного страха!

В этот момент наконец-то среагировал режиссер и запустил в эфир настоящую рекламу. Ефим пропал с экрана и больше не появлялся, хотя Прохоров терпеливо досмотрел всю эту мерзость про колготки, прокладки и чудо-йогурты.

— Сволочь, подонок, — пробормотал он. — Ты сам напросился. Ты уже покойник. — Тут только он заметил не положенную на рычаги трубку. — Костик, найди мне его. Срочно!

— А что делать со стариком?

— Нейтрализовать, как и раньше. Но чтоб был жив-здоров, понял?

13. Береславский. Москва

Ефим приехал в Кусково довольно рано. По дороге часто озираясь по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. В принципе, он сам напрашивался на скандал. В его интересах было поскорее пообщаться с пока неведомым врагом, чтобы хотя бы понять, чего от него хотят. Как сложится ситуация завтра — никто не знает. Так что помощь, предложенная после телеэфира друзьями из СМИ, коллегами по рекламному бизнесу и просто хорошими знакомыми, была отнюдь не пустым звуком. Кое-что “выстрелило” и фактически. Разволновавшийся за друга полковник Кунгуренко прислал ему помощника, не крупного, можно сказать, даже мелкого, но плотно сбитого парня. Дима — так звали старлея — объяснил, что он здесь неофициально, хотя и вооружен. После чего потребовал постановки задачи.

Ефим сформулировал четко: до 12.00 — охранять его от всяческих нежелательных контактов, кроме одного. О желательном контакте Береславский предупредит Диму поднятой кверху правой рукой. После 12.00 Дима должен был удалиться. Ефим не стал ему объяснять, но после 12.00 Береславский собирался сделать все, чтобы посланники неведомого, но ужасного Прохорова смогли бы его захватить. Магическая цифра “12” появилась просто: дело в том, что в 11.00 у него была назначена встреча с Велегуровым, позвонившим после эфира по “секретному” телефону. Кусково, с его огромными, отлично просматриваемыми просторами и возможностью ухода через лес, был отличным выбором для конспиративной встречи.

Чтобы его не засекали прямо от дома, Ефим провел ночь в гостинице. Устроиться оказалось легче легкого: зазывалы сами

приглашали всех около выхода из метро. Паспорт не требовался. Машину Ефим оставил на платной стоянке. Кто их знает, этих зазывал: может, тоже сливают информацию его всемогущему врагу. Пусть лучше думают, что Ефим вышел из метро и машины не имеет.

Конечно, ничего с ним ночью не случилось, тотальной слежки не может позволить себе даже государство, не то что отдельные государственные деятели. И Ефим, пару раз проверившись контрольными остановками, за час до встречи уже был в Кусково. Он попросил Диму подежурить у главного входа и, в случае появления подозрительных гостей, предупредить его по рации. С тех пор Дима вызывал его четырежды, но Береславский, посмотрев на граждан через свою замечательную оптику, не находил в них ничего подозрительного.

Ефим славно погулял по парку, обошел главный корпус и даже прошелся с экскурсантами по залам, предварительно надев смешные бахилы с мягкой войлочной подошвой. Странное дело, прогулка по старинному дворцу привела его в наилучшее расположение духа. Сняв ужасные бахилы, он застегнул куртку, вышел на улицу и двинулся встречать Велегурова.

— Привет, Ефим Аркадьич! — сказал Велегуров, совершенно неожиданно появившись со спины, от леса. Он был в какой-то неприметной одежонке и сейчас никак не напоминал бывшего боевого офицера. Напряженный и жесткий.

— Здорово, — обрадовался, отойдя от первого испуга, Береславский и поднял вверх правую руку: чтоб старлей Дима неадекватно не среагировал. — Как твои дела?

— Хуже некуда. Алька у Прицкера, а я прячусь в коллекторе. И деньги у меня кончились.

— Не переживай. — Ефим выгреб почти все наличные — приличную сумму — и отдал кредитную карту "Visa".

— А картой не опасно? — задумался Велегуров. — Ведь меня, наверное, активно ищут!

— Не думаю, — сказал Ефим. — В магазинах не используй. Снимай с банкомата. Код очень простой: 3 — 6 — 9 — 3. Запомнишь без записи.

— Спасибо, Ефим Аркадьич.

— Не за что, Сереж. Ты вчерашний мой эфир видел?

— Вы издеваетесь? — не выдержал Велегуров. — Я под тепло-трассой сплю. Там нет телевизора.

— Короче, я в прямом эфире "наехал" на Прохорова.

— Зачем? — оторопел, спросил Сергей.

— Хочу, чтобы он что-нибудь по отношению ко мне сделал. Мне кажется, они чего-то сами боятся. Как будто мы имеем то, что их пугает. Только мы не знаем, что. Вот я и хочу узнать.

— Мы знаем, что, Ефим Аркадьевич, — тихо проговорил Велегуров. — Но уже не имеем. — И рассказал о видеокассете, о встрече на даче. Только об инциденте у своего дома умолчал. И о

смерти Голикова тоже. Не потому что не доверял Ефиму, а просто не считал нужным обременять его лишней и, возможно, опасной информацией.

— Хреново, — подытожил Ефим. — Они думают, что мы опасны, и пытаются нас уделать. А мы — неопасны. И к тому же нам нечем защищаться. Ладно. Я все понял: мне необходимо с ними встретиться. Если они поймут, что им ничего не угрожает, может, отвяжутся от нас.

— Попробуйте, — сказал Велегуров. — Но, боюсь, не отвяжутся. Дать вам оружие?

Ефим замешкался. Неправильно истолковав его замешательство, Сергей добавил:

— Он совсем маленький. “ПСМ”. Но не такая уж и игрушка. Эти пульки даже легкие жилеты пробивают. Раздвигают полиамидные нити. Я объясню, как стрелять. Наши гады на все способны, лучше быть вооруженным.

— Нет, Сергей, не надо, — ответил Береславский. — И еще. Как можно спать под теплотрассой? Давай подумаем, куда тебя пристроить. Я сегодня в гостинице ночевал — даже паспорт не спросили.

— С деньгами я и не собираюсь спать в подвале, — успокоил его повеселевший Велегуров. — Не волнуйтесь, Ефим Аркадьич, все будет в порядке.

Они попрощались и пошли в разные стороны.

Ефим еще погулял по примороженной усадьбе, подышал свежим, как будто деревенским, воздухом. Выгуляв установленные им самим полчаса, потихоньку направил стопы к выходу. Именно в этот момент раздался зуммер вызова. Ефим даже не сразу понял, что “проснулась” его рация.

— Тут джип подозрительный, — негромко заговорил Дима. — Черный “тахо”. И три парня. Очень характерные.

У Ефима ёкнуло сердце. Неужели по его душу?

— У “тахо” битая крыша? — спросил он.

— Нет, вроде нормальная, — после короткой паузы ответил старлей.

Береславский даже расстроился: с одной стороны, он сам все сделал для того, чтобы его поймали. И все же идти в западню не хотелось. Даже “не хотелось” — совсем не то слово. Береславский конкретно боялся пойти навстречу выследившим его бандитам. Он нажал кнопку вызова.

— Слушаю, — сказал Дима.

— Сколько их?

— Я же сказал — трое.

— Диспозиция?

— Один у входа, двое пошли внутрь.

— Дим, ты можешь отвлечь часового?

— Легко, — откликнулся Дима.

— А “тахо” обездвижить?

— Не проблема. — Для опера Димы проблем, казалось, вовсе не существовало.

Дима не подвел. Он не стал мудрить, а просто подошел к третьему “быку” и открыто поинтересовался:

— Хочешь в морду?

Тот даже рот раскрыл от изумления. И, чтоб изумленный боец не счел предложение шуткой, старлей Дима нанес чудовищный, отработанный рингом до автоматизма, апперкот с правой. Рот с треском закрылся, и часовой на все туловище грохнулся в снег. Свидетелей замечательной Диминой победы не было.

Дима подошел к телу, засунул ему в рот его же собственную перчатку и отволоч бывшего часового за будку, в которой летом продавали пирожки. Именно в момент этого действия мимо Димы рысцой пробежал Ефим. Береславскому казалось, что он быстро мчится, но Дима только головой покачал и понял, что в черном “тахо” следует проколоть не одно колесо, как он поначалу намеревался, а все четыре. В этом случае у Ефима будет шанс смыться.

Старлей принялся дырять баллоны, краем глаза наблюдая, как “ауди”, выплюнув из выхлопных труб облачко белого дыма, разворачивалась на выход. Одновременно тренированный Дима видел двух бегущих от дворца крепких хлопцев. Это не заставило его заторопиться. Лишь испоганив четвертое колесо — бедный “тахо” тяжело осел, — опер разогнулся, бросил взгляд вслед довольно далеко умчавшейся “аудюхе” и спокойно направился к своему старенькому “жигуленку”. Не спеша завел его, аккуратно вырулил к съезду и под мат приблизившегося неприятеля удалился, оставив преследователям лишь вонь от сгоревшего в движке машинного масла.

14. Береславский, Прохоров. Москва

Ефим, ночевавший в машине, проснулся от холода, поежился, попытался вытянуться и согреться. Потом сел на водительское место, удобно прижался к высокой спинке, включил двигатель и обогрел сиденья. Только тронулся — как почувствовал холод и болезненное нажатие у правого виска.

— Что за черт! — поднял он руку, чтоб отодвинуть невесть откуда взявшуюся штуковину.

— Сидеть, сука! — прошептал чей-то голос сзади и снизу. — Давай прямо к шоссе, потом скажу, куда свернуть.

Береславский понял, что это не глюки. А к его виску действительно прижат ствол небольшого, но от того не менее страшного пистолета. Он скосил глаза назад и увидел внизу злое лицо. Мужик хотел напугать Ефима и, безусловно, своего добился.

“А где ж туловище-то?” — ужаснулся Береславский, снова впад в сомнения относительно реальности происходящего.

— Останови, — приказал страшный голос, когда они отъехали от дома на порядочное расстояние. Ефим послушно остановился. Маленькое круглое отверстие, нацеленное в его голову,

оставляло немного простора для вариаций. По приказу вылез из машины, держа руки за головой.

А дальше было и больно, и стыдно. Злобный карлик, не спуская Ефима с прицепа, ловко сковал его наручниками, залепил скотчем рот и заставил залезть в багажник собственного автомобиля!

— И не вздумай стучать! — предупредил он деморализованного Береславского. — Замочу!

Ефим и не собирался сопротивляться. Во-первых, потому что действительно сильно испугался, а во-вторых, когда чуть отдышался и успокоился, отметил, что лилипут действует по его, Береславского, сценарию. Так что, чему быть — того не миновать. Он сам делал все, чтоб им заинтересовался Прохоров. А что его везут к Жабе, Ефим не сомневался ни на миг: на кого еще мог работать такой страшный персонаж?

Машина дважды повернула налево. В щелке, куда умудрился заглянуть Ефим, хорошо просматривалась стена дома с рекламным щитом, предлагавшим услуги сотовой связи. Он сразу узнал его: этот макет делал "Беор". Всего их было семь. Так что потом легко будет найти, куда его везут. Машина съехала вниз и резко остановилась. Замок щелкнул, и крышка откинулась.

"Ауди" остановилась, а про Ефима, похоже, забыли. У него уже затекли все члены, а ни одна скотина им не заинтересовалась. Вот этого Береславский никак не ожидал. Он было собрался колотить скованными руками по железу, как вдруг послышались тяжелые и уверенные шаги. Замок щелкнул, крышка откинулась.

— С приездом, Ефим Аркадьевич! — приветливо сказал высокий статный молодой человек. Открытое лицо, приятная улыбка. Карлика, так напугавшего Береславского, рядом с ним не было. — Давайте, помогу, — сказал благодетель и протянул руку.

С его помощью, хотя и с большим трудом, Ефим выбрался из багажника. Однако не устоял на затекших конечностях и свалился прямо под ноги встречающему.

— Что ж вы так, — укоризненно улыбнулся тот. — Еле на ногах стоите, а с такими серьезными людьми решили ссориться.

Он помог ему встать, и, пока Ефим машинально пытался сквозь скотч сказать "спасибо", — резкой подножкой снова сбил Береславского с ног! Ефим упал, больно ударившись локтем и ухом. Молодой человек внимательно изучал гостя, затем несильно пнул его носком ботинка. Прямо в лицо. Ефим языком ощутил кровь на губах.

— Это чтоб чувствовали, куда попали, — объяснил тот Береславскому. — Почувствовали?

Ефим кивнул. Почувствовал. Как ни странно, но страх почти исчез.

— Ну и хорошо, — даже обрадовался Вепрев. Ему был дан приказ "пугнуть придурка", но что-то подсказывало Константину, что не стоит навсегда портить отношения с этим неуклюжим

джентльменом. Он помог Ефиму встать, открыл замок наручников. Ефим растер затекшие ноги и только после этого аккуратно разлепил скотч.

— Не обижайтесь, — неожиданно для себя самого сказал Вепрев. — Это только, чтобы вы поняли. Так целее будете.

— Спасибо, я понял, — спокойно ответил гость. — Но будет правильнее, если для объяснений вы станете больше использовать слова.

Вепрев несколько принужденно засмеялся. Ему действительно не хотелось лично участвовать в экзекуции или, не дай Бог, ликвидации Береславского. Одно дело закопать в грязи уroda Блондина, о котором никто и никогда не спохватится, другое — журналиста, директора фирмы, обросшего за годы работы связями и возможностями. Этому толстяку трудно будет исчезнуть бесследно. Константин, упаси Бог, не боялся Береславского. Просто не искал лишних проблем, которые в отдаленной перспективе могут оказаться трудноразрешимыми: в конце концов, уважаемый Анатолий Алексеевич не вечен.

— Я думаю, мы поладим, — сказал Вепрев.

— Посмотрим, — ответил Ефим, с удивлением обнаруживая непонятное усиление своей, в общем-то, незавидной позиции.

Молча они вышли из подвала на внутреннюю лестницу, поднялись по ней на два пролета, прошли одиннадцать шагов по коридору, — Ефим считал, — повернули налево, еще раз налево и опять оказались на лестнице. Один пролет — и они на площадке без окон. Затем прошли мимо небольшого, оставшегося справа, у примыкающей стены, стола секретарши и уперлись в обшитую по-старинному дерматином дверь кабинета.

Вепрев глухо постучал и, не дожидаясь ответа, открыл ее.

Кабинет был невелик. Прямо перед вошедшими — кожаный небольшой диван, правее — у стены — большой дорогой стол красного дерева. За ним, лицом к входящим, — сам хозяин.

— Здравствуйте, здравствуйте, Ефим Аркадьевич, — произнес человек, известный половине страны. — Очень рад вас видеть.

— Не могу сказать того же, — честно признался гость.

Хозяин кабинета нахмурился:

— Похоже, Ефим Аркадьевич, вы все-таки не отдаете отчета, во что вляпались. Присаживайтесь, пожалуйста. — Он указал рукой на кожаное кресло напротив.

Береславский сел.

— Вы мне мешаете, Ефим Аркадьевич, — преодолевая одышку, сказал Прохоров. Толстые щеки Жабы слегка подрагивали.

— Чем же? — недоуменно спросил Ефим. — Моего старого друга выкрали, я уверен в этом. Сотрудника пытаются убить. Мне вот сапогом по физиономии заехали. Кто кому мешает, Анатолий Алексеевич?

— Шутник вы, да и только, — улыбнулся Прохоров. — Ну какое вам дело до вашего сотрудника? Вы давно его знаете?

— Недавно, — честно ответил Береславский.

— Ну вот. Зачем вам из-за незнакомых людей лезть в пекло?

— Я никуда не лез, — начал злиться Береславский. — Отдайте мне старика, забудьте про Велегурова, и я объясню всем, что в студии на меня нашло затмение.

— Как у вас все просто, — печально произнес Жаба. — А так дела не делаем. Слово — не воробей.

— Но фамилии не были названы.

— Если бы были, — глаза Жабы заledenели, — с вами бы говорили по-другому. И не только с вами. — И, уже обращаясь к Вепреву: — Костик, развлеки нашего гостя картинками.

Вепрев недовольно достал пакет и начал выкладывать перед Береславским фотоснимки.

Вот Ивлиев лежит на какой-то железной койке, связанный и с кляпом во рту, а рядом с ним — здоровый дебил с туристским топориком. Вот Марина Ивановна, выходящая из офиса "Беора". Потом — мама Ефима, сфотографированная на прогулке с мопсом. На последних двух фото были Наталья с дочкой Ларисой. Береславский сцепил зубы. В его мозгу постепенно зрело решение, которое еще пару дней назад казалось невозможным.

— Не хочется вас пугать, но эти люди могут умереть, — тихо продолжал Прохоров.

— Что вы от меня хотите? — спросил Ефим.

— Это — деловой разговор, — одобрил Жаба. — Мне нужен ваш дружок, Велегуров. И его шлюха.

— Но зачем? — предпринял последнюю попытку Ефим. — У него нет кассеты, понимаете? Он ее сжег! Зачем все это? Давайте забудем — и точка!

— Молодой человек. — Прохоров достал сигарету, прикурил от настольной зажигалки и сильно затянулся. — Вы сами все объяснили. Вы знаете про кассету. Ивлиев знает про кассету. Велегуров со своей девкой знают про кассету.

— Мало ли, что знают? — перебил его Ефим. — Ее же нет! Ничего нельзя доказать!

— Я недоговорил, — сухо произнес Прохоров. — Самое главное в этой жизни — ничего нельзя забывать! Понимаете? Ничего нельзя забывать!

— Из-за каких-то принципов убивать людей? — снова не выдержал Ефим.

— Вы опять меня перебили, — со скрытой угрозой продолжал Жаба. — А меня нельзя перебивать. Меня также нельзя обманывать. И уж точно, мне нельзя сопротивляться. Правда, Костик? — улыбнулся он помощнику.

— Значит, мы не сможем договориться? — спросил Ефим.

— Почему же? Сможем. Вы нам сдадите Велегурова и девчонку. Я верну вам старика и покой.

— Но я даже не знаю, где Серега прячется! — возмутился Ефим.

— Узнайте, — спокойно произнес Анатолий Алексеевич. — У вас еще есть время. Целых три дня.

— А потом? — машинально вырвалось у Ефима.

— Костик вам объяснит, — потерял интерес к беседе Прохоров.

Перед уходом Ефима завели в маленькую, абсолютно стерильную комнату и обыскали, раздев буквально догола.

— Микрофона на мне нет, — честно сказал Ефим.

— Ну и хорошо, — ответил мужчина средних лет с равнодушными глазами, ни на миг не прекращая своих исследований. Потом, уже в гараже, Ефим увидел, как трое людей орудовали в его автомобиле. В безлюдном, как казалось, доме народ все-таки был.

Позже Ефима вновь поместили в багажник его же автомобиля. “Ауди” остановилась примерно через полчаса пути, и Ефим слышал, как водитель, хлопнув дверцей, открыл нажатием замка багажника и сбежал.

Он вылез из машины, несказанно удивив маленькую дворняжку, единственную обитательницу пустыря, на который его вывезли. Усевшись за руль и поехав наугад, по солнцу, уже через пятнадцать минут Береславский выбрался на проспект Мира. Доехав до работы, он, не отвечая на расспросы, бросил свою машину, наверняка “заряженную” прохоровскими умельцами, и пересел, с разрешения Тригубова, на его неброскую бежевую “четверку”. Ему предстоял еще долгий тяжелый день, поэтому он тщательно отобедал, после чего шаг за шагом проделал ряд важных мероприятий.

Во-первых, набрал прямой номер из заветной, так ни разу и не пользованной визитки, и был мгновенно соединен с г-ном Дурашевым, ставшим советником нового Президента Российской Федерации. Телефон остался у Ефима еще с тех времен, когда Дурашев, радея за державу, подставил частное лицо, Сашку Орлова (а заодно — его детей, жену и еще многих людей), под смертельную опасность. “Беор” чудом отбилсЯ от наезда и, более того, обрел благожелательное отношение г-на Дурашева, который совершенно ничего не имел против них, если державе это было безразлично.

Ефим, мгновенно получив аудиенцию, через полтора часа уже рассказывал Дурашеву о новой напасти. Но ожидаемой поддержки не получил. Точнее — явной поддержки. Дурашев высказался следующим образом:

— Валить Прохорова сейчас не станут. Он имеет определенные гарантии. Их нельзя нарушать.

— Даже если Анатолий Алексеевич время от времени убивает людей?

— Принесите мне улики, — мягко сказал Дурашев. — К разоблаченному убийце наши обещания станут неприменимы.

— Но он вряд ли оставит улики.

— Вот видите, — печально заметил Дурашев, всем видом демонстрируя тяготы своей работы: с какими людьми приходится общаться.

— Что же делать?

— Это решать вам, Ефим Аркадьевич. И мне почему-то кажется, что вы справитесь с проблемой.

— В смысле, что я его убью?

— Господи, — усмехнулся чиновник. — Какой вы были, таким и остались. Столько юношеской непосредственности.

— А потом, даже если удастся, всю жизнь — в тюрьме?

— Он всем надоел, — ни к кому не обращаясь, сказал Дурашев. — Он всех достал. Никто не будет по нему плакать.

На том и расстались.

Вторым делом был поиск дома, в который его привезли утром в собственном багажнике. Найти удалось с третьей попытки. Третья из семи возможных — не так уж плохо.

Третье — визит в Бюро Технической Инвентаризации, где работала его давняя добрая, но языкастая подруга, с которой в институтские годы они попортили друг другу немало крови, лихо орудуя своими отравленными жалами. Привычка позлословить осталась, но у Ефима было катастрофически мало времени.

— Зина, можешь достать мне поэтажный план дома? — Ефим назвал точный адрес.

— Не вопрос, — ответила та, не понимая, почему такая простецкая задача так напрягает ее старого приятеля. — У нас же единая база данных. Все есть на сервере.

— Только один маленький момент. Это нужно сделать так, чтобы никто, — слышишь, никто! — не понял, что план добыла ты.

— Что случилось? — расстроилась она. Друзей оставалось не так уж много, и тучи, нависшие над Ефимом, ее конкретно волновали.

— Тебе пока не надо знать. Сможешь или нет? С выносного компьютера. Из Интернет-кафе. Под чужим паролем. А лучше вообще без пароля, “взломать” защиту.

— Это так важно? — спросила она.

— Важнее не бывает.

— Завтра план будет у тебя. Следов не останется.

Было еще и четвертое дело.

Уходя со встречи в Кусковском парке, Велегуров без слов протянул ему бумажку. Там была нарисована схемка... расстановки мусорных урн в вестибюле станции метро “Курская-Кольцевая”. Одна из них помечена крестиком. Были на схеме и несколько скамеек. Одна — тоже с крестиком с левой стороны. Свое сообщение, если необходимость в таковом появится, Ефим должен был прилепить в указанных местах. К тыльной части стоявшей у сте-

ны урны — уборщицы саму урну не двигали, вынимая лишь ведро-“вкладыш” с мусором. Или слева под скамейкой.

Ефим написал записку об очередной встрече и оставил ее под скамейкой, приклеив на тщательно пожеванную жвачку. Он сидел еще немного, потом направился к выходу.

На сегодня — все. Ефим чертовски устал. Но жалеть себя не было времени. Ему осталось два дня. Третий — сегодняшний — уже практически кончился.

15. Велегуров, Береславский. Москва

Мы встретились с Ефимом, как он и просил в записке, и занялись тем, ради чего, собственно, планировали встречу. Ефим вкратце рассказал о своем пленении карликом — вот откуда страшная месть с багажником! — и последующем разговоре с Жабой. Хотя я и предполагал, что Прохоров нас не пощадит, новость была скорее печальной. Береславский смешно хорохорился, рассказывая, как крепко он боролся с врагами и смело им отвечал.

— Может, вам меня сдать все-таки? — спросил я.

— Ты что? За кого меня принимаешь?

— Тактическая комбинация, — пришлось оправдываться мне. — Скажете адрес, где я сижу, но за пятнадцать минут до их появления я исчезну. Вы честно старались, но не вышло.

— И что это даст?

— Важно вывести вас из игры. Не под прицелом вы будете более полезны.

Береславский вздохнул:

— Думаешь, я не вижу твоих ухмылок? Я не полный идиот, Сереж, и имею кое-какие принципы. Но здесь даже принципы не нужны. Я ведь немножко в людях разбираюсь. Из этой игры не выйти, даже если бы захотел. Может, и к лучшему: нет никакого соблазна стать подлецом.

— Вряд ли бы вы стали подлецом, — безо всякой лести заметил я. — Даже если бы имели возможность.

— Спасибо, — сказал Береславский. — Выходит, будем воевать вместе. Иначе нас убьют поодиночке.

— Я согласен воевать. Но как? — И я рассказал ему о плодах моих изысканий. В Госдуме Жабу не схватить. В дороге — тоже: машина бронированная, перемещается всегда с охраной и на большой скорости. Днем вообще не ездит, чтоб в “пробках” мишень из себя не изображать: видимо, врагов у него и без нас достаточно. Еще есть квартира и коттедж. В квартире Прохоров последний раз был полтора года назад. А в коттедж не пробраться. Все эти данные собрал я и мои небескорыстные помощники, “сданные” мне напрокат старым приятелем из структуры, курирующей МВД. Приятель помог по дружбе, бесплатно, но его сексоты трудились только материально мотивированно: половина шэфовых денег уже ушла. И, пожалуй, последнее: я нашел дом,

в котором Жаба, похоже, проводит свои конспиративные встречи. За четыре дня был там три раза.

Это было бы единственной возможностью грохнуть Жабу, но там столько охраны, что внутрь не сунешься. И снайперу делать нечего: “мерс”, не останавливаясь, делает поворот и исчезает в заранее открытых воротах гаража-подвала.

— Короче, надо кумекать дальше, — честно сознался я. — Пока у меня соображений нет.

— А у меня — есть, — вдруг сказал шеф.

Странно, но ему я поверил сразу.

— И как мы поступим? — спросил я.

— Какова бронепробиваемость винтовки Мосина на расстоянии примерно тридцати пяти — сорока метров?

— Вот это вопрос! — восхитился я. — Профессиональный. Только по движущемуся бронированному “мерсу” из трехлинейки палить — все равно что в белый свет. Тем более, стекла тонированные, и пассажира не видно. Может, его там вообще нет. Лучше уж из гранатомета, кумулятивным снарядом. Но, говорят, что у него броня с асбестовой прокладкой. А даже если не так — все это из области фантастики.

— А кто сказал, что по “мерсу”? — задумчиво переспросил Ефим Аркадьевич.

— А по чему же? — поразился я. — По даче? Или по Госдуме?

— По дому, который мы с тобой нашли.

— У него ж даже окон нет!

— Они есть. Просто заложены. В полкирпича. У меня подробные поэтажные планы. Я могу “привязать” его кресло к строительным осям с точностью в двадцать сантиметров.

— А если он кресло передвинет? Поудобнее устроится? Так и будем палить, время от времени? — поинтересовался я.

— Мы будем палить один раз, — спокойно сказал Береславский. — Одну-две обоймы. По геометрическому прицелу.

— А корректировщиком кто будет? — не выдержал я. — Секретарша его?

— Я буду корректировщиком, — подвел черту шеф.

— Да он не будет с вами больше разговаривать! Вы же сами сказали!

— Будет, — улыбнулся Ефим. — Я сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

— Трехлинейка капитальную стену не пробьет. А там еще перегородки. — Я все-таки, любопытства ради, посмотрел в тут же набросанную Ефимом схему.

— Я же сказал — там не капитальная стена, — упрямылся Береславский. — Там в полкирпича. Проемы заложены.

— Все равно. Стандартная пуля, калибр 7.62 мм, стандартный патрон. Даже если пробьет, куда полетит — неизвестно.

— А “СВД”? — спросил Ефим.

— Откуда такие познания? — улыбнулся я.

- Был в библиотеке, лазил в Интернет.
- “СВД” тоже не хватит. Калибр не тот.
- А противотанковое ружье? У него ведь 14.5? — не отставал шеф.
- Где мы найдем противотанковое ружье? — Вот ведь упорный!
- Это моя проблема, — сказал Береславский. — Нашел выход на “черных следопытов”.
- Откуда стрелять? — спросил я. — И что такое — 35 метров?
- Это сумма двух расстояний: от кресла Жабы до торцевой стены его дома. Плюс — ширина проулка за этой стеной. Напротив, через проулок, стоит дом. На втором этаже, тоже в торце, — студия звукозаписи. Звукоизоляция абсолютная, стреляй — не хочу.
- Там же окон нет! Глухой торец.
- И хорошо! Значит, нет и наблюдения за окнами.
- И на этом торце тоже висит реклама!
- Отлично! Видно не будет, как мы бьем амбразуру. А реклама на Жабьем доме нам поможет. Макет делал я. Схему крепления брандмауэра с геометрической привязкой мы уже получили. Теперь ты целишься в конкретную точку изображения, а за ней — лицо Анатолия Алексеевича. Все еще надо будет проверить, но примерно уже ясно. Помнишь, что там изображено?
- Да. Урод с сотовым телефоном.
- Стрелять будешь в середину дисплея. Траекторию и точку прицеливания уточним с теодолитом.
- Ладно, пусть так. Но все равно не понимаю, почему — через торец, через проулок, а не через улицу, по фасаду? Всего метров на 15 больше, зато, если стрелять с фасада, одной перегородкой меньше! Вот же она, на вашем плане, между кабинетом и секретарской!
- Объясняю, — невозмутимо, как в университетской аудитории, ответил Береславский. — В торце — огромное заложенное окно. И его параметры мы точно знаем. В кабинете же, с фасада, — узкое и высокое. Жаба может оказаться за капитальной стеной, а не за заложеным проемом. Это — раз. Два — если стрелять через большую улицу, слишком малое расстояние между мной и Прохоровым в момент выстрела. Его кабинет — пенал, понял? При стрельбе через проулок, может, смогу отойти на два-три метра влево, а через улицу — некуда. Только на ширину стола.
- А третье? — не выдержал я. Его уверенность начала меня завораживать. Не зря про него трепали, что умеет уговаривать всех: от клиентов до девчонок.
- А в-третьих, в доме напротив фасада расположен местный Отдел внутренних дел. Войти можно, а выйти после стрельбы — затруднительно.
- Ну, вы даете! — не выдержал я.
- Согласен попробовать? — спросил Береславский.

— Согласен. В пятницу, в 13.30.

— Почему? — удивился мой шеф.

— Потому что каждую пятницу он приезжает туда ровно в 13. И уезжает не раньше, чем через час.

— Что, такой пунктуальный?

— Пунктуальнее не бывает. По крайней мере, за последний год графика ни разу не нарушал. Кроме месяца в госпитале. — Поскольку Ефим Аркадьевич деликатно не стал интересоваться источником информации, я решил завершить тему: — И пасть будем не из вашей полувековой ржави. Пусть это будет "В-94".

— Калибр 12.7 мм, утяжеленные пули с металлокерамическим сердечником, прицельная дальность два километра, — спокойно сказал шеф.

Я обалдел. Похоже, в Интернете можно найти все.

— Действительно, хорошая штука? — спросил он.

Я молча кивнул. Мне не хотелось рассказывать ему о своем опыте работы с этим первым постсоветским стрелковым монстром, предназначенном, как писалось в инструкции, "для уничтожения легкобронированных и защищенных целей на близких и дальних расстояниях".

16. Береславский. Велегуров. Москва

Береславский никогда не был компьютерным фанатом, но некоторые работы нельзя было поручить никому. Скажем, файлы со всеми семью оригинал-макетами брендмауэров достал Тригубов. Сеня действовал по просьбе Ефима через свою старую подругу, Люду Зайцеву, ныне — главного дизайнера крупной компании "КММ — город", занимавшейся наружной рекламой. Ефим мог бы попросить и сам: под аббревиатурой "КММ" скрывался Коркин Михаил Михайлович, стародавний друг-конкурент, с которым Береславским было немало выпито и проговорено. Потому Ефим и не пошел сам, а попросил Тригубова. Коркин, выигравший полгода назад тендер на печать этих плакатов, мог заподозрить что-нибудь неладное. У дизайнеров же — свои отношения: Сеня объяснил, что они собираются этого уродца выставить на сочинский фестиваль рекламы.

— Надеетесь что-нибудь получить? — поразилась Зайцева.

— Нет, конечно, — не стал врать Тригубов. — Просто ребята хотят съездить за счет фирмы в Сочи. В мае там уже неплохо.

— Тогда — другое дело, — сказала Люда. — А может, тебе "превьюшек" хватит? Куда вам реальные размеры с разрешением 100 точек на дюйм? И зачем все семь? Это ж гигабайты получатся!

— Нет, давай лучше по полной программе, — попросил Тригубов. — Во-первых, выбор будет. А во-вторых, надо всегда все делать хорошо. Плохо — оно само получится. — Это была любимая поговорка шефа, и это было, пожалуй, единственное, в чем Тригубов соглашался с Береславским.

Он передал Зайцевой семь пустых компакт-дисков для записи файлов.

— И не говори никому, ладно? — попросил он. — А то наши боссы тендерились за этот заказ.

— Не проблема, — усмехнулась Люда. — Только одного не возьму в толк. Вы же сами и придумали это убожество. Куда файлы дели?

Сеня выдумал на лету, и как всегда — божественно:

— Людка, в этом все дело. Я отметил непоездку на Каннский фестиваль (Тригубову единственному из всей группы по неведомой причине буржуи не открыли Шенгенскую визу) и изрядно нажрался.

— Ну и что? — не поняла Зайцева.

— А то, что по пьяни расформатировал винчестер.

— Да, Сенечка. Лучше, чтоб ваш Аркадьич этого не знал, — по-матерински рассудительно заключила добрая Зайцева.

Через один час сорок минут — включая дорогу — Ефим держал в руках искомые файлы, а Сеня, так и не поняв, с какой целью его использовали, слегка обиженный, удалился к себе.

Дальше как раз и пошла работа, которую не передоверишь. Даже лучшим друзьям. Ефим тряхнул стариной, и на ноутбуке "Rover" с инсталлированным заранее Фотошопом аккуратно наложил требуемый оригинал-макет брендмауэра на нарисованную в масштабе торцевую стену Жабьего проклятого дома. Все размеры стены были сняты с планов, которые удалось-таки добыть ехидной подруге Зинке и ее мужу Лева. Последний поклялся всеми компьютерными клятвами, что в базе данных на сервере БТИ никто в жизни не узнает о копировании.

"Привязать" макет к стене по строительным осям помогла "живая" фотография брендмауэра, сделанная с натуры Мариной Ивановой. Тоже, конечно, относительно "живая": снимала-то Марина Ивановна цифровой камерой Береславского "Nikon-990".

Далее трудолюбивый Береславский тщательно разметил на макете несколько выбранных им точек: в тех местах, где рекламное изображение накладывалось на проекцию кабинета Жабьего. Кстати, при детальном изучении кресло Прохорова оказалось все-таки не за изображением дисплея, а точно под кнопкой перелистывания меню, расположенной строго по вертикальной оси нарисованной "моби́лы". То есть — чуть ниже дисплея.

Впрочем, не исключено, что целиться Велегурову придется малость выше или ниже этой кнопки: когда станет ясно, на какой высоте окажется амбразура в торцевой стене дома напротив.

Теперь Ефиму предстояло позаботиться о том, чтобы Жаба не отказался вторично его принять.

Он еще раз посмотрел на плоды своего труда. Композицию придумал Тригубов, однако Ефим, не желая впутывать своего друга в дурно пахнущую историю, дал ему "слепой" заказ. То

есть — только имитацию изображений и текстов. Подставлял же фотографии сам, по фор-эскизам, разработанным Сеней.

Фото Прохорова взял из журнала "VIP-story". Там было около десяти изображений Жабы — у него брали явно заказное интервью, из них одно точно подходило под творческие замыслы Береславского. Депутат был снят во время своей пламенной речи перед избирателями, в которой он клялся рвать на части криминалитет и коррупционеров. Выражение лица в точности соответствовало произносимому.

Ефим отсканировал страшное лицо, обработал с помощью специальной компьютерной функции полученное изображение. Дело в том, что "картинка" в журнале была отпечатана традиционным полиграфическим путем, то есть, если взглянуть в сильную лупу, вся состояла из множества точек четырех цветов: красного, желтого, синего и черного. Эти точки — растр — расположены не в случайном порядке (хотя в последнее время бывает и так: называется — "стохастическое" растрирование), а распределены по совершенно конкретным законам. Но сканер — тоже система, "срисовывающая" изображение по точкам. И тоже — не случайно распределенным. Поэтому если не предпринять никаких мер, итоговая "картинка" может затянуться "муаром", полиграфическим дефектом, "выползающим" при сложении двух организованных точечных структур.

Этого Ефим допустить никак не мог. Грохнуть г-на Прохорова из адского ружья — пожалуйста. А вот напечатать его изображение с браком — непорядок. Работа была недолгой, но требовала аккуратности. Закончив, Ефим полюбовался на результат. Единственно, что слегка свербило: Береславский, постоянно боровшийся за соблюдение Закона об авторских и смежных правах (даже его "Photoshop" был куплен совершенно легально, за 600 баксов, а не за 80 рублей на "Горбушке"), сейчас нагло воровал иллюстрацию у создавшего ее фотографа. "Ничего, переживет", — наконец, выписал он себе индугенцию.

Листовка получалась очень даже ничего. Впечатляла. "Мощно задвинул, Ефим Аркадьевич", — процитировал он про себя любимое изречение Хрюна, героя ежевечерней политическо-развлекательной программы "Тушите свет".

Действительно, недурно. На одной стороне, крупно, во всю страницу — хищное и жестокое лицо Прохорова, перечеркнутое прозрачной, но жирной и багровой, как кровь, надписью "WANTED!". С другой — краткий рассказ о событиях последних дней, начиная с "Зеленой Змеи". Из фамилий, кроме Жабы, упоминался только сам Береславский, и только — в третьем лице. Официально Ефим к этой бумаге отношения не имел. И собирался сделать все, чтобы эту бумагу нельзя было к нему официально "припечатать". Короче — типичная анонимка, героиня множества фельетонов эпохи развитого социализма.

Дальнейшие его действия были следующими. Используя личные контакты и наличные доллары, вывел фотоформы в дружественной компании. Цветопробы делать не дал и даже выведенные формы на световом столике проверил самолично. Таким образом, компьютерщики преппресс-бюро тоже сработали вслепую.

Затем поехал в чужую типографию и сделал то, что сам же считал максимально зазорным. За наличные деньги подкупил мастера, чтоб ему срочно "отогнали" "левый" тираж. Причем, за деньги, примерно вдвое выше, чем официальная цена. Выбор типографии был легко объясним: она принадлежала все тому же Анатолию Алексеевичу Прохорову. Мастера же Ефим знал со стародавних времен, хотя последние лет пять не поддерживал контакт: не любил его из-за тупости и жадности.

— Почему так много? — усомнился было тот.

— За срочность и секретность, — честно объяснил нелегальный заказчик.

— А забирать тираж будете вы? — поинтересовался мастер.

— Нет, — ответил Ефим. — Вам позвонят вот по этому телефону, — и он передал ему один из чистых, купленных Орловым по паспорту какого-то бомжа, "мобильников". — Привезете тираж, куда скажут.

— А деньги за транспорт?

Все же Ефим не любил особо жадных.

— All included, — сухо сказал он.

— Что? — не понял мастер.

— Все включено, — перевел Береславский и покинул обеспеченную им Жабью типографию.

Далее путь заслуженного рекламиста лежал в дружественный коммерческий еженедельник "Офис руководителя". Этих подставлять не хотелось: почти друзья. Поэтому поехал опять-таки не в редакцию, а в службу доставки. Здесь рекламный журнал паковали, вкладывали в него рекламные же письма и листовки, после чего с самого раннего утра целая армия курьеров разбегалась по огромному городу, чтобы к полудню разнести и развезти ни много ни мало — 50 000 экземпляров издания.

В саму службу рассылки Ефим не пошел, подождал в машине. Да и чего бы он там увидел нового? Длинные-предлинные столы в длинных-предлинных комнатах. И много-много женщин, от 15 до 80 лет. Мужчин почти нет: свихнутся от бесконечной и монотонной работы. И огромные шкафы-ячейки без дверок. Только номера: каждый соответствует личному номеру курьера.

Береславский не собирался "светиться" в этой фирме. Он дождался одного из своих бесчисленных знакомцев.

Наконец из "экспедиции" выскочил мужчина средних лет и с ходу запрыгнул в открытую Ефимом дверцу.

— Что за заказ? — спросил он.

— Здравствуйте, Степан Палыч, — поздоровался Ефим.

— Здравствуйте, — смутился тот. — Что будем рассылать?
— Понятия не имею, — глазом не моргнув, соврал Береславский. — Но деньги большие.

— А конкретнее? — “повелся” Степан Палыч.

— Сколько вы берете за отправление?

— А4? Без конверта?

— Предположим.

— 30 копеек.

— Один цент, — перевел в устойчивую валюту непатриотичный в данном случае Береславский. — Пятьдесят тысяч — пятьсот долларов. А в конверте?

— Чистом?

— Да. Просто заклеенном — и все.

— Тысячи в две с половиной встанет.

— А как вы смотрите, если я заплачу вам — (Бедный Орлов! — пронеслось в мозгу Ефима) — семь с половиной тысяч? При чем — минуя кассу.

— Хорошо смотрю, — недоверчиво заулыбался Степан. — А за что такая щедрость?

— За то, что вы работаете здесь последний день.

— Почему? — лицо Степана Палыча вытянулось.

— Я не знаю заказчика, — объяснил Ефим (“Надо же, вру — как пою, — подумалось ему. — Больше, чем за предыдущую жизнь”). И у него — большое желание остаться анонимным. Вам бы тоже лучше его не знать. Листовки получите, позвонив по этому телефону — Береславский передал слегка обалдевшему Степану бумажку с напечатанным номером. — В листовках — компромат.

— А дальше что?

— Дальше ваши упаковщики запечатают листовки в конверты...

— Какие упаковщики? — чуть не заорал Степан.

— Вы знаете, какие.

Информаторы Береславского работали хорошо. Тихий Степан Палыч набрал пожилых теток-украинок, и, сгрудив их в воюющем подвале, выполнял втихую ту же работу по упаковке, что и его фирма, только — дешевле. Клиентов он воровал у собственного хозяина.

— Что-то вы путаете, — неуверенно сказал он.

— Я ничего не путаю. — Ефим начал терять терпение. — Вы возьмете тираж, ваши бабки запечатают его в конверты, потом подложите эти конверты в вашей фирме — вы ведь старший смены. Их разложат по журналам “втемную”. Кстати, вот адрес, — Береславский передал Степану Ильичу еще одну бумажку, с координатами Жабьего дома. — Сюда отправьте обязательно. Можно даже два экземпляра.

— Но ведь уже к полудню узнают... — прошептал Степан Палыч.

— И так, и так узнают, — безжалостно сказал Береславский. Вора ему было не жалко, а вывести из-под удара непричастное экспедиционное агентство он считал себя обязанным. — Поэтому вы оставите письмо с раскаянием, но без упоминания меня. И уедете на родину, месяца на два. За это я вам плачу лишние пять тысяч долларов. Потом можете возвращаться, через два месяца это уже никого не будет волновать.

Степан Палыч молча соображал. После чего улыбнулся: сделка показалась ему неплохой.

— Можете написать, что вас заставили.

— Кто?

— Придумайте сами. Сейчас все валят на чеченцев. Хотите — свалите на эскимосов.

— А про мою... — замялся Степан.

— Подпольную фабрику? — ухмыльнулся Ефим.

— Д-да, — промямлил тот.

— Могила, — пообещал Береславский. — Нигде и никогда.

И заторопился по следующим адресам: в этот день он собирался выполнить то, на что в обычной ситуации ушло бы дня три, а то и больше.

Винтовка "В-94", конечно, могла бы нам помочь. Только где ее взять? Ее предверие, которое предлагал Береславский — противотанковое ружье, купленное у "черных следопытов", собиравших и восстанавливавших оружие военных времен, — для нашей цели не годилось.

Выход был один. И я позвонил в фирму, которая специализировалась на финансовом консалтинге, Алексею Анатольевичу Щелчкову, неудачно вербовавшему меня в киллеры в начале моей мирной жизни. Меня поразило совпадение имен: Прохоров — Анатолий Алексеевич. А тот, кто должен помочь мне "замочить" Прохорова, — Алексей Анатольевич. Что-то в этом было...

Щелчков встретил меня не просто радостно, а очень радостно. Он прямо-таки был счастлив. Я бы на его месте тоже прыгал до потолка, заполучив такого ликвидатора.

— Надумал все же? — он прямо светился.

— Да, — честно ответил я.

— А почему? Деньги понадобились?

— И деньги понадобились. И справедливости не хватает.

— Замечательно, — сказал он и потер от удовольствия ладони.

— Только сразу хотел бы предупредить... — Я старался быть предельно вежливым.

— Пожалуйста, — вскинулся Щелчков.

— Я — не один. Нас — маленькая группа. Все — профессионалы.

— Ну и хорошо, — сказал мой работодатель. — Но предел гонорара уже установлен. Выше — сложно. Если только чуть-чуть

или за особо сложные поручения, — торопливо добавил мой работодатель, увидев мою недовольную мину.

— Я не о том, Алексей Анатольевич.

— А о чем же?

— Есть правило уничтожать наиболее серьезных исполнителей, — “в лоб” объяснил я.

— Это не наше правило, — засуетился Щелчков.

— Это — общее правило, — ухмыльнулся я.

— Что же вы хотите?

— Чтобы к нам оно не применялось. Вы работаете только со мной. Вы знаете только меня. И отвечаете за меня лично.

— В каком смысле? — насторожился Щелчков.

— В прямом. Головой. — Я кинул ему на стол пачку фотографий. Мне этот момент очень запомнился из рассказа Ефима, и я решил воспользоваться.

На фото был сам Щелчков, его семья, его папа-пенсионер, его дети и даже его старый кот, вылезший на подоконник третьего этажа погреться на солнышке.

Ефим сфотал все отлично, и аппарат у него — супер, с двухсот метров снимает, как “СВД”. Он, правда, насмерть уперся насчет детей. Мол, понимает эффективность, но даже грозить ребенком никогда не станет. Еле уломал мужика, спросив, неужели он верит в то, что я могу выстрелить в ребенка? Береславского это убедило. Если бы он знал мою анкету, наверное, серьезней бы задумался.

— Это было лишним, — заметно побледнев, сказал Алексей Анатольевич и отодвинул снимки.

— Очень на это надеюсь, — галантно ответил я, не испытывая, впрочем, никакого раскаяния. — Итак, один или двое — в деле. Остальные страхуют от “отдачи” работодателя.

— Думайте, как хотите, — уже спокойно проговорил он. — Мы будем говорить о деле.

— Непременно, — согласился я и попросил показать товар лицом.

Передо мной легли фото трех немолодых мужчин, двое — как сейчас говорят, кавказской национальности, один — наш, славянин.

— Все — подонки, — бесстрастно сказал Щелчков.

— Цена? — поинтересовался я.

— Двое — по пятьдесят, один — шестьдесят.

“Как на базаре”, — подумал я. А вслух спросил:

— Который самый дорогой?

— Этот, — без раздумья ткнул пальцем Щелчков. — Дато. Четыре покушения. И личное кладбище гектара в два. Творит, что хочет. И не подступиться: очень сильные связи. Кого не достанет пулей, свалит прокуратурой или пиаром.

— И страна ничего не может сделать?

— А ты что, с Марса, что ли? — теперь уже ухмыльнулся мой работодатель. Он подробно рассказал мне о малой части деяний

Дато. Меня почему-то зацепила торговля людьми и продажа оружия в Чечню.

— Берусь, — сказал я. И осекся: согласно легенде, надо было сказать — берем. Во множественном числе. — Трафик его изучен?

— Нет у него траффика. На винтовочный выстрел вряд ли подпустит.

— Это уже мои проблемы, — сказал я. — Ваша — выследить.

— Слушай, давай за него возьмемся через месяц.

— Почему? — удивился я.

— У него завтра — юбилей. Ночью он улетает за границу. Вернется через месяц.

— Мне срочно нужна "В-94", и не через месяц, — сказал я. Оказалось, Щелчков не знал, что это такое. Надо же, немолодой рекламист знает, а в недавнем прошлом офицер — нет. Впрочем, им в штабах подобные знания были нужны не часто.

Я объяснил Щелчкову, что такое "В-94". Он задумался. Взял полчаса тайм-аута. Вернувшись, сказал, что это очень сложно. Я еще раз объяснил, что либо работа с "В-94", либо — отсутствие работы вовсе.

Он исчез на час с лишним. Я дважды пил кофе, и один раз — чай. Секретарши у него нет, все делал сам. Наконец он появился:

— Ваши условия приняты. Из гонорара вычтут 17 тысяч.

— Не многовато за ружьишко? — поторговался я. Киллер и должен торговаться. Он же убивает за деньги. Иначе какой он киллер?

— Очень редкое оружие, — оправдался работодатель.

Сошлись на пятнадцати из второй половины гонорара.

Через полчаса я получил деньги, два очень достойно выполненных фальшивых паспорта и адрес в подмосковной Балашихе, по которому завтра к вечеру меня будет ждать разобранная "В-94". Впрочем, не меня, а Ефима. Ему забирать "пушку", и я сильно волнуюсь, как он с этим справится. Однако, судя по прошлым достижениям, его шансы достаточно высоки. Мне же еще предстояло арендовать по чужому паспорту звукозаписывающую студию. Там их было целых три, на каждом этаже — по одной.

Думаю — тоже справлюсь.

В этом уютном кафе все было не похоже на модные рестораны. Не было ни дебильной позолоты, ни хрустальных "солнц", ни расфранченных, как с обложки глянцевого журнала, "мажоров". Хотя по серьезным джипам у входа легко можно было предположить, что здесь собирается не только трудовая интеллигенция. Здесь же стоял большой реанимобиль, увешанный красными крестами и поблескивающий фиолетовыми маячками. Хорошо хоть сирену не включил. Ефима почему-то нисколько не на-

сторожило присутствие "Скорой помощи". А даже наоборот — обрадовало.

Он, не раздеваясь, прошел прокуренный тамбур и направился прямо к небольшому угловому столику, занятому двумя мужиками примерно его возраста. Они-то и были нужны Береславскому.

Один, в очках и с бородкой, был посерьезнее. Второй же, заслышав любимую песню, вскочил со стула и, энергично размахивая руками, во весь голос помогал стоявшему на крошечной сцене певцу:

— "Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь!"

Увидев пересекавшего зал Ефима, он, не прекращая петь, приветливо махнул рукой.

— Здорово, Ефим!

Второй, с бородкой, тоже улыбнулся.

— Привет, мужики! — Береславский присел за их столик. Подоспевшая официантка тут же поставила еще один столовый прибор.

— Чего будешь? — спросил первый. Он был навеселе, но, конечно, еще не пьян. — Сегодня потрясающая рыба.

Сделав заказ и отдышавшись, Ефим приступил к деловой части визита. Впрочем, ребята облегчили ему задачу: как оказалось, один смотрел эфир, в котором Ефим клеймил неведомого врага.

— Я сразу тебе начал звонить, а ты исчез! Мобильник отключен! Разорился, что ли? — атаковал шумный.

— У меня теперь другой номер. — Ефим написал на салфетке "секретный" мобильный. Этим гражданам он верил, как себе.

— Так что стряслось? — спокойно спросил похожий на доктора второй. Он, собственно, и был доктором. Правда, еще и хозяином частной клиники.

— Есть проблемы, — сказал Береславский. Он не собирался втягивать друзей слишком глубоко, но одна их услуга была ему просто необходима. — Мне надо скататься в Балашиху и вернуться в Москву.

— И что тебе мешает? — радостно улыбнулся первый.

— Нужно исключить осмотр на посту ГАИ.

Друзья посерьезнели, но по-разному.

— Полтонны героина или труп, — усмехнулся доктор.

— Значит, во что-то влип — и молчишь? — укорил первый. — А мы уже не друзья?

— Друзья, друзья. Куда ж я без вас? Видите — приехал! Короче, мне на пару часов нужен реанимобиль. Если, не дай Бог, засыплюсь, скажу, что угнал.

— Спасешь нас, значит? Выведешь из-под удара? А то мы такие боязливые.

— Бросьте, мужики, — отбивался Ефим. — Просто я уверен, что справлюсь сам.

— “Колись”, говнюк, — вдруг совершенно не по-врачебному предложил доктор.

И Береславский внезапно “раскололся”. А, “расколовшись”, почувствовал колоссальное облегчение, только теперь осознав придавившую его ношу.

— Да-а, ты, старик, дал. А других выходов нет? Может, тебя в “психушку” на месяцок, а? Девчонок классных привлечем, за месяц отдохнешь и похудеешь. А этот твой урод забудет.

— На самом деле, это — вариант, — подхватил доктор. — Я его вчера по телеку видел, он долго не протянет. Нужно просто переждать.

— Сколько ждать? — спросил Ефим. — Месяц? Год? .

— Точно сказать трудно, но по его виду и дыханию я бы ему больше года не дал.

— А у меня осталось два дня, — тихо сказал Береславский.

— Неужели он на это пойдет? Фантастика какая-то!

— Пойдет. Я в таких вещах не ошибаюсь.

— Ты уверен, что твой план оптимален? — спросил первый.

— У меня просто нет другого, — честно ответил Береславский.

— Кошмар! Надо что-то придумать!

К столику подошел певец. Невысокий, с сильным, необычно окрашенным голосом, он не был сверхпопулярен как исполнитель, а его замечательные композиции исполняли другие, более “раскрученные” музыканты. Но Ефим любил песни этого человека не за их “раскрученность”, а за красивые мелодии и добрые слова. И еще за что-то неуловимое, что, собственно, и отличает любимые песни от просто песен.

— Что такие испуганные? — поинтересовался певец.

— Да тут такое дело, — начал доктор. — Ефим на войну собрался.

— Это серьезно, — хохотнул музыкант, но увидев собранные лица друзей, предложил в ополчение и себя.

— Отказать, — усмехнулся Ефим. — Мне нужно только одно: втащить винтовку в студию. Она весит 12 кг и главное — длинная, сволочь. Хоть и пополам складывается. Плюс — патроны.

— Какую студию? — профессионально встрепенулся музыкант.

Ефим назвал адрес. Тот аж подпрыгнул:

— Я тоже там пишу!

При более подробном выяснении оказалось, что его студия располагалась этажом выше, но в том же подъезде.

— Короче, — сказал певец. — В твою студию “вольту” занесу я. В чехле от контрабаса.

— А ты играешь и на контрабасе? — изумленно спросил Береславский.

— Я играю на всем, — хохотнул музыкант и лихо отбарабанил пальцами чечетку по столу. — Все, договорились.

Я не видел, как “скорая”, пробивая сиреной дорогу в “пробках”, мчалась в Балашиху. Мне об этом уже позже рассказал Ефим. “Втолкнув” винтовку в столицу, он перегрузил “В-94” в свой очередной “шарабан” — раздолбанный “Иж-каблук”.

Я, когда увидел его “аппарат”, чуть не всплакнул от жалости: это после “Ауди”-то! Но более всего меня поразил парень, притащивший мою винтовку в студию. Я несколько раз видел его веселую физиономию в телевизоре. Парень снял с плеча громадный чехол с контрабасом, но в нем лежал вовсе не главный инструмент джаз-банды, а моя долгожданная “В-94”. Только теперь я вдруг понял, что из безумной затеи Ефима Аркадьевича что-то может получиться. И еще одна мысль заполнила мой многострадальный мозг: “Теперь держись, Жаба!”.

— Больше ничего не изволите? — спросил меня музыкант.

— Спасибо, — ответил я. Обстановка не располагала к разговорам. И еще я очень не хотел, чтобы нас с ним засекали вместе.

— Счастливой охоты, — хохотнул тот и, выглянув сначала в глазок, вышел из комнаты.

Меня вдруг поразила легкость, с которой нам помогали. Да, друзья. Да, свои в доску. Но, видно, что-то не так в нашем королевстве, если бандиты, пришедшие к власти, дожимают нас до состояния, когда штатские берутся за оружие.

Студию я арендовал на три дня, с оплатой вперед. Даже паспорта не потребовали. Несколько бумажек с ликом американского президента заменили удостоверение личности. Я добавил еще три, и парень, который должен был помогать и присматривать за дорогой аппаратурой, исчез на три дня. Бумажка за день. Теперь руки развязаны. Здесь, в этой студии, мне выпало исполнить свою лебединую снайперскую песню. Лишь бы Ефиму удалось добиться аудиенции у Прохорова. Но теперь я почему-то гораздо больше верю в него.

Я, кстати, тоже вошел сюда с чехлом от музыкального инструмента. Только лежала в нем мощная дрель с перфоратором: амбразуры для стрельбы планировкой студии звукозаписи предусмотрено не было.

Изучив внутреннее помещение, выбрал точку и приступил к бурению. Шум и вибрации не вызвали беспокойства музыкальных соседей: выручило устройство студии. Все было отделано звукопоглощающими материалами. Снизу — специальный ковер. Стены и пол, из опять же специальных звукопоглощающих — в мелких дырочках — плит, были фальшивыми: от настоящих их отделяли полости, заполненные минеральной ватой.

Все это я “пробурил” молниеносно. А кирпич “сталинского” дома крошился так легко, что амбразура была готова уже через час работы. После чего настала очередь теодолита: надо было очень точно “привязаться” к ориентирам.

Закончив, прибрался и соорудил самодельный “станок” для винтовки. Получилось довольно удобно. Расчетная точка прицеливания оказалась чуть ниже горизонтали ствола, траектория шла сверху вниз под малым углом наклона. Хорошо, что под малым: пуля будет преодолевать стены по короткому пути. И хорошо, что сверху вниз: ей не помешает дубовый стол в кабинете господина Прохорова.

Я лег спать в хорошем настроении. Ждать осталось недолго. Неужели у нас получится?

17. Ивлиев, Бархоткин. Москва

Ивлиев открыл слезившиеся глаза и осторожно осмотрелся, стараясь не привлекать внимания к своей персоне. Сегодня дежурили двое — Карлик и Скунс. Если Ивлиев когда-нибудь и сбежит, то именно от этой пары.

Злой и в прямом смысле слова вонючий Джавад — это и есть Скунс, а второй — уродливый карлик Герман Бархоткин.

— Я отойду, — сказал Скунс Бархоткину, надевая пальто.

— Конечно, — занял карлик. — Зарплату — поровну, а сидеть — мне?

— А чего вдвоем жизнь убивать? — огрызнулся Джавад. — У него на ногах — веревки, на руках — “браслеты”. Куда он денется-то? — И коротко заржал: — Да если его теперь отпустить, он сам сюда припрется, за “дурью”.

— Тогда я пойду, — гнул свое Герман. — А ты оставайся.

— Куда тебе идти? — вызверился Скунс. — Я — к бабе. А ты куда?

— Не твое дело! — огрызнулся карлик. — У меня свои интересы.

— Знаем мы эти интересы, — снова заржал Джавад. — Уколется — и упасть на дно колодца.

— Не твое дело. А дежурить мы должны вдвоем.

— Кому я должен, всем прощаю, — сообщил Джавад. И с угрозой добавил: — Не вздумай вякать! Думаешь, я не знаю, как ты его колешь? Джавад не дурак, он все видит.

Карлик побледнел. Если про эти проделки узнает Вепрев, он вполне может “уволить” бойца, без учета прежних заслуг и выходного пособия. Нет, выходное пособие дадут — бесплатные похороны.

— Да чего ты в бутылку лезешь? — заскулил Бархоткин. — Что мне, жалко? Иди, куда хочешь. Просто боюсь, проверка заскочит.

— Скажешь, что в аптеку выскочил. За валидолом для старика. Тот на сердце жалуется.

— Ладно, — согласился Бархоткин. Теперь он уже сам с нетерпением ожидал ухода Скунса, так как приближалось время укола, и бедняга ощущал знакомое всем наркоманам сладкое, нежно сосущее душу, нетерпение.

— Уколемся, дед? — весело предложил карлик своему пленнику.

Ивлиев пристально посмотрел на Германа. Он испытывал к нему двойственные чувства. С одной стороны, его глодал стыд при воспоминании о бесславном пленении. С другой — не покидала жалость к этому дважды обиженному судьбой человеку.

— Давай, — благодушно согласился он.

Герман скрылся на кухоньке, а “дед” в который раз пошевелил веревки на ногах. Шесть дней “дезы” (он убедительно лгал про больные вены, и узлы на ногах действительно сильно не затягивали) и постоянных физических усилий сделали свое дело: от веревок можно было освободиться за пять минут целенаправленной работы. С “браслетами” дело обстояло хуже: хорошо хоть руки были сложены впереди, а не закручены за спину, как в первые два дня плена.

Карлик вернулся довольный, неся в руках медицинские приспособления.

— Давай, дед, руку, пока не “пришло”, — благожелательно сказал он.

— Опять больше половины отожрал? — притворно “разозлился” Ивлиев.

— Тебе хватит, старик, — буркнул Герман.

— Если еще раз столько “скрысишь”, я доложу вашему главному.

— Можешь и не дожить до доклада, — огрызнулся Бархоткин.

— Я-то доживу, я персона неприкосновенная. А ты зря рискуешь.

— Почему — зря? — не понял карлик.

— Потому что дневной дозы хватит на троих, если правильно колоть.

— Как это?

— Так это, — ворчливо передразнил Ивлиев. — Думаешь, ты первый на “баяне” играешь? Да мы еще с Афгана эти фокусы знаем.

— Какие фокусы? — уже заинтересованно спросил Герман.

— Ты сколько “скрысил”? Только честно.

— Половину, — скромно проговорил карлик.

— Значит, две трети. Осталась треть. Хочешь, покажу, как ее по полному кайфу хватит еще на два “удара”?

— Такого не может быть, — неуверенно возразил карлик.

— У дураков не может, у умных — запросто. Ты же, когда вливаешь в вену, половину чистишь печенью. Впустую выбрасываешь, понимаешь? — Ивлиев бессовестно врал, будучи уверен, что Бархоткин вряд ли представляет себе анатомию и физиологию человеческого организма.

— Ну...

— Что — ну?

— Понимаю. Что дальше?

— А дальше то, что если правильно ткнуть — в малую вену у селезенки, — то и трети дозы будет довольно. “Приход” гарантирован, а денег в три раза меньше. И печень не “посадишь”. Понял теперь?

— Понял. Только я не умею.

— Я тебе покажу, — сказал “дед”. — Это не трудно. У нас “сагаги” с первого раза попадали. А даже если промажешь, не криминал. Просто кайфа будет меньше, и все.

— Давай, — согласился карлик.

— Сними мне “браслеты”, — попросил Ивлиев.

— Нельзя, — расстроился Бархоткин, но сообразив, что даже со свободными руками “дед” безопасен, пошел за ключом от наручников.

Ивлиев долго растирал пальцами затекшие руки, игнорируя призывы Бархоткина, боявшегося скорого возвращения Скунса. Закончив массаж кистей, он приказал Бархоткину сесть поближе. Тот подсел на стул рядом с койкой.

— Видишь, — самозабвенно врал он. — От низа желудка наискосок к селезенке. Ровно посередине — малая вена. Она единственная обходит печень. Сюда и будем колоть. До нее — меньше сантиметра, сильно не втыкай. Если промажешь, ничего страшного. Заряжай “баян”: если попадем точно — и четверти дозы должно хватить.

Всерьез поверивший Герман попросил:

— Покажи точно — куда.

— Сюда, — ткнул сухим пальцем себе в низ живота Ивлиев.

Карлик инстинктивно приблизился, поточнее нацеливаясь иглой, и получил внешне несильный удар в лоб. Косточки оснований пальцев Ивлиева негромко стукнули о мощную лобную кость карлика, и Бархоткин беззвучно сполз на пол.

— Мы в расчете, — пробормотал “дед”. Он быстро, но без спешки, развязал веревки на ногах. Пошатываясь, встал, с трудом прошелся по комнате и поплелся обыскивать помещение. Десять минут кропотливого труда не дали ничего: нора действительно служила только для укрытия. Зато Ивлиев обнаружил свой “АПС”, лежавший в огромной кобуре прямо у входной двери. Он деловито проверил обойму, после чего вовсе перестал торопиться: теперь ему даже хотелось, чтоб сюда пришло как можно большее количество злобных врагов.

Скунс пришел через двадцать минут. Открыл дверь своим ключом, вошел в темный коридорчик и тут же получил страшный удар в лоб рукояткой огромного пистолета.

“Дед” снял с Джавада “Иж-71” и сотовый телефон: в квартире иной связи не было. Набрал номер Ефима. Не отвечает.

Номер “Беора”. Сняла Марина Ивановна. Новостей пока не было. Ефим на работе не появлялся.

Третьим был частный номер генерала, не указанный ни в одном телефонном справочнике. Он сразу ответил, и, выяснив ситуацию, немедленно выслал людей.

“Дед” вернулся к пришедшему в себя Бархоткину.

— Менять тебе надо, парень, работенку. На этой долго не проживешь. Я ухожу. Если хочешь остаться на свободе, тоже сматывайся. Позвони мне в “Беор”, оставь сообщение, я помогу тебе устроиться в пансионат. И бросай этот бизнес. Он не для тебя.

Ивлиев направился к выходу. Аккуратно обошел распластанное тело Скунса. Уже у двери в последний раз обернулся.

Карлик почти не изменил позы. Только теперь в его дрожащей, прыгающей руке был точно такой же “Иж”. Ивлиев, не веря глазам, смотрел в пляшущий ствол.

— Ты что, придурок! Не вздумай! — крикнул он.

Но тот, пересиливая предательскую дрожь руки, уже фиксировал цель.

Грянул оглушительный выстрел. Вся маленькая квартирка наполнилась горьким и удушливым пороховым газом.

Бархоткин продолжал сжимать в руке свое табельное оружие, но вместо его левого глаза было противоестественное окровавленное отверстие, пробитое мощной пулей “стечкина”. Эта же пуля изрядно порикошетила между бетонных стен комнатенки, прежде чем погасила свою колоссальную энергию.

“Боже ж ты мой!”, — только и подумал Ивлиев, закрывая за собой дверь квартиры, в которой провел, может быть, самую худшую неделю своей жизни. Отвратительно началась, отвратительно продолжалась, отвратительно закончилась...

18. Прохоров, Велегуров, Береславский. Москва

Вепрев сидел напротив своего всемогущего босса, украдкой изучая на его лице следы съедающего Прохорова недуга. Но если раньше физическая слабость Жабы пугала Константина, то сейчас чувства были двойственными. Вепрев — живой человек, и ему вовсе не улыбалось идти на смертельный риск по глупой — именно глупой! — прихоти даже самого крутого босса.

Кассеты нет — значит, и реальной опасности нет. А из-за непонятных принципов так безрассудно рисковать! Да, ему, Вепреву, неделю назад, когда он только получил задание разобраться с шустряками-рекламистами, работа тоже не казалась сложной. Но профессионал тем и должен отличаться от уличного хулигана, что ярость не должна застилать ему глаза.

Акция оказалась обоюдоострой — почему бы не поискать компромисса? Вепрев и сейчас не боится Велегурова и его очкастого шефа. Хотя, скажем так: начинает их всерьез опасаться. И тем не менее, он, как профессионал, готов сражаться с кем угодно. Но из-за чего? Было бы из-за чего!

Если б Жаба был нормален, Константин высказался бы прямо. Но он не забыл, как Прохоров пообещал показать дорогу к Блондину, как известно — покойному, погребенному под тремя метрами мусора на полигоне захоронения твердых отходов. Ладно, Блондин сдох за дело. А за что Прохоров грозил ему? За то, что попытался высказать здравое сомнение в планах Жабы.

И тут до Вепрева вдруг дошло, что, может, логика Прохорова и в самом деле недоступна для него. Ведь Прохоров уже умирает. Он практически полутруп. Эллочка, предвидя недалекое будущее, сказала вчера, что приступы происходят уже по два-три раза в день. А врач шепнул ей, что осталось недолго. Так что логика Прохорова — это логика умирающего. Но он-то, Вепрев, собирается еще пожить...

Бунтарские мысли прервал тихий клекочущий смех босса.

— Ты, часом, меня не похоронил?

— Да что вы, Анатолий Алексеевич! — искренне испугался Константин. — Вам, вроде, намного лучше! По крайней мере, внешне.

— Так что у нас там? — спросил Прохоров, приглашая к деловой части разговора.

— Неважно, — честно сознался подчиненный.

— А что так? — все еще улыбаясь, спросил босс.

— Мы недооценили их возможности.

— Валяй. Говори открыто. — Прохоров откинулся на спинку дорогого кресла. И Вепрев вдруг решился:

— Мы неверно их определили психологически. Решили, что, удалив Ивлиева, лишим их силового прикрытия, а, главное, воли.

— А что получилось? — подбодрил Жаба своего замолчавшего подчиненного.

— На мой взгляд, мы перестарались.

— В каком смысле?

— Зажали их в угол. Угрожаем отнять у них самое дорогое. Практически вынудили их к безрассудному сопротивлению. Помните ориентировку на Велегурова? Он же псих! Его единственная жизненная мотивация — эта девка. Береславский — то же самое.

— Тоже псих? — усмехнулся Прохоров.

— Нет. Но ему тоже не оставили выбора. В итоге он стал таким же "отмороженным", как Велегуров. А неумение стрелять компенсирует связями и активностью. С Ивлиевым тоже не складно получилось.

— Что такое?

— Утром он бежал, — вздохнул Константин. — Бархоткина грохнул. Насмерть. Хотя, может, это к лучшему. Его все равно надо было выпускать. Мы планировали изъять старика на три дня, а держали неделю. Как бы не законфликтовать с его коллегами. А теперь, с трупом, им тоже лучше замять.

— Какие еще результаты? — спросил Прохоров. Улыбка исчезла, лицо стало привычно непроницаемым.

— Сегодня — последний день ультиматума Береславскому, — опустив глаза, сказал Константин.

— Каковы ожидания? Только откровенно.

— Неважные у меня ожидания, — честно признался подчиненный. — Мы его знаем по нынешним контактам. Он не сдаст Велегурова. И он что-то затеял. За эти дни дважды уходил от слезки. Долго был вне поля зрения.

— А заменить твоих лохов некем?

— Он действительно здорово водит машину. И легко идет на риск.

— Почему, черт возьми, ты его боишься? Почему, имея десятки бойцов и неограниченные финансы, ты кого-то боишься?

— Потому, Анатолий Алексеевич, что мы необоснованно и собственноручно родили себе опаснейших врагов! Я по-прежнему считаю, что я с ними справлюсь...

— Нет, — огорченно вздохнул Прохоров. — Не справишься ты с ними. Ты усомнился в командире, Вепрев. И это твоя непростительная ошибка.

— Я все-таки хотел бы довести дело до конца, — невозмогая страх перед этим живым трупом, сказал Константин. — Вопрос профессиональной чести.

— Нет, Костик, — отказал Прохоров. — Ты будешь заниматься другими вопросами. А дела завтра сдашь новому человеку. Я при вас подпишу приказы.

В кабинет вошла дрожащая секретарша Эллочка. Она не просто была испугана, она именно дрожала, сжимая в вытянутой руке сложенную вдвое бумажку.

— Что это? — спросил Прохоров.

— Это вам, Анатолий Алексеевич. — Чуть не плача, Эллочка протянула ее Жабе.

— Ну, что еще тут, — буркнул тот, выхватывая своей лапой листовку. Развернув, посерел. Потом молча отдал Вепреву. Константина затопила бешеная радость возвращения к жизни: неизвестно — насколько, но — прощен.

В листовке, столь старательно подготовленной в "Беоре", был, как и следовало ожидать, красочный рассказ о злодее-депутате.

— Тираж? — спросил посиневшими губами Прохоров.

— Я не знаю. Это лежало в газете "Офис руководителя". В конверте.

— Примерно пятьдесят тысяч, — тихо подсказал Вепрев. — Если что-то еще не развезли, можно купировать.

— И еще он звонил... — дрожащим голосом продолжала Эллочка.

— Кто?

— Этот... Береславский. Который был у вас в прошлый раз.

— Почему не соединила?

— Вы не велели — Эллочка заплакала. — Он два раза звонил. Первый раз — полчаса назад.

— Чего хотел? Дословно!

— С вами соединиться. Я сказала, что вы заняты.

— А он? Дословно!

— Сказал, что у него есть предложение, от которого вы не сможете отказаться.

— Сволочь! — стукнул по полированной поверхности могучим кулаком Прохоров. — Начитался книжек! А второй раз?

— Только что. Спросил, не получила ли я газеты. Я сказала, что получила — только что охранник принес. Он попросил развернуть.

— Сволочь! — еще раз выругался босс. — Что он сказал?

— Чтобы я показала вам листовку.

— И все?

— И что он через десять минут перезвонит.

Жаба внезапно повернулся к Константину и улыбнулся. Но такой улыбкой, что Вепрев решил при любом исходе дела сменить работу.

— Я даю тебе шанс, — сказал Прохоров. — И давай подождем звонка. Иди, Эллочка, и ничего не бойся. Когда этот... — у Прохорова не нашлось слов, — позвонит, переключишь звонок на меня.

— Он где-то рядом, — сказал Прохоров Вепреву.

Минут пять они сидели молча, пока телефон, наконец, не зазвонил.

— Да, — спокойно произнес Жаба, переключая разговор на внешний микрофон.

— Здравствуйте, Анатолий Алексеевич, — вежливо поздоровался Береславский.

— Здравствуйте, — сдерживая гнев, ответил Прохоров. — Вы все-таки не выполнили нашу просьбу.

— Нет, — честно ответил Ефим Аркадьевич. — Не выполнил.

— А жаль. Ваша заметка, конечно, очень неприятна для политика, но это дело адвокатов. наших с вами взаимоотношений она не меняет.

— Какая заметка? — живо поинтересовался Береславский.

— Что вам надо? — не реагируя, спросил Прохоров. — Вы меня интересуете только в том случае, если покупаете наши акции.

— Меня не интересуют ваши акции, — спокойноотреагировал Ефим. — Более того, я хотел бы предложить вам купить наши ценные бумаги. Это может спасти вас от разорения.

— От чего? — усмехнулся Жаба.

— От разорения, — повторил Береславский. — А также от краха, катастрофы, депрессии, СПИДа и кровавого поноса. Выбирайте, что нравится.

— А вы не просто наглец, — даже с каким-то удовлетворением произнес Прохоров.

— Да, не просто, — согласился собеседник. — Наглость — это попытка добиться чего-либо без весомых аргументов. А у меня — серьезный бизнес.

— Что вы предлагаете?

— Я хотел бы к вам сейчас заглянуть.

— С какой целью?

— Сделать вам предложение, но только лично.

— Когда вы будете здесь?

— Через пять минут.

— Хорошо.

— Чего он хочет? — спросил Вепрев.

— Помнишь роман, из которого он берет цитаты? — вопросом на вопрос ответил начальник.

— Да.

— Там молокосос убил двух крутых сразу. Именно потому, что от него этого не ожидали. И еще потому, что, как ты говоришь, его загнали в угол.

— Догола обыщем, но оружия у него не будет.

— Да уж, пожалуйста, — улыбнулся Прохоров. — Не может быть у такого уroda ничего серьезного. Не тот ресурс. А если он романтично припрется сюда с “пушкой”, это все упростит.

Когда Ефим перезвонил, у меня упало сердце. Пожалуй, только теперь я понял, во что ввязался.

Он пошел в дом Жабы. А я остался здесь, у амбразуры, закрытой полиэстровой сеткой. Береславский меня во все уже поспешил. Баннерная ткань, на которой печатают наружную рекламу, это поливинилхлорид, армированный полиэстровой сеткой. Просто-таки необходимая мне информация. Особенно — сейчас.

Я достаю нож и вырезаю кусок, закрывавший сектор обстрела. Конечно, дырку 15 на 15 см на фоне здоровенной “драпированной” стены не очень-то заметишь, но именно сейчас наблюдение может быть усилено. А может, и нет. Режим секретности нашего мероприятия, похоже, удалось сохранить.

Я навожу прицел на искомую точку нарисованного на баннере “мобильника”.

Все. Я готов.

Самый тщательный обыск — заглянули во все места — не помог обнаружить оружия. Вепрев снизу поставил в известность босса.

— Что делать дальше?

— Поднимай сюда, раз пришел, — велел Прохоров.

— Ну, что, последний герой, — встретил он улыбкой Ефима. — Что задумал? Чем нас губить решил? Я уж думал, вы к нам с “пушкой” или ядом.

Ефим, посаженный на стул против кресла Жабы, взглянул на часы: двадцать две минуты второго. Всей спиной и затылком он

остро чувствовал чудовищную дырку ствола "В-94". Но как передвинуться, пока не знал.

— В течение ближайших десяти минут я открою карты, — твердо пообещал Береславский.

— А не боитесь, что вам не удастся прожить эти восемь минут? — мягко спросил Анатолий Алексеевич.

— От вас всего можно ожидать, — ответил гость. — Хочу, чтоб вы знали: два человека с разных точек снимали мой вход в это здание. Они же должны увидеть меня выходящим отсюда. — Конечно, он блефовал, но кто за оставшиеся неполные восемь минут проверит? — И еще. У меня забрали сотовый телефон. Он у вашего помощника. А мне нужно обязательно позвонить, чтобы успешно закончить беседу с вами.

— Что за звонки? — посуловел Прохоров. — По-моему, вы просто заигрались. Выкладывайте, зачем пришли, или проваливайте отсюда.

— Мне нужен мой телефон, — упрямо стоял на своем Береславский. — Раз приняли меня, так выслушайте до конца. А для этого мне надо позвонить.

— Звоните по настольному. — Прохоров указал на свой телефон с корпусом из красного дерева.

— Могу и по настольному, — согласился Береславский и набрал номер. Произошло соединение. Но — никто не отвечал! Что за черт? Ефим еще раз набрал номер, проверяя каждую цифру. Длинные гудки текли один за другим, сливаясь в сплошную тоскливую мелодию. "13.27" — показывали настенные часы. Отвечай же, черт! Дать команду "Огонь!" и отскочить в сторону. Пока эта Жаба выползет из кресла, Серега сумеет выпустить магазин, а то и два! Отвечай же, Велегуров!

— Сдается мне, вы просто морочите нам голову, — скрипучим голосом произнес Прохоров. — А зря. Если не сдашь Велегурова, — лицо Жабы исказилось гневной гримасой, и он, сам того не заметив, перешел на "ты", — смерть и тебе, и твоему отродью.

— Не торопись, Жаба, — неприятно улыбнулся Ефим. Они на миг стали чем-то похожи — два человека, желающие убивать. — Может, ты раньше сдохнешь.

— Возьми его! — как собаке, крикнул Прохоров Вепреву. — Бей его! Гони отсюда! Завтра же ликвидируй его! — Он посинел, закашлялся, согнулся. Из полуоткрытого рта на полированную поверхность стола потекли слюни.

Помощник подскочил к нему, и, развернув кресло, с натугой перетащил тушу босса на кожаный диванчик, стоявший в нескольких метрах левее стола. Через минуту Прохоров уже сидел, медленно приходя в себя и бросая бешеные взгляды на стоявшего с трубкой в руке Ефима. А в трубке все так же пищали длинные гудки.

— Давай же, черт! — в ярости выкрикнул Ефим. — Отвечай, Велегуров!

И Велегуров ответил.

Когда телефон, наконец, зазвонил, я отреагировал мгновенно. А именно: засунул руку в карман штанов. И — о, ужас! — телефон звонил, а достать его я не мог! Он провалился в небольшую дырку и застрял в подкладке. Дырка оказалась достаточной, чтобы пропустить в себя крошечный “Нокиа”, но недостаточной, чтобы туда влезла моя ладонь. Я судорожно рылся в кармане, благодаря Бога, что предварительно заблокировал клавиатуру и не рисковал отключить звонок. Однако “Нокиа” отключился сам.

Я чуть не спятил. Потом быстро снял брюки и, вывернув карман, выдрал-таки телефон. Оставалось ждать, когда Ефим перезвонит. Если он не перезвонит, это я его убил. Я чуть не помер, ожидая.

Но он перезвонил.

Я нажал на кнопку приема и услышал родимый, совершенно спокойный голос:

— Он левее метров на четыре-пять. И ниже сантиметров на тридцать. Действуй!

Слава тебе, Господи, эта ситуация — штатная. Моя самодельная тренога позволяла изменять сектор обстрела в любую сторону, а приспособленный к ней транспортир мгновенно переводил метры в градусы. Я навелся и нажал на спуск.

“В-94” заметно, несмотря на дульный тормоз и снабженный амортизатором приклад, дернулась, зато звука, опять-таки несмотря на безумные заряды, дала не много: глушитель был сделан правильный.

— Еще метр влево, еще полметра вниз, — спокойно корректировал Ефим.

Я нажимал на спуск, слушал Ефима, снова нажимал на спуск, в перерывах перезаряжая ружье.

“Только бы попасть, — мечтал я. — Только бы попасть. Иначе Ефим живым оттуда не выйдет. Неввзирая на все его соображения относительно странного поведения прохоровского главного палача — Вепрева”.

Огромные пули, как неведомые науке железные жуки, врывались в кабинет, с треском прорывая дубовую обшивку стенных панелей. И уже почти бесшумно его покидали: задняя стена была завешена большим ковром.

Прохоров, сразу поняв, в чем дело, вжался в диван и боялся дышать. Когда начали стрелять в него, он оказался не таким смелым, чем когда по его указаниям стреляли в других. У него, похоже, снова начинался приступ, он кидал то умоляющие, то убийственные взгляды на Вепрева и Береславского. А те единодушно хотели лишь одного: чтобы в Прохорова попала пуля, и его не пришлось бы душить руками. Отступать обоим было некуда, и оба это понимали.

После каждого выстрела от стен отлетали здоровенные щепки. Очередная пуля разбила люстру, засыпав осколками стол и ковер.

— Ш-ш-ррр-хх! — влетел в кабинет очередной подарок Велегурова, но достался он другу: пуля, видимо, задев стальную арматуру, срикошетила и прошла касательно через мягкие ткани плеча Береславского.

Он скривился, однако, как настоящий боец, продолжил корректировать огонь. Впрочем, уже к пятому или шестому выстрелу Береславский, будучи не только бойцом, но и инженером, понял бессмысленность своего занятия. Грубая корректировка была возможна, точная — нет: преодолеваемые препятствия изменяли траекторию полета даже таких тяжелых пуль.

Поэтому Ефим вскоре замолчал, чтобы не отвлекаться от своих горячих мольб к Богу. Он просил только одного: чтобы Прохорова убила пуля, и его бы не пришлось душить. Другого способа Береславский не видел.

— Сволочи, — просипел Жаба с дивана. — Убью, сволочи!

Прохоров попытался встать, но в кабинет влетела очередная пуля, его шатнуло, и он снова упал на диван. Теперь — плашмя. Мольбы Береславского услышаны не были. “Так — точно не попасть”, — с горечью поняли теперь уже “подельники” в другом конце кабинета. Слишком мала эффективная поражаемая поверхность. Ефим хотел остановить бесполезную стрельбу, но она остановилась сама: у Велегурова кончились патроны.

Береславский пересилил себя и сделал шаг к Жабке. Прохоров, лежа на спине и тяжело дыша, с ужасом смотрел на безмолвно приближавшегося Береславского. Его огромная гороподобная грудь беспорядочно тряслась, а из гортани доносились сип и свист. Странно, но этические проблемы больше не занимали сознание Ефима. Теперь он думал о том, как “отмазаться” от убийства. Он не сомневался, что вновь приобретенный “друг” Вепрев мгновенно заложит его. А может, и сам пристрелит. После совершения преступления, разумеется. Эллочка расскажет все так, как он ей велит.

Да, задача! Но сейчас надо разобраться с Жабкой.

А Прохоров стал как будто не в себе. Он как-то странно булькнул горлом, широко раскрыл рот, глотая воздух. И — замолк! Голова бессильно завалилась набок.

Ефим подошел к нему вплотную, нагнулся...

— Он сдох! — восхищенным шепотом сообщил оставшийся за спиной “союзник”. Береславский еще раз недоверчиво посмотрел на поверженного врага. — Он сдох, клянусь! — Вепрев был в полном восторге. — Слушай меня, Ефим Аркадьич!

— Мы вместе или нет? — Ефим развернулся к Вепреву.

— Конечно, вместе! — обрадовался тот. — Эта тварь собиралась меня в расход пустить!

— Ясно. У вас тут свои причуды. Значит, так. Тушу — вниз. На плечах. С рвением и слезами. Вызывай “Скорую помощь”. Пусть

его увезут. Только щепки с него стряхни. Сюда — никого. Эллочку предупреди сам. Завтра лично займись ремонтом. Или особо доверенные люди. Внизу скажи, что Прохоров сдох... Все понял?

— Да, — ответил Вепрев и вышел. План полностью его устраивал. Не зря ему не хотелось ссориться с Береславским.

И тут Ефим вспомнил про телефон. Трубка по-прежнему лежала на столе, обильно посыпанная осколками люстры. Ефим подошел к столу, взял ее здоровой рукой.

— Ефим, ты слышишь меня? Ефим, отзовись, — монотонно ныла трубка голосом Велегурова.

— Слышу, слышу, — ворчливо отозвался Береславский. — План “Е”, понял?

— Как там у вас? — охнул от радости голос на том конце.

— Все в порядке, — заявил Ефим. — Бобик сдох.

Все. Конец.

Можно жить дальше.

19. Велегуров, Аля. “Зеленая Змея”

Мне не очень хорошо в моей мирной жизни. Да, я счастлив, что я — живой, и живая Алька рядом. Да, я уже неплохо продаю эти чертовы мобильные стенды: во всяком случае, за последний месяц у меня вылезает зарплата, существенно превышающая средне-“беоровскую” и, откровенно говоря, вполне достаточная для спокойной жизни вдвоем. Нет — втроем, потому что скоро из Америки прилетит Федор, младший брат Аленьки.

Да, я безумно рад, что безнадежная дуэль с Жабой закончилась. Но... Не знаю, как это выразить словами. Наверное, если в лоб — мне становится скучновато. Мой мозг привык к другому уровню эмоций. И к другому уровню напряжений. И их не воссоздать какими-нибудь горными лыжами или затяжными прыжками с парашютом. Их не воссоздать даже охотой на тигра. Потому что только охота на человека, — вооруженного и очень злого человека! — производит такой выброс адреналина в моей крови.

Короче, я снова хочу в командировку.

Я внезапно понимаю, что сейчас мы едем совсем рядом с тем местом, где в конце осени определилась моя судьба. Только тогда мы ехали в Москву, а теперь — в сторону Ногинска.

Я бросаю взгляд на Альку. Она сидит справа, на переднем пассажирском месте, и это единственное, что отличает сегодняшнюю ситуацию от тогдашней, когда мы с ней познакомились. Не считая, конечно, того, что тогда она была почти раздета, а теперь на ней роскошная шуба, на которую ушли остатки денег.

А едем мы в “Зеленую Змею”, где я так конкретно пообщался с Блондином. Он, скорее всего, уже мертвец, а при его имени у меня все равно закипает кровь. Едем по приглашению Вепрева. Этот хитроумный ублюдок, внезапно унаследовавший кусочек

Жабьей империи — ЧОП и ресторан контролировались Вепревым лично, — очень хотел поддерживать с нами хорошие отношения. А потому сам предложил выдать не полученную Алькой почти за полгода зарплату. Это — больше тысячи долларов, что для нас никак не лишнее.

Вторая моя цель — наступив на собственное горло, снять с Альки прошлые комплексы. Она в этой поганой “Змее” была рабыней. А теперь придет, если не госпожой, то уж, по крайней мере, почетным гостем. Пусть почувствует разницу. Жизнь нам предстоит длинная, и она должна идти по ней с поднятой головой.

Ничего не изменилось в этом местечке, предназначенном для культурного отдыха непростых людей. Также зеленела, отбрасывая на снег всполохи, газосветная вывеска, также висела на тяжелой стеклянной входной двери аккуратная вывеска “Мест нет”. Но теперь мне не придется “зелененькими” пробивать себе дорогу: сам г-н Вепрев, личной персоной, вышел меня встретить. Да и незабвенную “девятку” Ефима Аркадьевича уже не надо ставить подальше от глаз охранника. Наоборот, теперь он за ней будет присматривать.

— Пошли, дорогая, — весело предложил я Альке.

— Может, поедом отсюда? — почти прошептала она.

— Нет, милая. Мы пойдем туда обязательно. Ты теперь другая, и ты должна это прочувствовать. Мы, как-никак, победили.

— Не хочу я туда, — вздохнула она, но дверцу со своей стороны открыла и легко, несмотря на пышную шубку, выскользнула из салона.

— Пойдем, пойдем, — засмеялся я. — Видишь, нас встречают?

Вепрев подбежал ко мне чуть не с распростертыми объятиями.

— Как доехали, Сергей Григорьевич? — любезно поинтересовался хозяин.

— Отлично, Константин Павлович, — соответственно ответил я.

— Пойдемте в ресторан? — улыбнулся Вепрев. — Начнем с ужина?

— Давайте лучше начнем с деловой части. — Я уже понял, что Алька, подчинившись моей воле, на ужин, тем не менее, не настроена.

— Хорошо, — отнюдь не огорчился Вепрев. — Это наши добрые друзья, — объяснил он охраннику, пропуская нас внутрь. — Последи, чтобы с машиной ничего не случилось.

— Машина будет в полной сохранности! — отрапортовал боец. Похоже, нашего недавнего противника тут уважают.

Мы прошли в зал. Здесь ничего не изменилось. Так же полыхали сине-фиолетовые всполохи, отраженные от зеркального шара и — с меньшей интенсивностью — от обширной лысины бармена. Виталий Архипович Иванников, если память меня не подводит. Он сильно не любил Блондина, но еще сильнее его бо-

ялся. И моим союзником так и не стал. Все равно я хорошо к нему отношусь, потому что он хорошо относился к Альке.

— Алька! — раздался отчаянный женский вопль. Прямо через уставленную столиками площадку к нам рванула Светлана.

Бармен тоже выбрался из-за стойки, и, с опаской косясь на Вепрева, обнял Альку. Валяй, Виталий Архипович! Дай волю добрым чувствам! Никто тебя сегодня за это не обидит.

И Алька, по-моему, оттаяла. Она обнимала Светлану, бармена, и ревела, уже не скрываясь. И уже — не от страха.

— Ну, что, Алька, поболтаешь с подружкой, а я поднимусь к начальству. Годится?

— Да, — улыбнулась она.

— У меня скоро выход, — забеспокоилась Светлана.

— Ничего страшного. Задержишь минут на десять, — милостиво разрешил Константин.

— Спасибо, — поблагодарила Светлана, и они с Алей пошли к стойке бара.

А мой провожатый явно торопился. И я уже понял, почему: через стеклянную дверь и большие окна был виден шикарный паркующийся “мерс”. Вот кого ждал Вепрев. Но теперь меня его гости не волнуют: Анатолий Алексеевич Прохоров из “мерседеса” уж наверняка не вылезет.

— Ничего, если я вас покину? — смутился хозяин заведения. — Василий предупрежден... Освобожусь минут через двадцать. И снова к вашим услугам, Сергей Григорьевич.

— Большое спасибо, Константин Павлович, — церемонно поблагодарил я.

Вепрев прытко рванул к важным, наверное, гостям, а я начал подниматься по лестнице, и для организации данного нехитрого процесса мне не пришлось теперь обезвреживать двоих “быков”.

Василий встретил меня почти искренней улыбкой. Совсем искренней ей мешал стать сползавший с головы на лоб шрам со следами от хирургических нитей по бокам. Здорово я его тогда огрел!

— Чем могу? — улыбочиво спросил меня управляющий.

Я коротко объяснил цель визита, он передал мне заранее приготовленный пакет с Алиными деньгами. Заодно я решил поднять вопрос и о Светке.

— Не думаю, что она захочет уйти, — улыбнулся Василий. — Зарплату ей подняли.

Я с удовольствием потрепался с бывшим потерпевшим от моих рук и, прощаясь, с удивлением обнаружил, что мы поболтали более получаса. Затем спустился по лестнице и прошел в зал. Альки у стойки не было. Светлана танцевала на сцене.

Я присел за стойку, бармен налил мне вина. Я выпил чуть-чуть — еще ехать мимо трех постов — и закурил сигарету. Потом — вторую. Я курю быстро, но пора бы ей уже вернуться.

Впрочем, волнения не было: система охраны сильно улучшилась с того момента, как я пришел сюда впервые. Но когда после танца подлетела Светка и тоже удивилась Алиному отсутствию, я забеспокоился. Не прояснил дела и бармен. На мой вопрос он ответил, что Аля отошла после разговора с невысоким, смуглым седоватым мужчиной лет сорока. О чем они говорили, Виталий Архипович не слышал: был на дальнем конце стойки, обслуживал клиента. Но мужчина был спокоен, и Аля тоже не нервничала. Он точно видел, что шла она сама: никто ее не тащил и не заставлял.

У меня снова немного отлегло от сердца. Но еще через десять минут Алькиного отсутствия я пошел искать Вепрева. Выяснилось, что Константин Павлович неожиданно отъехал.

У меня вдруг проскочила мысль о том, что Алька была права: не надо было возвращаться в "Зеленую Змею". Надо было просто забыть и про нее, и про эти чертовы деньги. Да нет же! Не может быть, чтобы Вепрев учинил такое! Он же понимает, что я его не просто убью!

Я снова подошел к бармену. Надо было что-то делать, а я не знал, что. Вдруг впервые за свою жизнь познал, что такое смертельный страх. Он засасывал меня целиком, лишая способности хоть что-нибудь осознать и делать. Я просто терял голову.

— Тебе плохо? — приблизилось ко мне взволнованное Светкино лицо. — Врача вызвать? Может, "скорую"?

Да, мне плохо. Мне так плохо, как никогда еще не было и вряд ли будет. И не поможет ни врач, ни "скорая". Я был уже уверен, что случилась беда и, когда зазвонил сотовый телефон, был готов услышать худшее.

— Алло, — раздался спокойный Алькин голос. — Не волнуйся за меня, милый. У меня все в порядке. Просто произошло недоразумение. К счастью, обошлось без проблем.

— Ты где? — хрипло выдохнул я.

— Через тридцать минут буду с тобой. Жди, милый. Все обошлось.

— Где ты сейчас? — закричал я в трубку. — Где ты, скажи!

В ответ лишь звенели короткие гудки отбоя.

Я взял бутылку водки, стакан, и сел ждать Альку. Плевать на ГАИ. Плевать на недоразумение, которое обошлось. А даже если бы и не обошлось. Если бы она только это имела в виду. Плевать на все, лишь бы она через полчаса приехала. Время пошло...

20. Глинский, Кузьмин, Аля. Подмосковье

Высокие ели были густо усыпаны снегом. От этого пушистого облачения, а, может, от продуманного мягкого освещения — фонари, закрытые матовыми шарами, неярко горели чуть ли не среди разлапистых ветвей — еловый лес не казался, как обыч-

но, мрачным. Скорее, наоборот — грамотно подсвеченное Берендеево царство окунало в старую, давно забытую взрослыми, сказку.

Во всяком случае, Глинский с удовольствием бродил по дорожкам размеченного врачами терренкура. И он, пожалуй, был готов согласиться с рекламой, утверждавшей что в этом подмосковном санатории "...вы полностью избавитесь от волнений и стрессов повседневной жизни".

Чего-чего, а стрессов в его жизни — с избытком. Одно слияние с комбинатом сколько нервных клеток безвозвратно прикончило! Ведь чудом обошлось без крови. До сих пор Глинского везде сопровождает джип с охраной. "Кстати, надо бы отметить", — вдруг переключившись, подумал Николай Мефодьевич. Нужды уже нет, а заводские деньги расходуются во множестве. И еще одну вещь не позволил себе додумать Глинский: может, скоро его совсем не надо будет охранять. Ведь одна из главных целей предновогоднего визита в столицу — посетить отца Всеволода, занявшего высокий пост в московской патриархии.

Глинский очень нуждался в беседе с бывшим наместником Мерефы. Он так часто думал об их последней беседе, что даже, еще не приняв никакого решения, составил план переустройства реестра акций и схемы управления новым объединением после своего ухода. И преемников подобрал достойных. Все свои, с хорошим образованием и со здоровым душевным нутром.

Кузьма, конечно, расстроится, но от судьбы не уйти. Он останется на комбинате глазами и ушами Глинского. Хотя что тот будет делать с полученной информацией? Молчаливо "подпишет" приказ на устранение выявленного вора? Нет, это исключено. Бизнесмен-Глинский скоро "умрет". А у Глинского-священника будет совсем другая земная миссия.

Кузьмин возьмет на себя и еще одну задачу. Рукоположение священника и даже монашеский постриг не предполагают обязательной передачи всего личного имущества церкви. Свою долю Глинский вложит в восстановление монастыря и помощь сирым. А вот долю мальчика отец хотел бы сохранить. Вадим сам должен будет принять решение. В свое время, когда вырастет. И за эту долю будет отвечать Кузьмин. Лучшего стража Вадькиных интересов и представить трудно.

Сколько же лет они вместе? Глинский задумался: отца в очередной раз посадили, когда он перешел в пятый класс. Попав в детдом, крепкий духом и телом Николай легко прошел не по-детски жестокую процедуру "прописки". Сам никогда не нападавший первым — младший Глинский заповеди отца усвоил четко, — он не стеснялся дать отпор любому, пытавшемуся его унижить. А когда сумел быстро подняться в детдомовской иерархии, даже попытался "очеловечить" быт, до этого сильно смахивавший на тюремный.

В частности, он взбунтовался против ритуала “опущения” слабых. И, что самое удивительное, — добился его искоренения. В силу малого возраста — детей здесь держали максимум до двенадцати-тринадцати лет, “опускали” у них еще не тюремным путем, превращая в пассивных гомосексуалистов, а постоянными унижениями и побоями.

Одним из “опущенных” был Кузьма. Точнее все же было бы определить его не “опущенным”, а изгоем. Незаразное — иначе б давно увезли — кожное заболевание изгрызло ему волосы и лицо. Смотреть на пацана было неприятно, к нему старались не подходить. Бить, правда, не били, потому что ходила за этим некрупным парнишкой дурная слава. Один из старших, почти юноша уже, как-то прошелся по поводу его страшной рожи. А ночью кто-то прокрался к “старшакам” в спальню и поранил шутника поперек груди. Дело замяли — рана оказалась не слишком опасной, но связываться с “чокнутым” Кузьмой больше никто не хотел. Так и жил волчонок поодаль от стаи, дожидаясь, пока войдет в силу и сможет охотиться в одиночку.

Николай, глядя на бедного парня, всегда ощущал щемящую жалость и желание помочь. Но на попытки нормального общения Кузьма реагировал крайне подозрительно.

И все же Глинский своего добился. Он регулярно писал отцу в тюрьму, и однажды тот, будучи широко образованным человеком, посоветовал, как помочь Кузьме с его болезнью. А дальше произошло то, что сильно походило на чудо. Николай на свои гроши купил в аптеке состав для изготовления мази, и, смешав ингредиенты в украденной из “столовки” и начисто выдраенной чашке, подошел к Кузьме. Тот, ожидая со всех сторон подвоха, пытался отказать от помощи Глинского. Но не на того напал: если юный Коля чего-то замысливал, то расстроить его замыслы было чрезвычайно сложно. Он действовал по всем направлениям сразу: колотил тех, кто за глаза обзывал запаршивленного пацана, убедил Кузьму в безвредности мази, для начала вымазав себя самого, договорился с завучем о недельном лечебном “отпуске”.

И Кузьма сдался. Конечно, он не верил в успех, но это был первый случай в Витиной недолгой и, откровенно говоря, безрадостной жизни, когда о нем кто-то бескорыстно позаботился.

Непонятно, что тогда сработало: то ли наука, — Глинский-старший, прежде чем что-то советовать, перелопатил немало литературы, — то ли горячие молитвы Глинского-младшего.

Короче, лекарство сработало. Да так быстро, что даже Глинский не ожидал. Пораженная кожа слезла, язвочки зарубцевались. Аленом Делоном Кузьма не стал: щеки остались не по рождению смугловатые, а кожа — явно неровной. Но не сравнить с тем уродством, которое имело место раньше, когда новенькие даже мимо проходить опасались.

А Глинский получил друга навек. Да такого преданного, что часто это сильно угнетало благодетеля. Во-первых, они имели не так много общих тем, чтобы Коле было о чем беседовать с Витей-Чокнутым целыми днями кряду. Во-вторых, чувство благодарности у Кузьмы зачастую проявлялось весьма своеобразно.

Уже на их "веку" в детдоме стали держать ребят до 15-ти лет, а в школу возили в соседний поселок, в маленьком автобусе на базе юркого "Газ-51". "Газон" легко преодолевал огромные ямы на проселочной дороге, и, подвывая несильным двигателем, исправно возил пацанов за знаниями. Но иногда приходилось топтать по семь с лишним километров пешком: когда что-то ломалось в их шарабанах, и водитель дядя Валя с матюками лез в его изношенное нутро.

В один из таких "пеших" дней детдомовских прилично отлупили поселковые ребята. Отлупили жестоко, ни за что, просто так. За то, что — детдомовские. Коля дрался, как все — куда ж деваться? — и пришел домой с рассеченным лбом, огромным фингалом, почти закрывшим глаз, и без верхнего переднего зуба. Кузьма, пропустивший школу из-за простуды, увидев, аж посерел: "Кто?" Глинский отмахнулся, не придав инциденту большого значения: они вместе с этими пацанами учились в школе и дрались не раз, правда, обычно не так жестоко.

Кузьма провел собственное следствие, и через два дня Ваньке Рогову, нанесшему Глинскому столь точные удары, какой-то неопознанный хулиган расписал "пиской" все лицо. Вдобавок был задет правый глаз, так что в школе Ваню ожидали не скоро.

— Кузьма, ты это сделал? — спросил заподозривший неладное Глинский. Чтобы провести разговор без свидетелей, они залезли на поросший лесом близлежащий холм. Заодно развели костерок, полакомиться спертой на огородах картошкой.

— А ты-то чего дергаешься? — проворчал друг, ворочая прутиком в золе крупную картофелину. — Все ништяк! В "ментовку" никто жаловаться не станет — сами нарвались.

— Ты ж ему глаз рассек!

— Не-а, — подумав, ответил Кузьма. — Лоб и щеки. Теперь запомнит.

— Можно было и без "писки", — гнул свое Глинский. — Мы же не на войне.

— А когда они тебя отдолбали, они тебя жалели? —

Глинский промолчал. Если бы не его ловкость, он мог бы тогда и не отделаться одним зубом: Ванька и его друзья, кроме кулаков, активно орудовали стальными арматуринами.

— То-то, — верно оценил Колькино молчание Кузьма. — Совсем страх потеряли. Я его потому и полоснул. Заживет за неделю. Но больше не полезет. И другие остерегутся.

— Все равно...

— Что — все равно? — взвился Кузьма. — Моего друга уделали, я отомстил. Какие “базары”? Ты бы за меня не влез?

— Влез бы, конечно, — вздохнул Николай.

— То-то и оно, — повторил Кузьма. — Ты мой друг. Других у меня нет.

— М-да, — только и сказал Глинский. Он ни на минуту не сомневался, что Кузьма полезет за него в огонь и воду. Не жалея ни своей, ни чужой жизни. Это и беспокоило юного тогда Колю Глинского.

Дорожки у них разошлись через три года после той памятной драки. Николай собирался в институт, а Кузьма отбывал свой первый срок, правда — условный: полтора года за вскрытие табачного ларька. Украл на десятку, а судимость получил настоящую.

Глинский даже не пытался ругаться и перевоспитывать друга: Витя, так сильно и не выросший, внутренне вполне сформировался. Его предстоящий путь печалил Николая, но был для Глинского ясен и для Кузьмы — неотвратим. Одного Глинский не мог предвидеть: что Витек пойдет в настоящую тюрьму вместо него самого.

А дело было так. Устав от трудов праведных, абитуриент Коля пошел на танцы в поселковый клуб. Место, конечно, не самое спокойное, но тяжелую руку Глинского — хоть драк он не любил — все хорошо знали. Собственно, поэтому и драться-то ему в последние годы почти не приходилось.

Зато он любил танцевать. И делал это отменно, как и все, что его увлекало. Протанцевав два или три раза со знакомыми девочками — он пользовался большим успехом у слабого пола — Глинский заметил незнакомую девушку, скромно стоявшую у стенки.

— Можно вас пригласить? — подлетел он к ней, когда проигрыватель, установленный в углу на столе, заиграл вновь.

— Можно, — улыбнулась та. Девушка танцевала неплохо, да и Глинский в грязь лицом не ударил. К концу вечера он уже знал, что ее зовут Леной, что она — дочь командира воинской части, расположенной неподалеку от поселка, учится в Свердловске на первом курсе консерватории и приехала к отцу на неделю.

Глинский не имел особого опыта в общении с девушками. Его убеждения не позволяли ему большой вольности, но и монахом сильный красивый парень тоже быть не собирался. Короче, задела его приезжая по полной программе. И он, конечно, пошел проводить ее до части. Лена не возражала. Не успели и ста метров пройти, как из тьмы вынырнул армейский “уазик” с брезентовым верхом. А из него — молодой лейтенант в свеженачищенных сапогах.

— Леночка, мы за тобой! — сказал “литюха”.

— Спасибо, Славик. Меня проводит Николай.

— Нет уж, — не согласился парень, почувявший соперника. — Давай-ка в машину!

— С чего ты взял, что можешь мне приказывать? — спокойно спросила Елена. Несмотря на нежный возраст и хрупкое телосложение, в ней чувствовалась ясная и спокойная внутренняя сила. Может, этим она и привлекла обостренное внимание Николая.

— Я за тебя отвечаю, — жестко ответил лейтенант. — И по лесу одну с детдомовской шпаной не пущу. — Поселок был маленький, все друг друга знали. И конечно, лейтенант был в курсе того, что с Николаем запросто можно отпустить девушку в лес. Но любовь — зла: часто делаешь то, за что потом может быть стыдно.

Насчет детдома тоже все было не так. Последние два года Николай, хоть и жил в своей старой комнате, но воспитанником уже не был. Числился истопником, выполняя по совместительству кучу других задач: от помощи шоферу дяде Вале до преподавания математики отстающим. А в свободное время готовился в вуз, правда — пока не знал какой. И в технику тянуло, и в богословие. Но выбрать путь священника он все же не считал себя готовым.

— Я думаю, ты не прав, — сказала Елена.

— Давай сделаем так, — предложил офицер. — Я за тебя отвечаю, поэтому ты с водителем поедешь в часть. А мы с товарищем сами во всем разберемся.

— Только драк не хватало! — вспыхнула девушка. — Ты что, дикарь?

— А с чего ты решила, что мы будем драться? — удивился лейтенант. — Он же еще сопляк. Просто поговорим, и все.

— По-моему, ты сам еще сопляк, — неожиданно жестко ответила Елена. И обернувшись к Николаю, добавила: — Извини, пожалуйста. И его, и меня.

После чего влезла в услужливо открытую дверцу: она понимала, что ситуация разрядится лишь с ее отъездом, и не хотела ничего усугублять.

Оскорбленный в лучших чувствах — еще ни одна девушка не нравилась ему столь откровенно — Глинский приготовился к жестокой драке. Но “литюха” покуривал “примку” и был безмятежен.

— Я против тебя ничего не имею, — сказал он. — Просто эта девушка — не для таких.

— Каких — таких? — начал заводиться Глинский.

— Сам знаешь. — Офицер ловко затушил сигаретку об каблук. — Еще раз увижу с Леной — оторву яйца. Понял, сопляк?

— Я на ней женюсь, — вдруг сказал Николай. Сказал, что думал. Такие люди, как он, сильные и цельные, влюбляются сразу и никогда не меняют своих привязанностей.

— Дурак ты, — бросил “литюха” и... врезал ему в челюсть! Николай упал прямо в грязь, с полминуты отходил от нокаутящего удара — Вячеслав был чемпионом округа по боксу.

— Все понял, щенок? — спросил лейтенант. Но парнишка, уже пришедший в себя, нашарил в грязи тяжелую палку и с каким-то звериным рычанием начал подниматься.

Лейтенант слегка стушевался: некоторые разговоры про Глинского и его свирепого дружка все же доходили и до молодых военных, свободное время проводивших на поселковых танцах. Но он все равно не мог счесть Колю серьезным противником, хотя бы из-за семи лет возрастной разницы. И жестоко ошибся: дубина описала замысловатую дугу и с хрустом обрушилась на голову обидчика.

Потом самому же Глинскому и пришлось тащить "литюху" к мерцающим вдалеке огням клуба. Предварительно он перевязал подручными средствами окровавленную голову лейтенанта.

Нельзя сказать, чтобы Глинский особо сильно испугался содеянного: он считал себя абсолютно правым, и, кроме того, видел, что дубина лишь оглушила противника, не проломив черепа: хрустнула в момент удара сама палка, ломаясь о крепкую голову боксера. Поэтому Николай был сильно удивлен — даже потрясен! — когда его, с трудом доволокнувшего свою ношу, тут же, прямо возле клуба взял под стражу один из трех поселковых милиционеров. Еще более он ужаснулся, когда посреди ночи к нему в единственную камеру здешнего "СИЗО", крошечное, провонявшее потом и дешевым куревом помещение — переперся лично капитан Гвоздев, чекист из части, которой командовал батя приглянувшейся ему девчонки.

— Я уже смотрел твое дело, — сказал он. — Тебе хана. Не даром говорят: яблочко от яблони...

— При чем здесь это? — спросил Глинский. Хотя уже сам понял, при чем. Теперь ему припомнят все. Прежде всего — отца, почти не вылезавшего из ссылки и лагерей. Потом — крестик, который он, не скрывая, носил на шее. А самое главное — находясь в стае, нельзя сильно отличаться от ее членов. С точки зрения стаи, подобное преступление непростительно.

Парень приуныл. Он, конечно, был крепок духом. Но кого в семнадцать лет не напугает тюрьма?

Хотя и такие персонажи встречаются.

С трудом заснув и промаявшись часок-другой кошмарами, Николай проснулся от шума. А проснувшись — не смог поверить своим глазам! На нарах напротив возлежал Виктор Геннадьевич Кузьмин, собственной персоной!

— Как ты сюда попал? — изумился Глинский. Он даже подумал, что Кузьма прибыл из-за него. Как в воду глядел.

Выяснилось, что Кузьма и его опытный взрослый кент "подломили" очередной объект. И на этот раз не какую-нибудь там табачную лавку, а единственную в поселке сберкассу. Сигнализации там никакой не было, но злодеям не повезло: странное шевеление в сберкассе, закрытой еще с вечера, заметила бдительная бабка, чуть не до утра разыскивавшая загулявшую козу. Далее — дело техники: менты — за премией, кенты — на нары. Правда, Витькин кент, делавший основную работу, как раз успел вовремя сматываться. А Кузьма, стоявший на стреме, был заловлен.

— Все на себя возьму, — хвастался Витька.

— Зачем? — недоумевал Глинский. — Одно дело — организация, другое — на шухере постоять.

— Все едино, — объяснил своему образованному другу Витька. — Смотри сюда. У меня “полторашка” условная есть? Есть. Участие в банде есть? Есть. Мне так и так срок выйдет. А сидеть можно всяко. За взлом “сейфа мохнатого” — пидором сделают. А за грабеж, да еще кто кентов не сдал — нормально отсиджу. Такая моя судьба, — беззаботно закончил Кузьма, уже давно косивший под своих блатных учителей. Глинскому это никогда не нравилось, но он понимал тщетность всех своих попыток изменить Витькины взгляды, продолжая “воспитывать” его лишь по инерции.

— И сколько тебе дадут? — спросил Николай.

— Минимум три. Максимум — семь. С поглощением меньшего срока большим. — Парень не терял зря времени, подковался изрядно. — Попаду на “малолетку”, так что — ништяк, — веселился неугомонный Кузьма. И вдруг до него дошло:

— А ты-то что тут паришься?

Николай рассказал про последние печальные события, умолчав разве что о Лене и чувствах, которые она в нем вызвала: все равно другу их не понять.

— А как же институт? — с тревогой спросил Витька.

— Накрылся институт, — грустно ответил Глинский. — На ближайšie два-три года. Мне этот капитан чуть не терроризм “шьет”. И отца припелел туда же.

— С-суки, — выверился кореш. Потом что-то обдумал и быстро, понизив голос, заговорил: — Слушай, Колян, тебе в тюрьму нельзя.

— Куда ж деваться? — с тоской ответил Николай. — Ничего, выдержу. Отец же выдержал.

— Не, тебе нельзя туда, — гнул свое Кузьма. — Слушай, я все придумал.

— Что ты еще придумал? — раздраженно спросил Глинский. Ему хотелось полежать, ни о чем не думая и ничего не вспоминая. Кроме, может быть, последнего танца с Леной. Ему почему-то показалось тогда, что не только он испытывает к партнеру теплые чувства. Что-то такое было в ее интонации. Хотя, конечно, такая девчонка с ээком переписываться не будет...

— Все ништяк, Колян! — почему-то перешел на шепот Кузьма. — Ты его стукнул около одиннадцати?

— Примерно, — не понимая, к чему клонит друг, ответил Глинский. — Клуб еще работал.

— А меня повязали в три утра.

— Ну и что?

— А то, что я был с тобой. Увидел, что ты с этим лейтенантом сейчас сцепишься, взял дубину и врезал ему! Явка с повинной, очень раскаиваюсь. Вычтут из моих “ларечных” на его лечение, — уже откровенно ржал Витька.

Глинский всерьез задумался. Все его существо противилось такому выходу из сложившейся тяжелой ситуации. Да, конечно, полжизни бы отдал, чтоб только не в тюрьму. Но сваливать все на Витьку?

— Нет, — сказал Глинский. — За свои грехи отвечу сам.

Долго еще уговаривал Кузьма Глинского. И материл, и упрямил, и объяснял, что ему-то точно хуже не будет! Ничего не помогало: Николай уже преодолел искушение и на уговоры не поддавался.

И все же Витька, малограмотный и уж точно не читавший учебники по нейро-лингвистическому программированию, сумел найти аргумент, заставивший Николая еще раз вернуться к обсуждению.

— Колян, ты же помнишь, что у меня туберкулез находили?

— Да. Но, вроде, ведь обошлось?

— Это пока на свободе. А попадешь на нары — все может по новой начаться.

— Что же делать?

— Да то, что я тебе целый час талдычу. Давай я сяду, а ты меня будешь с воли “греть”. При “тубере” главное — жратва. Да и лекарств в “зоне” не найдешь. Я тебя не просто “отмазываю”. Я себе жизнь спасаю.

Глинский снова надолго задумался. Он понимал, что Витька придумал это только сейчас. Но туберкулез у него действительно находили. И жратву с лекарствами, кроме него, Глинского, Витьке в “зону” точно никто не передаст.

— Ладно, — принял он решение.

Борцы с преступностью сначала восприняли Витькину “явку с повинной” со смехом. Местным ментам было, в общем-то, все равно, кто из парней сядет. Просто им не нравилось, что их дурачат. А вот капитан Гвоздев из кожи лез, чтобы разоблачить подлого уркагана.

— Вот же, дураки, — смеялся Витька, приходя с очередного допроса с заплывшим глазом. — Не сознаюсь — лупят! Сознаюсь — тоже лупят! Нет в жизни счастья!

Глинского почему-то не прессовали, отчего он еще сильнее переживал происходящее.

Самое удивительное, что к нему на свидание пришла... Елена! Он чуть дар речи не потерял, увидев, кто его вызывает. Она пыталась расспросить его об обстоятельствах драки, но он отказался с ней разговаривать. Только смотрел расплывающимися от слез глазами, как она уходит, надменно и прямо держа свою красивую спину.

Ничего не смогли сделать менты с упорным Витьком, и тот уехал на какую-то комсомольскую стройку сроком на пять с половиной лет. Уезжал он вполне счастливый: понимал стойкость оказанной другу услуги и, похоже, впервые за много лет по-настоящему гордился собой. Глинский испытывал совсем

другие чувства, часто жалея о том, что все-таки поддался слабости.

Уже на свободе он еще раз встретил Лену. Точнее, она сама его нашла.

— Зря ты это сделал, — с легким презрением сказала Лена. Глинский не переспрашивал. Он отлично понимал, о чем идет речь. — Я бы тебя все равно освободила. Всех бы на ноги подняла.

“Это точно”, — подумал тогда Глинский. Он уже был в курсе, что ее характер почувствовали все, от бати-полковника до капитана Гвоздева. Даже пострадавший “литюха” написал бумаженцию, в которой отказывался от всяческих претензий.

— А ты другом прикрылся! Эх, ты!

Так и не сказал ей ничего Николай. Окольными путями узнал только, что второй курс она будет проходить в Москве, перевелась из Свердловска, что-то ее там не устроило. Николай тоже поменял планы и поехал покорять столицу. Он не терял надежды изменить Ленкино мнение о себе. На это ушло всего восемь лет: четыре — в столице, и столько же — на Урале. Сущная малость по сравнению с достигнутым.

Глинский вздохнул. Вадька — вот сегодня его единственное достижение. А жена Лена — в могиле. Даже памятник ей заказывал не Николай, а Кузьма: у Глинского просто не было сил этим заниматься. Он вдруг снова, в который уже раз, прочувствовал, что Лену больше не увидит никогда. Ни-ко-гда.

Глинский оторвался от своих дум и поднял лицо к звездному небу. Звезды действительно были видны четко, несмотря на подсветку и расположенный всего в трех десятках километров гигантский мегаполис. Молодец, все-таки, Кузьма, что вывез его сюда. Вадька переживать не станет, тем более, что его на неделю определили в творческий лагерь отдыха.

— Вон ты где шатаешься! — Навстречу одиноко бродившему Глинскому быстрой раскачивающейся походочкой выскочил Кузьмин.

— Давай бродить вместе, — благодушно ответил Глинский.

— Не-а, — по-мальчишески мотнул головой Кузьма. — Ты забыл? Мы сегодня развлекаемся!

Глинский, вспомнив, болезненно поморщился: очередной “нужный” мужик, плутовато ухмыляясь, в кулуарах Думы познакомил их с неким г-ном Вепревым, предварительно объяснив, что в ресторанчике этого самого господина можно очень и очень хорошо отдохнуть. Весело и безопасно.

Кузьмин взял предложенную визитку и еще вчера с г-ном Вепревым созвонился. И Николай Мефодьевич, чтоб не спорить, дал согласие. Тем более, что ресторанчик оказался совсем поблизости от санатория. И потом — никто ж не заставит его совершать то, чего он сам не захочет?

На сем и порешили. После чего Глинский немедленно забыл о договоренности. А вот Кузьмин, как оказалось, помнил. И пришел сюда, чтобы заставить его сменить чудесный вечерний лес на экскурсию в явно не богоугодное заведение.

Бар имел игровое название "Зеленая Змея" и сразу не понравился Глинскому. Пока Кузьмин, сам севший за руль, сдавал задом тяжелый "мерседес", Николай предложил ему сменить место вечеринки.

— Да ты еще внутри не был, — урезонил друга Виктор. — Может, это только снаружи. Да и снаружи, кстати, неплохо, — залубовался он игрой зеленых оттенков.

Из подъезда на снег выскочил в одном костюме высокий мужик, явно их встречающий.

— Вепрев, наверное, — предположил Кузьмин. Глинский сник: теперь отступать было и в самом деле неудобно. И вылез из "мерса".

— Здравствуйте, уважаемые гости, — радушно приветствовал их встречающий.

— Здравствуй, коли не шутишь, — пробурчал Кузьмин. Он не любил, когда ему широко улыбаются незнакомые люди.

Вепрев, смущенный холодным тоном, не сразу убрал улыбку:

— Я уверен, вам здесь понравится.

— А что тут есть? — спросил Кузьмин.

— Все, что захотите, — отчеканил хозяин. — Бильярд, бассейн, сауна, мини-кинотеатр. Внизу — стриптиз.

— Только — внизу? — ухмыльнулся требовательный гость.

— Нет, конечно. Где захотите. Можно в кабинетах, можно в бассейне. Девушки на любой вкус. Проститутток нет.

— А что ж, у вас — монашки работают? — хохотнул Кузьмин и осекся, увидев недовольное лицо Глинского.

— Монашки — не монашки, но все девушки с образованием и умеют держать язык за зубами. На стороне — никаких связей. Это жесткое условие.

Они прошли внутрь, хозяин "для разогрева", как он сказал, усадил их за угловой столик в тени, пообещав в самом скором времени красивый стриптиз.

— Кто будет танцевать? — поинтересовался Глинский. Кузьма довольно улыбнулся: главное — начать.

— Очень способная девушка, — пояснил Вепрев, сделавший заказ подскочившему официанту. — Вон, видите двух девчонок у стойки? Вот та, что позэффектней. Светлана.

— Да-а-а! — У Кузьмина аж дух зашелся. — А как насчет потом позвать ее в кабинет?

И тут он обратил внимание на застывшего друга, напряженно уставившегося на двух девчонок у стойки бара.

— Проняло, наконец-то! — обрадовался за Глинского Кузьма. — Красивая, чертовка! Упругая! Ну, чего не сделаешь для друга? Уступаю, Колян. Пользуйся моей добротой.

— Лена, — осипшим голосом вдруг выдохнул Глинский.

— Где? — сразу посуровел друг. — Что ты говоришь такое?

— Рядом с той.

Кузьма всмотрелся внимательнее. Вторая девица сильно уступала эффектной блондинке: пройдешь рядом — не заметишь. И никакого особого портретного сходства с покойной женой Глинского тоже не наблюдалось. Хотя...

Кузьмин поежился. Действительно, было что-то такое, неуловимое, от Елены. Глинский, пожалуй, прав. Осанка, спокойное выражение лица. Непонятно что, но Кузьмину неприятна была сама тема сравнений.

— Это не Лена, — мягко сказал он, беря друга за локоть. — Это обычная подмосковная шлюха. Если хочешь, я тебе ее “сниму”.

— Лена, — хрипло повторил Глинский. — Ты же не видел ее в тот, самый первый раз. Ты ведь сел тогда сразу, помнишь?

— Еще бы, — довольно улынулся Кузьма. — Первую “ходку” все помнят.

— За меня сел, — зачем-то добавил Николай.

— Это не важно, — смутился Кузьмин. — Ты дело говори. Нужна тебе эта деваха или нет?

— Она не согласится, — убежденно проговорил Глинский.

— Это не Лена, — повысил голос Кузьмин. — Эта — придет. Только скажи.

— Не в кабинет. — Глинский развязал душивший его узел галстука. — Я поеду домой. Если она согласится, пусть приезжает.

Вернувшийся Вепрев, обнаружив лишь одного гостя, сильно огорчился.

— Ему что-то не понравилось? — спросил он у Кузьмина.

— Все ништяк, — успокоил его тот.

— Я договорился насчет Светки.

— Отменяется, — спокойно сказал Кузьмин. — Вернее — откладывается.

— Почему? — не понял Константин.

— Долго объяснять. Я приеду за ней завтра.

— Значит, просто переносится? — успокоился Вепрев.

— Не просто. Сегодня мне нужна вторая. И не здесь, а на вынос.

— Вторая? — ужаснулся Вепрев. — Это невозможно.

— В мире нет ничего невозможного. Бывает только нежелание помочь друзьям.

— Она у нас уже не работает!

— А раньше, значит, работала?

— Раньше работала, — обреченно ответил Константин.

— Значит, еще раз отработает, — подвел итог Кузьмин.

Вепрев не стал спорить и, быстро попрощавшись, пошел к выходу, предупредив старшего метрдотеля о якобы случившемся срочном вызове.

Кузьмин же направился к стойке. Момент вышел удачный: бармен на другом конце обслуживал настырного клиента, а вторая девица, Светлана, уже крутилась вокруг шеста. Невзрачная девчонка томилась в одиночестве. И чего в ней нашел Колян?

— Извини, красавица, — по-свойски начал Виктор. — В тебя мой друг по уши влюбился.

— Прямо так сразу? — улыбнулась Аля, заскучавшая у стойки. Элегантно одетый “пришелец” не внушал ей никакого беспокойства. Да и не хотелось обижать немолодого человека жесткой “отшивом”.

— Поедешь с нами? Безопасность гарантируем: расписку оставим у вашего Вепрева. Вернешься через два часа максимум — тут недалеко.

— Не поеду, — спокойно ответила сразу посерьезневшая Аля. — Извините, если ввела вас в заблуждение.

— Но почему, девочка? — улыбнулся Кузьмин. — Ты даже не спросила про деньги.

— Я не работаю, — сухо объяснила она.

— Но ведь раньше-то работала?

— Это вас не касается. Если разговор пойдет в таком тоне, мне придется вызвать охрану. Сейчас спустится мой мужчина.

— Со второго этажа? — понимающе улыбнулся Кузьмин. — И про охрану это ты зря. У меня на улице полный джип охраны. Короче, называй цену и — поехали.

Аля молчала, судорожно соображая, как ей теперь выпутываться из создавшегося положения. Она уже поняла свою ошибку: под внешностью седого джентльмена скрывался хорошо знакомый ей облик старого “блатного”.

— Я вам объяснила. Я никуда не поеду, понимаете? Мне не нужны ваши деньги. У меня есть мужчина, которого я люблю.

— И он сейчас спустится? — снова стал вежливым Кузьма.

— Да, скоро, — подтвердила девушка.

— Вот что, девочка, — спокойно продолжал Кузьмин. — У меня положение безвыходное. Я все равно тебя привезу. Давай без шума. Вернешься целой-здоровой. И с деньгами. А упрешься — вызову парней, положим всех на пол. Кто пикнет — “пришьем”. Хозяин этого борделя дал на тебя “добро”.

...Вот и все. Это конец. Аля с ужасом представила, как со второго этажа возвращается Сережа. Ему не важно, сколько бандитов в джипе. И его непременно убьют. А без него — какая разница, что с ней будет?

— Договорились, милая? — усмехнулся Кузьма.

Аля ничего не ответила, развернулась и пошла к выходу.

— Эй, одеваться не будешь? — удивился Виктор. Она, не ответив, прошла мимо гардеробной. Какая теперь разница? Да и не вернется она за этой шубой. Все возвратилось на круги своя...

Кузьма отправил девчонку на джипе, сам сел в их третью машину — легковой “лексус” и скомандовал пожилому водиле:

— Пошел, дед!

Алю везли по шоссе на джипе минут пятнадцать. После чего свернули направо, на петлявшую среди сосен узенькую асфальтовую дорожку.

“Это же совсем рядом”, — сообразила она. Неподалеку отсюда ее впервые встретил Сережка. Сознание того, что Сережа близко, укрепило силы. Хотя какое это имеет значение...

Джип тормознул у шлагбаума. Пожилой охранник подошел к водителскому окошку.

— Мы здесь отдыхаем, дед. Третий этаж главного корпуса, наших шесть номеров, — сказал водитель.

— Проезжайте, — махнул самодельным жезлом охранник.

Еще пять минут по огромной территории — и открылся вид на четырехэтажный ухоженный корпус дорогого санатория-пансионата.

— Вылезай, — угрюмо сказал Але водитель.

Она вышла и огляделась по сторонам. Должна же здесь быть милиция! И тут же сникла: представила себе, как отнесется к ее заявлению постовой, чья основная задача — чтобы богатые постояльцы оставались довольны.

Они поднялись лифтом на третий этаж и подошли к красивой, явно нестандартной — из дорогого дерева — двери. “Наверное — лучший номер”, — теряя надежду, подумала Аля. Ее шансы на побег таяли. А значит, и шансы на жизнь с Сережей.

— Подожди, — буркнул водитель, осторожно постучав. Дверь сразу открылась, как будто человек в номере только и ждал этого стука.

— Заходите, — сказал появившийся в проеме высокого роста человек и посторонился, пропуская Алю. — Вы без пальто? — удивился он, закрыв на цепочку входную дверь.

— Мне не холодно, — сухо ответила Аля.

— Хотите что-нибудь поесть?

— Нет, спасибо.

— Выпить?

— Нет, спасибо.

— Присаживайтесь, — показал он рукой на одно из многочисленных огромных кожаных кресел.

Она присела на краешек.

— Вас ведь Лена зовут? — едва справляясь с волнением, спросил мужчина. Он был большой, на вид — совсем не злой, но Аля, повидавшая в своей жизни мужиков гораздо больше, чем ей бы

того хотелось, определила мужчину верно — матерый. И, видно, очень опасный для своих врагов. Что же с ним происходит?

— Я прав? Вы — Лена?

— Нет, меня зовут Аля.

— Можно, я буду называть вас Леной?

— Называйте, как сочтете нужным. Что мне нужно делать?

— Не знаю, — потерянно проговорил огромный мужик. —

Если бы я знал вас лучше, я попросил бы вашей руки. И вашей любви.

И Аля, как ни старалась, вдруг потеряла над собой контроль.

— Моей руки, говорите? — Злые слезы закипали в ее глазах. — Руки — это можно. Любую часть тела — пожалуйста!

— Что с вами? Успокойтесь!

— Что со мной? — бессильно заплакала Аля, усевшись прямо на ковер и обняв голову руками.

— Он угрожал вам? — очень тихо спросил мужчина.

— Кто? — не поняла Аля.

— Тот, кто вас привез.

— Да... То есть, нет. — Она действительно не могла вспомнить, были ли прямые угрозы. Просто было смертельно страшно за Сережу. Вот и все.

— Так “да” или “нет”? — переспросил мужчина.

— Нет, — ответила Аля. — Видимо, я это додумала.

— Ты боялась за своего парня, — вдруг понял мужчина. —

Не зря ты похожа на Лену, — задумчиво протянул он.

— Я — Аля!

— Я все понял, девочка. Я уже все понял. Извини нас, пожалуйста.

Он набрал цифры на “сотовом”:

— Кузьма, доставь девушку на место. — И через короткую паузу, видимо, выслушав ответ, добавил: — Ты ошибся, Кузьма. Ты очень ошибся. — Потом передал телефон Але: — Звони своему парню. Он, наверное, волнуется. Объясни, что произошло недоразумение. Я готов извиниться.

Аля дрожащими руками набрала номер. Когда Сережа ответил, собралась с духом и спокойным голосом проговорила:

— Не волнуйся за меня, милый. У меня все в порядке. Просто произошло недоразумение. К счастью, обошлось без проблем.

— Ты где? — донесся из микрофона вопль Велегурова.

— Через тридцать минут буду с тобой. Жди, милый. Все обошлось.

— Где ты сейчас? — неся из трубки встревоженный голос. — Где ты, скажи!

Аля нажала на кнопку “Отбой”.

— Подождите здесь, — сказал мужчина. — Через несколько минут Кузьмин подъедет и отвезет вас обратно.

— Нет уж. Я, если можно, сама поеду. Внизу такси стоят.

— Такси? — удивился мужчина. — Я не видел такси ни разу. Только машины отдыхающих. Давайте не будем усложнять ситуацию.

— Я хочу уехать сама. — Ей хотелось как можно скорее покинуть эту комнату и этого странного человека.

— Как скажете. А где ваше пальто?

— Внизу, в гардеробе, — резко ответила Аля.

— Понятно, — сказал мужчина и сам открыл ей дверь.

Аля выскользнула и быстро, не оглядываясь, пошла по ковровой дорожке красиво отделанного коридора. Она сбежала в холл, прошла мимо удивленного охранника и вышла на улицу.

Водители сидели в трех машинах. Одну она отмела сразу: это был джип, на котором ее сюда привезли. Водитель второй ехать отказался: с минуты на минуту ждал хозяина. Шофер третьей потребовал денег вперед, и все Алины уговоры насчет оплаты после доставки на него не действовали.

— Можно, в принципе, и бесплатно, — хохотнул парень, плотоядно оглядывая обтянутую вечерним платьем фигуру Али.

— Козел, — выругалась девчонка и пошла к шоссе пешком.

— Тоже мне, цаца, — донеслось сзади.

Она прошла уже больше половины пути до шоссе — и уже здорово замерзла, — когда показался темно-синий “лексус”. Але не было видно, сколько человек в машине, но она все равно подняла руку: в лучшем случае довезут до Сережи, в худшем — вернется к пансионату. Она быстро поняла, что переоценила свои силы и может попросту замерзнуть. В конце концов, в пансионате можно найти телефон, и Сережа приедет за ней сам. А она уж постарается погасить возможный скандал.

Тяжелый “лексус” сначала проскочил мимо, потом остановился и быстро сдал назад. Из машины вылез... похитивший ее Седой!

Аля вскрикнула и, неловко ступая на длиннющих “шпильках”, побежала к шоссе. Огоньки фар проезжавших машин уже были хорошо видны.

— Стой, дура! — закричал Седой. Она только прибавила ходу. Мужчина залез в машину, “лексус” осторожно, в несколько приемов, развернулся на узком шоссе и поехал за ней. Седой высунулся из окна и кричал, чтобы она остановилась.

Алька бросилась вправо, в лес. Ей повезло: она попала на едва заметную в ночной тьме тропинку. И тропинка поворачивала в правильном направлении, к шоссе, ведя, как видно, напрямик к автобусной остановке. А там — всегда люди, Аля это точно знала. Она побежала изо всех сил, не обращая внимания на истошные крики Седого.

Один каблук подломился, и она сбросила туфлю. Почувствовав, что Седой настигает, свернула с тропки за кусты, прямо в снег. Да еще присела: Сережа говорил, что в темном лесу найти затаившегося человека невозможно — его выдает только движение. Сдерживая дыхание, Алька слышала, как в двух шагах от

нее, по-лагерному матерясь, бродил в потемках Седой. Холода не чувствовала: страх был сильнее. Заблудиться тоже не боялась — шум шоссе был отлично слышен. “Скорей бы он ушел”, — в мозгу билась только одна мысль.

И он ушел.

Постояв еще несколько минут, Аля решила идти через лес, напрямик. По самому короткому — даже отсветы фар показались между стволов — пути.

Дорогу ей преградили две водоотводные канавки. Неглубокие и неширокие. Одну пересекла благополучно, точнее — перепрыгнула, сняв и вторую туфлю, лишь лодыжку об лед расцарапала. Через вторую, побольше, прыгать не решилась. Пошла по льду, балансируя руками. Она уже и остановку видела, метрах в сорока. К ней, шипя, подкатывал автобус.

Алька охнула, понимая, что если не успеет — то до следующего точно поморозит ноги. Потом сообразила: ей же надо в другую сторону, от Москвы. Облегченно вздохнула. Осторожно выбралась со льда на берег. До шоссе оставалось каких-нибудь двадцать метров. Вот только одна ступня была почти бесчувственной.

Автобус в Москву еще не отъехал: водитель болтал с каким-то мужиком. “Может, в нем пересидеть? — подумала Алька. — Не потерять бы ногу!”. И в этот момент увидела стремительно приближающийся к остановке ее автобус!

Господи, какое счастье! Она рванула изо всех оставшихся сил, не обращая внимания ни на удивленных людей, — еще бы, босая неодетая девчонка в зимнем лесу! — ни на безмолвно орущего — из-за лобового стекла не слышно! — водителя стоявшего автобуса.

А орал он от ужаса. Потому что видел в зеркальце заднего обзора несшийся в сторону столицы огромный автокран.

Счастливая Алька его даже не заметила, хотя проскочила прямо перед монстром. Мысленно она уже была далеко. Прямо в теплых серегинных руках.

А убило ее выступающей из задней части автокрана металлической штангой. Срезало кусок затылка. Мгновенная смерть.

Врач “скорой” был удивлен чрезвычайно, выразив свое недоумение с присущим всем врачам профессиональным цинизмом: “Никогда не встречал такого счастливого покойника”.

Все.

Алька ушла.

21. Береславский, Ивлиев. Москва

Давненько Ефим Аркадьевич не занимался тем, за что “Берор” платил ему немалые деньги! Он испытал некие моральные неудобства, войдя в свой кабинет, в котором не трудился практически весь последний месяц. Зарплату, конечно, получая.

“Ничего, отработаю”, — оправдался в собственных глазах Береславский. Как всегда, этот процесс прошел гладко и безболезненно. “В конце концов, я — почти герой”, — окончательно успокоил он себя.

Неожиданно дверь распахнулась, и к нему без стука вошли Ивлиев и Орлов.

— Ну, что еще? — вздохнул Ефим. Он по лицам понял: неприятности.

— Аля погибла, — сказал Ивлиев.

— Как? — подскочил Береславский. — Да вы что?

— Я ездил на опознание.

Надежды Береславского на ошибку сразу иссякли. Ивлиев ошибиться не мог.

— Как это случилось? — устало спросил Ефим. — И что с Сергей?

— Несчастный случай. Я все раскрутил еще вечером. Они приехали в “Зеленую Змею”...

— Какого черта им понадобилось в “Зеленой Змее”? — расшаркнулся Ефим.

— Пока не знаю, — поджал губы “дед”. Он не любил, когда его перебивали: — Мне продолжать?

— Валяй, — печально бросил Береславский.

— Аля сидела рядом со Светланой.

— Кто такая? — не понял Ефим.

— Стриптизерша. Бывшая подруга Али.

— А где был Сергей?

— Поднялся наверх, к хозяину заведения.

— К Вепреву?

— Нет, Вепрев встречал новых гостей. Из-за них все и произошло. Крутой мужик решил “снять” девчонку, и ему понравилась Аля.

— Значит, она все-таки не сама умерла? — не выдержал Береславский.

— С тобой вместе хорошо дерьмо есть, — разозлился “дед”. — Ты всегда вперед забегаешь.

— Ладно, говори, — смирился Ефим.

— Мужик уехал в пансионат, а его друг заставил Алю поехать с ним.

— Как заставил?

— Пока не знаю. Все подтверждают, что она пошла за ним сама. Никто ее за руки не тащил.

— Может, они с Сергеем поссорились? — предположил до этого молчавший Орлов, вошедший в кабинет вместе с Ивлиевым.

— Вряд ли, — подумав, ответил тот.

— А почему сама пошла? — тоже усомнился Береславский.

— Не знаю, почему, — отрезал Ивлиев. — Пока не знаю. Но насилия не было. Более того, через полчаса, когда ее привезли к Глинскому...

— К кому? — снова не выдержал Ефим. — К Николаю Мефодьевичу?

— А ты его откуда знаешь? — теперь уже удивился “дед”.

— Знаю, — не стал долго объяснять Береславский. — Он не кажется мне подходящим на роль насильника.

— А он и не стал никого насиловать. Даже дал ей позвонить Сереге с личного сотового. Судя по логике событий, наверняка предложил отвезти обратно. Она почему-то отказалась.

— Ясно, почему, — мрачно сказал Ефим. — Потому что боялась ехать с его охраной. Глинский же не сам ее собирался везти.

— Иногда соображаешь, — своеобразно поощрил шефа Ивлиев. — А почему она поехала? Чем ее сманили?

— Да ничем, — закончил свои домыслы Береславский. — Небось, пригрозили, что разделаются с Серегой. Кстати, куда делся Глинский?

— Уехал к себе на Урал. А насчет ее странного поведения, — задумчиво протянул “дед”, — может, ты и прав.

— Мне другое непонятно, — продолжил Ефим. — Первое: “при делах” ли наш друг Вепрев? И второе: не мог Глинский сначала угрожать, а потом отпускать. Я вообще сомневаюсь, что он мог подло угрожать девчонке. А где сейчас Велегуров? — спохватился он.

— В госпитале. Ему еще в “Змее” стало плохо. Что-то с головой. Перенапрягся от волнения. В Купавинский госпиталь привезли без сознания.

— Ты устроил? — спросил Береславский.

— Я, — согласился “дед”. — Там и подлечат. И попридержат, если у него возникнут какие-нибудь неправильные идеи.

— А у него — возникнут, — подтвердил Ефим. — Слушай, давай ему сейчас позвоним.

— У него все нормализуется. Ночью уже пришел в себя. Вовчик, друг его, сейчас повез передачу.

— Давай наберем, — уже встревоженно повторил Береславский. Он сам набрал номер двух последних “мобильников” Середи, и оба раза женский голос объяснил ему, что абонент либо выключил телефон, либо находится не в пределах досягаемости.

— Василий Федорович, звони в Купавну, — попросил Ефим. — У тебя там какие-нибудь чекисты знакомые есть?

— Босьяк, — не удостоил его ответом “дед”. Но старенькую записную книжку вынул и номер набрал.

После короткого разговора и долгого ожидания Ивлиев получил новость, которая не особо удивила Береславского. Хотя расстроила — сильно.

— Он сбежал, — сказал “дед”. — Рано утром.

— Велегуров знает, кто увез Алю?

— Номер остался в его телефоне. С его связями определить Глинского — два-три часа.

Ефим, прервав беседу, позвонил сам, не прибегая к услугам Марины Ивановны.

— Егор, не сочти за труд: подойди к моему сараю и осмотри входную дверь мастерской. Потом позвони мне. Да, ты утром никого на моей даче не видел?

Ему что-то ответили. Потом Береславский довольно долго ждал, пока неведомый Ивлиеву и Орлову Егор вернется к телефону.

— Понял, — наконец сказал невидимому собеседнику Береславский. — Спасибо. — И повесил трубку. Серега побывал на даче, — сообщил он окружающим. — На бывшей моей “девятке”. Замок мастерской взломан.

— Зачем ему взламывать замок? — удивился Ивлиев.

— Теперь он с винтовкой, — объяснил Ефим. — А Глинский — почти покойник.

— Ты “В-94” на даче хранил? — ужаснулся “дед”, уже наслышанный об их приключениях.

— А что мне ее, в офис, что ли, везти? — огрызнулся тот.

— Что собираешься делать? — спросил Орлов.

— Я еду к нему. К Глинскому, то есть.

— Когда?

— Сейчас. Чай выпью и поеду. Все равно я его обгоню.

— Я с тобой, — сказал Ивлиев.

— Извини, Василий Федорович. Здесь нужен только я. Глинский — человек непростой. И Серега тоже. Я все постараюсь уладить.

— Смотри, сам на пулю не нарвись.

— Постараюсь.

Не прошло и часа, как нос “заряженной” “аудиохи” Береславского уже смотрел на восток. А тем, кто его любил, снова оставалось только ждать и надеяться на лучшее.

22. Велегуров, Кузьмин. Москва, Урал

Я очнулся ранним утром. По больничному запаху понял — в госпитале, а по тени охранника за полупрозрачной дверью одиночной палаты — либо я чего-то сделал, либо со мной чего-то сделали.

И тут я все вспомнил. Нету больше Альки. И к этому мне придется привыкать.

Я твердо знаю — Альку не вернуть. А значит, все остальное теряет смысл. Кроме одного — ее у меня кто-то отнял. И я видел огромный смысл в том, что этот “кто-то” скоро умрет.

Я полежал еще немного. Потом отпросился в туалет, оделся и, поддерживаемый за руку охранником, пошел в уборную. Это все-таки не тюрьма: решетки на окнах отсутствовали. Они были просто закрыты на щеколды и по зимнему времени проложены ватой, чтобы не дуло.

Я легко открыл окно, и охранник, деликатно оставшийся в коридоре, меня больше не увидел. Спуск с четвертого этажа не был особо рискованным — говорю же, это госпиталь, а не тюрьма.

За забором поймал машину, на оставшиеся в кармане деньги меня добросили до моей "девятки".

Я быстро навел все необходимые справки. Аля звонила мне по телефону Николая Мефодьевича Глинского, важного уральского купца. Не знаю, как ей это удалось, но она дала мне след.

Потом я нашел саму Алю: она была в ногинском морге. Знакомый Вовчика, им уже предупрежденный, провел меня внутрь. Тело мне не показали, зато показали записи, сделанные патологоанатомом. У нее не оказалось никаких повреждений, кроме ужасной травмы затылка. Отдельным пунктом было указано, что перед смертью Аленька не была изнасилована. Уголовное дело закрыли сразу после возбуждения: четверо свидетелей видели, как Аля внезапно выбежала из-за стоявшего автобуса.

Я продал "девятку" Ефима Аркадьевича, благо, генеральную доверенность имел давно. Тут же, на рынке, приобрел потрепанную, но еще крепкую темно-зеленую "четверку" с длинным накрышным багажником. Затем нанес визит на дачу и сломал замок Ефима Аркадьевича на дверях мастерской. Разобранная на две части "В-94" легла на дно огромного багажного отсека "четверки".

На ближайшем рынке купил листы легкого утеплителя. Набил ими багажный отсек, похоронив в глубине оружие. Еще два листа привязал к верхнему багажнику. Теперь я вряд ли у кого-нибудь вызову подозрение.

Напоследок полистал атлас. Выбрал северный путь: Казань, Ижевск, Пермь. Городок господина Глинского был севернее Екатеринбурга, и мне так было удобнее. Еще раз послушал работу двигателя, покачал "четверку" на амортизаторах.

Пожалуй, все. Поехали.

Кузьма последние два дня прожил беспокойно. О смерти девчонки он узнал на следующее утро, и, с точки зрения закона, она его никак не взволновала. Эта ненормальная девка добровольно пришла, не под конвоем, и так же добровольно ушла. Какие претензии? Но он усилил свою службу наблюдения, выяснив у Вепрева все, что тот знал об этом человеке, Сергее Велегурове. Полученная информация не успокаивала, но, по крайней мере, давала основания к действиям. Шесть лучших специалистов Кузьмы буквально круглосуточно рыскали по городку, пытаясь по словесному портрету выявить московского гостя, если таковой все-таки объявится.

И — не зря старались ребята. Ему сообщили по сотовому о подозрительном фраере на зеленой “четверке”, рожей сильно смахивающем на искомое описание. Это было уже четвертое подобное сообщение, но все они были проверены лично Кузьмой: слишком важными могли быть последствия ошибки.

— Номера — московские? — спросил он сексота.

— Нет, нашего региона, — доложил “топтун”.

Кузьма решил лично проверить “наколку”. Он переоделся, нацепив сверху свою старую телогрейку. Древние “кирзачи” ног тоже не украшали, но зато не выбивались из имиджа. Кепку Кузьмин позаимствовал у сторожа. Двухдневная щетина тоже смотрелась естественно. Вряд ли кто-то узнает в бывшем зэке нынешнего замдиректора, ворочающего миллионами. Оставшись доволен своим новым видом, Кузьмин сплюнул через левое плечо и решительно направился к двери.

...Одного взгляда на хмурого водителя загруженной утеплителем “четверки” хватило: это он! И Виктор решил. Подошел к Сергею, и, улынувшись, тихо сказал:

— Браток, у меня для тебя кое-что есть.

— Не балуюсь, — буркнул сразу насторожившийся Сергей.

— Я не про это, — заискивающе заулыбался Кузьма. — Хотя и это есть. Я про другое.

— Говори или отваливай. — Велегуров не собирался вступать в длительные разговоры.

— Мы ведь знакомы, я не обознался? — перешел на шепот Кузьмин. — Помнишь пермскую пересылку? У тебя был “гоп-стоп”, так?

Его экспромт удался. Велегуров решил извлечь из ошибки мелкого блатного пользу и пополнить за ее счет свой информационный ресурс.

— Ну, — полуутвердительно ответил он.

— Я большой сейчас, мне одному не справиться.

— С чем?

— Такая “хата”! “Лавэ” чемоданами можно выносить. Охрану сняли вчера.

— Нет, у меня другие планы, — ответил Сергей, не теряя надежды вывести “урку” на интересующие Велегурова темы. Но “блатной” вышел на них сам.

— Ты бы дослушал! У этого Глинского добра до крыши.

Велегуров вздрогнул. Удача сама шла в руки. Правда, подозрительно легко и быстро.

— Мой сосед у него в охране служил, но сейчас сняли охрану, — горячо шептал “блатной”. — Местных на это дело не подписать — боятся. Слава Богу, тебя встретил. Это Божий знак!

— Ладно, обсудим, — согласился Велегуров. — Только где?

— Где хочешь, — сказал “блатной”. — Лишь бы не на дороге. На нас уже смотрят.

— Садись в машину.

Кузьмин открыл дверь и сел на переднее пассажирское место.

Доехали до окраины, благо, городишко был крошечный, "околозаводный".

— Почему дома пустые? — спросил Велегуров.

— Им по сто лет. Летом всех переселили в новый дом. А здесь будет коттеджная зона.

— Откуда ты знаешь, что здесь будет? — спросил Сергей.

— Сосед сказал. А ему — сам Глинский. Да вон уже и строить начали, — показал рукой "блатной".

В конце улицы, прямо у леса, строили два дома. Еще один, на холме, практически в лесу, уже был построен, и, похоже, даже обжит. По крайней мере, электричество к нему провели.

— Это Глинского и есть. Видишь, никого. И так круглые сутки.

— А где ж он сам? — спросил Велегуров.

— У него еще городская квартира. Там и живет.

В этот момент ворота единственного законченного коттеджа открылись, и оттуда выехала "сузуки-витара".

— А говоришь, никого, — усмехнулся Велегуров, развернул "четверку", доехал до крайнего заброшенного дома и свернул налево, в проулок.

— Пошли в дом, — сказал он "блатному". — Чтоб в машине не "светиться".

— Пошли, — согласился тот.

Кузьмин шел впереди. Сергей — сзади.

Домишко, хоть и полуразваленный, оказался на замке. А беседовать на ветру не хотелось.

— Сейчас я его сковырну, — сказал "блатной", доставая из разбитого временем сапога "фомку". Он долго ковырялся с замком, а Сергей неожиданно понял, что его беспокоило: от "зачуханного" "блатного" исходил очень слабый — но уловимый в безветренном закутке — запах дорогого одеколона! Он попытался выхватить пистолет, но не успел.

Потому что Кузьмин нанес удар. Со всего маху. Если бы не шапка, сильно смягчившая удар, то второго, скорей всего, не понадобилось бы.

Велегуров потерял сознание и свалился под ноги победителю.

Кузьмин проверил его подмышки — там оказалось пусто. Обхлопал рукава, карманы. И не зря: из правого рукава извлек острейшую маленькую — "метательную" — финку, а из левого кармана — большой "Вальтер".

Парень оказался действительно с амбициями, но против Кузьмина ему еще рановато.

Велегуров пришел в себя. Снизу вверх он спокойно смотрел на Кузьмина. Виктор чувствовал, что парень не боится ни его, ни смерти. Это расстраивало мысли, так как для получения информации обязывало искать нестандартные ходы.

— А мы с тобой похожи, — вдруг сказал Кузьма.

— Чем же? — преодолевая боль в затылке, спросил Велегуров.

— Ты не боишься за себя. И я не боюсь за себя.

— А за кого ты боишься? — спросил Сергей.

— За моего друга, — честно ответил тот. — У меня больше никого нет.

— Глинского, — с опозданием понял Велегуров.

— Коляна, — согласился Кузьма. — Он не должен ничего знать.

— Ты о чем?

— Он не знает про девчонку. Колян считает, что она доехала нормально. Зря ты сюда прикатил. Это был несчастный случай.

— Несчастный случай, — усмехнулся Велегуров. — Ладно, кончай мороку.

Кузьмин тяжело вздохнул. В этой жизни не раз приходилось делать то, что не хотелось. Он засунул в карман "П-38" и достал из сапога нож, в два раза больше "финки" Велегурова и уж, конечно, намного привычнее, наклонился к Велегурову и получил в живот, шею и лицо всю обойму из маленького "ПСМ", который исхитрился достать раненый Сергей.

"Все повторяется", — безвольно думал Велегуров, не в силах высвободиться из-под упавшего на него тела Кузьмина.

Его стошнило. "Сотрясение мозга средней тяжести", — спокойно поставил себе диагноз Сергей, выбрался из-под стонущего Кузьмина, забрал у раненого свой "Вальтер" и финку и, преодолевая головокружение, поплелся к машине. Уехал вовремя — на улице встретил несшийся на большой скорости в сторону заброшенного дома джип. Его водитель, не притормаживая, успел бросить взгляд на велегуровскую "четверку". "Машину придется бросить", — с сожалением подумал Сергей.

Подчиненный, Семен Кулик, застал своего босса в весьма плачевном состоянии. Около тела крови было немного, но, посчитав входные отверстия, Семен ужаснулся. По всему выходило, что пугающий всех Кузьмин уже не жилец.

Раненый сильно задыхался, и Семен понял, что он что-то хочет сказать. Нагнувшись, Кулик разобрал только слабое "зови Коляна". Но и этого было достаточно. Семен набрал на сотовом известный, но обычно запретный номер Глинского. Тот ответил сразу.

— Николай Мефодьевич, у нас беда. Кузьмин тяжело ранен.

— "Скорую" вызвал? — спросил Глинский.

— Нет. Думаю, не нужна ему "скорая". Он вас кличет.

— Где вы?

— Рядом с вашим коттеджем, от города первый дом по Лесной, направо. С красной трубой.

— Сейчас буду. Перевяжи его.

Через семь минут Глинский был на месте.

— Кузьма, ты что тут учудил?

— Я умираю, — сказал Кузьма.

— Брось. В первый раз, что ли? — неубедительно возразил Глинский.

— Не мешай, — с усилием зашептал друг. — Дай сказать. Та девчонка погибла. Машиной сбило.

— Какая? — не понял оглушенный Николай.

— Из “Змеи”. Из пансионата. Я не трогал ее. Клянусь! Она убежала в лес. Я не трогал ее, веришь? Это ее парень меня... Берегись его... Он за тобой... Я ухожу. Прости меня, если сможешь.

Умер Кузьма в больнице. Через семь часов. В присутствии не отходившего от него Глинского и врачей. В сознание так больше и не приходил, ничего больше не сказал.

23. Велегуров, Береславский, Глинский. Урал

Ближе к вечеру я совершил визит в так притягивающий меня коттедж. Несмотря на мои ожидания, это оказалось крайне простым делом. “Легенда” у меня была качественная: я собрался на часок стать электриком и кое-что подделать в бассейне. Даже сумку с инструментами купил и рабочий комбинезон. Думал, буду обманывать “быков” Глинского. Но его покойный друг оказался прав: охрану в коттедже сняли.

С 19.30 до 20.15 я уже все провернул: проверил электропроводку в бассейне, заодно подключив третью сверху ступеньку трапа к фазе 380 В. Хотя облицованную голубым изразцом, уходящую в воду лесенку и трапом-то зазорно называть. Впрочем, для меня важным было лишь наличие металлической хромированной обрешетки между плитками изразцов. Для чего ее положили — неясно. Может, чтобы ноги не скользили. Главное, что теперь каждую отдельно взятую ступеньку можно было сделать орудием возмездия. Кстати, перила оказались изолированными от ступенек. Тоже хорошо: никого случайно не зацепит.

Закончив работу, вытер вспотевший лоб: в помещении было тепло и очень влажно.

Уже на выходе едва не столкнулся нос к носу с... Береславским! Если б вовремя не заметил подлетевшую “ауди” со свежесподбитым правым крылом, то и в самом деле столкнулся бы. И так еле успел отскочить и переждать, пока он войдет в ворота.

Незнакомого прежде Береславского челядь встретила с уральским радушием. Накормили, обогрели, оставили ожидать хозяина. Попутно объяснили, что у Глинского сегодня печальный день: от рук неизвестного злодея погиб его друг детства и компаньон.

“Я, пожалуй, знаю имя злодея”, — пронеслось в мозгу совсем расстроенного Ефима.

Николай Мефодьевич пришел лишь через два часа. Очень усталый и весь ушедший в себя.

Он приветливо поздоровался с гостем, предложил пожить в его коттедже столько, сколько Береславскому захочется, но на высказанные им предостережения ответил очень скупое: “Знаю”, отказавшись от дальнейших обсуждений. Все беседы отложил до утра, сославшись на крайнюю усталость.

Ефиму ничего не оставалось делать, как до утра и попоцаться.

Расчет был прост: быть все время рядом с мишенью. Каким бы ни был Велегуров снайпером, ручки должны задрожать. Не станет же он стрелять в друга! Береславский был уверен в этом.

Но и я понял дьявольский замысел своего бывшего шефа, хотя вряд ли он догадается “разрядить” бассейн. А секунды тикали неостановимо. На моих “Командирских” — было ровно семь часов. До часа “X” оставалось пятнадцать минут. Самого тяжелого ожидания, которое я проводил, сидя на дереве и обозревая весь участок.

Неожиданно в бассейне, стоявшем сбоку основного здания, включился свет. Что бы это значило?

Действительность превзошла все мои ожидания. Я чуть не застонал. В зал с ванной бассейна вошел... мальчишка! Не нужно быть сильно мудрым, чтобы понять: пацан — сын Глинского.

Я не опасался убить ребенка: все в один голос говорили, что он панически боится воды. Но на его глазах электрические судороги скрутят его папашу!

Надо было что-то придумывать. А в голове метались лишь обрывки мыслей. И — слабая надежда, что щенок все-таки уйдет.

Но щенок вовсе и не думал уходить. Более того, подошел к бортику, долго смотрел на воду. Потом, — о, Господи! — начал медленно раздеваться!

Вот он снял последний носок. Осталась только майка, вряд ли парень станет купаться без плавок. А значит, у меня — пять, от силы десять, секунд.

Голова, хоть и поздно, заработала. Вот он, щиток, хорошо освещенный прожектором. Чуть ниже моего “гнезда”. Не так уж и далеко. Но нет никакой гарантии, что в щитке я попаду в жизненно важную деталь. По крайней мере, с первого или со второго выстрела. Больше — просто не успею. Значит, надо стрелять в изолятор. Диаметр цели — максимум сантиметров двенадцать. И самое поганое — герморазъем не очень хорошо освещен: на него бросает узкие тени большая антенна на крыше коттеджа.

Я затаил дыхание и плавно нажал на спуск...

Мне не нужен был контрольный осмотр мишени. Я знал, что попал. Знал, хотя не видел. Да и что я мог видеть, теряя сознание и скатываясь по ветвям вниз? Но в эти краткие мгновения мне было спокойно.

Этот мальчик списка не пополнил.

Когда погас свет и громко закричал Вадька, Береславский рванулся на крик, с ужасом поняв, что Велегуров снова убил ребенка. Но Вадька был абсолютно цел и невредим. Только сильно напуган.

— Я хотел искупаться, — всхлипывал он в руках Ефима. — Вдруг — выстрел, и свет погас. Он стрелял в меня, да?

— Нет, малыш, — ответил едва успевший перевести дух гость. — Если бы он стрелял в тебя, он бы в тебя и попал.

Глинский, услышав слова Ефима, мгновенно выключил прихваченный с собой мощный фонарик.

— Вы думаете, это он? — спросил гостя хозяин.

— Не сомневаюсь.

— Что он хотел этим сказать? Что за странное покушение?

— Пока не знаю. Я прошу у вас полчаса. Тридцать минут. Всего-навсего.

Ефим, на ходу одевшись, выбежал на улицу. Входного отверстия от пули в стеклах не было, и он, вооруженный фонарем хозяина, искал стрелка по наитию.

— Сере-о-га! — вопил Береславский. — Се-е-рый!

Никто не отзывался.

Тем не менее, ему понадобилось не больше оговоренного срока, чтобы найти лежащего в беспмятстве, обездвиженного Велегурова.

— Серега, очнись! — орал Ефим Аркадьевич, хлопая друга по щекам и смачивая лоб снегом. Никакого эффекта.

Потеряв терпение и, опасаясь, что промедление погубит Сергея, он неловко подхватил тело. Это было непросто. Ноги Сергея оставляли в глубоком снегу два неровных следа. На дороге стало чуть легче. Особенно, когда к ним подбежал Глинский.

Что было после выстрела — не помню. Помню только, что — попал. Иначе бы умер сразу.

Похоже, повторяется приступ, сваливший меня в “Зеленой Змее”. Все болезни от нервов.

Помню, как меня втащили в коттедж. Ефим и, похоже, сам Глинский. Помню шефа, подносившего к моим губам то минеральную воду — когда рядом стояла приехавшая вскоре строгая дама в белом халате, — то фляжку с коньяком, когда официальная медицина оставила позиции.

— Что дальше? — спросил я Ефима, когда мы остались одни.

— Будем жить, — как всегда философски буркнул мой бывший шеф.

— А надо?

— А тебя будут спрашивать? — вопросом ответил он.

Потом они совещались в соседней комнате. Я слышал голос Глинского и шефа, но особого желания узнать о своем будущем не испытывал.

— Мы едем в Мерефу, — наконец объяснил Береславский.

По мне — все едино. Лишь бы не в пустую квартиру. И не в госпиталь, откуда одна дорога — в “психушку”.

Ноги мои не двигались, что, впрочем, меня почему-то не беспокоило. Странно, но мне было спокойно. Бездвижное тело обеспечивало подобие покоя душевного. И еще — я не убил мальчика.

Они снова зашли вдвоем, завернули меня в одеяло, и, как сверток, вытащили на улицу. Там уже стоял огромный “мерседес”.

Мощная машина плыла по зимней дороге. Я то дремал, то безучастно смотрел в окно. Потом меня опять сморило.

Очнулся от колокольного звона, спокойного и светлого. В окне проплывали белые стены и башни.

— Что это? — вроде бы громко спросил я. Но услышал только рядом сидящий Ефим.

— Мерефа, — наклонившись к моему уху, спокойно ответил он.

И Глинский, примыкая к нашей “беседе”, повернулся ко мне с переднего сиденья.

— Поживете здесь недельку-другую, — дружелюбно сказала моя недавняя мишень.

— Зачем? — тихо спросил я.

— Когда нас рожают, нас не спрашивают, — усмехнулся Глинский.

Колокола ударили в последний раз, и все вокруг замерло. Машина остановилась. В открывшуюся дверь хлынула струя свежего морозного воздуха.

— Приехали, — сказал Ефим.

А я, впервые после Алиного ухода, почувствовал радость. От того, что моя последняя операция не задалась. И, может быть, от того, что то ли колокола, то ли свежесть морозная вселили в мою душу нечто, сильно напоминающее надежду.

Может, она действительно умирает последней?

Эпилог. Полгода спустя. Урал

Покрытая свежей майской зеленью земля прогрелась и забыла минувшие холода. Белые храмы и стены снова сверкали на солнце, но уже не зимним, белым и холодным блеском, а с теплыми, мягкими оттенками. Желтым — от солнышка. И непонятным, но тоже приятным, ласковым — от зелени разнотравья, от радуги полевых и высаженных монахами цветов, от синего неба и темно-голубого озера.

Это — Мерефа. Хоть сто раз приезжай сюда, каждый приезд она будет другая. И каждый раз — лучше прежнего.

Из белой запыленной “ауди” с московскими номерами вышли сразу пятеро: Береславский с женой (он еще с зимы обещал показать Наталье уральское чудо), двое парней в военной полевой форме — Вовчик с Велегуровым. И пацан, неловко тянущий правую ногу. Его большие глаза были еще более увеличены тяжелыми очками с толстыми, сложенными из двух стекол, линзами. Федька, Алин брат.

Велегуров долго раздумывал, что делать с Федькой, к которому успел привязаться, и пришел к единственно правильному выводу. Он не должен сам воспитывать парнишку. На Федьку он переписал квартиру и все свое необширное имущество, включая новенькую “десятку”. Если с Велегуровым что-нибудь случится — а при его профессии такое исключать нельзя, — Алин брат не останется неприкаянным. Завещание заверено и хранится у нотариуса.

Сначала Велегуров почти согласился с предложением Береславского. Тот хотел забрать мальчика к себе. У него уже была приемная девочка, а где одна, там и второй, объяснил ему чадолюбивый шеф. Наталья, его жена, не возражала: она тоже почувствовала вкус полноценной семейной жизни и всерьез подумывала о том, чтобы бросить работу, благо, денег в семье хватало. Потом Сергей передумал. Он вспомнил неделю, проведенную в Мерефе, и мальчишек, носившихся по монастырю. Шеф — хороший мужик, но Велегурову почему-то показалось, что болезненному и мечтательному Федьке в Мерефе будет лучше, чем в шибутной семейке Береславского.

За воротами гостей встречал отец Антоний. Широкая борода и черная одежда неузнаваемо изменили облик Глинского. На фоне старинных башен он казался пришедшим из средних веков. Картинку, правда, смазывал сотовый телефон последней модели, утопавший в его огромной руке.

— С благополучным прибытием! — приветствовал новый наместник Мерефы приехавших.

— Здравствуйте, Николай Мефодьевич! — первым ответил Береславский, еще не переваривший такое перевоплощение Глинского. Остальные, получив благословение, приложились, как положено, к руке священника.

Глинский был рад возможности показать воскресшую Мерефу и минут сорок водил их по территории. Уже поднялись из руин странноприимные палаты и братский корпус. В последнем в сталинские времена были камеры смертников. Теперь — жили представители сильно расширившейся братии.

Практически было завершено восстановление надвратной церкви. До зимы отец Антоний планировал закончить реконструкцию внутреннего убранства второго крупного храма монастыря. Прежний наместник, отец Всеволод, воспользовавшись

новыми возможностями, даже нашел несколько икон, семь десятилетий назад вывезенных из храма. По счастью, про них забыли, и они так и пролежали в запасниках одного из провинциальных музеев.

Потом гостей покормили монастырской едой. Трапеза не была роскошной, однако пища оказалась, несмотря на простоту, очень свежей — все выращено самими монахами, и вкусной — здесь уже была заслуга нового послушника, поменявшего пост шеф-повара модного московского ресторана на покой и уединение Мерефы.

После трапезы приступили к главному разговору.

— Так вы возьмете Федьку, Николай Мефодьевич? — спросил Береславский, еще не оставивший до конца идею увеличить число своих домочадцев. Федор стоял здесь же, настороженно вертя своей крупной головой. Большие, не по возрасту толстые, очки посверкивали при каждом повороте.

— Конечно, возьму, — ответил Глинский и ласково положил ладонь на стриженный затылок мальчика. — Что ты любишь, сынок? Рисовать любишь?

— Нет, — тихо ответил Федька. Ему было не по себе. Он с большим удовольствием остался бы у Береславского, но, привыкнув слушаться Алю, теперь перенес это послушание на Велегурова.

— А петь? У нас — замечательный хор.

— Я не люблю петь.

— А что ты любишь?

— Цветы растить. И деревья.

— А ты пробовал? — улыбнулся Береславский, ревниво ощутивший, что Федьку ему все-таки не отдадут.

— Вот у нас и попробует, — обрадовался настоятель. — У нас тут такие профессионалы есть! Даже кандидат биологических наук, ботаник. Тебе будет, у кого поучиться.

— Хорошо, — первый раз улыбнулся Федька. — Только...

— Ну что ты замолчал? — поощрил его отец Антоний. — Говори, что думаешь.

— Как я буду к Але ездить?

— Мы хотели обсудить это, — сказал Велегуров. — Можно ли привезти Алю сюда, в монастырь?

— Перезахоронить, — задумался настоятель. — Мне надо уточнить. Это непросто, но, думаю, возможно.

Настоятель позвал сына, до этого лихо носившегося в компании других пацанов. Они здорово выделялись среди степенной, одетой в черное, братии, но странное дело, не казались чужеродным элементом внутри монастырских стен.

— Это — Федя, — сказал Глинский. — Он будет здесь жить. Станет твоим другом.

— Отлично, — обрадовался Вадька, по-свойски обнял за плечи слегка оробевшего пацана и потащил его к друзьям.

— Все, — добавил настоятель. — Дальше они сами разберутся.

— Кто из Федьки вырастет? — задумчиво протянул Велегуров. — С его болячками жизнь простой не будет.

— Жизнь простой вообще не бывает, — мягко поправил его настоятель. — И не должна быть. Кто из него вырастет — не знаю. Насилия не будет точно: дорогу выберет сам.

Береславский с Натальей и Вовчик отошли полюбоваться видами Мерефы, оставив Велегурова наедине с настоятелем.

— Вы возвращаетесь в армию? — спросил священник.

— Уже вернулся, — улыбнувшись, ответил Сергей.

— По специальности?

— А что я еще умею, — посерьезнел Велегуров.

— Может быть, стоит научиться? — осторожно поинтересовался Глинский.

— Не стоит, — сухо ответил Сергей. — Каждому — свое. Мне вообще не хочется об этом говорить. — Извинившись, Велегуров повернулся, чтобы догнать своих.

— Если вдруг захочется, приходите в любой час, — бросил вдогонку настоятель.

Велегуров остановился, развернулся и медленно подошел к Глинскому.

— А если б Вадька погиб, вы бы меня простили?

Лицо Глинского побелело. Он даже глаза прикрыл, концентрируясь.

— Простил бы, — через несколько секунд произнес священник. — Простил бы. Мы все должны научиться прощать.

— А я вот пока не умею, — печально пожаловался Велегуров.

Потом гости уехали. Глинский долго стоял в воротах, до тех пор, пока "ауди", ведомая уверенной рукой Ефима, не скрылась за первыми соснами бора. Он мысленно благословил пассажиров уже невидимого автомобиля, развернулся и пошел в палаты. Надо было помочь Федьке адаптироваться. А еще — ускорить ремонт помещения, где посетители разливали в привезенные с собой бидоны святую воду. И еще надо было договориться с учителями, чтоб и летом позанимались с монастырскими детьми — среди них были те, кто пошел в первый класс в двенадцать лет. А еще надо решить вопрос с закупкой новой посуды. И лекарств для медпункта. И подготовить встречу с новыми хозяевами их завода. Она будет теплой — в этом отец Антоний не сомневался, — но подготовиться следует по всем правилам.

В новой жизни у отца Антония было не меньше дел, а, может, и больше, чем у Николая Мефодьевича Глинского — в прежней. ■

Галина КАЛИНИНА

"Что вы не знаете о жизни?"

Ребенок-подросток — поистине наказание для родителей. Взаимопонимание, штиль в отношениях с ним внезапно сменяются бурями и штормами. Что же происходит с детьми в этом возрасте? Почему они вдруг становятся грубыми, неуправляемыми, непредсказуемыми? Об этом мы разговариваем с преподавателем кафедры клинической психологии Университета Российской академии образования, сотрудником Государственной академии инноваций, медицинским психологом Николаем ПОДХВАТИЛИНЫМ, который уже знаком читателям "Смены" по публикации "Не один в поле воин" (ноябрь, 2001 г.).

Николай Васильевич в своей практике особое внимание уделяет скрытым резервам организма, которые кроются в возможностях человеческого мозга. Оназывается, особенности его развития определяют и характер, и... очередность возникновения возрастных проблем.

Подростковый период — ключ к решению (и созданию!) многих "взрослых" проблем. По мнению психолога, период этот не только труден, но и поистине судьбоносен. Подхватилин привел из своей практики пример на этот счет. Однажды пришедшая к нему на прием женщина с порога заявила:

— Заставьте моего ребенка бросить пить!

За ней покорно плелся парень лет двадцати. Николай Васильевич, пригласив их сесть, предложил рассказать, в чем дело. Парень не стал препираться с властной мамочкой, спойнойно объяснил, что действительно запойно пьет, неоднократно кодировался в разных клиниках, даже ездил в Феодосию к Довженко. После очередного кодирования писал подписку — мол, знает, что, выпив хотя бы каплю водки, сразу умрет.

— Через полторы недели после подписки купил бутылку водки, — вспоминал он, — зашел в реабилитационную приемную "Снифа", куда "скорые" подъез-

жают. Открыл бутылку, налил стакан, положил руку на звонок около двери и выпил.

— А зачем палец на звонок держал? — поинтересовался психолог.

— Если б действительно умирать стал, позвонил бы, что б отначали, — пояснил 20-летний алкоголин. Судя по всему, его мало трогало то, что сидевшая рядом мать едва сдерживала рыдания.

Подхватилин начал работать с ними. Вскоре выяснилось одно обстоятельство. В подростковом возрасте мальчишка полюбил девушку, и она ответила ему взаимностью. Но властная мама решила, что девчонка — не пара ее сынуле-отличнику, которому рано думать "об этом". Из лучших побуждений — а какая мать действует из худших? — она сделала все, чтобы разлучить молодых людей.

— Она закинула меня в армию, — вспоминал парень на приеме у психолога, — хотя я вполне мог бы поступить в "бауманну", но тогда бы мы оказались со Светной на одном курсе. Моя мать так невзлюбила ее, что убедила меня: только в армии из меня сделают "настоящего мужчину", а таких, как Светна, у меня еще будет много.

История закончилась так, как хотела мать: ее сын расстался с той девчонкой. И теперь, сам того не осознавая, ...мстит

матери — пьет. И чем больше мать страдает, чем больше рыдает, тем с большим удовольствием он уходит в очередной запой.

Вот, оказывается, как сильно судьба человека зависит от того, что он думал, чувствовал, как поступал в старшем подростковом возрасте. Переход из школы во взрослую жизнь — один из ключевых моментов судьбы, и именно этому периоду, по мнению психолога, родители и учителя должны уделять особо пристальное внимание. Насколько готовы старшеклассники к ожидающей их "социализации", к вхождению в мир взрослых? Способны ли подростки самостоятельно принимать решения, достаточно ли у них навыков, знаний и желания самим строить собственную жизнь? Или они склонны избегать "взрослости" при помощи алкоголя? Боятся ли подростки "взрослого мира" или хотят смело шагнуть в него? И, главное, готовы ли они к такому шагу, насколько велика опасность, что он может оказаться для них шагом в бездну — в объятия наркомании, например? Для ответов на эти вопросы было проведено анонимное анкетирование школьников Москвы и Московской области. В опросе участвовали старшеклассники, а результаты его дают пищу для размышлений и прогнозов.

Николай Подхватилин показал мне несколько диаграмм, построенных им на основе анализа ответов школьников. Одну группу ответов он озаглавил словом "Интерес". По его подсчетам, 20 процентов учащихся продемонстрировали интерес к предстоящей взрослой жизни, они к ней

готовятся и стремятся, она их не пугает. Другие ответы — их 5 процентов — психолог озаглавил словом "Рацио". Эти подростки оценивают свои перспективы очень трезво и рационально, без лишних эмоций. А вот что касается остальных заполнивших анкеты школьников (7 процентов ребят оставили вопросы без ответов), то тут выводы психолога неутешительны...

По мнению Подхватилина, 25 процентов отвечавших на вопросы не хотят задумываться над грядущим. Их ответы он назвал одним словом — "Уход". 20 процентов — это "Настороженные" — те, кто смотрит вдаль с некоторой долей тревожности, с опаской. И, наконец, фаталисты. Их 23 процента. Они заранее настроены на то, что в жизни ничего хорошего их не ждет. Их ответы на диаграммах Николая озаглавлены словом "Плохо". По словам психолога, именно эти 68 процентов подростков ("Уход", "Настороженные" и "Плохо") являются потенциальными наркоманами и алкоголиками. Это не значит, что все они непременно начнут пить и колоться, но такие ребята предрасположены и к алкоголизму, и к наркомании. Ничего себе, "группа" риска — почти две трети старшеклассников...

— У этих 68 процентов подростков, — рассуждает Подхватилин, — не сформированы внятные представления о реальной жизни и тем более — способы поведения в ней. Иными словами, они не знают, как реализовать себя в этом мире. С помощью другого вопроса — "Что вы не знаете о жизни?" — мы выяс-

няли направление ближайших познавательных интересов школьников.

Это открытый, как говорят специалисты, вопрос. Он не уточняет область знаний, точнее незнаний, которая волнует подростка. Свобода выбора проблемы — за ним. Какую же область выбрали подростки: деньги, проблемы профессионального образования или, может быть,.. смысл жизни?

Более половины ответов ребят — 51 процент — так или иначе связаны с психологией, взаимоотношениями людей, философией, религией. Насколько я понимаю, это те подростки, которые пишут, что не знают "как устроен мир, что происходит после смерти", не знают "о людях, а хотелось бы разбираться в них", которых волнует, "что такое свобода". 42 процента опрошенных озабочены "социализацией" — они говорят о нехватке житейского опыта, навыков выживания. Судя по диаграмме Подхватилина, семь процентов ребят интересуется житейская экономика — заработки, престижная работа, выгода...

— Ответы школьников чаще сопровождаются сетованиями "трудно", "тяжело", "непонятно", чем утверждениями "интересно", "любопытно", "привлекательно", — рассуждает Николай Васильевич. — Естественно, такое отношение к жизни не вызывает интереса к ней. Школьники не горят желанием действовать и стать хозяевами судьбы. Из их ответов можно сделать определенный вывод: большинство подростков настораживает вступление во взрослую жизнь. Обычно

пугает то, чего человек не знает, а старшеклассники не знают, чего они хотят, не знают себя. Поэтому у ребят так ярко выражена потребность в знаниях о психологии человека, о мироздании... Подростки очень любят разговоры на психологические темы, поскольку такова одна из ведущих психических функций этого возраста.

— Николай Васильевич, а что такое "ведущая психическая функция" данного возраста?

— Начнем с того, что наш мозг развивается неравномерно. Упрощенно говоря, к определенному моменту заканчивается формирование одних отделов мозга и начинается более бурное развитие других. Это происходит примерно в год, три, семь, четырнадцать лет... И в каждый период между этими возрастами (от года до трех, от трех до семи...) у человека меняется характер и способ восприятия действительности — в зависимости от развития тех или иных отделов мозга. Например, с годика до трех лет ребенку интереснее всего наблюдать за тем, как общаются мама с папой. Иными словами, ведущая "психическая функция" этого возраста — ролевое взаимодействие. Если же ребенка в это время заставить учить английский язык, то он по-английски, конечно, заговорит, но впоследствии у него появятся очень большие проблемы при общении с людьми противоположного пола. Жизнь не обманешь.

А с трех примерно до семи-восьми лет ребенок учится взаимодействовать с миром предметов: исследует растения, бабочек, игрушки, что связано с раз-

витием соответствующих отделов мозга. Это возраст почему-чек. Ребенку надо играть в этом возрасте, а не математику учить по настоянию родителей. Человек должен пройти все естественные стадии психического развития — наиграться всласть, даже подраться со сверстниками в подростковом возрасте... Когда говорят о школах раннего личностного развития, где малыши учат интегралы чуть ли не с пеленок, меня просто бросает в дрожь. ...“Взрослым” мы можем называть человека только после того, как сформирован мозг. Его развитие завершается к 15-16 годам с созреванием лобных долей.

— Каково их назначение?

— Их функция — контроль. Когда созревают лобные доли, у человека появляется возможность контролировать себя — свои мысли, чувства, поступки. Когда же ребенок научается контролировать себя, то есть отвечать за себя, тогда он и становится “взрослым”. Подростковый период развития человека — последняя возможность повлиять на формирование его личности, характера. Так что интерес в этом возрасте к психологии, философии, религии не случаен — он связан с формированием лобных долей мозга, с возникшей потребностью подростка контролировать себя. А чтобы делать это, надо знать себя — кто я? Вот почему подросткам так важно понять, кто они в этом мире. Одно из последствий этого интереса то, что ребята становятся... легкой добычей разнообразных религиозных и псевдо-психологических сект. Там обычно под раз-

ными соусами дают надежду на получение знаний, которых подростку так не хватает, знаний, которых ему не дали ни семья, ни школа.

— Что же делать?

— Родителям важно знать, что желание ребенка познавать философию, психологию, религию не только похвально, но и “опасно” — чревато его попаданием в секту, как я уже сказал. Я бы посоветовал, если есть такая возможность, хотя бы познакомить подростка с различными религиями мира, провести по ним некий экскурс. Почаще приглашайте в гости его друзей, поощряйте домашние диспуты на философские, психологические темы — пока ребенок не пошел обсуждать это в какую-нибудь секту. Во дворе, в компании сверстников он вряд ли об этом будет говорить — начнут подтрунивать, но все, что касается мироздания, Бога, бытия, старшим школьникам, повторяюсь, судя по опросам, очень интересно. И они должны обрести эти знания до того, как наркотики поманят их призрачной возможностью ответов на все вопросы жизни.

Кстати говоря, есть в проблеме самопознания еще один существенный момент. Все познается... в сравнении. Чтобы понять себя, подросток должен себя с кем-то сравнивать. И тут возникает парадокс, в который мамы и папы никак не могут “врубиться”. Почему ты берешь пример с кого-то с улицы, а не с нас — умных родителей?! Ответ простой: родители — старые. И ребенок, естественно, идентифицирует себя не с ними, а со сверстниками. С ними он и хочет се-

бы сравнивать. Он полагает, что родители не дают ему самовыразиться, насильно сдерживая в оковах своего "стариковского" воспитания. Отсюда агрессия подростка.

При этом ребенок идентифицирует себя не только со сверстниками, но и с миром. Подросток — маленький философ. Он хочет познать не только себя, но и свое место в мире, который он исследует эмпирически — "трогает" одно, потом другое. Это — колется, то — жжется, и он заново открывает для себя мир человеческих отношений... Любое "асоциальное", с точки зрения взрослых, поведение сам подросток рассматривает, скорее, как... исследовательское.

— А какова главная особенность ребенка в этом возрасте? Агрессия?

— Личностная нестабильность. В нем борются противоположные черты и устремления, определяя противоречивость характера и поведения. Настроение подростка колеблется между невероятным оптимизмом и самым мрачным пессимизмом. В этот период школьники начинают вести дневники, составляют программы саморазвития, самовоспитания. Они стремятся ко "взрослым типам" поведения времени.

Ребенок впитывает образцы и эталоны "взрослости" и подраживает их под себя. Ему хочется, чтобы окружающие относились к нему не как к маленькому, а как ко взрослому человеку. Не встречая такого отношения к себе, ребенок в наших глазах становится... "трудновоспитуемым", грубым. Иногда, стремясь к са-

мостоятельности, он буквально "отпихивает" от себя людей, завоевывая себе "место под солнцем". А так как поблизости обычно оказываются близкие люди, то подросток начинает именно с них, не осознавая, почему он это делает. Он яростно пытается огрывать некоторые сферы своей жизни от вмешательства взрослых, потому что хочет жить чем-то своим. Иногда причины хамского поведения подростка понять не так уж и сложно: "Зачем ты грубишь? Хочешь быть круче всех? А для кого?..."

— Как смеются подростки, когда речь заходит о сексе, "привет от дедушки Фрейда"? — Хочет быть самым крутым, чтобы девчонки ахнули?

— Да, прямо по Фрейду: выясняется, что парень "выделяется" для привлечения внимания девчонок. Идет гормональная перестройка организма, очень велик интерес к противоположному полу. Чем он чреват? Как ни странно, он провоцирует подростковое курение и алкоголизм. Курящей девчонке кажется, что она выглядит более современно в глазах мальчишек. А те, в свою очередь, замечают, что в нетрезвом виде они могут вести себя более раскованно. (Оставляю за рамками нашего разговора то, что дети видят на улицах и по телевидению.) Если подросток заметил, что на дискотеке молодые люди ведут себя "отвязно" друг с другом и в состоянии наркотического опьянения легко достигают желаемого от девчонок, то он приходит к убеждению, что наркотик — хороший способ сближения с противоположным полом. Умные родители вместо

чтения нотаций сыну учат его, как не краснея разговаривать с девочкой на свободные темы, как не обидеть ее. Учат говорить "нет" и распознавать тех людей, которые используют совесть, как плетку, для достижения своих целей.

— С этим-то и взрослому порой справиться трудно, а уж подростку... Ну что бы вы ответили, например, на такое: "Па-а-слушай, Колян, гадом будешь, если не найдешь денег на "травку". Мы с тобой столько дружили, а ты подлецом оказался, не хочешь мне помочь..." Кому же хочется прослыть "подлецом", бессовестным человеком, который подвел друга?

— Да можно придумать десятки вариантов ответа! Например, так: "А ты что, Иисус Христос, чтобы меня морали учить?"

— Неплохо.

— Подростков интересует психология и сексуальных отношений. Да, они друг перед другом хорохорятся, что все знают и все умеют, но на самом деле это не так. Спросите их, сколько длится половой акт. Типичный ответ мальчиков — "три-пять минут". Говорю им, что девочки ответили — "восемнадцать лет". Парни не смеются, ждут объяснения. Объясняю. Перед тем, как согласиться на интимные отношения, девушка думает, что может родиться ребенок и будет ли он красив, на что она будет жить и как она будет растить маленького... У нее это обязательно проносится в голове. Именно этим объясняется "несовременность" некоторых женщин в подходе к "постельному процессу". Хорошо бы рассказать подрост-

кам — не назидательно, а в "жанре" констатации фактов — о трудности излечения венерических заболеваний и о стоимости антибиотиков. Поверьте мне, иногда достаточно продемонстрировать одну таблетку стоимостью в тысячу рублей, чтобы настроение в классе кардинально изменилось. Постоянно приходится слышать о том, что подростки такие-сякие: они-то и агрессивные, и невоспитанные, они старушкам место в автобусе не уступают. Но, может, стоит задуматься о том, почему так происходит? Прежде чем опозорить (и обозлить) подростка перед всем автобусом, читая ему мораль, полезно сначала вспомнить: у ребят идет мощная гормональная перестройка в организме, и потому они очень быстро устают. Поверьте им, это действительно так.

Когда у ребенка наступает подростковый возраст, мудрые родители запасаются терпением. Ему хочется самостоятельности, и они стараются доверять ему какие-то важные дела, разговаривать с ним как бы на равных.

— Ага, как бы на равных. А ребенок чувствует, что с ним играют, что его на равных-то как раз и не воспринимают.

— Общаться с детьми действительно на равных — большая родительская ошибка. Расскажу случай из своей практики. Однажды женщина привела ко мне дочь с сильным неврозом. На мои расспросы дама отвечала, что у них с дочерью замечательные отношения, нет никаких проблем. Только вот у дочери почему-то тик — щена дергается. Но-

гда я попросил женщину выйти из кабинета, ее дочка рассказала мне вот что. Оказалось, мама переваливает на дочь свои проблемы. То есть она советуется с ней действительно как со взрослой: "Решай, какие нам сюда обои купить", "А на день рождения нам пригласить этого дядю или того? Как скажешь, так и сделаем". Девочка привлекалась к решению проблем взрослых и постоянно напрягалась, опасаясь промахнуться. В психологическом плане передо мной сидела маленькая 10-летняя женщина, и было очень сложно объяснить маме, что так она может изуродовать ребенка.

На мой взгляд, построить отношения "на равных" — значит распределить обязанности, чтобы снять с себя и передать ребенку часть ответственности за него. Он должен сам отвечать за какой-то участок своей жизни. А по мере того, как дети из подросткового периода переходят в пору юности и взрослеют, опека родителей постепенно уходит из их жизни. Папа с мамой перестают контролировать ребенка и

становятся... справочным органом.

Пока же до этого далеко... По крайней мере, в семьях школьников, ответивших на вопросы психологов. Кстати, подросткам задавались и такие вопросы: "Вы всегда пытаетесь объяснить то, что вам непонятно?" "Как вы поступаете, если не можете что-то объяснить?" Оказалось, что более 80 процентов ответивших ребят хотят самостоятельно разбираться в возникающих вопросах, а вот собственные "познавательные стратегии", как говорят психологи, есть только у 17 процентов опрошенных. Самый обобщенный вывод, который сделал Николай Подхватилин из этого исследования, неутешителен: "У выпускников школ нет достаточных навыков и знаний для социального приспособления к условиям реальной жизни, для борьбы с искушением наркотиками. Если же говорить о готовности самим принимать решения, то здесь прослеживается явная тенденция к несамостоятельности". Нужны ли выводы? ■

**Светлана
БЕСТУЖЕВА-ЛАДА**

Почти каждую ночь Никита Андреевич просыпается с чувством горькой и незаслуженной обиды. Тихонько, чтобы не разбудить домашних, идет на кухню и курит одну сигарету за другой, в сотый, если не в тысячный, раз прокручивая в голове невеселую историю своего последнего официального брака. И в тысячный раз удивляется неожиданному и обидному финалу этого брака. Да и собственной жизни, наверное, тоже, если уж быть совсем откровенным.

Отношения Никиты Андреевича с женщинами завидовали все его друзья и знакомые. Не было случая, чтобы какая-нибудь дама отказала Никите во взаимности, а впоследствии доучала какими-то требованиями и претензиями. Даже если эти отношения перерастали в официальный брак — а таких случаев было за пятьдесят лет его жизни целых три, — все равно оставалось ощущение легкости и праздничности. Жены жили сами по себе, Никита — сам по себе, в собственной, большой, тщательно обставленной комнате старого, довоенного дома. Соседи ему не мешали — их практически не было. Дом столько лет предназначался не то на снос, не то на реставрацию, что новых

Чухонка И плейбой

жильцов не прибавлялось. А из старых в квартире доживала свой век одна-единственная старушка, ни во что не вмешивающаяся, ничем не интересующаяся.

Так что жил Никита Андреевич хотя и не один, но вроде бы как и один. Дамы посещали его сравнительно редко: он предпочитал к дамам ездить сам. Во-первых, потому, что пригласить даму к себе несложно, большого ума для этого не требуется, а вот сделать так, чтобы она вовремя ушла... Это не всегда просто. А во-вторых, комната в коммунальной квартире не слишком соответствовала тому образу светского, обеспеченного, беспроблемного человека — плейбоя, одним словом, который Никита Андреевич долго и любовно создавал и поддерживал в сознании окружающих.

Почему Лена поселилась у него, он и сам не совсем понимал. Конечно, двадцать пять лет разницы в возрасте — это лестно. Молодая любовница — явная или тайная мечта любого мужчины, даже образцового семьянина. А Никита Андреевич танковым не являлся, да и его последний по счету, третий официальный брак вот-вот должен был распасться. Никита странно, на сей раз Никита Андреевич, кстати, юрист по профессии, испытывал не столько облегчение при мысли о грядущей свободе, сколько раздражение, тревогу и вообще разные малоприятные чувства. Лена — юная актриса откуда-то из-под Выборга — появилась в его жизни очень кстати. И, чтобы избавиться от принципиально нового чувства одиночества, Никита Андреевич и предложил ей поселиться у него. Тем более что другого

жилья в Москве у Лены не было и не предвиделось.

И целый год наш плейбой занимался тем, что можно без особой натяжки назвать творчеством. Из невзрачной, закомплексованной провинциальной девчонки, совершенно никакой актрисы, делал Прекрасную Даму. Он учил ее буквально всему: ходить, говорить, улыбаться, правильно держать вилку. Выбирал наряды и украшения, прически и манияж. Помог устроиться в театр, где Лена раза два в месяц выходила на сцену с крохотной — две реплики и одна улыбка — ролью. В общем, сам вошел в роль Пигмалиона и вдохновенно ваял свою Галатею. Что, впрочем, не мешало ему добиваться благосклонности и других дам, у которых он нередко оставался ночевать, даже не предупредив свою "чухонку". Именно так Никита Андреевич всегда называл Лену за глаза — "чухонка". А если сердился на нее за что-нибудь, то и в глаза мог так назвать. Лена терпела безропотно, и если обижалась, то виду не подавала.

Через год новая игрушка Никите Андреевичу изрядно надоела. Тем более "чухонка" начала делать какие-то странные намерения на упорядочение их отношений, желание иметь ребенка, нормальную семью... Детей нашему плейбою уже давно не хотелось — хватало тех, которые родились от трех первых браков, нормальной семьи — тем более, потому что, с его точки зрения, нормой была как раз та жизнь, которую он вел до встречи с Леной. В довершение ко всему он познакомился с очередной очаровательной женщиной, верной женой и заботливой матерью, и решил, что отбить

ее у законного мужа будет забавно и приятно. Лена же при этом оказалась лишней.

Выгнать? Заманчиво, но некрасиво, а к тому же не вписывается в образ того же плейбоя, к тому же еще и юриста. О том, чтобы "чухонна" ушла сама, и речи быть не могло, да и уходить ей было некуда. Нинита Андреевич разработал сложнейшую комбинацию, инсценировал свой отъезд в командировку и постарался, чтобы об этом стало известно одному из его приятелей, давно уже бросившему на Лену нежные взгляды. И через несколько дней застал грешную парочку на месте преступления, после чего предложил неверной любовнице собирать вещи и выметаться. Этот этап его жизни казался завершенным, можно было начинать новый.

Верную жену он, разумеется, обаял и почти что отбил, но... В самый ответственный момент почувствовал, что вступать в очередной брак не хочет, не может и вообще надоело. А жить с новой пассией в так называемом сожительстве не получалось: женщина соглашалась только уйти от одного мужа к другому, амплуа любовницы ее не прельщало. К тому же с уходом Лены выяснилось, что она прилагала немало усилий к поддержанию в доме безукоризненного порядка. Ни одна временная подруга заниматься домашним хозяйством не желала, все жаждали только удовольствий. Или нужно было жениться. Заколдованный круг.

И вот в один из вечеров, когда на душе у Никиты Андреевича было совсем мутно, а беспорядок в комнате казался особенно мерз-

ким, раздался телефонный звонок. И хорошо знакомый голос Лены попросил о помощи. Ей снова было негде жить — любовник, обретенный с подачи Никиты Андреевича, оказался подонком и скупердяем. Если можно было бы пожить у него недельку-другую, выход из положения наверняка нашелся бы. Сейчас же у нее был только один вариант — Нинита. Второй предполагал прыжок с крыши высотного здания или в мутные воды Москвы-рени.

Вопреки своему основному житейскому принципу — "не разогревать вчерашний суп", — Нинита Андреевич согласился приютить несчастную бездомную. То ли потому, что испытывал все-таки определенное чувство вины за им же самим подстроенную измену, то ли потому, что возраст давал о себе знать и срывать цветы удовольствия становилось все труднее и, если честно, скучнее. При Лене же можно было, с одной стороны, не стесняться, а с другой — пользоваться всеми благами налаженного быта. Правда, возобновлять любовные отношения он не намеревался: хорошенького понемножку.

Не намеревался, но они возобновились помимо его желания. Если молодая и привлекательная женщина хочет любви и ласки, находясь ночью в одной комнате с мужчиной, то добиться этого не представляет ни малейшего труда. Так что возвращение Лены стало ее первым маленьким триумфом.

А спустя несколько месяцев, в которые превратились "неделька-другая", была одержана и вторая победа: Нинита Андреевич согласился жениться на "чухонне", пре-

дупредив, правда, что ни о какой прописке в его комнате и речи быть не может. Иначе пусть ищет себе другого мужа. Лена — сама кротость и беспомощность — согласилась с этим условием беспрекосовно, хотя могла бы и понапризначать, и "покачать права". Чем приятно порадовала своего любовника-жениха, который и жениться-то на ней решился только потому, что Лена ждала ребенка. По ее словам. И, по ее же словам, избавляться от беременности не собиралась.

Мужская душа — потемки. Как Никита Андреевич, опытный юрист и вообще неглупый человек, не проверил заявление своей подруги, почему поверил ей на слово, почему, наконец, не настоял на том, что лично ему никакой ребенок не нужен, — все это так и осталось загадкой. Почему он побоялся жениться на очаровательной, интеллигентной женщине, влюбленной в него без памяти и уж несомненно порядочной, а решил сочетаться браком с другой, в порядочности которой у него уже появились достаточные веские причины сомневаться, — тоже тайна. Впрочем, если бы мужчины совершали только разумные и объяснимые поступки, доброй половины истории человечества не было бы вовсе.

Свадьба состоялась, но ребенка, ради которого все это было затеяно, Лена так и не родила. Потому что ни единого дня не была беременной и поймала любовника на уловке старой, как мир. Которая тем не менее достаточно часто срабатывает. Никита Андреевич взбеленился, целый месяц с молодой супругой даже не разговаривал и вообще решительно со-

брался разводиться. Но... не развелся. Еще один вопрос, на который друзья и знакомые так и не получили тогда внятного ответа. Почему не развелся с откровенной обманщицей? Да нипочему, не развелся — и все. Никита Андреевич сам себе не признался бы, что его пассивность объяснялась привычкой к чисто убранной квартире, вкусному домашнему обеду и ежедневным свежайшим рубашкам. Плюс привычкой к молодой и привлекательной женщине, никогда и ни при каких условиях не отказывавшей ему во вполне определенных радостях.

А потом даже думать о разводе стало некогда. Дом, наконец, определили к капитальной реконструкции, и немногих оставшихся в нем жильцов стали срочно расселять по отдельным квартирам. Никите Андреевичу повезло: его не отправили к черту на кулички в один из новых спальных районов столицы, а предоставили жилье практически на соседней улице, в одном из дореволюционных домов, который уже подвергся перестройке. Так что однокомнатная квартира по общей площади была практически равна современной двухкомнатной, а высота потолков, толщина стен и капитальность дверей-окон вообще не шли ни в какое сравнение с нынешним жильем, пусть и трижды улучшенной планировки.

Разумеется, все это великолепие досталось Никите Андреевичу не за прекрасные глаза. Понадобилось задействовать все связи, потребовать с кого-то выполнения старых обязательств, а на себя, соответственно, взять несколько новых. Оставалось только оборудовать кухню по послед-

нему слову техники и сделать из заурядных совмещенных сантехнических удобств храм комфорта и роскоши. А потом справлять новоселье.

Увы, человек предполагает, а Бог располагает. Или наоборот, не важно. Важно в данном случае только то, что Никите Андреевичу так и не удалось вкусить утренний кофе на шикарной кухне и не пришлось воспользоваться дорогостоящими импортными помывочными устройствами. Накануне предполагаемого новоселья он обнаружил, что ключи от нового жилья... не подходят к двери. Да и дверь была другой, нежели накануне: стальной, массивной, непробиваемой. А в прежнем жилье не нашел ни молодой супруги, ни ее вещей. Лишь на следующий день он сумел понять, что же произошло.

"Чухонка" оказалась более чем способной ученицей. И в положении любовницы, и обретя статус законной жены, она немало слышала всяческих случаев из богатышей адвокатской практики Никиты Андреевича. И постепенно составила план действий — не столько хитрый, сколько беспредельно наглый. Почти обреченный на успех. Самым трудным в этом плане было добиться той вожделенной московской прописки, в которой ей супруг, проявив все-таки некоторую предусмотрительность, так решительно отказал. Впрочем, Лена прекрасно обошлась без его согласия и, заручившись поддержкой кого надо и заплатив кому надо сколько следовало, прописалась наряду с Никитой Андреевичем в его новой квартире. А поскольку давно уже имела привычку платить натурой,

то и стоило ей все это не слишком дорого. Основные деньги понадобились на то, чтобы поставить сейфовую дверь. И превратить квартиру в неприступную крепость, куда пускать кого-то еще она совсем не собиралась.

Оторопевший Никита Андреевич попробовал пригрозить нахалке выселением с помощью милиции. Но "чухонка" только весело рассмеялась: за два года совместной жизни в ее распоряжении оказалось столько милых секретов супруга, что именно ему иметь дело с правоохранительными органами было бы, мягко говоря, неудобно. Например, вовремя сунутая взятка — и значительное смягчение приговора подзащитному. Или решение спорного дела о наследстве в пользу более щедрого клиента. Или... Да мало ли таких "милых" секретов может быть у любого не слишком цепетильного адвоката! Никита Андреевич попробовал договориться добром, то есть предложить совместное проживание на прежних условиях. Но и этот вариант молодую женщину, всегда, как оказалось, предпочитавшую своих ровесников, а не пожилых мужчин, категорически не устроил. Соглашалась она только на одно: Никита Андреевич покупает ей жилье — пусть хоть комнату в коммунальной квартире, а за это она дает ему развод и передает ключи от его же законной собственности.

Пока в старом доме не отключили электричество и тепло, Никита Андреевич проводил невеселые и не слишком комфортные ночи в своей прежней комнате. Но без годами собиравшейся библиотеки, без телевизора, да и во-

обще почти без мебели это пристанище вгоняло его в жесточайшую депрессию. Прежние подружки, когда-то мечтавшие видеть его своим гостем на неопределенно долгий срок, не спешили давать приют человеку, оказавшемуся нынче не плейбоем и суперменом, а самым обыкновенным растяпой, которого молодая провинциальная щучка так лихо обвела вокруг пальца. Бесконечно пользоваться гостеприимством немногих друзей было невозможно: все они были женаты, и их жены не слишком любили Никиту Андреевича, вечно находившегося в поиске романтических приключений и склонявшегося к тому же их собственных мужей. А зарабатывать деньги на жилье для жены-поганки можно было только хорошо отдохнувшим и благополучным, а уж никак не в том полувздернутом, полудепрессивном состоянии, в котором оказался бывший плейбой.

Крохи утешения были получены им от одной из прежних жен, которая решила помочь соседке по даче устроить личную жизнь, а заодно показать собственное благородство по отношению к экс-супругу. Она познакомила сорокалетнюю, не слишком красивую, зато кроткую и интеллигентную вдову с Никитой Андреевичем. У вдовы было два больших достоинства: квартира в Москве и дача. Впрочем, это в какой-то степени уравновешивалось наличием у нее вздорной старухи-матери, почти неуправляемого сына-подростка и полным отсутствием денег и умения их зарабатывать. В прежние времена Никита Андреевич на такую женщину и не взглянул бы. Увы, времена ме-

няются, и мы меняемся вместе с ними. Он переехал к Наталье Ивановне со всеми остатками своего имущества, мечтая только об одном: купить "чухонке" первую попавшуюся комнату и вернуться в свою законную квартиру. Поэтому работал как проклятый, не обращая внимания на бытовые неудобства.

Но Лена отназалась от первого попавшегося варианта. Впрочем, от второго, выбранного уже более тщательно, отназалась тоже. Не устроила ее и однокомнатная квартира на окраине — центр манил бывшую провинциалку значительно больше. Развод Никита Андреевич, правда, получил легко и быстро. Но... Лена получила возможность шантажировать его еще и тем, что, если он будет слишком на нее давить, она немедленно снова выйдет замуж и пропишет мужа в своей квартире. А в том, что она именно так и поступит, сомнений, увы, не возникло.

И вот уже год почти каждую ночь Никита Андреевич просыпается от острого чувства обиды и несправедливости. До рассвета курит на кухне, потому что в комнатах это делать категорически запрещается. И думает о том, что самую большую ошибку в своей жизни совершил не тогда, когда женился в последний раз, а тогда, когда из соображений тщеславия решил сделать из провинциальной простушки светскую львицу, и в этом занятии преуспел. Забыв о том, что простые люди часто оказываются куда сильнее сложных артистических натур, и поэтому в поединке "чухонка — плейбой" последний был просто обречен на поражение. ■

ТАНЦЫ МИНУС

О скандальности и порой циничных высказываниях Вячеслава Петкуна, лидера группы "Танцы минус" — ходят легенды. То он женится на Земфире, но в последний момент свадьба расстраивается, то он открыто посылает назойливого журналиста на пресс-конференции, то уходит в запой, а то, вдруг, после выпуска весьма успешного четвертого альбома объявляет о распаде группы...

фото **Н. Лебедева** и **О. Милашова**

— ПЕСНИ ПЛЮС

Одним словом, он — воплощение нигилизма, противостоящий целому миру отечественного шоу-бизнеса. Многие журналисты опасаются брать у него интервью, дабы не услышать о себе нелицеприятное. Я рискнула... Оказывается, за brutальной внешностью и грубой уверенностью в своей правоте скрывается тонкая душа романтика...

— *Давай с самого начала? Кто такой Вячеслав Петун?*

— Простой российский парень. Родился и рос в Петербурге... Еще у меня есть младший брат и сестра и очень много двоюродных и троюродных.

До 1992 года играл постановк в питерской группе "Тайное голосование". "Танцы минус" собралась года через три, и почти сразу же мы приняли участие в фестивале "Поколение 96". Там спели песню "Десять капель" и заняли четвертое место.

А летом 1996 года я с басистом Олегом Полевщиновым переехали из Санкт-Петербурга в Москву. Играли в клубах и записали дебютный альбом "Десять капель", синтез свинга, джаза и новой волны, примечательно, что использовали помимо синтезаторов сансофон и виолончель. Музыканты, участвовавшие в записи альбома, были питерско-московскими (нынешний состав группы формировался долго: сменился не один гитарист, басист. Из первоначального состава остался только я). О нас заговорили после того, как вышел "Сборник совершенно иной музыки У1" с песней "Город". На хит-параде композиция заняла третье место и зазвучала на радиостанциях. "Танцы минус" выступа-

ли на "Максидроме-99", в ДС "Юбилейный", в Лужниках на фестивале "Мегахайс"... Из нашего второго альбома "Флора/Фауна" уже четыре песни стали хитами...

— *Слава, несмотря на то, что "Танцы минус" называют лучшей российской рок-группой, слышала, у тебя к року вообще и к питерскому в частности особое отношение?*

— Питерского рока попросту не существует. Это музыканты, приехавшие из Уфы, из Харькова, из Свердловска... А настоящие коллективы северной столицы, коих достаточно много, не играют питерскую музыку. Получается, что сама субкультура, которая там существует, культурой города не является. Мне очень нравятся Tequilajazzz, "Нож для фрау Мюллер", "Кирпичи", Леня Федоров. А в Москве почему-то знают только Чиж и "ДДТ"...

— *Где тебе комфортнее — в Питере или Москве?*

— Состояния разные. В столице у меня бурная жизнь, всегда есть чем заняться, преимущественно серьезными вещами. А попадая в Питер, я расслабляюсь: встречаю давних друзей, знакомых, родителей.

— *Ты считаешь себя кумиром молодежи?*

— Нет, конечно, если ты имеешь в виду автографы раздавать на улице... Кстати, не всегда приятно. Мне становится смешно, когда в нашей стране начинают говорить о кумирах, звездности... Знаешь, какая самая распространенная присказка в кругах гитарных музыкантов? Звучит примерно так: "Деньги в кассу, культура в массу".

Понятно, что любому музыканту нужна красивая биография, но считаю, не надо пытаться значить больше, чем ты есть на самом деле. Все должно быть честно и естественно. Можно придумать красивую байку о себе, но зачем? Мы никогда не пытались подтолкнуть процесс своей раскрутки.

— А за что ты так не любишь журналистов?

— У меня масса претензий к ним. Часто они бывают некомпетентны в музыке, а рассуждают словно знатоки. Ты читала, например, журнал "Молоток" или "Нул"? Каким они языком пишут? В школах для отстающих детей, на мой взгляд, язык и то более сложный. Происходит некоторое отупение молодежи.

— Но именно ты у этой самой молодежи пользуешься популярностью. Пытаешься сам что-то делать, чтобы исправить ситуацию?

— Мне действительно тревожно за нынешнее поколение, хоть и избито звучит фраза. У меня есть племянник, и, когда я приезжаю в Питер, общаюсь с ним, заглядываю в его тетрадки, смотрю, в какие компьютерные игры он играет, что читает. И подчас становится жутковато. Конечно, мы пытаемся что-то сделать, но это крупницы. Я готов подписаться под любой реальной помощью, а не просто говорить... Да, мы помогаем детишкам, но я не хочу об этом распространяться. Считаю, что у всех музыкантов есть такая возможность, но не все почему-то ею пользуются. Дай хотя бы раз в год один благотворительный концерт, и уже будет реальная помощь.

— Недавно ты снялся в клипе с Пугачевой... Кстати, как это произошло?

— Довольно неожиданно. Часто слышал, что Пугачева не слишком хорошо обо мне отзывалась. А дело вот в чем. Алла Борисовна пожелала, чтобы в клипе был настоящий мужчина. И режиссер, видимо, обладая хорошим чувством юмора, выбрал на роль "настоящего мужчины" меня.

— В свое время тебе предлагали участвовать в постановке "Метро", но ты категорически отказался, дескать, мюзиклы не любишь. А сейчас репетируешь в русской версии французского мюзикла "Notre-Dame de Paris", по знаменитому роману Виктора Гюго...

— Мне досталась одна из главных ролей — Квазимодо, урод с добрым сердцем. Замечательная роль и, кстати, мне близка, потому что Квазимодо — этаний горбатый анти-секс-символ. А ведь мне все время пытаются приклеить ярлык "первого любовника". К тому же в мюзикле прекрасная музыка. Уже снят видеоклип на песню "Belle". В мае состоится премьера на сцене Театра оперетты.

— Слава, ты — арт-директор одного из модных столичных клубов. Означает ли это, что музыка для тебя стала не так важна?

— Я могу достаточно долго не писать, но иногда нанатывает на меня... Когда пишу песню, то в этот момент есть определенное понимание мною мелодизма, атмосферы, которую хочу донести, и естественно, "словосложение". В разное время у меня были и разные песни: я взрос-

лею, и вместе со мной — мое творчество.

— Слышала, ты рано стал самостоятельным человеком?

— Да, в 14 ушел из дома, снял комнату, помню, у работницы цирка. Стал зарабатывать деньги фарцовкой. А вообще, в своей жизни я занимался практически всем. Много учился, занимался музыкой и спортом. Мне все было интересно, даже рисовал. Когда взял в руки гитару, одновременно начал сочинять песни. Петь чужие не хотел, а хотелось поделиться своими чувствами, мыслями, переживаниями.

— Нание человеческие качества для тебя важны?

— Главное — отсутствие лицемерия, лести, лжи, а также умение слушать и понимать дру-

гих. Впрочем, даже в отрицательных качествах есть свои плюсы. Существуют такие люди, что ничего хорошего о них сказать невозможно, а я, тем не менее, могу найти с ними общий язык..

— А семьей обзаводиться не собираешься?

— К сожалению, имел печальный опыт. Мне тяжело говорить на эту тему, так как чувствую себя виноватым. Ни одна женщина, находящаяся рядом со мной, не оставалась довольна. Наверное, виной всему мой образ жизни, который я веду. Впрочем, что загадывать, посмотрим, как дальше будет. Судьба за нас все решит... ■

Беседовала

Ксения ЧЕБЫШЕВА.

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Обращаем ваше внимание на то, что во втором полугодии 2002-го года основная часть тиража "Смены" будет распространяться только по подписке. В связи с этим купить журнал в розницу будет почти невозможно. Если вы не хотите расстаться со своим любимым изданием, советуем продлить подписку.

Оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции. Цена одного номера 42 рубля, такая подписка дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции (по предъявлении удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 35 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-07, 212-15-17.

Наш адрес: Бумажный проезд, 14, Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

Звоните, пишите, приезжайте — мы всегда рады вам.

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

вниманию рекламодателей!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"
по телефонам
257-30-55, 257-31-37.**

**Приглашаем к сотрудничеству
региональные рекламные
агентства и менеджеров
по рекламе.**

ЗЕНИТ ZENIT

**марка,
проверенная
временем!**

**Зеркальные
фотоаппараты "ЗЕНИТ"**
**Панорамные
фотоаппараты "ГОРИЗОНТ"**
Объективы
Фотокомплекты
Фотопринадлежности

**Верность
традициям
качества
и надежности**

**Воронеж (0732) 77-73-14; Екатеринбург (3432) 71-46-61;
Иркутск (3952) 33-04-39; Красноярск (095) 563-56-07;
Красноярск (3912) 21-65-40; 23-57-21; Москва (095) 269-24-14,
933-59-59; Новосибирск (3832) 26-17-68, 66-52-98; Ростов-на-
Дону (8632) 40-95-91; Санкт-Петербург (812) 247-10-10;
Уфа (3472) 28-83-76**

ОАО "Красногорский завод им. С. А. Зверева"

Россия, 143400, г. Красногорск, Московская обл., ул. Речная, 8
тел. (095) 561-80-84, 561-89-26; факс (095) 563-42-65, 562-83-16
<http://www.zenit-foto.ru>

E-mail: kmz@zenit-foto.ru marketing@zenit.istra.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА (МИМБ)

при Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития и торговли РФ
Год основания: 1988

Сроки и формы обучения:

дневное обучение от 5 месяцев до 9 месяцев;
вечернее обучение от 9 месяцев до 1 года 6 месяцев;
заочное обучение от 9 месяцев до 1 года 3 месяцев.

Факультеты:

Специальный коммерческий – профессиональная переподготовка: специалист международного бизнеса (менеджер или экономист международного бизнеса).

Факультет профессионального обучения и повышения квалификации: менеджер по продажам (коммерческий работник) внешнеторговой фирмы, руководитель внешнеторговой фирмы, организация внешнеэкономических операций, международная торговля и проблемы присоединения к ВТО, работник хозяйственной службы заграничных фирм, юрист в области ВЭД, современные особенности осуществления экспортного контроля, экономиста и организация международной инвестиционной деятельности, иностранные языки, биржевой трейдер.

Сроки и формы обучения:

дневное — от 5 до 9 месяцев;
вечернее — от 9 месяцев до 1 года 6 месяцев;
заочное — от 9 месяцев до 1 года 3 месяцев;
Оказываются содействие в трудоустройстве.

Выдаются государственные дипломы, свидетельства, удостоверения.

Обучение платное. Вступительные испытания: собеседование. Прием заявлений в течение года. Проводится студенческий обмен с вузами США, Великобритании, Германии, Канады, Нигры; стажировка за рубежом.

Лицензия госмониторинга № 24п - 0162, сертификат тип РФ в области делового образования № 018
117330, Москва, ул. Мосфильмовская 35, стр. 1 (м. Нивевская, Университет)
тел: 143-85-75, 147-22-78, факс: 147-53-57
E-mail: MIB@COL.RU WWW.MIB.NM.RU
Ректор проф. В.М. Безденежных

МОСКОВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ им. МОССОВЕТА
готовит специалистов на базе ПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

ЛИЦЕНЗИЯ: серия СПОД. Регистрационный номер 004914. Код Г, от 13.10.1999 г.

Специальность	Сроки обучения		Вступительные экзамены
	Дневное отделение	Заочное отделение	
<i>Телевидение и искусство фотографии</i>			
Техник — базовый уровень Фотохудожник — повышенный уровень (после получения диплома базового уровня)	1 год 10 мес. 10 мес.	2 года 10 мес. нет	1) Химия (устно) 2) Рус. язык (тест на компьютере)
<i>Швейное производство</i>			
Техник	2 года 10 мес.	3 года 10 мес.	1) Математика (письменно) 2) Рус. язык (тест на компьютере)
<i>Моделирование и конструирование одежды</i>			
Конструктор-модельер	2 года 10 мес.	нет	1) Рисunek 2) Живопись 3) Математика (письменно) 4) Рус. язык (тест на компьютере)
<i>Экономика, бухгалтерский учет и контроль</i>			
Бухгалтер — базовый уровень Бухгалтер с углубленной подготовкой в области налогов и налогообложения (после получения диплома базового уровня)	1 год 10 мес. 10 мес.	2 года 10 мес. нет	1) Математика (письменно) 2) Рус. язык (тест на компьютере)
<i>Организация бытового обслуживания населения</i>			
Менеджер	нет	2 года 10 мес.	1) Математика (письменно) 2) Русский язык (тест на компьютере)

ОБУЧЕНИЕ В КОЛЛЕДЖЕ БЕСПЛАТНОЕ

Телефоны для справок: 212-00-33, 212-31-44 Проезд: станция метро "Белорусская" или "Динамо",
далее троллейбус 12, 20, 86, 70 до остановки Тостница "Советская" Адрес: ул. Расковой, дом 4.

ПРОИЗВОДСТВО БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

ЛУЧШАЯ БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ОПТО

426057, г.Ижевск
ул.М.Горького,90
тел.: (3412) 51-02-31
факс: (3412) 78-58-9

АКСИОН **ТНП**

e-mail: tnp@axiontnp.ru
www.axiontnp.ru

Вниманию подписчиков!

Во втором полугодии 2002-го года цена за один номер журнала — 42 руб., за три — 126 руб., полугодичная подписка — 252 рубля без стоимости доставки (смотрите каталог “Роспечати”, стр. 255).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

70820

(индекс издания)

“СМЕНА”

Количество комплектов

на 2002 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на журнал

70820

(индекс издания)

“СМЕНА”

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.

руб.

Количество
комплектов

на 2002 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной напечатающей запиской заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Закон истолкован превратно

"Мой муж — ветеран труда. После выхода на пенсию устроился подрабатывать в одну организацию. Его лишили права пользоваться поликлиникой, к которой он был прикреплен, когда работал, так как, якобы, эта льгота действует только для неработающих пенсионеров. Почему же в законе такая несправедливость?"

С. Королева, Московская обл.

Льготы в области социального и материального обеспечения для ветеранов труда установлены Федеральным законом от 2.01.2000 г. "О ветеранах".

В соответствии со ст.22 Федерального закона ветераны труда при выходе на пенсию сохраняют права членов трудовых коллективов предприятий, учреждений, организаций, в которых они работали до выхода на пенсию.

Одно из прав ветеранов труда — возможность пользоваться при выходе на пенсию поликлиниками, финансирование которых осуществляется за счет средств бюджетов соответствующих уровней и средств обязательного медицинского страхования, к кото-

рым указанные лица были прикреплены в период работы, а также право на бесплатное оказание медицинской помощи в государственных или муниципальных учреждениях здравоохранения.

Закон не содержит ограничений в пользовании данной льготой для работающих пенсионеров. Для сравнения — правом на бесплатное получение лекарств пользуются только неработающие инвалиды II группы, а не все лица данной категории. В связи с этим отказ в предоставлении вашему мужу медицинской помощи по месту его прежней работы не соответствует законодательству.

Если работодатель не доверяет медикам

"Меня уволили из школы по состоянию здоровья. Я не согласен с увольнением, так как, по заключению врачей, я трудоспособен и не представляю никакой опасности для окружающих. Действительно ли сейчас есть такое основание для увольнения?"

М. Назаров, респ. Башкортостан

В соответствии с п.п. "а" п.3 ч.1 ст.81 Трудового кодекса РФ трудовой договор прекращается по инициативе работодателя в случае несоответствия работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие состояния здоровья в соответствии с медицинским заключением. Как видно, несоответствие работника должности определяет не администрация, а медицинские специалисты. При этом, по смыслу закона, медицинское заключение должно касаться не состояния здоровья работника в целом, а возможно-

сти его работы на данной конкретной должности с учетом всех сопутствующих обстоятельств. Таким образом, если медицинская комиссия не установила противопоказаний для вашей работы в школе именно на той должности, которую вы занимаете, то увольнение было незаконным, и вы должны быть восстановлены на работе. Кроме того, ТК РФ предусматривает для таких случаев увольнения особый порядок: прекращение трудового договора по медицинским показаниям производится только в тех случаях, когда нет возможности перевода работника (с его согласия) на другую работу.

При увольнении работников образовательных учреждений следует учитывать, что Трудовой кодекс РФ содержит в гл.52 ряд особых положений, касающихся регулирования труда педагогических работников. В соответствии с ч.2 ст.331 ТК РФ к педагогической деятельности не допускаются лица, которым эта деятельность запрещена по медицинским показаниям. Перечни соответствующих медицинских противопоказаний, при наличии которых лица не допускаются к педагогической деятельности, должны устанавливаться федеральными законами.

В вашем случае, при наличии благоприятного медицинского заключения увольнение, скорее всего, было незаконным, и вам нужно обратиться в суд с иском о восстановлении на работе.

Отец в ответе за сына

"Несколько лет назад 13-летний соседский ребенок по своей

вине повредил мне глаз. Суд взыскал компенсацию с его родителей. Сейчас ему уже больше 20-ти, он работает. Можно ли переложить на него обязанность возместить мне вред?"

К.Еропов, Свердловская обл.

В то время, когда был причинен вред, отношения по возмещению вреда регулировались нормами Гражданского кодекса РСФСР. В соответствии со ст.450 ранее действовавшего ГК РСФСР за вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим пятнадцати лет, отвечают его родители или опекуны. При этом обязанность возмещения вреда не прекращалась с достижением виновником причинения вреда совершеннолетнего возраста.

В настоящее время закон, а именно ст.1073 Гражданского кодекса РФ, содержит несколько иные правила. В соответствии с ч.4 ст.1073 ГК РФ в том случае, если родители (усыновители), опекуны либо другие граждане, несущие ответственность за действия подростка, умерли или не имеют достаточных средств для возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, а сам причинитель вреда, ставший полностью дееспособным, обладает такими средствами, суд с учетом имущественного положения потерпевшего и причинителя вреда, а также других обстоятельств вправе принять решение о возмещении вреда полностью или частично за счет самого причинителя вреда. Данное положение действует на территории Российской Федерации только с 1 марта 1996 г., и, согласно ст.5 Федерального закона

от 26.01.96 г. "О введении в действие части второй Гражданского кодекса РФ", его содержание не затрагивает правоотношения, возникшие до этой даты. Кроме того, в соответствии с ч.1 ст.54 Конституции РФ закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

В вашей ситуации подлечит применению норма ст.450 ГК РСФСР, так как на тот момент законодательство не предусматривало возможности привлечения к гражданской ответственности причинителя вреда, достигшего совершеннолетия. Таким образом, платежи в возмещение вреда придется по-прежнему взыскивать с родителей виновника.

Передумавшие могут возвращаться

"Сразу после института устроилась на работу. Проработав некоторое время, получила приглашение в другую организацию и подала заявление об уходе. Через день приглашение было отменено, и я попыталась заявление отозвать. Однако директор отказался это сделать, сказав, что нашел на мое место другого работника. Неужели я потеряла и эту работу?"

А.Романец, Ярославль

Порядок расторжения трудового договора по инициативе работника установлен в ст.80 Трудового кодекса РФ. В соответствии с этой статьей работник имеет право расторгнуть трудовой договор, предупредив об этом работодателя в письменной форме за две недели. Если между работником и работодателем нет соглашения о прекращении

договора до истечения двухнедельного срока, то последующие две недели действие трудового договора продолжается. Расторгается договор только после истечения установленного законом срока.

Согласно ч.4 ст.80 ТК РФ до истечения срока предупреждения об увольнении работник имеет право в любое время отозвать свое заявление. В этом случае увольнение производится только тогда, когда на его место уже приглашен другой работник. Однако это должен быть не любой работник, а приглашенный в письменной форме и, кроме того, относящийся к категории лиц, которым в соответствии с Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами не может быть отказано в заключении трудового договора. В соответствии со ст.64 ТК РФ к таким работникам относятся, в частности, беременные женщины, женщины с детьми, а также работники, приглашенные в письменной форме на работу в порядке перевода от другого работодателя, в течение одного месяца со дня увольнения с прежнего места работы.

Таким образом, если принятый на ваше место работник не относится к вышеперечисленным категориям лиц, то вы можете вернуться на свое рабочее место. Для этого нужно обратиться с соответствующим иском в суд. Если же был приглашен работник из льготной категории, то вам, скорее всего, придется заниматься поиском новой работы. ■

Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
XI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

64. В. ШУМАРИН
 Москва

2

65. Е. БОГДАНОВ
 Украина

2

66. А. и В. КОЖАКИНЫ
 Магадан

2

67. Ю. СЕРЕЖКИН
 Саранск

б) n.f7-f5

3

68. Е. БОГДАНОВ
 Украина

3

69. В. ИВАНОВ
В. КОЖАКИН

б) n.e3-d6

3

70. А. СЫГУРОВ
 Самарская обл.

4

71. М. ЧЕРНУШКО
 Уссурийск

4

72. В. МОРОЗОВ
 Москва

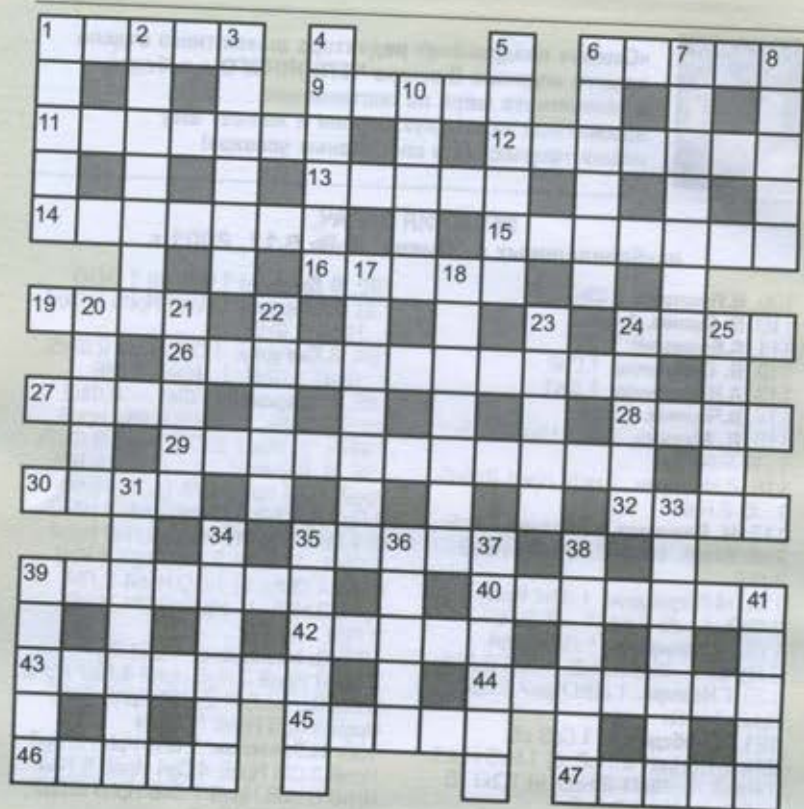
6

«Смена» поздравляет редактора шахматного отдела нашего журнала **Виктора ЧЕПИЖНОГО** с победой в чемпионате мира по составлению шахматных задач-двухходовок и желает ему новых творческих и спортивных успехов!

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ,
опубликованных в «Смене» №№ 9-11, 2001 г.

109. **В. Лукашев.** 1.Фb7
110. **В. Сухнев.** 1. Фе2
111. **А. Варицкий.** 1.d4
112. **В. Гребешков.** 1.Cb2
113. **А. Кошельков.** 1.Фа1
114. **В. Черных.** 1.Фg7
115. **В. Матэуш.** 1.Фс3 Нра2 2. Фс1,
1...Н 2.b4
116. **В. Козырев.** 1.Нрf2 Нре4 2.Фd6,
1...f3 2.Нрf3
117. **Н. Власенко, В. Иванов.** 1.Лс8
2.b6 2.Нd6, 1...b5 2.Нa5, 1...Нрb5
2.Лс5
118. **М. Марандюк.** 1.Фb4 Нрд5
2.Фс3, 1...d5 2.d4, 1...e5 2.Лb7
119. **М. Чернушко.** 1.Ла3 Нрb4
2.Лg3, 1...Фа3 2.Лa3, 1...c4 2.Лg5
120. **Г. Козюра.** 1.a8Н Нра7 2.c8С
Нрb8 3.Нс6х
121. **Л. Лебедев.** а) 1.Cd3 c5
2.Нс3, 1...Нрд1 2.Лb2; б) 1.Нс5 Нрb1
2.Нрb3, 1...Нрд1 2.Нd3; в) 1.Cb3 c5
2.Нс3, 1...Нрb1 2.Лd2
122. **В. Симонов.** а) 1.Нd1 Нрд1 2.Нf3;
б) 1.Нрb2 Нрд1 2.Нс3
123. **Е. Богданов.** 1.f6 Нрс4 2.Фf5,
1...Нрд5 2.Фd3, 1...Нрb6 2.Фb1,
1...d5 2.Фh7
124. **Л. Пронин.** 1.Фh5 Нрb7 2.Фb5
Нрс8 3.Фс6 Нрд8 4.Сh4х
125. **М. Матренин.** а) 1.Нс8 с3 2.Нd6
с2 3.Фe4; б) 1.Нd7 Нрс4 2.Нрс2 Нрb5
3.Фс5
126. **С. Илясов.** 1.Нрс4 e1Ф 2.Нс3
Нра3 3.Ла5, 1...c1Н 2.Лh3 Нd3 3.Лd3
127. **В. Наландадзе.** 1.Нd3 Нрд1
2.Нb4 Нре1 3.Лd1
128. **В. Ножакин.** 1.Сс3 Нрс7 2.d8Ф
Нрb7 3.Cd4, 2...Нрс6 2.Cg2
129. **В. Морозов.** 1.Фe6 Нh1 2.Нрс3
Нf2 3.Фe2 Нра2 4.Фс4 Нрb1 5.Нрb3
Ла2 6.Фf1 Нd1 7.Фd1х
130. **В. Шаньшин.** 1.Фа8
131. **М. Марандюк.** 1.Фf8
132. **В. Дячук** а) 1.Нd5; б) 1.0-0-0
133. **Е. Марнов.** 1.Нре4 Нрb5 2.Фd4,
1...Нрb4 2.Фd5
134. **А. Сыгуров.** 1.Сс2 Нрс4 2.Фe5,
1...Нрд5 2.Фс8, 1...Нре3 2.Фf8
135. **Г. Згерский.** 1.Фс1 — 2.Фb2
Нрс8 3.Фh8х, 1...Нрс8 2.Фf4 Нрд8
3.Фf8х, 1...Нра7 2.Фb2 Нра8 3.Фb7х
136. **Р. Ларин.** 1. а) 1.Лf1 — 2.Нf5
Нрг2 3.Сf3 Нрh2 4.Лh1х, 1...Нрh4
2.Лg1 Нрh3 3.Сg4 Нрh2(h4) 4.Нf3х;
б) 1.Лh5 — 2.Лf5 Нрh3 3.Не2 Нрh4
4.Лh5х, 1...Нрf4 2.Лf5 Нрг3 3.Не2
Нрh3 4.Лh5х; в) 1.0-0 Нрh4 2.Лf4
Нрh3 3.Нg5, 1...Нрh3 2.Лf4 Нрг3
3.Лg4
137. **В. Новаленко.** 1.Cd4 Лg4
2.Нрг4 Нрг8 3.Нg6 Нрh7 4.Не7 Нрh8
5.Нрг6х, 1...Лd7 2.Нd7 Нрh7 3.Нf7
Нрг8 4.Нg5 Нрh8 5.Нрf7х
138. **Н. Зиновьев.** 1.Сh3 Нрb8 2.Cg4
Нра8 3.Сf3 Нрb8 4.Cg4 Нра8 5.Не4
Нрb8 6.Нd6 Нра8 7.Сс8 Нрb8 8.Cb7
сd 9.Нрb6 d5 10.c7х
139. **В. Мельниченко.** 1. Нрf2
140. **З. Лабай.** 1.Фh8
141. **Р. Сурнов.** 1.Нd7
142. **Л. Лебедев.** 1.f7 Нре6 2.f8Л,
1... Нрf6 2.f8Н, 1...Нрг6 2.f8Ф
143. **В. Ножакин.** а) 1.Фe5 a3 2.Фс3,
1...Фа5 2.Фс7; б) 1.Фd4 g3 2.Фf6,
1...Нрh4 2.Фf2, 1...h4 2.Фf6
144. **Е. Богданов.** 1.Фh5 Нрс3 2.Фe2,
1...b3 2.Нb5, 1...Нрд3 2.Фe2
145. **В. Иванов.** а) 1.Нре6 с3 2.Нс2
Нрд3 3.Фg2; б) 1.Нрf4 d5 2.Нрг4
Нре4 3.Фс3; в) 1.Нрд3 f4 2.Фb6 f3
3.Нf7; г) 1.Фf7 Нрд6 2.Нрb5 Нре5
3.Нрс6
146. **В. Коновалов.** 1.Нd3 g5 2.Нf4 gf
3.Cg2 f3 4.Сh1 f2 5.Сf3 f1Ф 6.g5х
147. **Р. Ларин.** 1.Фa8 Нрh2 2.Фb8
Нрh1 3.Фg3 g1Ф 4.Фh3 Фh2 5.Фf1
Фg1 6.Лh7х

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Частная транспортная работа век назад на лошадях, а теперь — на автомобилях. 6. В коммуналке она общая, хотя нередко разобщает жильцов. 9. "Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши девчонки" на самом деле? 11. Первый шаг девушки к общедоступности. 12. Народное название женщины врача, целительницы. 13. Утка, умеющая плавать под водой. 14. Одна из любимых игр Л. Толстого. 15. Пример для подражания. 16. Поэт, создавший уникальную породу лошадей. 19. В литературных памятниках скандинавов есть Старшая и Младшая. 24. "Присобаченная" особа у А.Чехова. 26. Место постоянного адского труда. 27. Навар от мяса, рыбы. 28. Болотное сокровище. 29. Потворство мамоне. 30. Испанский художник, по-сатанински радостно воскликнувший "оле!", узнав, что франкисты расстреляли друга его юности поэта Лорну. 32. Свистит, не моргнув глазом. 35. Цар-

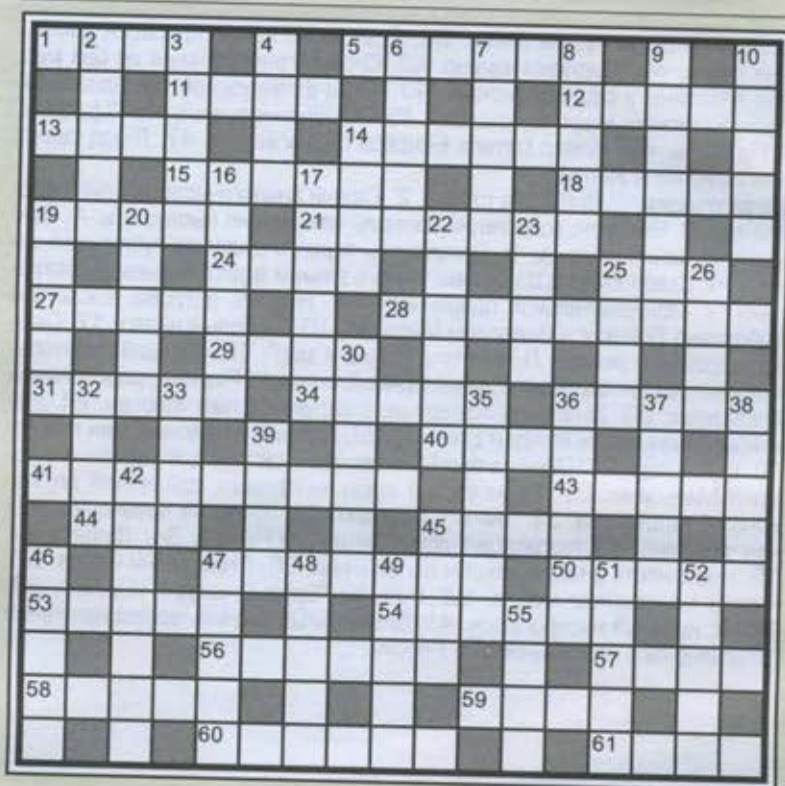
ство, у которого зуб на флору. 39. Едва ли не самая красивая домашняя птица. 40. Цыпленок-юниор. 42. Способ гравирования не без медной пластины и серной кислоты. 43. "Отец французской трагедии". 44. Австралийский зверь с клювом. 45. Изодранное жилье в "Цыганах" А.Пушкина. 46. Номер Остапа Бендера с самоваром. 47. Город севернее Найроби в Кении.

По вертикали. 1. Вспышка страха. 2. Самый энтологически чистый горючий газ. 3. Человек, говорящий больше, чем можно выслушать. 4. Вечный противник инерции. 5. Основатель первого русского публичного театра. 6. Ствол вместе с комлем, используемый в деревянном судостроении. 7. Исключительная одаренность. 8. Житель острова, воспетого Робертино Лоретти и Валерием Меладзе. 10. Торговый навар. 17. Главная героиня в романе Л.Толстого "Война и мир". 18. Русский писатель, чья настоящая фамилия Ильин; прямой потомок Рюрика, родственник Ансановых. 20. Золотой в поведении с окружающими человек. 21. Индейцы с киношным вождем Виннету. 22. Жгучий и красный, как пламя. 23. Еда, пища. 24. Один из портных, шивших костюм для Буратино в домике Мальвины. 25. Французский художник-фовист, дошедший до "наивного" творчества. 31. Тнань с блеском. 33. "Великая провиденциальная пружина, заставляющая действовать" (Э.Ренан). 34. Фронтоник. 35. Неверность в музыкальном исполнении. 36. Ставленник чугуна. 37. Чепуха на постном масле. 38. Русский "бравый солдат Швейк". 39. Фрукт, который насиропился. 41. Знаменитый зодчий, основоположник "итальянского классицизма" в России. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 1. "Юдифь". 4. Кость. 9. Хлебобоб. 11. Гризетна. 12. Чуни. 15. Мопс. 17. Увоз. 20. Чаща. 22. Сполох. 23. Зевана. 24. Цинк. 25. Репс. 26. Реомюр. 28. Яблоно. 29. Наре. 30. Хурма. 31. Дрын. 32. Наив. 33. Евле. 34. Звон. 36. Эсхил. 38. Йога. 40. Овьедо. 41. Кантус. 42. Фарс. 43. Торт. 44. Тришна. 47. Жеглов. 49. Силь. 51. Нити. 52. Арль. 53. Опал. 57. Заводила. 58. Редактор. 59. Попытка. 60. Начал.

По вертикали. 2. Делон. 3. Фабр. 5. Орех. 6. Тыква. 7. Ореол. 8. Титов. 10. Босх. 11. Груз. 13. Улица. 14. Искренность. 15. Морозильник. 16. ...понюх... 18. Верба. 19. Завоеватель. 20. Чародейство. 21. Щипцы. 27. Руссо. 28. Ямщин. 35. Враки. 36. Эдинт. 37. Лазер. 39. Гюрза. 45. ...Ширин. 46. "Аида". 47. Жанр. 48. Гладь. 50. ...нравы. 54. Проза. 55. Воск. 56. Икра.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Языковед, первый президент Ирландии. 5. Социальная теория столь же прекрасная, сколь и недостижимая. 11. ...Федорович — прозвище философа Гегеля в кружке Н.Станкевича. 12. Один из двух французских изобретателей фотографии, пришедший к открытию через увлечение литографией. 13. Квартирный холст для юного художника. 14. Русский писатель, особенно нравившийся А.Чехову описаниями природы. 15. Вызывающий, заносчивый приставала. 18. "...в лесу" — рисунок И.Шишкина итальянским карандашом. 19. Вихрь, который П.Вяземский называл тифоном. 21. Итальянский астроном, начавший называть лунные кратеры именами ученых. 24. Птица, хранительница айнов. 25. Тансист. 27. Предупреждающий термин, понинувший шахматы. 28. Третья в конце XIX вена после Дании и Германии страна по потреблению водки на душу населения. 29. Город, больше других пострадавший во время Великой французской революции. 31. Военные клещи. 34. Приспособление, держащее человека в подвешенном состоянии. 36. "Вековая пыль" руин, используемая египетскими феллахами как удобрение. 40. Снежная твердьня. 41. Простой и дешевый способ очистки русской водки. 43. Русская похлебка из гусиной или свиной крови и рассола из квашеной свеклы. 44. В Нагмынии —

ця, в Японии — тья, в Англии — ти, в Португалии — ... 45. Власть имущие, чьих приверженцев в Италии называли гибеллинами. 47. Житель острова, славного рождением Афродиты. 50. Танец для знойных женщин. 53. ...хабун — хранитель государства Сунотай в сиамской мифологии, в жертву которому приносили буйвола. 54. Инструмент, отвергаемый Афиной, так как игра на нем искажает лицо. 56. Название "толкучек" в больших городах Испании по мадридской снотобойне. 57. Ванная ступень к бодхи — просветлению — в буддизме. 58. Советский языковед, знаток синтансиса и славянских языков. 59. Хоннеист, окрещенный в Канаде "Русской ракетой". 60. Передник, основная одежда египтян в эпоху Древнего царства. 61. Исчезает в полдень, но только на экваторе.

По вертикали. 2. Мышиный рай под большим замком. 3. Религиозная доктрина, отвергающая промысел Божий и чудеса. 4. Надутый синоптик. 5. Птица, в поэме Навои "Смятение праведных" обвиненная во лжи. 7. Королевский чиновник в средневековой Франции, обладающий в округе военной, судебной и фискальной властью. 8. Китайское название города Нарашар на северо-западе Китая. 9. Голландская можжевеловая водка. 10. Рыбий мешочек с икрой. 14. Французский писатель, в 1930-е годы подражавший Вирджинии Вульф. 16. Напиток, любителя которого Э.Мане изобразил на одной из ранних картин. 17. Американский писатель, которого А.Н.Толстой в шутку отождествил с Джорджем Вашингтоном. 19. Государственная повинность крестьян и посадских людей на Руси в средние века. 20. Граница, за которой и впрямь можно запропасться. 22. Узбекская спортивная игра в мяч с клюшками. 23. Самый "низменный" американский журнал. 25. Вилла в горах где-нибудь под Женевой. 26. ...да иница — к ленивому плеть блинится (семинаристская поговорка времен бурсы). 30. Заливной корабль. 32. Человек не обязательно плохой, но обязательно старый. 33. Самый мелкий из диних быков. 35. Борьба, заниматься которой — значит говорить по-японски нестами. 36. Мария, чья отрубленная голова, когда ее поднял палач, поседела на глазах толпы. 37. Алгебраический двучлен. 38. Мудрость, вторая из десяти эманаций божества в аббале. 39. Отец — водевиллист, сын Анатолий — знаменитый юрист, а сын Евгений — юморист. 42. Меч всадника в войсках Александра Манедонского. 45. Игра с монрым мячом. 46. Крутой мыс, приобретенная скала, утес. 47. В Древней Греции — пифос, на Кавказе — ..., в Средней Азии — хум. 48. Парная к "До" гравюра Хогарта. 49. Один из могучих джинов, бравшийся, по Корану, принести Сулайману трон царицы Савской. 51. Архитектор, построивший в Лондоне Пантеон, соединивший черты римского Пантеона и константинопольского храма св.Софии. 52. Знаменитый эфиоп Абебе как спортсмен. 55. Божество в Коране, чей идол — лошадь. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 3. Жест. 5. Ключ. 9. Щукина. 11. Ахла. 12. Булатович. 13. Бусидо. 16. Венд. 18. Папаха. 21. Оранжерея. 23. Ангар. 26. Инсулин. 28. Драм. 29. Шпат. 30. Удобца. 31. Спин. 32. Змей. 33. Намолот. 34. Урон. 35. Цели. 36. Ораннад. 38. Антин. 41. Онисление. 42. Намарг. 45. Овца. 47. Бергли. 50. Ринодерма. 51. Пери. 52. Юргенс. 53. Яйла. 54. Эхин.

По вертикали. 1. Гуру. 2. Фифи. 3. Набо. 4. Соль. 6. Лавра. 7. Чачван. 8. Глина. 10. Угна. 13. Блондинка. 14. Сталагмит. 15. Дена. 17. "Трипитана". 18. Пяст. 19. Полумодий. 20. Ханой. 22. Енак. 24. Гривенин. 25. Ркацител. 27. Иден. 29. Шпор. 31. Слона. 32. Зрак. 34. Уног. 37. Нлее. 39. Неврев. 40. "Икария". 43. Манул. 44. Радо. 46. Крах. 47. Бэюн. 48. Рога. 49. Ленц.

Многие его картины — абстрактные композиции, импровизации, написанные в легкой, свободной манере. Подчас в них нет сюжета, действия, но всегда есть настроение, возвышенный романтизм, лиричность. Яркие, сочные краски, неониданное сочетание цветов совершенно непостижимым образом влияют на зрителя. Возникает чувство радости, появляется оптимизм... Кажется, что наша жизнь и на самом деле тиха, спокойна, и в ней нет места серости и мрачности, а, напротив, все сияет и переливается удивительным налейдоскопом. Да, собственно, такую за-

дачу и ставит перед собой художник: вовлечь зрителя в диалог, заставить посмотреть на мир с неониданной стороны, наконец-то, понять его и восхититься. "Думаю, что мои картины, — говорит Святослав, — помогают людям избавляться от накопившейся усталости, раздражительности, помогают заглянуть в свой внутренний мир, увидеть свет своей души". И все это художник передает не через изображение пейзажей, портретов или каких-либо предметов, а просто используя гармонию цвета. "Мне кажется, что именно язык абстракции имеет наиболее сильную возможность влиять на человека. Высвобождает его скрытые возможности, духовные и интеллектуальные потенциалы".

Святослав рано начал рисовать, лет в пять. Родители, заметив увлечение сына, определили его сначала в частную художественную студию, затем он учился в детской художественной школе при Суриновском институте. Завершал образование Святослав в Московском полиграфическом, на факультете графики. Еще в институте он увлекся живописью Малевича, Нандинского и особенно Рериха. Они-то и повлияли на его выбор творческого пути.

Композиции Святослава воспринимаются словно некий источник положительных энергий и эмоций. Они настраивают на умиротворение и помогают обрести в душе гармонию, ну хотя бы ненадолго. Для достижения подобного эффекта художник в своем творчестве обращается к философии загадочной для европейцев Индии. Изучал искусство, историю и быт уникальной страны. Но не по учебникам, а, так сказать, наглядно, уже побывав за последнее время в Индии семь раз. Посещал центр йоги, кстати, ею он занимался еще с детства, встречался с гуру, духовными учителями. Медитировал. "Считаю, что соединение восточной мудрости и современной авангардной жи-

Ритм фантазии.

Божественное благословение.

вописи довольно сильно влияют на человека. Заставляют задуматься о смысле бытия, понять свое предназначение в этой жизни. Обрести поной, стать добрее, терпимее..." Именно так и воспринимаются полотна художника. Да и сами названия их содержат некую мистическую таинственность, загадку, над которой хочется подумать, расшифровать. Вот, например, "Лунный свет, отражающийся в душе", "Сонровища священной горы", "Мгновение релаксации", "Хрупкое равновесие" "Я пытаюсь наной-нибудь краткой фразой или одним словом помочь зрителю войти в мир картины. Это своеобразный ключ к таинственным мирам. Возможно, названия и не нужны, ведь, в сущности, все, что художник хотел сказать, уже выражено в его образах... Однако, может быть, для кого-то мои размышления смогут открыть глубинные пласты бытия, помогут лучше настроиться и принять меня"

Анна ШЕРКУНОВА

ДУБЯНСКИЙ

- Лошади
- Амуниция
- Оборудование конюшен и проекты их строительства
- Снаряжение для ковки
- Ветпрепараты и ветоборудование
- Корма и кормовые добавки

ЭКВИРОС 2002

- Одежда и обувь для верховой езды и работы с лошадью
- Ипподромное оборудование
- Оборудование для проведения конных соревнований

4-Я ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНСКАЯ ВЫСТАВКА

с 14 по 19 АВГУСТА

WWW.EQUIROS.RU

МОСКВА, КВЦ "СОКОЛЬНИКИ"
ПАВИЛЬОНЫ 4, 4А, 4Б

ОРГАНИЗАТОРЫ:

Министерство сельского хозяйства РФ

СОКОЛЬНИКИ

Федерация конного спорта России

Ассоциация конноспортивных клубов

107113, Москва, Сокольнический вал, 1, павильон 4
тел./факс: (095) 105-3481, 268-7603, 268-7605, e-mail: arhipova@exposokol.ru